1 р. 10 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ
Юрий Юров

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ

Юрий Юров

КУРИТЬ
ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

...Всякий маленький обрывок бумаги, где имеется надпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции

Из Обращения
Центрального Комитета РКП(б)
об учреждении Института Ленина.
Правда, 1923, 8 июля.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ

Издание третье, переработанное и дополненное

Юрий Юров

Москва
Издательство
политической литературы
1980

13.5
Ю78

Юров Юрий Михайлович
Ю78 Путешествие по ленинской адресной книжке.— 3-е изд., переработ. и доп.— М.: Политиздат, 1980.— 376 с., ил.

Интерес массового читателя к документальным произведениям, рисующим образ В. И. Ленина, стиль работы создателя партии и Советского государства, продолжает с каждым годом расти. Такова по своему характеру и предлагаемая вниманию читателя книга.

...Записи, сделанные Владимиром Ильичем в его адресной книжке. Пометки Ленина на листках настольного календаря в его рабочем кабинете в Кремле. Ленинские телеграммы, записки... Прослеживая их содержание, автор «Путешествия по ленинской адресной книжке» Юрий Юров собрал большой документальный материал.

Третье издание книги значительно дополнено. Оно включает очерки из ранее вышедшей книги «Подписано Лениным», а также новые материалы.

Книга рассчитана на массового читателя.

Ю $\frac{10103-018}{079(02)-80}$ 127—80 0103000000 13.5 3К26

Заведующий редакцией *В. Д. Ветров*
Редактор *А. П. Колупаева*
Младший редактор *Л. Ю. Ялтанцева*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 2263
Сдано в набор 27.07.79. Подписано в печать 30.11.79. А00481.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 23,36. Учетно-изд. л. 25,23. Тираж 100 тыс. экз.
Заказ № 4180. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

ЧЕРТЫ ИЗ СВЕТЛОЙ ЖИЗНИ ВОЖДЯ

М. Л. Сулимова, член КПСС с 1905 года

Ленин общечеловечен, он живет в делах и думах всех народов, борющихся за ленинские идеалы, он сам — неиссякаемый светоч великих идей для всех людей Земли. Этим и объясняется всеобщее стремление глубже и шире познать Ленина, представить себе этого самого человечного человека, его жизнь и борьбу, научиться у него жить по-новому и бороться смело, решительно — по-ленински.

Каждая новая книга о Ленине встречается массами с огромной благодарностью, особенно если книга эта с убедительной достоверностью открывает людям новые черты характера Ильича, неизвестные страницы из его биографии.

К числу таких книг относится предлагаемая работа Юрия Юрова.

Документальная точность и вдохновенное исследование материалов — вот основные черты этой работы. Теперь читателю предоставляется возможность самому совершить «путешествие» по адресной книжке В. И. Ленина. Оно обещает много волнующих открытий и таких неожиданных встреч, что, уверена, каждый, кто возьмет в руки эту книгу, почерпнет много полезного, важного и незабываемого на всю жизнь.

Мне кажется, что эта книга, которую читатель держит сейчас в руках, убедительно показывает, как велик был В. И. Ленин в большом и в малом и как даже его адресная книжка может открыть нам большой и светлый мир Ильича.

В этой книге показаны не только чуткость, доступность и отзывчивость В. И. Ленина к товарищам и ко всем трудящимся, но и его требовательность и принципиальность.

Человек прекрасной души, он ненавидел пустое прекраснодушие без воли, без твердости.

Хочется пожелать, чтобы в «путешествии» по ленинской адресной книжке приняли участие самые широкие круги читателей.

ВАГОН ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ

Поздним апрельским вечером 1917 года к перрону Финляндского вокзала в Петрограде подошел скорый поезд № 12, прихода которого на привокзальной площади с нетерпением ожидали тысячи рабочих, революционных солдат, матросов.

Приехал Ленин!

Приехал, буквально вырвался из второй по счету эмиграции, в которой поневоле ему пришлось томиться многие годы.

Вместе с ним вступила на родную землю группа политических эмигрантов. Девятнадцать из них были большевиками.

Недели три спустя после возвращения Владимира Ильича Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов получил письмо из действующей армии. Писал солдатский комитет 8-й конноартиллерийской батареи: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший, по возможности, ответ» [1].

Причина «трений» крылась в той разнузданной травле Ленина и большевиков, вернувшихся вместе с ним из эмиграции, которую по указке Временного правительства вела мелкобуржуазная печать.

«Нас, социал-демократов, стоящих на точке зрения международного социализма, обвиняют в том, что мы проехали в Россию через Германию, что мы изменники народного дела, свободы, что мы подкуплены немцами,— говорил Ленин в своей речи на митинге солдат броневого дивизиона в Михайловском манеже 15(28) апреля 1917 года.— Кто это говорит? Кто распускает эту клевету и ложь?» [2]

Гневным обвинительным актом против Временного правительства и его союзников, продолжавших братоубийственную войну, прозвучала ленинская речь. Это они не дают возможности вернуться на родину социалистам, которые требуют положить конец мировой бойне.

Владимир Ильич напомнил здесь о постановлении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, принятом по докладу о проезде группы политических эмигрантов через Германию. Совет потребовал от Временного правительства принятия экстренных мер для беспрепятственного пропуска всех русских политических изгнанников, живущих за границей, в Россию.

Казалось бы, все ясно, но шарманка продажной печати, заведенная Милюковым, без конца твердит свое, повторяя, что-де нес-

проста германское правительство пропустило через территорию своей страны «запломбированный» вагон, в котором ехали Ленин и группа политических эмигрантов. Дескать, дыма без огня не бывает...

Этим и было вызвано обращение солдатского комитета 8-й конноартиллерийской батареи в Петроградский Совет. Письмо было переслано Владимиру Ильичу, и он начал писать ответ солдатам.

«...Вы спрашиваете в этом письме, «какого я происхождения, где я был, если был сослан, то за что? — писал Ленин.— Каким образом я вернулся в Россию и какие действия я проявляю в настоящий момент, т. е. полезны они (эти действия) вам или вредны» ...только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет» [3].

Закончить письмо, однако, Ленину не удалось...

Желание восстановить некоторые детали и обстановку, в которой проходил рейс «запломбированного» вагона, побудило меня в свое время начать поиски тех его пассажиров, которым посчастливилось сопутствовать Ленину. Их оставалось шестеро. Четыре москвича. К пятому я летал в Тбилиси. Встреча с шестым впервые состоялась в его квартире, на берегу Балтийского моря, в латвийском городе Лиепая.

Вот как все это было.

КТО ЖЕ БЫЛ ПРАВ?

Почти весь 1916 год и начало следующего Владимир Ильич жил в Цюрихе. Библиотеки этого города располагали богатыми фондами литературы, которая была необходима ему для завершения работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Летом 1916 года Владимир Ильич дописывает последние страницы книги. На очереди новые неотложные дела. Из-под его пера выходит серия программных статей. Он редактирует документы для ряда партийных изданий. «Теоретическая спевка» — вот лейтмотив его писем, которые он шлет партийным товарищам.

Эмигрантский образ жизни Ленина меньше всего похож на деятельность ученого-затворника. Его можно встретить на заседании Интернациональной социалистической комиссии в Берне, увидеть на собрании швейцарских левых социал-демократов в Цюрихе. Вдохновенный голос Ленина слышат делегаты съезда швейцарской социал-демократии, которых он приветствует от имени Центрального Комитета нашей партии.

На цюрихском горизонте появляются двое соотечественников, которые бежали из немецкого плена, переплыв Боденское озеро. Мог ли Ленин упустить такой случай и не познакомиться с этими ««живыми», эмигрантщиной не изъеденными, людьми», как он напишет о них Инессе Арманд, которая также жила в это время в Швейцарии, в Кларане.

Под свежим впечатлением от встречи с двумя новоявленными цюрихцами Владимир Ильич в том же письме Инессе Арманд живописует своих собеседников. Больше его привлекает воронежский крестьянин.

«...Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать...» [4]

Пробегут три с лишним года, и Ленин в записке на имя народного комиссара земледелия назовет имя воронежца, с которым он познакомился тогда в Цюрихе: Кондрат Михалев.

«...Хочет работать по тракторам.

Прошу его принять, поставить на работу, испытать на работе» [5].

Знакомству же с Лениным Михалев, как и его товарищ по плену, были обязаны посещением в Цюрихе Интернационального клуба. Там они впервые увидели Ленина, заинтересовавшегося ими и пригласившего их к себе домой.

«Обстановка у них с Надеждой Константиновной была простая. Одна комната, разделенная занавеской, стол да несколько стульев,— делится своими воспоминаниями Кондрат Яковлевич Михалев.— Ленин подробно расспрашивал о фронте, о жизни в России. Я рассказал ему, как наши мужики артельно арендовали землю у графа Орлова-Давыдова и перессорились, когда делили урожай. Владимир Ильич заметил, что со временем крестьяне тоже будут обрабатывать землю артельно, но это станет выгодным и удобным...» [6]

Ленин особенно интересовался положением пленных, их политическим настроением. Михалев в этой связи рассказал ему о тех ухищрениях, к которым прибегают немцы, чтобы разжечь национализм среди украинцев. Подавляющее большинство пленных украинцев отвечают на эту пропаганду негодованием.

А взгляды самого Михалева на войну? «Насчет защиты отечества наш воронежец — как Трояновский и Плеханов,— пишет Владимир Ильич Инессе Арманд.— Сочувствует социализму, но «ежели немец прет, как же не защищаться?»» [7]

Рассказ Михалева дает Ленину свежий материал, свидетельствующий о том, насколько важна пропаганда партии среди русских солдат, томящихся в немецком плену.

Беседа с Лениным оставляет глубокий след в сознании воронежского крестьянина, воевавшего за интересы империалистов. Глаза его словно освобождаются от пелены. Уже с иных позиций он начинает смотреть на вещи. И когда позже русское посольство в Париже пробует завербовать его в число военнопленных, публично ратующих за продолжение войны, он не выказывает ни малейшего энтузиазма. Наоборот, дает недвусмысленно понять, что пора кончить бойню. И тут же ретируется... Его примеру следуют и другие соотечественники — приглашенные для той же цели к золотопогонникам из русского посольства во Франции.

На родину Михалев возвращается лишь после Октября. Ему удается увидеть Ленина. Он рассказывает Владимиру Ильичу об активной агитации против войны, которую проводила молодежь в том французском городке, куда он перебрался после Цюриха.

«Сам Михалев уж не походил ни в малейшей мере на воронежского крестьянина,— вспоминала Надежда Константиновна Крупская эту встречу,— на голове — французская кепка, ноги обмотаны обмотками защитного цвета, лицо тщательно выбрито. Ильич устроил Михалева на работу где-то на заводе. Но все мысли Михалева неслись к родному селу. Село его переходило из рук в руки, от красных к белым и обратно, середина села вся была спалена белыми, но дом их уцелел, и бабка и дедка живы были. Михалев заходил ко мне в Главполитпросвет и рассказывал про все это и про себя, что собирается домой. «Что ж не едете?» — спрашиваю. «Жду, борода когда отрастет, а то увидят меня бритого бабка с дедкой, помрут от горя!» ...Я получила письмо от Михалева. Он работает где-то в Средней Азии на железной дороге, пишет, что в дни памяти Ильича рассказывал он, как видел в 1917 г. Ильича в Цюрихе, о нашей жизни за границей рассказывал в рабочем клубе. Слушали его с интересом все, а потом усомнились, могло ли это быть, и просил Михалев меня подтвердить, что был он у Ильича в Цюрихе.

Михалев был куском живой жизни. Таким же куском были и письма пленных, присылаемые в нашу комиссию помощи пленным» [8].

...Михалев был куском живой жизни! И цюрихская встреча с русским солдатом, бежавшим из плена, обогащает Владимира Ильича новыми наблюдениями, фактами, из которых он делает свои далеко идущие выводы.

...Не зная усталости, жил и трудился вдали от родины Ленин. Весенним днем 1917 года, когда он по своему обычному расписанию после обеда собрался в библиотеку, один из партийных товарищей принес долгожданную весть:

— В России революция!

— На следующий день пришла открытка от Владимира Ильича, полная бодрости, энтузиазма, подъема,— вспоминал известный профессиональный революционер Миха Цхакая, живший в то время в Женеве.— В открытке Ильич поздравляет с революцией и сообщает о том, что «уложил чемоданы в дорогу» [9].

Заметим, кстати, что имя Цхакая можно встретить дважды в ленинских документах, связанных с приготовлениями к возвращению на родину [10].

Радостное известие не было неожиданным для Ленина. Разве не писал, не говорил он, что часы царской монархии сочтены, разве не предвещал близкого взрыва вулкана народного гнева в России?

Незадолго до того, как в Цюрих пришли первые телеграммы о событиях в Петрограде, ему случилось встретиться в кафе «Астория» с членом правления Социал-демократической партии Швейцарии Вилли Мюнценбергом. Владимир Ильич убеждал собеседника, что революция в России совсем уже близка. Настроенный скептически, Мюнценберг высказал свои сомнения.

И вот теперь, здесь же в Цюрихе, улыбаясь, Ленин спрашивает своего оппонента:

— Кто же был прав в «Астории»?

Три года спустя, увидев Мюнценберга в Москве, в Кремле, он снова напомнил ему об этом разговоре:

— Кто же тогда был прав в кафе «Астория»?

«Мне оставалось только смущенным молчанием признать его правоту» [11],— рассказывал об этом эпизоде В. Мюнценберг.

...Итак, свершилось! Ленин весь в порыве — домой, на родину! Это желание нарастает в нем с новой силой, когда вслед за сообщениями из немецких источников цюрихская газета публикует правительственные телеграммы из Петрограда. Преемниками царя стали Милюков, Гучков, Керенский... И это они, господа капиталисты и их прихвостни, дадут рабочим и солдатам, сделавшим революцию, мир, хлеб, полную свободу? Кто поверит в это?

«Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели» [12],— напишет потом Ленин в своем четвертом «Письме из далека».

Надо искать пути возвращения на родину — вот над чем непрестанно, напряженно думает Ленин с первого мгновения, как только он узнает о победе буржуазно-демократической революции в России.

Проходят три дня после событий, развернувшихся в русской

столице. Ленин приезжает из Цюриха в Ла-Шо-де-Фон — крупный рабочий центр Швейцарии. Здесь он выступает с рефератом о Парижской коммуне и перспективах развития русской революции («Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?»).

Под свежим впечатлением последних сообщений о второй русской революции швейцарский «Союз молодежи» задумал провести большой митинг в цюрихском Народном доме. Выступить с докладом решено было просить Ленина. Такое приглашение через секретаря цюрихской секции большевиков и было передано Владимиру Ильичу. Оно было им тотчас охотно принято, однако в самый последний момент он отказался от своего намерения. Оказалось, что организаторы митинга надумали пригласить также докладчиком представителя меньшевиков, одного из их лидеров — Мартынова.

«Вы, видимо, меньшевиков еще недостаточно хорошо знаете,— объяснял В. И. Ленин свое решение секретарю цюрихской секции большевиков.— Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то содержание моей речи станет известно в России значительно позже, а о самом факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию, а там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях объединения большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединились за границей, то нам в России и подавно следует объединиться и т. п. Самая большая опасность, которая угрожает русской революции,— это объединение большевиков с меньшевиками» [13].

Последующие события не раз подтверждали, как был прав Ленин, неустанно предостерегая партию от попыток втянуть большевиков в «объединительные» сети.

Возвращаясь из Ла-Шо-де-Фона в Цюрих, Ленин опускает в пути открытку Инессе Арманд.

«...Мечтаем все о поездке,— сообщает ей Владимир Ильич.— Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать» [14].

Узнать «тихонечко и верно». Уже по одному этому можно судить о том, как мало рассчитывал он на успех такого предприятия, как проезд через Англию. Оснований для сомнений было больше чем достаточно. Их и высказал Владимир Ильич в своем следующем письме к Инессе Арманд.

«Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только

конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) папашу * в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносится ли через меня с немецкими социалистами» [15].

Того и гляди, на Британских островах подстроят ловушку. При таких обстоятельствах можно было бы махнуть рукой на английский маршрут, но Владимир Ильич еще не раз возвращался к нему. Как только выясняется, что Инесса Арманд не сможет сразу выехать, Владимир Ильич высказывает свою просьбу знакомой эмигрантке Валентине Сафаровой. Та, правда, как она заявляет, революцией мало интересуется, но поручение принимает. Увы, из этого ничего не выходит.

«Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве)» [16],— сообщал Ленин Инессе Арманд.

И все же с мыслью о том, что переезд через Англию окончательно исключен, Ленину трудно примириться. Об этом свидетельствует просьба, высказанная им в письме одному из партийных товарищей. Адресатом был, как полагают исследователи-лениноведы, Я. С. Ганецкий, живший в то время в Стокгольме, однако получил ли он это письмо, точно не установлено.

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет)...» [17],— писал Владимир Ильич. Далее обстоятельно излагались условия, при которых этот проезд через Англию для любого числа лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну, мог бы состояться.

Один за другим строил Ленин планы возвращения на родину, мучительно искал путь реальный, которым можно будет воспользоваться на деле.

Тем временем так называемые революционные министры трубили во все рога, всячески рекламируя готовность встретить с распростертыми объятиями русских политических эмигрантов. Добро пожаловать... Да, да, добро пожаловать! Но кому? Всякому, кто готов до хрипоты кричать и доказывать, что нет большего счастья для русского народа, чем воевать до победного конца. Милости просим, господа!..

Министр иностранных дел Милюков не только произносил парадные речи, в которых без оговорок расшаркивался перед русскими политическими эмигрантами, но и рассылал секретные телеграммы царским послам и посланникам, продолжавшим служить Временному правительству. Вот в этих-то официальных доку-

* Партийный псевдоним М. М. Литвинова.

ментах и содержалась сущая милюковская правда. Она гласила: есть политические эмигранты и есть международные контрольные списки. Большевики для нас те же немецкие шпионы. Берегитесь «пораженцев»!

Пресловутые международные контрольные списки, скрепленные подписями военных представителей стран Антанты, содержали подробный перечень категорий людей, которым въезд в Англию, Францию и Россию был запрещен.

> ...Подозревается в пропаганде о заключении мира. ...Принимал живейшее участие в последней Кинтальской интернационалистической конференции; объехал северные страны Европы с целью пропаганды среди социалистов Дании, Норвегии и Швеции заключения мира.
>
> ...Агент мирной и антимилитаристической пропаганды и въезд его в Россию нежелателен [18].

Таковы лишь некоторые из тех предостережений, которые Милюков предлагал русским дипломатам за рубежом иметь в виду при обращении к ним политических эмигрантов за визами.

«Милюков надует»,— отлично зная природу министра иностранных дел Временного правительства, предупреждает Ленин Ганецкого в своей телеграмме.

Но что же делать, как прорвать заколдованный круг? Владимир Ильич готов пойти на самые крайние меры. Не останавливается он и перед мыслью о проезде через Англию инкогнито.

«Я всячески обдумываю способ поездки,— пишет Ленин из Цюриха В. А. Карпинскому в Женеву.— Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию)* в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство *я* явлюсь с Вашими бумагами уже в парике» [19].

Но тут является вопрос: допустим, что Карпинскому удается получить документы на проезд во Францию и Англию для себя и он передает их Ленину. А куда же денется сам Вячеслав Алексеевич? Понятно, что предложение Владимира Ильича должно было содержать ответ и на этот вопрос. Покуда Ленин доберется до Скандинавии, Карпинскому надлежало укрыться в горах. Предусматривалась и оплата расходов, которые понесет Вячеслав Алексеевич за пансион в горах...

Вячеславу Алексеевичу не пришлось долго убеждать Влади-

мира Ильича в том, что воспользоваться его документами,— значит пойти на заведомый провал. Бывшего узника швейцарской тюрьмы — большевика Карпинского — хорошо знала швейцарская охранка.

Где же достать подходящий паспорт? И новая мысль приходит в голову Владимиру Ильичу.

«Да, чуть не забыл,— пишет он Инессе Арманд.— Вот что можно и должно сделать тотчас в Кларане: приняться искать паспорта (α) у русских, кои согласились бы дать свой (не говоря, что для меня) на выезд теперь другому лицу; (β) у швейцарок или швейцарцев, кои могли бы дать русскому» [20].

Но хорошо, если ее поиски увенчаются успехом. Ну, а если на самый худой конец придется воспользоваться помощью контрабандистов? Владимир Ильич готов пойти и на такой шаг.

С предложением своих услуг в Цюрих является из Берлина некто Георг Кларац. Ленин наводит подробные справки о том, при чьем посредничестве велись переговоры с Георгом Кларацом, кто направил его из Берлина в Цюрих? Выясняется, что этим лицом был Парвус — человек, не только порвавший в годы реакции с социал-демократией, отъявленный социал-шовинист, но и крупный спекулянт, сделавший бизнес на войне. О нет! На это Владимир Ильич не пойдет!

«ЖДАТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ...»

Обмен корреспонденцией между Лениным и Ганецким идет непрерывно.

Телеграмма из Цюриха. Из нее шведский адресат узнает, что Владимиром Ильичем отправлено на его имя очень важное письмо с просьбой подтвердить получение по телеграфу.

Потом Ганецкий получает бандероль. Открывает ее и обнаруживает книгу. Чутье подсказывает: загляни в переплет. И точно — две находки. Первая — фотоснимок Ленина. Вторая — ленинская записка, воспроизведенная позже по памяти Я. С. Ганецким.

«...Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд,— пишет Владимир Ильич.— Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию» [21].

Проходили дни. Сдвинуть же с места проблему коллективного переезда по-прежнему не удавалось.

На что же можно рассчитывать? Пойдут ли, скажем, немцы на то, чтобы предоставить вагон для проезда до Копенгагена разным революционерам? Смотря по тому, от кого будет исходить такая просьба. Богатые и небогатые русские социал-патриоты, застрявшие во время войны в Швейцарии, наверняка могли бы получить их согласие. Но захотят ли эти социал-патриоты, оправдывающие войну со стороны России, оказать такую услугу большевикам-«пораженцам»?

«Вы скажете, может быть, что немцы *не* дадут вагона,— пишет Ленин Инессе Арманд.— Давайте пари держать, что *дадут!*

Конечно, если узнают, что сия мысль *от меня* или от *Вас* исходит, то дело будет испорчено...

Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..» [22]

В ходе первой мировой войны нейтральные страны не раз выступали посредниками для обмена военнопленными между Россией и Германией. Отчего бы Германии не согласиться пропустить русских политических эмигрантов в обмен на немцев, интернированных в России? Такую мысль высказал как раз в те дни на частном совещании российских партийных центров в Берне лидер меньшевиков Мартов. И достаточно было Карпинскому сообщить об этом Ленину, как он сразу же отдал должное разумному плану.

Владимир Ильич, однако, настойчиво подчеркивал, что инициатива в осуществлении этого плана должна исходить кроме Мартова также и от беспартийных русских и патриотов-русских. Пусть они обращаются к швейцарским министрам и другим влиятельным людям «с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне». Ленин обращает внимание Карпинского на то, что его и Вячеслава Алексеевича участие могло бы лишь испортить дело. «Но план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен» [23],— пишет Владимир Ильич.

Путь найден. Единственно возможный и реальный. Больше ждать нечего. «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!» [24],— заявлял Ленин.

О да! Горе-патриоты забьют тотчас же по этому поводу во все колокола. Караул! Немецкие шпионы! И уж конечно невообразимую свистопляску подымут успевшие сесть на шею народа так называемые «революционные» министры Временного правительства. Ну и пусть.

Честные люди, знающие, за чьи интересы боролся всю жизнь Ленин, на эту удочку не клюнут.

И ничто, никакая сила не в состоянии была поколебать ленинскую решимость. Несколько лет спустя Анатолий Васильевич

Луначарский вспоминал о том, как Ленин на заседании Цюрихского комитета по организации возвращения политических эмигрантов на родину решительно отводил опасения некоторых его членов в том, что поездка эмигрантов через Германию скомпрометирует их:

«Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это — курам смех» [25].

КУРЬЕР В СТОКГОЛЬМ

Итак, остается только одна дорога — через Германию. Как поставить в известность об этом варианте своих в России? Протянуть нити связи к ним по-прежнему дальше Стокгольма не удается. Отсутствие же Ленина в России становится с каждым днем и часом все более ощутимым. Попытки Русского Бюро ЦК обменяться телеграммами с вождем партии терпят неудачу. Ставленники Временного правительства накладывают запрет на всю корреспонденцию, адресуемую Ленину. Остается срочно командировать надежного связного к Ганецкому в Стокгольм.

Таким связным явилась Мария Ивановна Стецкевич, которой не раз приходилось выполнять сложные боевые поручения партии.

Хорошо бы заручиться поддержкой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Как никак, с ним власти предержащие вынуждены считаться. Эту миссию от имени Совета берут на себя трое депутатов-большевиков. Так, на письме Бюро Центрального Комитета партии, подписанном Еленой Дмитриевной Стасовой, появляется своеобразная резолюция: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов рекомендует удовлетворить просьбу Бюро Центрального Комитета».

Ниже следуют подписи трех членов исполнительного комитета и печать. Все, как положено по форме.

Обращаться, однако, за пропуском к градоначальнику не пришлось. Помог знакомый одного из членов исполкома, получивший визу для Марии Ивановны Стецкевич.

Выполнила она поручение партии и на этот раз.

Ганецкий передал через Стецкевич мнение В. И. Ленина, что надо делать ставку на проезд через Германию. Немцы могут пойти на такой шаг — в обмен на интернированных в России.

Бюро Центрального Комитета партии одобрило предложенный план. «Ульянов должен приехать немедленно»,— гласила телеграмма, полученная Ганецким из Петрограда.

Ганецкий откликнулся на нее обстоятельным письмом. «Одновременно получил вашу телеграмму,— говорилось в нем.— Вероятно, она послана после приезда Стецкевич, которая пояснила вам план поездки, и, значит, вы вполне одобряете план. Я телеграфно передал Ильичу содержание вашей телеграммы» [26].

Некоторое время спустя Бюро Центрального Комитета партии вновь командирует Марию Ивановну в Стокгольм. Ей поручалось передать Ганецкому: Владимир Ильич должен проехать каким угодно путем, в том числе через Германию, если при этом не будет для него опасности быть задержанным. Везла она с собой и деньги на дорогу для Владимира Ильича.

Вторая командировка курьера Бюро Центрального Комитета партии в Стокгольм была сопряжена с серьезными затруднениями.

Из шведского города Хапаранда она сообщала: «Чувствую себя очень плохо, и настроение скверное... На пропускном пункте в Торнео у меня буквально все отобрали — все газеты, все письма... Держали меня очень долго, раздевали: осматривала женщина в особой комнате, очень тщательно. Все это ужасно неприятно... Они говорят, что следовало, чтобы в Петрограде эти газеты прошли через цензуру, чтобы на них была печать, и тогда они бы пропустили, ничего не говоря. Ужасно неприятно и обидно. Те книги, которые у меня будут при обратном проезде, тоже из Торнео, придется послать в цензуру в Петроград».

Фигура Стецкевич, выполнившей столь важную историческую миссию для партии, вызывает к себе понятный интерес. Но как мало теперь уже можно узнать об этом замечательном человеке! Она была отличной пианисткой. Ее игру Владимир Ильич слушал не раз.

«По его просьбе,— вспоминала Мария Ивановна,— я сыграла ему однажды в Москве, на его квартире, «Патетическую сонату» Бетховена и «Кампанеллу» Листа. Ильич вернулся тогда домой из какого-то заседания и очень устал. Он сказал, что не может сидеть, и просил разрешения ходить по комнате в то время, как я играла. Затем он попросил меня сыграть «Лесной царь» Франца Шуберта. Эту вещь он особенно любил» [27].

Возвращение Ленина, как и других русских эмигрантов, через Германию было для партии делом решенным. Но кто в Швейцарии мог бы переговорить с представителем германского прави-

тельства насчет плана обмена русских эмигрантов на интернированных в России немцев?

Свою помощь предлагает член парламента Роберт Гримм, занимавший тогда ряд руководящих постов в социал-демократической партии Швейцарии.

По его просьбе швейцарский министр Гофман в частном порядке запрашивает германского посла в Берне Ромберга, не могут ли русские эмигранты, независимо от их политических направлений, рассчитывать на проезд через Германию. Они, в свою очередь, стали бы содействовать возвращению в Германию интернированных в России немцев.

Видя, что переговоры развиваются успешно, Заграничная коллегия Центрального Комитета РСДРП выносит окончательное решение: возвращаться в Россию через Германию. Известить об этом всех членов нашей партии. Всем желающим готовиться к немедленному отъезду.

Но тут начинаются новые затруднения. Вспомним, что первым план проезда эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев выдвинул не кто иной, как Мартов. Это произошло на частном совещании российских партийных центров в Берне 6(19) марта. Теперь же, когда этот план был так близок к осуществлению, меньшевики позорно спасовали, пошли на попятный. Испугавшись угроз Милюкова расправиться с теми, кто посмеет поехать через Германию, они стали всячески увиливать от поездки. Цепляясь то за одну, то за другую формальность, они не только отказывались сами ехать, но и ставили под удар всю поездку.

«...Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, «боящихся» того, что̀ скажет «общественное мнение», *т. е.* социал-патриоты!!!» [28] — писал в те дни Ленин.

Вслед за ними заюлил и Роберт Гримм. Он стал утверждать, что знать не знает и ведать не ведает о подготовке русских эмигрантов к возвращению на родину через Германию.

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

Это был один из самых критических моментов в подготовке к переезду. Но Ленин и здесь не потерял присутствия духа. «Найдется же в Швейцарии хоть один социалист, у которого хватит мужества, невзирая на травлю социал-патриотов, выпустить нас в Россию! — заявил он.— Наконец, мы обратимся просто к честному швейцарскому рабочему, который согласится подписать необходимые бумаги и провезти нас через Германию» [29].

Конечно, такой человек в Швейцарии нашелся. Это был Фриц Платтен — секретарь швейцарской социал-демократической партии, лидер ее левого крыла, известный интернационалист и антимилитарист. Личность одухотворенная революционной борьбой, светлая, кристально чистая. Обойтись здесь общей характеристикой никак нельзя.

Биография Фрица Платтена была хорошо известна Ленину. Характеризуя его, Владимир Ильич упоминает, в частности, и один из ранних эпизодов появления швейцарского социалиста на арене боевых схваток рабочего класса с капиталом.

«...Он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме...» [30].

Мужество, бесстрашие, отвага Фрица Платтена, озабоченного оказанием помощи латышским товарищам, названным Лениным пионерами вооруженной борьбы, уже тогда проявляются в нем.

Платтен осведомлен о том, что в Латвии объявлено осадное положение: всякого, кто будет захвачен с оружием, ждет смертная казнь. Однако это его не останавливает, и, рискуя собственной жизнью, он привозит из Германии в Ригу скромный подарок борцам с царским самодержавием: три револьвера и амуницию. Пригодятся!

Латышская социал-демократическая организация еще не успела оправиться от тяжелых ударов, когда Платтен, оказавшись в Риге, стал нащупывать почву для восстановления контактов с братьями по классу и борьбе. А когда связи были восстановлены, он стал активным помощником во всем.

Пока Платтен жил и работал в Риге, социал-демократы Латвии дважды делегировали своих представителей на съезды нашей партии: весной 1906 года — на IV (Объединительный), в Стокгольм, и через год — на V, в Лондон. Делегаты должны были ехать нелегально.

«...Одной из моих задач было снабжение паспортами делегатов на стокгольмский съезд» [31],— вспоминал Платтен позднее.

В биографической литературе о Платтене высказывается мнение, что этой его услугой могли воспользоваться делегаты латышских социал-демократов, направленные на V съезд партии. При обыске у него на квартире, совпавшем с началом работы Лондонского съезда партии, оказались и резервные бланки паспортов. Но это всего лишь частица той работы, которую для торжества дела свободы вел в Риге Платтен.

Жандармское управление Лифляндии не сводило своего недремлющего ока с него, и, когда жандармам удалось застать Платтена на нелегальном собрании латышских социал-демократов

в одном из книжных магазинов, они предъявили свой счет: организовывал митинги, распространял нелегальную литературу. Дополнительные улики дал домашний обыск. В руках охранки оказались номера боевого органа латышских социал-демократов — нелегальной газеты «Циня», письма борцов с царским самодержавием из рижских тюремных застенков и уже упоминавшиеся неиспользованные бланки паспортов.

Пытаясь сломить дух Платтена, лифляндские сатрапы ставят его в наиболее тяжелые тюремные условия. Предстоит судилище. Спасают Платтена от расправы те же латышские товарищи, которым он пришел на помощь. Им удается освободить его под большой залог. А дальше ему сноровки не занимать. В марте 1908 года он бежит в Швейцарию. Там, на родине, ему и суждено было встретиться с Лениным, испытать на себе его огромное духовное влияние, стать его единомышленником, верным и преданным последователем.

Октябрь 1914 года. Фриц Платтен слушает в цюрихском Народном доме ленинский реферат «Война и социал-демократия».

Сентябрь 1915 года. Первая международная конференция социалистов в Циммервальде. Ее делегатам раздают ленинскую брошюру «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)». Издание этого произведения на двух языках — русском и немецком — стало возможным благодаря активному содействию Фрица Платтена.

Платтен целиком разделяет ленинские позиции на самой конференции, с них же он ведет свою дальнейшую пропаганду против империалистической войны, социал-шовинизма, за организацию и сплочение левых революционных элементов.

Февраль 1916 года. Цюрих. Город, в котором живет Фриц Платтен, привлекает Ленина солиднейшим в Швейцарии книгохранилищем. Автору будущего классического произведения «Империализм, как высшая стадия капитализма» библиотека эта нужна изо дня в день. Потому-то Владимир Ильич и Надежда Константиновна решают перебраться сюда.

Предстоят всякого рода формальности. Кто поможет пройти через все эти препоны политическому эмигранту, решившему поселиться в Цюрихе? Конечно же Фриц Платтен. Не станет дело и за письменным поручительством, которое требуется в этом случае. Он надлежащим образом, по букве закона, оформит и этот документ. Все будет в полном порядке!

«Никогда не забуду встречу с Лениным в его цюрихской квартире на Шпигельгассе,— вспомнит эпизод, относящийся к этому времени, Фриц Платтен.— Было 7 часов утра. На энергичное «по-

жалуйста» я вошел в низкую продолговатую комнату. Ленин сидел за столом, читал книгу и не глядя черпал ложкой овсяную кашу. Его жена — Крупская — уже тогда тяжело больная, женщина образованная, чуткая поднялась, чтобы поприветствовать меня. Так как в комнате было всего два стула, она предложила мне свой, а сама села на чемодан с книгами — единственный помимо стульев предмет, на который можно было сесть. Ленин попросил меня помочь получить разрешение на жительство в кантоне Цюрих, и за несколько минут мы обо всем договорились...

Это было единственное посещение мною квартиры Ленина в Швейцарии. Он же два-три раза в неделю заходил ко мне в секретариат партии в Народном доме или к Мюнценбергу в секретариат молодежной организации, или к товарищам, с которыми ему необходимо было увидеться» [32].

Апрель 1916 года. Швейцарская деревня Кинталь. Расположена она в Бернских Альпах. Здесь собираются участники II международной социалистической конференции. Среди делегатов швейцарской социал-демократической партии Фриц Платтен. Последовательно от начала до конца он во всем идет за Лениным.

Ноябрь 1916 года. Ленин выступает с приветственной речью от имени ЦК РСДРП на съезде Социал-демократической партии Швейцарии в Цюрихе и присутствует на нем до конца его работы. На высоте положения оказались левые социал-демократы, решительно боровшиеся против правых и центристов.

Платтен избирается на этом съезде в комиссию (с совещательным голосом) для выработки проекта резолюции по военному вопросу, которую предполагается принять на предстоявшем в феврале 1917 года чрезвычайном съезде партии. Он составляет тезисы для этой цели. Документ попадает к Ленину. Знакомясь с ним, Владимир Ильич трижды выражает свой восторг формулировками Платтена, содержащими характеристику, обличение и гневное осуждение разбойничьей империалистической войны.

«Очень хорошо» — то здесь, то там появляются пометки Владимира Ильича на полях наброска Платтена.

Ленин и сам приходит на помощь левым швейцарским социал-демократам. Положив в основу тезисы Платтена, он передает друзьям-интернационалистам свои «Тезисы об отношении швейцарской социал-демократической партии к войне», в которых мысли его швейцарского друга получают дальнейшее развитие и приобретают законченную форму.

Вполне приемлемой первоосновой для хорошей резолюции о войне определяет Ленин тезисы Платтена и в письме к одному из

своих адресатов. Он рекомендует ему то же самое логическое построение резолюции, добавляя при этом: «... в скобках *буквально* из Платтена...» [33]

Платтен идет в ногу с Лениным. Плечом к плечу!

Насколько Владимир Ильич доверял ему, можно судить и по новым, впервые опубликованным в тридцать седьмом Ленинском сборнике документам. Их три, и все они относятся уже к послеоктябрьскому периоду.

В одном случае Владимир Ильич поддерживает просьбу Платтена перед Народным комиссариатом по иностранным делам в том, чтобы было предоставлено разрешение на приезд из-за границы в нашу страну русскому подданному, которого Платтен хорошо знал в Риге в 1906 году. Он за него ручается. А раз так — для Ленина этого более чем достаточно.

Другой документ адресован самому Платтену, находившемуся летом 1918 года в Швейцарии.

«Дорогой товарищ Платтен!

Конечно, было бы очень хорошо, если бы Вы еще раз приехали к нам» [34],— так начинается эта ленинская записка. Владимиру Ильичу искренне хочется, чтобы Платтен переменил швейцарскую мелкобуржуазную атмосферу на нашу, советскую.

И наконец, третья записка, написанная от имени Президиума Первого конгресса Коммунистического Интернационала делегату от Норвежской социал-демократической партии. Вместе с Лениным свою подпись под ней ставит и Фриц Платтен.

Думали ли Ленин и Платтен весной семнадцатого года в Цюрихе, что судьба снова сведет их вместе и где — в Президиуме Первого конгресса Коминтерна в Москве. Одно бесспорно, что Владимир Ильич тогда уже хорошо знал, на ком он остановил свой выбор в роли посредника для возвращения через Германию в Россию...

В качестве доверенного лица русских политических эмигрантов и легальных лиц, желающих проехать через Германию в Россию, Платтен является к германскому послу в Берне Ромбергу и излагает условия, на которых поездка была бы приемлемой для ее участников. Основной принцип — обмен отъезжающих на немецких и австрийских военнопленных, интернированных в России. Вагон пользуется правом экстерриториальности. Никакой проверки документов. Едут лица, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир. Один лишь Фриц Платтен представляет всех пассажиров и защищает их интересы.

— Позвольте,— удивляется вначале посол,— кажется, не я прошу разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов

и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия...

Но Фриц Платтен нисколько не смущен этим возражением.

«Я со своей стороны ограничивался точным соблюдением данного мне Лениным мандата,— рассказывал он много лет спустя.— Были согласованы условия проезда, причем, как известно, удалось добиться так называемой экстерриториальности для едущих» [35].

Вот с этого момента и начинается эпопея «запломбированного» вагона. 32 эмигранта оказались в конечном счете его пассажирами. Среди них 19 большевиков.

Каждый обязался не дрогнуть ни перед какими испытаниями, во что бы то ни стало прорваться на родину. Это обязательство было закреплено документально. Таким документом явилась «Подписка участников проезда через Германию». Вот текст этого документа:

«ПОДПИСКА
УЧАСТНИКОВ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтеном с германским посольством, мне сообщены;

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне известно сообщение «Petit Parisien» о том, что русское Временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя;

5) что мне поездка моя гарантирована Платтеном только до Стокгольма.

Берн — Цюрих,
9 апреля 1917 г.» [36].

Первым под этим документом поставил свою подпись Ленин. По фамилии мужа расписывается рядом Надежда Константиновна — *Ленина*.

Одновременно с русским текстом «Подписки» имел хождение среди эмигрантов, уезжавших в Россию через Германию, и экземпляр, составленный на немецком языке. Тот же текст, слово в слово. Верно, во втором случае встречается несколько имен, которых не достает в первом. Здесь в числе других мы находим подписи: *Г. Усиевич, Е. Кон* [37].

Семнадцатилетним юношей связал свою жизнь с большевистской партией Григорий Усиевич. За свою активную революцион-

ную деятельность он был отправлен в ссылку, но оттуда бежал и с 1916 года жил в Цюрихе. Там Григорий Усиевич встретился с дочерью известного профессионального революционера Феликса Кона — Еленой. Общие партийные интересы сблизили молодых людей. Григорий Усиевич и Елена Кон поженились.

Имя Григория Усиевича можно не раз встретить в ленинских документах.

«После обеда каждодневно забегал к нам на полчасика возвращавшийся из эмигрантской столовой молодой товарищ Гриша Усиевич»,— вспоминая Цюрих, писала Надежда Константиновна.

После напряженного рабочего дня Ленин любил прогуляться вдоль Цюрихского озера. Ему нередко сопутствовали Григорий и Елена.

Из Цюриха супруги Усиевичи переезжают в Кларан и живут по соседству с Инессой Арманд.

Надежда Константиновна Крупская готовила работу по педагогике. Для этой цели ей необходима была русская литература. В этой связи 15 января 1917 года она обращается с письмом к библиографу и писателю Николаю Александровичу Рубакину, собравшему огромную библиотеку.

«...Хотелось бы приехать для этой цели в Кларан на 2—3 недели, но пока это трудно устроить,— пишет она.— У Вас работает теперь наш близкий товарищ, Усиевич. Он не откажется пересылать книги» [38].

...Наш близкий товарищ Усиевич...

Наступает Февральская революция. Ленин пишет свои знаменитые «Письма из далека». Он шлет их «Правде» и одновременно по эстафете своим ближайшим соратникам в Швейцарии. «Прилагаемые копии моих статей прочтите тотчас, дайте прочесть Усиевичу и *тотчас* пошлите в Женеву Карпинским, чтобы и они *тотчас* вернули!» — просит Владимир Ильич в одном из своих писем тех дней. «3-ье и 4-ое письма мои в «Правду» пошлю Вам завтра, в среду. Прочитав и показав Усиевичу, шлите, пожалуйста, Карпинским» [39],— обращается Ленин с просьбой к Инессе Арманд в одном из следующих писем.

В проводимой Владимиром Ильичем «спевке» по вопросам тактики партии голос Усиевича звучал четко и ясно в унисон дружному хору ленинцев.

Так же, как и другие большевики, Усиевич пытался вернуться домой через Англию. Вот что доносила о нем русская контрразведка: «...Усиевич жил в Лозанне. Зять Кона. Запросил паспорт у английского консула, в котором ему отказано. Уехал в Россию через Германию...»

Так и было в действительности. Достаточно было Ленину бросить клич — едем! — как Усиевич вместе с женой не замедлили откликнуться на него.

«ЗАВТРА ЕДЕМ В РОССИЮ...»

Короткую, но славную жизнь прожил Григорий Усиевич. Один из непосредственных руководителей героической борьбы московских рабочих за установление Советской власти в дни Великого Октября, он пал смертью храбрых на одном из фронтов гражданской войны.

Елена Феликсовна Усиевич после победы Великой Октябрьской социалистической революции вела подпольную работу на территории гетманской Украины. Была чекисткой. Затем занялась литературой, стала профессиональной писательницей-критиком.

У Елены Феликсовны я получаю первое интервью.

— Скажите, пожалуйста, как вы узнали о событиях, разыгравшихся на родине в феврале — марте семнадцатого года?

— Последние месяцы эмиграции мы жили в Кларане,— рассказывала Елена Феликсовна.— Переехали туда потому, что достать работу было трудно. А на этом модном курорте находилась известная русская библиотека Н. А. Рубакина. Она насчитывала тридцать тысяч томов. Сам Рубакин работал над книгой, которая должна была называться «Две России». Ему хотелось показать одну Россию — народную и другую — царскую, реакционную. Автор многих книг, Рубакин обладал огромными познаниями. Но книга о двух Россиях была одному не под силу. Ему, конечно, помогали. У него в библиотеке работали эмигранты на зарплате. Работал мой отец, потом мы. Обычно часов в пять вечера в одной из комнат библиотеки сотрудникам подавался чай и хлеб. И вот однажды, как раз во время чаепития, из кабинета Рубакина раздался совершенно задыхающийся голос: «Все ко мне!» Мы кинулись туда, думая, что он умирает. Рубакин лежал в кресле с телефонной трубкой в руках. Только что ему передали по телефону из Лозанны, что в России революция!

Мы все были потрясены. И первая мысль у нас, большевиков, была о Ленине. Как теперь нужен Владимир Ильич там на родине, в Петрограде...

— Формально мы продолжали работать в библиотеке, но фактически никто уже не работал как следует,— продолжала она свой рассказ.— Все только и жили событиями в России. Инесса Арманд все время связывалась по почте и телефону с Лениным, а

мы поддерживали связь с ней. Обычно мы обедали вместе, а потом шли пить чай к нам или к ней. Мы жили очень высоко на горе, а она жила в самом Кларане.

— Вот Владимир Ильич прислал,— сказала как-то Инесса Федоровна Усиевичу и передала ему первые два ленинских «Письма из далека». Помню, какое сильное впечатление произвели они на Григория Александровича.

Не терпелось скорее уехать на родину. И вот в один прекрасный день, когда я была одна дома, на лестнице послышались торопливые шаги мужа, перескакивающего сразу через три ступеньки.

— Собирайся, через полтора часа выезжаем в Берн,— услышала я.— Ильич уже там. Завтра едем в Россию.

С Еленой Феликсовной мы еще встретимся. А как собирались в дорогу другие пассажиры «запломбированного» вагона, какая обстановка царила вокруг предстоящей поездки в соседних эмигрантских центрах Швейцарии?

ПО ПАСПОРТУ ДВОРЯНИНА ЕЛЬЧАНИНОВА

Заглянем опять в документ, под которым стоят подписи эмигрантов.

Б. Ельчанинов...

— Откуда вы взяли такую фамилию? — спросил меня один из пассажиров «запломбированного» вагона, с помощью которого я надеялся найти след этого человека.— Первый раз слышу.

— Представьте себе, и для меня это новость,— ответил другой.— Ельчанинов? Интересно...

И все же пассажир с такой фамилией в вагоне был. Профессиональный революционер из рабочих, большевик, которого царская охранка то и дело бросала из одной тюрьмы в другую, сумел, наконец, перебраться через границу и найти убежище в Швейцарии.

— Ельчанинов — это был ваш партийный псевдоним? — спрашиваю я собеседника — члена КПСС с 1903 года З. О. Рывкина.

— Нет,— отвечает он.— Но я жил по паспорту Ельчанинова, когда работал в Лозанне. Там, чтобы русскому поступить на работу, нужен был паспорт. Я написал в Париж, и мне через Карпинского выслали паспорт на имя Ельчанинова — дворянина, студента Московского университета. Где он взял этот паспорт, я не знаю, но я был этим «дворянином» пять лет. Потом, когда удалось вернуться в Россию, я сказал: «Ну его к черту, это дворянство».

Живя в Швейцарии, старый большевик неоднократно слушал рефераты Ленина, был одним из гостей на конференции заграничных секций РСДРП, проходившей в Берне в феврале 1915 года.

Как-то его спросили в Швейцарии:

— Почему так мало участников было на этой конференции?

— Нас можно считать за миллион, потому что с нами был Ленин,— ответил он.

На конференции говорилось о том, что революция в России не за горами. И вот теперь, когда она совершилась, Рывкин-Ельчанинов стал готовиться к отъезду.

— Только в последние дни мы узнали, что ехать придется через Германию,— рассказывает мой собеседник.— Я не задумывался, рискованно это или нет. Раз Ильич едет, надо и нам ехать. Значит, все будет в порядке.

Настал день отъезда из Женевы в Берн. Я подошел к фабрике Гофмана, где работал, чтобы повидать своих товарищей рабочих. Они знали, что я уезжаю. Устроились в небольшом кафе, за кружкой пива мирно беседовали, коротали часы, оставшиеся до отправления поезда. Тут я вспомнил, что на этот день назначен митинг, организованный правыми эсерами, бундовцами и меньшевиками в Мезон дю пепль (Народном доме). В этом доме помещалось больше двух тысяч человек. Я сказал своим друзьям, что пойду на этот митинг, побуду там час или полтора, а потом заеду домой, рассчитаюсь за комнату, возьму извозчика — и на вокзал. Мои товарищи выразили желание пойти со мной.

Зал был полон.

Не помню фамилии докладчика, помню только, как он цедил сквозь зубы: «Мы собрались сюда в момент, когда Россия воюет с Германией на стороне Антанты. Николай Второй отрекся от престола в пользу своего брата, и там создано новое правительство Милюкова, которое будет вести войну до победного конца. И вот находятся люди, решающиеся ехать через Германию, через вражескую страну. Это большевики, Ленин».

Умалчивая о том, почему политические эмигранты вынуждены избрать этот маршрут для возвращения в Россию, оратор стал всячески нас поносить. Услышав это, я закричал: «A bas!» (по-французски «долой»). Я крикнул во весь голос, а тут раздались еще голоса. Вижу стоит портной Соколинский. Он тоже крикнул: «Долой!» С трибуны закричали: «Silence!» (Тише!).

На этом собрании был всякий сброд — кабатчики разные. Они кричали: «Fermez la gorge!» (Заткните глотку!). Тогда я сказал своим товарищам, что так толку не будет, давайте по-русски поступать. Я взял стул и кинул на сцену. И тут началась свалка.

Меня ударили по голове, хотели арестовать, пытались надеть наручники. Но один француз, Джазаль, с которым я работал, схватил меня за руку, и мы убежали.

Митинг был сорван. Я пошел к врачу, и мне сделали перевязку. К поезду я опоздал. На следующий день вместе с Миха Цхакая и другими товарищами, уезжавшими в Россию, я отправился в Берн...

Вот уже четвертый день вся ленинская корреспонденция идет не из Цюриха, а из швейцарской столицы. Сюда, в Берн, он перенес весь центр подготовки к отъезду. Народный дом в Берне — сборный пункт для отъезжающих в Россию политических эмигрантов.

Меньшевики, которых Ленин предельно точно аттестовал «*мерзавцами* первой степени», продолжают мутить воду, из кожи лезут вон, чтобы сорвать поездку. Ты им вынь да положь на стол санкцию Совета рабочих и солдатских депутатов на проезд через Германию. Они склочничают. Опять задержка с отъездом...

Ленин телеграфирует об этом Ганецкому в Стокгольм. По тому же адресу еще накануне поступает телеграмма из Петрограда. Центральный Комитет партии подчеркивает необходимость скорейшего приезда Ленина в Россию. Он протягивает руку братской помощи всем политическим эмигрантам, готовящимся вместе с Владимиром Ильичем в дорогу.

Теперь надо было, повторив слово в слово текст высокоавторитетного документа, передать его по телеграфу из Стокгольма в Берн. Это и сделали Ганецкий и Воровский.

Можно себе представить, какое воодушевление вызывает радостная весть среди отъезжающих. Пусть теперь попробуют сунуться со своими провокациями меньшевики. Им не поздоровится.

«Из России торопят ехать... Жизнь идет архисутолочно и нервно последнее время,— пишет из Берна в Давос Надежда Константиновна В. М. Каспарову — эмигранту-большевику, прикованному болезнью к постели.— Мыслями живешь уже в России, все думается, что там и как. Перед пролетариатом встал теперь ряд новых совершенно задач...» [40]

Наступают самые напряженные часы подготовки к переезду на родину. Одно за другим шлет Владимир Ильич по телеграфу экстренные поручения Вячеславу Алексеевичу Карпинскому в Женеву, торопя его с приездом в Берн.

Отсюда же, из швейцарской столицы, Ленин шлет телеграмму в Женеву французскому социалисту, журналисту Анри Гильбо. В ней упоминается и имя поселившегося в Швейцарии еще до на-

чала первой мировой войны выдающегося французского писателя Ромена Роллана [41].

Чем же это вызвано и в какой мере связано с приготовлениями группы политических эмигрантов во главе с Лениным к возвращению на родину?

«6 апреля. Страстная пятница,— записывает Ромен Роллан в ту весну семнадцатого года в своем «Дневнике военных лет», который согласно его завещанию был вскрыт лишь в 1955 году.— Гильбо весьма конфиденциально посвятил меня в замысел своих друзей, русских революционеров, который я нахожу очень опасным. Испробовав все обычные и необычные средства, чтобы добиться возвращения на родину, после отказа в проезде через Францию и Англию, после тщетных попыток добиться ходатайства Международного Красного Креста они пришли к смелой мысли о переговорах через своих швейцарских товарищей... с генеральным консульством Германии.

Мы прекрасно понимаем их волнение. Они сгорают от желания броситься в пекло. И вместе с тем они знают, что с первого же момента их пребывания в России они могут быть арестованы, посажены в тюрьму, расстреляны... Во главе их стоит Ленин, который считается мозгом всего революционного движения» [42].

Наконец, окончательно определяется день отъезда — понедельник, 9 апреля. И ленинская телеграмма с сообщением даты и числа едущих летит в Стокгольм, к Ганецкому.

Обремененный колоссальными хлопотами, занятый составлением важнейших политических документов, Владимир Ильич не освобождает себя и от непосредственных забот о бытовой стороне поездки.

Не так просто снабдить едущих продовольствием. Надо получить разрешение. Кто же справится с этим делом лучше Платтена. Ленин шлет телеграмму в Цюрих одному из большевиков с просьбой передать его поручение швейцарскому другу: «...исполнение телефонируйте 12-11...»,— называет Владимир Ильич номер своего телефона в гостинице Народного дома.

Из разных уголков Швейцарии стягиваются в Берн политические эмигранты, презревшие милюковские окрики, лицемерные патриотические гримасы меньшевиков.

«В гостинице мы первую увидели Надежду Константиновну,— вспоминала одна из участниц переезда О. Равич.— Она нас очень ласково и радостно встретила и подчеркнула, что все вышло очень хорошо. Все собрались, несмотря на то что были вызваны внезапно. Вот, мол, это настоящая большевистская дисциплина. В Берне побыли два дня. По каким-то незначительным причинам

нельзя было сразу оформить нашу поездку. Все это время употребили на улучшение своего туалета. Даже Надежда Константиновна увлеклась. Один Владимир Ильич, будучи занят, остался в своем старом одеянии, и только впоследствии в Стокгольме кто-то из товарищей его приодел» [43].

...Берн. Народный дом. Здесь идет напряженная подготовка к отъезду.

Появляются представители левых социал-демократов Франции, Германии, Швейцарии и Польши. Они собрались сюда, для того чтобы выразить свою полную солидарность с решением Ленина и всей группы большевиков-эмигрантов скорее вернуться на родину.

Открывается совещание. Председательствует Ленин. Принимается важный документ — «Заявление участников совещания». Инесса Арманд зачитывает его на немецком и французском языках:

«Мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но и обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию...»

Французских интернационалистов представляли Фердинанд Лорио и Анри Гильбо. Первый из них внес единственную поправку в документ, подчеркнувшую заслуги русских интернационалистов за время войны в борьбе против империализма вообще и против германского империализма в особенности.

«Все единодушно согласились с этой поправкой,— вспоминал Гильбо.— Я, как сейчас, вижу сияющее лицо Ленина при проявлении такого последовательного интернационализма» [44].

Там же, в Берне, в Народном доме, на другой день происходят и другие важные исторические события.

Большевики, участники поездки, обсуждают и единогласно принимают «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и протокол с документами, относящимися к проезду через Германию. Подписка участников проезда оформляется уже в поезде между Берном и Цюрихом.

Что еще известно о приготовлениях к отъезду, которые Ленин ведет в Берне?

Отсюда Владимир Ильич шлет две телеграммы в Стокгольм. Они адресованы Ганецкому. Содержат сообщения о предстоящем прибытии группы политических эмигрантов в шведский порт Треллеборг и просьбу о встрече ее.

Третья ленинская депеша уходит в Цюрих. Адресует ее Владимир Ильич Харитонову — секретарю тамошней секции больше-

виков. При его посредничестве Ленин передает просьбу Фрицу Платтену — получить разрешение на провоз продуктов питания для эмигрантов, едущих в Россию.

Для Ленина все это суть вопросы не второстепенные...

Пребывание в Берне Владимир Ильич использует и для начала работы над пятым «Письмом из далека». Оно осталось недописанным.

Редакции журнала Международного союза социалистических организаций молодежи Ленин передает первоначальный немецкий текст еще ранее написанной им статьи «Военная программа пролетарской революции».

Отсюда же из Берна продолжает уходить ленинская корреспонденция... Открытка в Цюрих — Харитонову. Владимир Ильич просит его разыскать одного из членов местной секции большевиков — рабочего и посодействовать его отъезду на родину в Россию вместе со всей группой эмигрантов. Уходит письмо Ленина и в Женеву к Карпинскому. В нем также содержатся срочные поручения в связи с отъездом группы русских политических эмигрантов домой. Прежде чем покинуть швейцарскую столицу, Надежда Константиновна отправляет отсюда письмо в Давос, начатое еще накануне, тяжело больному большевику В. М. Каспарову. Последние строки ей удается дописать за час до отхода поезда. Не забывает о больных товарищах, вынужденных остаться в Швейцарии, и Ленин. Он присоединяет свой привет Каспарову и другому больному товарищу — Карлу (Бернгейму.— *Ю. Ю.*).

«...Надеюсь, в Питере встретимся и скоро»,— ободряет он обоих друзей.

Формально жителем Цюриха Ленин перестал быть еще семь дней назад. «2 апреля 1917 года выписан в Россию,— сделала у себя пометку о Владимире Ильиче цюрихская полиция.— Потребовал возвращения залога в 100 франков» [45].

Действительно, все свои дела в Цюрихе Владимир Ильич ликвидировал тотчас же, как пришло сообщение из Берна, что разрешение германского правительства на проезд русских политических эмигрантов получено.

Тем не менее на один день Ленин вновь появляется в Цюрихе. Это происходит 9 апреля. Вызвано возвращение Владимира Ильича в Цюрих тем, что именно отсюда вся группа политических эмигрантов во главе с ним выезжает на швейцарско-германскую границу, откуда продолжит свой путь на родину.

Время и здесь оказалось у Владимира Ильича предельно уплотненным. Надо было еще раз проинструктировать всех отъезжающих, включая тех, кто ехал из Цюриха. А как покинуть город,

не уплатив партийные взносы за апрель? Надо было забежать в Цюрихский кантональный банк и получить остаток вклада, специально предназначенный для этой цели. Но время...

И тогда Владимир Ильич обращается с просьбой к казначею цюрихской секции большевиков:

«Вот, товарищ Харитонова, в уплату членских взносов за апрель возьмите, пожалуйста, эту книжку. Деньги вы можете получить в банке. Тут хватит за меня и Надю... Я извиняюсь, что обременяю вас своим поручением. К сожалению, сам не успел получить...»

Среди документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, можно увидеть и ленинскую сберегательную книжку с остатком вклада — пятью франками и пятью сантимами. Старая большевичка по достоинству оценила эту реликвию, погасив тогда партийные взносы за Владимира Ильича и Надежду Константиновну своими деньгами.

Оставалось еще собрать вещи в дорогу, но с этим можно было быстро управиться.

Близко к сердцу принимают разлуку со своими жильцами, Лениным и Крупской, хозяева квартиры сапожник Каммерер и его супруга.

«На прощанье,— вспоминал Каммерер свой диалог с Лениным,— я пожелал ему счастья и сказал:

— Надо надеяться, что в России вам не придется так много работать, как здесь, господин Ульянов!

Он ответил задумчиво:

— Я думаю, господин Каммерер, мне придется работать в Петербурге еще больше!

— Ну, ну,— сказал я,— больше, чем здесь, вы так или иначе не сможете писать. Найдете ли вы там сразу комнату? Ведь там, наверное, сейчас жилищный кризис?

— Комнату-то я получу в любом случае,— ответил господин Ульянов,— только я не знаю, будет ли она такой же тихой, как ваша, господин Каммерер! — После этого он уехал» [46].

На календаре 9 апреля. Цюрихский вокзал. Близится час отхода поезда. На перроне собирается много друзей. Здесь и соотечественники и политические эмигранты из многих стран мира.

«Доброго пути вам»,— говорят их открытые, озаренные весенним солнцем лица, светлые улыбки.

Среди провожающих находилась и Валентина Леонидовна Богрова. Владимир Ильич знал ее с 1905 года, когда она была членом и секретарем Петербургского Совета рабочих депутатов. В дни первой русской революции он выступил на заседании Совета с

речью. Валентина Леонидовна стенографировала ее. В 1914 году она выразила готовность помочь партии в подыскании полиграфической базы для «Социал-Демократа».

«Лично мне хорошо известна» [47],— отозвался о ней Ленин.

Об этом красноречиво говорит и тот факт, что Богрова была в числе тех товарищей, на которых, уезжая на родину, Владимир Ильич возложил издание «Прощального письма к швейцарским рабочим».

На следующий день, когда Владимир Ильич будет уже в пути, она напишет в Женеву Карпинскому:

«Я имею честь Вам передать следующее:

1) Посылаю Вам русский текст письма товарища Ленина... Посылаю Вам текст с запозданием, потому что имеется он лишь в одном экземпляре и нужно было сделать копии от руки пока для немецкого перевода...» [48]

На немецком языке впервые и был опубликован первого мая семнадцатого года этот ленинский документ.

Как знать, не информирует ли Богрова Ленина тогда же на цюрихском вокзале о приготовлениях к изданию «Прощального письма к швейцарским рабочим» [49].

Ленин беседует с провожающими, шутит, но нет-нет да взглянет на часы. Скоро ли отправление?

Потом он подымается на площадку вагона, радостный, счастливый, несущий в себе огромный заряд революционной энергии.

Наступает момент отправления поезда. Кто-то запевает «Интернационал», сразу же его подхватывают десятки голосов.

Свисток паровоза. И громкое «Ура! У-ра! У-ра-а!» катится вслед уходящему поезду.

Пройдет немного времени, и тем же путем, через Германию, вернутся на родину еще две группы политических эмигрантов — несколько сот человек. Среди них будет немало и тех, кто поносил пионеров этого маршрута.

...Поезд идет к швейцарско-германской границе. Настроение у всех светлое, бодрое.

Раскрыв снова уже упоминавшийся «Дневник военных лет» Ромена Роллана, мы найдем в нем горячий сочувственный отклик и на продолжение эпопеи возвращения Ленина из второй эмиграции в Россию.

Вагон с русскими политическими эмигрантами еще примерно на полпути к заветной цели его пассажиров, когда Ромен Роллан приезжает с визитом к Николаю Рубакину в Кларан. Название этого модного швейцарского курорта уже знакомо нашему читателю. Напомним лишь, что здесь у Рубакина была известная

русская библиотека. Она располагала также и литературой на французском и немецком языках. До недавнего времени ее сотрудниками были супруги Усиевичи, отправившиеся вместе с Лениным на родину.

У Рубакина Ромен Роллан встречается с Анатолием Васильевичем Луначарским.

— Он сообщил мне, что Ленин выехал три дня тому назад в Россию через Германию с сорока товарищами, такими же революционерами, как и он,— отмечает Ромен Роллан в своем дневнике.

— Дискуссия, предшествовавшая отъезду, была необычайно бурной. Социал-патриоты неистово восстали против намерений Ленина... Что же касается Ленина, то с ним спорить бесполезно. Если он решил что-нибудь сделать, то никто не сумеет заставить его изменить свое решение. Луначарский изобразил мне его как человека необычайной энергии, человека, имеющего огромное влияние на народ, единственного среди социалистических руководителей, кто пользуется таким влиянием благодаря ясности поставленной им цели и заразительности его воли...

Ромен Роллан еще находится под свежим впечатлением рассказа Луначарского о ленинской биографии, когда поверяет своему дневнику волнение, которым охвачен.

Анатолий Васильевич рассказывал ему о многообещавшем старшем брате Ленина, бесстрашном революционере, казненном царским правительством, о большевиках — депутатах Государственной думы, вернувшихся из сибирской ссылки в Петроград, целиком находившихся под влиянием Ленина. «Последний решил пойти на все, чтобы вернуться в Петроград вопреки желанию Временного правительства...»

Перед тем как самому воспользоваться вынужденным ленинским маршрутом и двинуться в дорогу, Луначарский списывается с Роменом Ролланом для прощальной встречи. И на этот раз в центре их беседы образ Ленина.

«Он целиком отдает себя делу... Он не страдает честолюбием... Он убежден, что правда на его стороне. И ради этой правды он готов пожертвовать всем» — таким самоотверженным борцом, по рассказу Луначарского, запечатлевается Ленин в сознании и сердце Ромена Роллана.

До Ромена Роллана доходит уже в переводе с русского экземпляр того замечательного ленинского документа, который озаглавлен «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Заканчивалось оно, как известно, знаменательными словами: «Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!» [50]

«Надо сказать, что действительно эти слова Ленина являются первым призывом к бойцам мировой революции, которую вынашивает человечество, изнуренное лихорадкой и войной,— гласит запись в его дневнике, сделанная той же весной семнадцатого года.— Заседание открыто. Революция началась...» [51]

Да, только началась. Но кто уже пожинает ее плоды? Заводчики и фабриканты. Помещики. Соглашатели.

Для того ли проливали свою кровь на улицах Питера рабочие? К тому ли сводились вековые чаяния крестьянства?

Решить коренные интересы народа — дело социалистической революции. И потому-то, презрев все опасности и неизбежные наветы врагов, связанные с возвращением домой через Германию, держит Ленин путь в Петроград...

Тайнген. Здесь кончается Швейцария. Таможенный досмотр. И... политические эмигранты лишаются части своего провианта.

— Было бы понятно, если бы у нас отбирали то, что мы увозим, а то нам не позволяли вывозить шоколад из Швейцарии, оставляя по две плитки каждому,— рассказывала Елена Феликсовна Усиевич...— Я ругалась с таможенниками. А сзади стоял Платтен. На нем была пелерина и широкополая шляпа. Он стоял и молчал. Я очень возмущалась, что он мне не помогает отстаивать этот шоколад перед таможенником. А он говорит:

— Пойдем, пойдем, дитя, пока ты волнуешься, я припрятал килограмма два этого шоколада.

В ПУТИ

Среди пассажиров «запломбированного» вагона находился и человек, упоминаемый Лениным в одном из его писем в разгар подготовки к отъезду в Россию: «Лозанну (Гобермана) известите специально» [52],— просит Владимир Ильич цюрихскую секцию большевиков.

И вот я беседую с третьим участником поездки М. Л. Гоберманом. Уроженец Москвы, где еще в 1911 году он связал свою жизнь с партией. Текстильщики Хамовников хорошо знали большевистского агитатора. На его след нападает охранка, бросает его в тюрьму. Ссылка в Архангельскую губернию. Из нее он возвращается с туберкулезом. Ему удается эмигрировать в Швейцарию. В Берне он знакомится с Лениным. Вскоре Надежда Константиновна передает ему указание Владимира Ильича переселиться в Лозанну, чтобы принять участие в добывании средств для партии. Они нужны были для издания Центрального Органа партии — газеты «Социал-Демократ».

В Лозанне Михаил Львович организует концерты, пополняя доходами от них партийную кассу. Отсюда же он регулярно пересылает литературу русским солдатам, находящимся в немецком плену.

Прошло несколько лет после моего первого знакомства с Гоберманом, когда на книжных прилавках появилась интересная новинка — работа Николая Федотовича Прошунина «Сила ленинского слова».

Автор ее цитирует любопытный документ, представляющий и для нас интерес,— отрывок из письма социал-демократа Гобермана к Надежде Константиновне Крупской, как раз относящегося к пропаганде ленинских идей среди пленных немецких и французских солдат.

Встретившись с этой выдержкой, спешу порадовать Гобермана книжной новинкой, в которой упоминается его переписка с Надеждой Константиновной. Через некоторое время встречаемся, и Михаил Львович знакомит меня с полным текстом его письма.

«Здравствуйте, дорогой товарищ! — обращается к Крупской Гоберман.

— Вот насчет чего я хочу у вас спросить.

Через Лозанну в настоящее время проезжают очень часто поезда с ранеными немецкими солдатами и офицерами. Происходит обмен пленными.

Вчера как раз проезжал большой поезд с немецкими солдатами. Находившиеся в моем распоряжении пять брошюр я им роздал.

У Ривлина возникли опасения по поводу такой раздачи. Здесь в кантоне воспрещается раздавать и распространять на улицах печатное слово. Если это будет замечено, то может пострадать автор брошюры. Тов. Ривлин полагает, что автор брошюры, не швейцарский подданный, может быть выслан в административном порядке и что, может быть, авторы выпустили брошюру на немецком языке, не желая ее распространять в Швейцарии.

Я, конечно, больше чем убежден во вздорности таких рассуждений, но так как тов. Ривлин настаивает на том, чтобы у вас спросить это, то я и решился на это. Итак, я жду ответа.

«Коммунистом» * я остался очень и очень доволен. По прочтении его получается целостное представление о совершившемся и совершающемся в большинстве социалистических партий. Все

* «Коммунист» — журнал, основанный В. И. Лениным. Издавался в Женеве в 1915 году. Вышел всего один (двойной) номер журнала. В нем была напечатана ленинская работа «Крах II Интернационала» и еще две статьи Владимира Ильича.

статьи ясно и определенно говорят и убеждают в том, что приемлемы могут быть только две точки зрения: или точка зрения «Коммуниста», или точка зрения (если ты шовинист) Плеханова, Алексинского и т. д. Промежуточные течения смешны и сбивают людей на кумовство, что и вышло с Плехановым и Аксельродом в «Нашем слове». Между Георгием Валентиновичем и Павлом Борисовичем такая же разница, какая между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем: у одного лицо редькой концом вниз, а у другого тоже редькой, но только концом вверх.

Тот человек, который собирается ехать в Россию и мог бы служить очень надежной оказией, взял да и уехал внезапно. Придется ждать другой удобной оказии.

Пока шлю большой товарищеский привет Вам и Ильичу.

М. Гоберман».

Попросим автора прокомментировать этот документ.

— Письмо, отправленное Надежде Константиновне Крупской более шести десятилетий назад, напомнило мне некоторые моменты из эмигрантской жизни и перенесло мое воображение в обстановку нейтральной Швейцарии в период первой мировой войны,— рассказывает Гоберман.— Я проживал тогда в Лозанне. Горячие споры среди эмигрантов о характере войны и патриотизма, доходившие до взаимных обвинений и ссор на улице, в кафе и в домашней обстановке, были беспрерывными.

Вот это письмо и напомнило мне о замечательных статьях Ильича в «Коммунисте», которые еще более подковали нас, большевиков, в борьбе с меньшевиками и эсерами. Теперь, казалось, все неясности исчезли и все предметы стали на свои места. Люди же, пожелавшие сесть между стульями, выглядели смешными. Это и дало мне повод сравнить в письме Плеханова и Аксельрода с гоголевскими персонажами.

Вот почему «Коммунистом» я остался очень и очень доволен и подчеркнул это в письме.

Письмо к Надежде Константиновне всколыхнуло в памяти и работу среди русских, французских и немецких военнопленных, каковой я увлекался и уделял много времени.

В русской эмигрантской колонии у меня был обширный круг знакомых, среди которых я собирал подходящую литературу и отправлял ее в лагеря Германии и Австрии для русских пленных.

Конечно, в посылки с книгами я неизменно вкладывал брошюры Ильича, а также «Социал-Демократ», которыми снабжали меня Григорий Шкловский, Инесса Арманд и Владислав Каспаров. Адреса же лагерей получал я обычно от Надежды Констан-

тиновны. Но пропагандистская деятельность не ограничивалась работой среди русских пленных.

В те дни, когда через Лозанну проходили поезда с немецкими и французскими ранеными пленными (обычно это происходило в ночные часы), я приходил на вокзал. У вагона, коротко через окно, с ними беседовал и передавал брошюры или листовки на французском и немецком языках. Опасению же Ривлина * не придавал значения: во всяком случае, кантональная полиция не препятствовала моему общению с пленными и, помнится, на это не обращала внимания.

Конечно, это письмо многое напомнило мне о жизни и работе в эмиграции, но разве обо всем расскажешь?

— Вопросов нет? — обычно спрашивают в таких случаях. Да, картина ясна.

Наступает Февральская революция. Вместе с другими большевиками Гоберман живет мыслью о немедленном возвращении домой.

Откуда стало известно в Лозанне будущему пассажиру вагона политических эмигрантов о проекте проезда через Германию?

— Мне думается, что я это узнал от Инессы Арманд. И вот почему,— отвечает Михаил Львович.— Товарищ Инесса приезжала в Лозанну для доклада в Народном доме. Сначала я встретил ее у секретаря лозаннской секции большевиков. Потом я пошел послушать ее доклад перед молодежью...

Инесса Арманд и посвятила нас, большевиков, в план предстоящего возвращения на родину.

«Передайте Надежде Константиновне, что я тоже хочу ехать — пусть она меня запишет кандидатом на поездку»,— обратился я к ней с просьбой. Написал письмо Крупской и ждал ответа.

Видимо, об этом узнал Владимир Ильич и попросил цюрихскую секцию сообщить мне о готовящемся отъезде на родину. Крупская не замедлила мне ответить, что, по всей вероятности, отправляемся тогда-то и что дату сообщит телеграммой.

И действительно, вскоре такую телеграмму я получил. Помню, что доставил ее почтальон вечером, а ночью нужно было уже выезжать в Берн.

Пошел в кафе попрощаться с товарищами. Там оказался и эсер Старинкевич, немало уже разглагольствовавший и раньше по поводу «предательства» большевиков, едущих через Германию. Он окинул меня надменным взглядом и сказал: «С этого мо-

* Ривлин Л. С.— член РСДРП с 1899 года. Входил в состав женевской большевистской группы, позднее — лозаннской.

мента можете не считать меня своим знакомым». Я ответил, что очень рад этому.

Прихожу домой. Мои хозяева уже спят. Посматриваю на свои настольные часы. Пора на вокзал. Оставляю часы на память хозяевам с запиской: «Уезжаю в Россию»...

Михаил Львович рассказывает далее о том, как он участвовал в подписании протокола собрания большевиков, отъезжающих на родину, о волнующих встречах с попутчиками в Берне и Цюрихе.

— Да, вот что я хочу еще вам сказать, чтобы не забыть,— оживляется он.— Все мы, ехавшие в немецком вагоне, имели карточку с подписью Фрица Платтена. Я, пожалуй, единственный человек, который сохранил такую карточку.

Пассажир «запломбированного» вагона показывает уникальную реликвию. Небольшой, размером в ладонь, листок бумаги. В центре его — штамп Швейцарской социал-демократической партии. Ниже текст: место, номер. В правом углу пометка — № 21. И в конце личная подпись Фрица Платтена.

— Видимо, это и было мое место в вагоне — № 21,— поясняет Гоберман.— Могу дать для вашей работы фотокопию этой карточки.

Я с благодарностью принимаю ее.

Человеку, сохранившему путевку на родину с автографом Фрица Платтена, она напоминает о многом...

Поздний апрельский вечер семнадцатого года. Где-то на путях станции Готтмадинген стоит заурядный, видавший виды вагон немецких железных дорог. Надо обойти его, чтобы оказаться перед единственной открытой для входа и выхода задней дверью. Возле ступенек вагона два офицера. Им надо предъявить платтеновский пропуск, и лишь после этого тебя пропустят. Часть — купе второго класса, часть — третьего. Следа половой тряпки или веника не видно, зато вольготно чувствуют себя насекомые.

Места немецких офицеров, сопровождающих русских политических эмигрантов до шведской границы,— в купе у самого входа в вагон. Меловая линия в коридоре — русская граница. Перешагнуть ее вправе только Фриц Платтен. На этом и зиждется принцип экстерриториальности вагона.

Пассажиры располагаются на отведенных им местах. По четыре человека в восьми купе.

— Спальных мест в каждом купе было только два,— рассказывает З. О. Рывкин.— Мы устроили дежурства, чтобы спать по очереди. Спали до двух часов и после. Меня поместили в купе, где находился Ленин. Пока нас рассаживали, стало темно. При-

шли кельнеры с вокзала. Они несли на подносиках котлеты и куски черного и белого хлеба, хотели зайти к нам в вагон. А Платтен стоит и говорит: «Не могу вас пустить».

Прошла ночь, прежде чем вагон, в котором находились русские эмигранты, прицепили к поезду, шедшему на Берлин. К утру, таким образом, успели проехать очень мало.

— А где же хваленая немецкая аккуратность? — лукаво улыбаясь, спросил Фрица Платтена Владимир Ильич.— Эдак мы и пять суток проедем по Германии.

Первое утро в пути по немецкой земле. Как не запомнить его даже более пяти десятилетий спустя! Остались в памяти З. О. Рывкина хлопоты Владимира Ильича о бытовой стороне переезда.

— Кто нас будет кормить? — спросил Ленин женщин, занимавшихся продовольствием.— Что у вас есть?

Ему показали что есть — немного колбасы, сыра и сахара. Он посмотрел, сделал свой любимый жест — пригладил голову и говорит:

— Все это надо разделить на пять частей, и каждую часть разделить еще на три части, чтобы еда была на утро, день и вечер. Сахар раздать по куску в день, а детям по два...

Такой паек и был установлен.

...Трое суток «запломбированный» вагон едет по Германии. Какая же жизнь идет в нем, чем заняты Ленин и его спутники? Прежде чем читатель услышит короткий рассказ об этом из уст четвертого участника поездки, мы позволим себе небольшое отступление.

МОЛОДОЙ ТОВАРИЩ ИЗ ЛА-ШО-де-ФОНА

«В день памяти Парижской коммуны, 18 марта, Ильич ездил в Шо-де-Фон — крупный швейцарский рабочий центр,— вспоминала Надежда Константиновна о реферате, с которым Ленин выступил через три дня после получения в Цюрихе первых известий о Февральской революции в России.— Охотно поехал туда Ильич, там жил Абрамович, молодой товарищ, работал там на заводе, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении» [53].

Имя молодого рабочего называет Ленин в одном из своих писем Карпинскому, написанных накануне окончательного разрешения вопроса о проезде русских политических эмигрантов через Германию.

«С Абрамовичем (известите его, чтобы торопился ехать, т. е.

приготовиться: едем в среду) сговоритесь *детально* о переписке с Шо-де-Фоном и об издании моей речи» [54],— просит Владимир Ильич Вячеслава Алексеевича.

Отыскать бывшего сборщика часов в Ла-Шо-де-Фоне, выполнявшего в эмиграции многочисленные ленинские поручения и сопутствовавшего Владимиру Ильичу при возвращении на родину, Александра Емельяновича Абрамовича-Четуева, первый раз мне удается в городе Лиепая (Латвийская ССР).

Вторично навещаю его по прошествии нескольких лет в Риге, куда он перебрался вместе с семьей на постоянное жительство.

Старый коммунист много лет вел партийную работу: в семнадцатом году в Питере был ответственным организатором Охтинского района и членом Петербургского комитета партии. Позже входил в состав бюро Одесского обкома партии. Работал в Коминтерне. Был парторгом ЦК на строительстве завода в Новосибирске. Заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в одном из сибирских вузов.

Рижская встреча с Александром Емельяновичем позволяет вернуться к ранее затропутым темам, чтобы раскрыть некоторые скобки, а также кое-чем новым и существенным пополнить журналистский блокнот.

Откуда вдруг на чужбине, в швейцарском городе Ла-Шо-де-Фоне, оказался еще один человек из России, которого Ленин через Карпинского торопит сборами в дорогу. Чем он представляет интерес для Владимира Ильича?

Шодефонский адресат Ленина — Абрамович. Где же берет начало вторая часть фамилии Александра Емельяновича — Четуев?

Молодой товарищ, как называла его Надежда Константиновна, не в пример пушкинскому герою охотой к перемене мест не страдал. Тем не менее менять их ему приходилось, причем однажды самым фантастическим образом: ехал, а вернее следовал, в Сибирь, очутился же в... Швейцарии.

В чем же тут дело? Превратности судьбы профессионального революционера.

Первоначальный маршрут его вынужденного перемещения был предопределен приговором царского суда. Хватит, дескать, возиться с бунтарем: из Новороссийского императорского университета за участие в одесской демонстрации против кровавой расправы, устроенной царем над петербургскими рабочими 9 января 1905 года, уже исключался. Арест, затем армия; установлено, что ведет большевистскую пропаганду среди солдат. На каторгу его! Срок — четыре года. Место каторжных работ — Якутия.

Немало пересыльных тюрем пришлось переменить Александру

Емельяновичу на долгом пути каторжанина, пока наконец в одном из арестантских вагонов его не доставили в Иркутск. Отсюда он и совершил дерзкий побег.

Обзавестись паспортом на имя Четуева помогают ему читинские большевики. Подоспела для него и подходящая вакансия: его устроили проводником в эшелон со скотом, переправлявшимся из Читы в Москву на бойню. Александр Емельянович и тут быстро освоился, а среди проводников скоро стал своим человеком.

— В нашей жизни, в нашей работе мы должны были проявлять находчивость,— улыбаясь, рассказывает Александр Емельянович.— Имея паспорт в кармане — я кум королю. Ведь на лице у меня не написано, что я ссыльный. По России проехал свободно. В Каменец-Подольске мне устроили переход через границу.

Заминка все же вышла. Произошло это уже в австрийской столице. На южном вокзале Вены Александр Емельянович оказался в тот момент, когда из Италии прибыл поезд... вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Облава. Проверка документов. Александра Емельяновича подводят пуговицы на черной студенческой куртке, в которую он облачен. Они оказались не форменными.

Венская полиция категорически предложила Александру Емельяновичу немедленно покинуть Австрию. Он уезжает в Берлин, а уж оттуда перебирается в Женеву. Здесь он тоже узнает «почем фунт лиха», надрываясь от тяжелой низкооплачиваемой работы. Но с первых же дней пребывания в эмиграции устанавливает связи с большевиками и ведет активную партийную работу.

— Моей партийной специальностью была подпольная техника,— вспоминает Александр Емельянович.— Я готовил паспорта для нелегалов.

Желание познакомиться с подпольным техником выразил Ленин. Встреча произошла в Берне. Владимир Ильич подробно интересовался женевскими условиями жизни своего собеседника и принял близко к сердцу его лишения и нужду. Обстоятельно вникал Владимир Ильич и в «чародейство» подпольного техника.

— Не переедете ли вы из Женевы? — спросил Владимир Ильич и, получив утвердительный ответ, назвал город Ла-Шодэ-Фон. С рекомендательным письмом Ленина, адресованным местному товарищу-интернационалисту, Александр Емельянович и направился в пограничный город, расположенный между Францией и Швейцарией. Там ему помогли получить на заводе место ученика. Приобретая специальность, молодой рабочий из России одновременно усердно овладевал французским языком, по совету Ленина принимал деятельное участие в швейцарском рабочем дви-

жении. Ленинский замысел переброски партийного работника в намеченный пункт все более себя оправдывал.

— Ла-Шо-де-Фон находится в кантоне Невшатель,— рассказывает Александр Емельянович,— там много часовых фабрик. Это столица часовщиков.

Немало памятного осталось там от парижских коммунаров, которые после падения Коммуны нашли здесь себе убежище, создали музей.

В Ла-Шо-де-Фоне существовал интернациональный клуб рабочих. Его посещали немецкие, французские, итальянские социалисты-интернационалисты. Входили в него и мы, русские большевики.

Ежегодно в этом городе проводились лекции, посвященные Парижской коммуне. С этой целью приглашали одного из видных революционеров.

Зная, что я хорошо знаком с Лениным, переписываюсь с ним, местные товарищи и попросили меня в декабре 1916 года вступить в переговоры с Владимиром Ильичем: не согласится ли он в годовщину Парижской коммуны приехать в Ла-Шо-де-Фон и прочесть реферат в интернациональном клубе.

Для нас, большевиков, было особенно важно, чтобы выступил Ленин. Тогда же, в декабре, я и приехал в Цюрих. Пошел на квартиру к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич, у меня есть к Вам поручение.— И передал суть просьбы. Ленин охотно согласился.

С этой вестью я и вернулся к своим товарищам: будет у нас докладчик в годовщину Парижской коммуны. Приедет Владимир Ильич.

Но наступил семнадцатый год, началась Февральская революция в России. Я считал, что Владимиру Ильичу не до Ла-Шо-де-Фона. И вдруг получаю телеграмму, в которой он сообщает, что приедет 18 марта, и просит переменить тему реферата. Я пошел к товарищам, и мы напечатали афишу о предстоящем 5(18) марта в рабочем клубе реферате Ленина на тему «Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?» Лекция была настолько привлекательной, что особой рекламы не требовалось.

Владимира Ильича я встретил на вокзале. Помню, что это было утром в воскресенье. Через пятнадцать минут мы с дорогим гостем поднимались на второй этаж дома, где я в рабочей семье снимал комнату. Позавтракали.

Владимир Ильич остался отдыхать с дороги, а у меня был рабочий день, и я направился на завод.

Возвращаюсь к обеду домой. Застаю Ленина бодрым, в хорошем настроении. Он даже успел и мою библиотеку перебрать. На полке стояли тома произведений Льва Толстого, Максима Горького, Виктора Гюго на французском языке.

— Как же вам можно поручать конспирацию? — неожиданно для меня спросил Владимир Ильич, полиставший, как я мог убедиться, эти книги.

Выяснилось, что он среди них обнаружил пачку своих писем, посланных в разное время мне. Надо сказать, что у меня любопытные письма были от Владимира Ильича — с юмором, и сердитые, и хвалебные...

Обычно ленинские письма содержали и прямое указание, как поступить с ними после ознакомления: одни — переслать, другие — возвратить, третьи — уничтожить. Но мне было жаль уничтожать особенно нравившиеся мне ленинские письма, и я их сохранил в своем архиве. Они-то и попались на глаза Ленину, отдыхавшему за книгами перед своим рефератом. Проборку от Владимира Ильича я получил приличную.

До своего публичного выступления Ленин встретился с членами местной группы большевиков и провел беседу. Наступил объявленный час реферата.

Многолюдная аудитория, собравшаяся к этому времени в рабочем клубе, представляла собой по политическому составу довольно разноликую массу. Преобладали швейцарские пролетарии из всех районов часовой промышленности, искренне сочувствовавшие сторонникам Ленина. Но тут же можно было увидеть среди группы немецких социал-демократов и типичного швейцарского бюргера. Из русских эмигрантов, присутствовавших в зале, пятеро были большевиками, другие соотечественники — разномастные оборонцы: эсеры, меньшевики. Среди этих «патриотов» был владелец часовой фабричонки.

Владимир Ильич вошел в зал в сопровождении партийных товарищей. В это время на трибуну поднялся пацифист Эрнест Поль Грабер. Витиевато и расплывчато выступает в прошлом швейцарский интернационалист, переметнувшийся в начале 1917 года в лагерь центристов.

«...Ленин сидел в сторонке и, судя по выражению его лица, был очень недоволен выступлением Грабера,— вспоминал один из русских большевиков, Я. Быкин, в то время рабочий-часовщик в Ла-Шо-де-Фоне, а позднее секретарь Башкирского обкома партии.— На наш вопрос о выступлении Грабера он пренебрежительно заметил:

— Много фраз, горячая речь, история с картошкой и только» [55].

Слово получает Ленин. Реферат свой он читает на немецком языке. И сразу же овладевает всей аудиторией. Историческое значение Парижской коммуны ставит в прямую связь с последними событиями в России. Говорит о том, чему учат опыт Парижской коммуны и роковые ошибки, допущенные ею. Надо вырвать власть из рук буржуазии, довести русскую революцию до полной победы пролетариата...

Мы уже упоминали, что перед началом реферата Ленин беседовал с группой большевиков.

— Кто поедет в Россию? — поинтересовался Владимир Ильич у своих соотечественников.

Ехать тотчас же оказался готовым лишь один Абрамович.

— А каким образом? — полюбопытствовал Владимир Ильич.

— У меня к тому времени уже созрел план,— рассказывает Александр Емельянович.— Когда началась Февральская революция, мы стали искать пути возвращения на родину.

Среди русских эмигрантов в Женеве у меня было много знакомых. Там в это время находилась дочь писателя Коцюбинского. Ее мужем был сын известного русского художника Николая Ге. Они знали, что я хочу уехать домой, и подсказали способ возвращения на родину. Тут же в Женеве жила семья богатого русского лесопромышленника, привозившая на лечение сына. Для сопровождения больного нужен был человек, врач по специальности...

— Способностью перевоплощаться мы, подпольщики, всегда обладали,— рассказывает Александр Емельянович о новой миссии, к которой он готовился.— Надо — едешь барином, надо — становишься чернорабочим. Вполне подходила моя кандидатура и на этот случай. Нужен сопровождающий врач? Извольте, я к вашим услугам.

В Швейцарии я формально окончил Женевский университет. Получил диплом врача. Но все-таки мой план переезда пока еще оставался не больше чем прожектом.

— Продолжайте действовать в этом направлении, а я, может быть, вам помогу,— сказал Владимир Ильич.

Спустя некоторое время я получаю две телеграммы. Одну — от Карпинского. Он предлагал приехать в Женеву, сдать ему все материалы по реферату Ленина в Ла-Шо-де-Фоне и быть готовым ехать в ближайшие дни. Другую — от Инессы Арманд, которая просила все подпольные связи передать товарищу и ехать к Карпинскому. Я немедленно отправился в Женеву.

Отъезд все затягивался. И Александр Емельянович вспоминает, как, наконец, выяснилось, что все решено.

— Это произошло в день, когда меньшевики и эсеры метали с трибуны Народного дома в Женеве громы и молнии в адрес большевиков, решивших ехать на родину через Германию. «Да здравствует русская революция!», «Да здравствует война до победного конца!» — провозглашали они при этом.

Мы пришли на это собрание вместе со швейцарскими рабочими. И когда организаторы этого собрания потеряли всякую меру приличия, мы прогнали их с трибуны. Вдруг появляется Карпинский.

— От Ленина телеграмма. Надо немедленно выезжать...

Багажа у нас не было никакого. Мы отправились на вокзал, чтобы поехать в Берн. По дороге встретили Миха Цхакая. Он шел с Сулиашвили. Миха Цхакая спрашивает:

— Куда едете?

Мы отвечаем ему, что получили телеграмму от Ленина. Отъезжаем в Берн.

— А меня возьмете с собой?

Миха Цхакая тут же кому-то передает для хозяйки ключи от квартиры.

— А долг Ее Величество Революция уплатит,— добавил он, смеясь.

Так с ходу и поехал.

Из Берна мы прибыли в Цюрих. Сели снова в поезд и поехали на последнюю станцию Швейцарии. Помню, как любовались в последний раз знаменитым Рейнским водопадом. Одна сторона его в Швейцарии, а другая — в Германии...

Напомним читателю: с пассажирами «запломбированного» вагона мы расстались в первое утро их путешествия по Германии. Что же было дальше?

По своему обыкновению Ленин и в пути сразу же настроился на рабочий лад. Большую часть дня его можно было увидеть в купе, то склонившимся над книгой, то вносящим записи в тетрадку.

А как проводили дневные часы этого путешествия по Германии попутчики Владимира Ильича? Ведь пожаловаться на недостаток досуга они никак не могли.

— Народ был молодой,— отвечая на мой вопрос, рассказывает Александр Емельянович.— Когда мы сели в поезд, настроение было радостное, хотелось петь, но петь революционные песни на немецкой территории нам не разрешалось. Немцы взяли с нас и такое обязательство. Ну, что же поделаешь. Мы выбирали песни немудреные.

Нашлись среди пассажиров веселые рассказчики. Это была

вполне естественная разрядка после многих горьких переживаний на чужбине. И Ленин принимал эту разрядку как должное. Но нельзя было забывать и о деле.

Партии предстояло повести за собой массы к полной и подлинной победе народной власти. Жаркие бои, горячие схватки с меньшевиками, эсерами и всякими иными прихвостнями контрреволюционного Временного правительства ожидали каждого большевика, возвращавшегося из эмиграции на родину. Об этом, по свидетельству Александра Емельяновича, Ленин и напомнил товарищам, не в меру увлекшимся художественной самодеятельностью...

— По предложению Ленина был установлен распорядок. Каждый вечер он собирал нас, читал свои «Письма из далека». Первыми еще в пути Владимир Ильич познакомил нас с набросками своих тезисов о задачах пролетариата в революции.

Программные ленинские документы вызвали живейший интерес, активно обсуждались. Владимиру Ильичу задавали вопросы. И отвечая на них, он особенно подчеркивал необходимость вооружения рабочих, рекомендовал по приезде в Россию тщательно изучать опыт деятельности Советов в 1905 году. Советы — новая форма власти.

...Коридор вагона. Ленина обступила группа товарищей. Идет непринужденный разговор.

Гоберман спросил Владимира Ильича: чего можно ожидать от Временного правительства за проезд группы политических эмигрантов через Германию.

— Я помню отлично его ответ,— рассказывает Михаил Львович.— Целеустремленность Ленина была такова, что он отметал всякие разговоры на тему: что станет говорить княгиня Марья Алексевна (помните у Грибоедова) про то, что мы проехали через Германию.

— Нас это меньше всего должно интересовать, мы должны делать свое дело, дело революции. Что касается оборонцев, то они все равно обливали бы нас грязью, даже если бы мы проехали через Англию. Самое важное, чтобы мы не упустили момент...

Я записал ленинские слова давно — лет сорок — сорок пять тому назад. У меня были кое-какие наброски, сделанные в том же вагоне. Но я достоверно помню, что именно так ответил мне Ленин:

«...Мы должны делать свое дело, дело революции...»

Не слышит ли эти ленинские слова и Фриц Платтен, которого Владимир Ильич спрашивает в пути:

«Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?

— Должен сознаться, что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но как борцы вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену, навстречу смерти,— отвечает он.— Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу» [56].

«ПУСТЬ НЕ ПОКАЗЫВАЮТСЯ ЭТИ ИЗМЕННИКИ НА ГЛАЗА»

Немцы, казалось бы, сделали все, для того чтобы пассажиры «запломбированного» вагона не увидели обескровленную войной Германию. Но глаза не завяжешь. Окна наглухо не заколотишь.

«Ильич не отходил от окна,— вспоминала З. Лилина, возвратившаяся в Россию в составе той же группы.— Он пытался по картине Германии составить себе хотя бы приблизительное представление о том, что делается в России. Ужасную картину представляла Германия. На вокзалах пусто, в деревнях лишь женщины, старики, дети. Мужчины поголовно в военных мундирах» [57].

Поезд идет по Германии, останавливается редко, преимущественно ночью. Но откуда ни возьмись у вагона оказываются местные жители. Их оттесняет полиция. Но они не расходятся. Они хотят узнать у политических эмигрантов, скоро ли конец войне.

Здесь мы вновь вернемся к интервью, взятому у Елены Феликсовны Усиевич.

— Издали люди показывали нам юмористический журнал «Симплициссимус», что по-русски значит «простак». Это не немецкое, а латинское слово. Платтен потом принес нам этот журнал. Там была карикатура на царя. Немцы хотели конца войны, на многих страшно было смотреть: толпа изнуренных, изможденных людей. Среди гражданского населения царил голод. Как говорил Ленин, «великолепно организованный голод». Люди мечтали о мире.

Поезд приходит во Франкфурт-на-Майне. Здесь вагон отцепляют. В ожидании поезда он стоит в тупике. Платтен уходит куда-то, но вскоре возвращается, держа в руках несколько кружек пива. За ним торжественно несут пенящиеся сосуды немецкие солдаты.

Произошла, оказывается, вот какая история. Оба немецких офицера, сопровождавших вагон, Планитц и Бюринг, вовсе не собирались скучать в железнодорожном тупике и отправились в город.

Фриц Платтен еще оставался в вагоне. Но у него были дела на вокзале, и он отправился туда. Заглянул и в буфет, где продавали пиво. Тут его и осенила мысль — преподнести сюрприз русским друзьям. Всем до одного. Но много ли кружек пива он сумеет донести сам?

Между тем в зале буфета о чем-то оживленно беседовали несколько немецких солдат. Платтен подошел к ним поближе. Прислушался к разговору. Толкуют о пассажирах «запломбированного» вагона. Он представился и, не пускаясь в длинные разговоры, предложил новым знакомым помочь донести до вагона пиво, которым ему хочется угостить русских.

Люди, одетые в шинели немецких солдат, были из рабочих. Шовинистическая пропаганда Шейдемана — лидера социал-демократической партии, членами которой они оказались, наложила свой отпечаток на их взгляды, но при всем этом война им осточертела. И в надежде получить ответ на вопрос, скоро ли придет ей конец, они и пришли сюда. Могли ли они не посочувствовать тому делу, ради которого русские политические эмигранты спешили на родину?..

Нашлись и охотники силой пожаловать в гости к русским политическим эмигрантам. Ленин вспоминал об этом неприятном инциденте на VII (Апрельской) Всероссийской конференции нашей партии:

«Когда мы ехали в вагоне по Германии, то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим. Если бы к нам впустили, например, Карла Либкнехта, то мы бы с ним поговорили» [58].

Где же это произошло и кто именно ломился в двери «запломбированного» вагона?

Поезд пришел в Штутгарт. Вдруг в вагон стал рваться некто Янсон. Что ему угодно? Ему, видите ли, не терпится передать пламенный привет русским политическим эмигрантам от германских профсоюзов.

— Мы геноссен,— подчеркивал Янсон.

Он, правда, не добавил при этом, от каких именно германских профсоюзов соизволил сюда пожаловать. Но Платтен и не нуждался в таком пояснении. Он отлично знал, кого представляет этот социал-шовинист. Не мудрено, что он грудью загородил ему дорогу.

А тот напирает, лезет со своим приветствием напролом. Никакие доводы формального характера, что по условиям проезда рус-

ских политических эмигрантов через Германию вход к ним в вагон запрещен, не охлаждают темперамента незваного гостя.

— Пойдите все же, спросите Ленина,— настаивал он.

— Я был в купе, когда вошел Платтен и спросил Ленина, как быть,— рассказывает З. О. Рывкин.— Ленин говорит: «Какие мы им геноссен. Они предатели рабочего класса. Так им и скажите».

С презрением был отвергнут «адрес» господ немецких социал-шовинистов.

...Маршрутный поезд продолжает свой рейс по Германии. Вот и Берлин. Одни пассажиры добираются с Потсдамского вокзала до Штеттинского омнибусами, другие на извозчиках. А «запломбированный» вагон петляет по окружной железной дороге. У одного из окон стоит Ленин. Сколько воспоминаний было связано у Владимира Ильича с этим городом. Впервые он приезжал сюда в 1895 году. Здесь он занимался в публичной библиотеке, составлял конспект одного из классических произведений Маркса и Энгельса, бывал на рабочих собраниях. Здесь он познакомился с соратником Маркса Вильгельмом Либкнехтом — одним из руководителей германской социал-демократии. Через Берлин лежал его путь в апреле 1907 года в Лондон, на V съезд партии. И вот теперь перед ним вновь силуэты Берлина.

Ничего не подозревавшие о переброске «запломбированного» вагона с Потсдамского вокзала на Штеттинский, сопровождающие немецкие офицеры развлекались в одном из ресторанов. Когда хватились, что вагона нет, душа в пятки ушла.

Наконец отыскали вагон и опять завертелись колеса. Все ближе и ближе Засниц — портовый город на берегу Балтийского моря. Здесь и кончается Германия. Немецким офицерам остается выполнить некоторые формальности, и на этом их миссия кончается.

Продолжить путешествие русским политическим эмигрантам предстоит на борту шведского грузового парома-парохода «Королева Виктория». «Королева» оказывает свое гостеприимство сразу всему поезду вместе с его подвижным составом и несет его по волнам Балтийского моря к шведскому берегу, в Треллеборг.

...Четыре часа на просторах Балтики. Как себя чувствуют здесь наши соотечественники, чем заняты?

НА БОРТУ «КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ»

После закупоренного вагона они счастливы, наконец, подышать свежим морским воздухом. Но далеко не все могут сладить с крепким ветром и выдержать качку. Не покидают палубы лишь самые сильные.

Могучий порыв взбрасывает волну на борт парохода.

— Это вам подарок, товарищ Ильич,— шутит один из попутчиков.— Первая дружеская волна из революционной России.

Да, ждут не дождутся Ленина на родине. Достаточно было Ганецкому получить телеграмму Ленина из Берна о дне отъезда, как он поспешил встретить Владимира Ильича и всю группу политических эмигрантов в шведском порту Треллеборге. Поспешил, не дождавшись последней депеши, отправленной за подписями Платтена и Ленина уже по пути из Засница (Германия) в Треллеборг: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг».

Опередив таким образом события на целых два рейса «Королевы Виктории» из Засница в Треллеборг, Ганецкий оба дня томился в неведении. Звонил по телефону домой в Стокгольм, но ничего утешительного жена не могла ему сообщить. Телеграфировал в Швейцарию — ответа не последовало.

Третий день ждет Ганецкий Ленина. Третий раз за это время «Королева Виктория» держит курс к шведскому берегу. Там ли на этот раз Ленин со всей группой русских политических эмигрантов?

— Нельзя ли дать телеграмму на пароход,— обращается Ганецкий к начальнику порта в Треллеборге.

— Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы,— отвечает он.

Лишь служебные? Яков Станиславович уже успел к тому времени обратить внимание на объявление русского Красного Креста, висевшее на станции. За представителя этого общества он себя тут же и выдает. Служебную телеграмму ему как раз и нужно отправить. Он имеет поручение Красного Креста принять партию эмигрантов и просит выяснить по телеграфу у капитана парохода, едет ли партия русских эмигрантов, сколько в ней мужчин, женщин, детей. Ведь он должен еще успеть заказать для них места в вагоне до Стокгольма.

Доводы оказались убедительными, и начальник порта тут же дал телеграмму: «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей?»

Телеграмму получил капитан парохода и обратился к русским политэмигрантам с вопросом, кто из них г-н Ульянов.

В рядах пассажиров замешательство.

— Дело в том,— рассказывает А. Е. Абрамович,— что как только пароход отплыл от немецкого берега, нам дали анкеты, в которых мы должны были написать свои имена, фамилии, цель поездки. Опасаясь подвоха со стороны немцев, мы решили записаться под вымышленными именами. И теперь не знали, признаваться ли в этом.

Сколько было пережито волнений участниками поездки за те немногие мгновения, пока выяснилось, с каким намерением спустился из своей рубки на палубу капитан «Королевы Виктории».

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты»,— гласил ответ, переданный по радио с «Королевы Виктории».

Радостная весть не застает врасплох наших шведских друзей. Они готовы по-братски встретить Ленина и его соратников. Русских политических эмигрантов, возвращающихся во главе с Лениным на родину, ждет на шведской земле и стол и дом.

Рядом с Ганецким можно увидеть в порту Треллеборга Отто Гримлунда — представителя шведских левых социал-демократов, интернационалиста, журналиста по профессии.

«Но вот паром у пристани,— вспоминает об этом торжественном моменте Отто Гримлунд.— На верхней палубе его показалась рослая фигура с непокрытой головой. Это Фриц Платтен... Вокруг него несколько десятков человек. Я киваю Платтену, и вскоре все начинают кивать и улыбаться. Спускается трап, я спешу на борт. Сердечные объятия и поцелуи по русской традиции» [59].

Дорога из Треллеборга в Стокгольм лежала через город Мальмё. Поезд отходил туда через каких-нибудь пятнадцать минут после прибытия «Королевы Виктории» в порт. Начнись обычная таможенная канитель — эмигранты опоздали бы. Предусмотрительный Ганецкий заблаговременно вступил в переговоры на этот счет с таможенниками, рассказал, какого рода пассажиров он встречает, и убедил их поступиться на сей раз пограничными формальностями. Согласие было получено при одном условии — показать им Ленина. Так и состоялось это джентльменское соглашение, которое было безукоризненно выполнено обеими сторонами.

Поезд приходит в Мальмё. Путешествие в Стокгольм будет продолжено через несколько часов. Гостей приглашают в гостиницу. Их ждет накрытый стол. Насытившись, гости от души благодарят своих хозяев и уже собираются покинуть ресторан, но в этот момент открываются двери соседнего зала и их просят к... обеду. Это, оказывается, была всего лишь холодная закуска.

У ШВЕДСКИХ ДРУЗЕЙ

Ночь застает путешественников по дороге в Стокгольм. Но лишь на рассвете удается Ленину вздремнуть, и то ненадолго. Он рисует своим новым собеседникам Ганецкому и Гримлунду обстановку, в которой проходила поездка. Сам о многом расспрашивает.

Шведский журналист забрасывает Ленина встречными вопросами. Так в блокноте Отто Гримлунда появляется текст самого дорогого для него интервью.

Большой разговор ведет в эту ночь Ленин с Ганецким. Расспрашивает о последних новостях, о событиях в Петрограде, делится своими мыслями о внутрипартийных задачах и делах.

Перед Стокгольмом вагон атакует шведская пресса. Ее многочисленные представители настойчивы, а порой и назойливы. «Владимир Ильич их не принял,— рассказывает Ганецкий.— Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы...» [60]

Необычно выглядел в это утро свежий номер «Politiken» — газеты шведских левых социал-демократов, издававшейся в Стокгольме. Она украсила свою первую страницу портретом Ленина. Проезду через шведскую столицу на родину группы русских революционеров во главе с Владимиром Ильичем была посвящена специальная статья.

Предстоящее событие всколыхнуло весь Стокгольм. Могли ли остаться безучастными к нему журналисты, фотокорреспонденты, кинооператоры?

Наступают самые напряженные минуты ожидания поезда. И вот уже навстречу Ленину, выходящему из вагона, идут видные представители левой социал-демократической партии Швеции, интернационалисты, русские большевики, оказавшиеся здесь в эмиграции и не успевшие еще вернуться на родину. Рукопожатия, обмен приветствиями...

Отель «Регина». Здесь на несколько часов, оставшихся до отхода поезда из Стокгольма к шведско-русской границе, остановилась группа политических эмигрантов. Отдыхать Владимир Ильич не собирается. Надо хотя бы пробежать страницы петроградских газет. В номере гостиницы оказалась карта Европы. Какое же расстояние отсюда до Питера? Обращаясь к писателю и публицисту Фр. Стрёму, стоящему рядом, Ленин говорит:

«Через 48 часов мы будем в Петрограде. Мы едем сегодня же вечером. Дорог каждый час... Мы должны покончить с буржуазией и империалистами — иначе революция проиграна...» [61].

Но до отъезда еще есть время. Ленин участвует в совместном совещании эмигрантов и шведских левых социал-демократов, где выступает с сообщением. Шведские интернационалисты отвечают на его выступление о проезде через Германию полным взаимопониманием и присоединяют свои подписи к заявлению интернационалистов Франции, Германии, Польши и Швейцарии, одобряющему возвращение русских эмигрантов в революционную Россию.

Считанные часы, проведенные вместе с Владимиром Ильичем, останутся в их памяти на годы и десятилетия. Мемуары же Фредрика Стрёма украсит и ленинская шутка за обеденным столом, так характеризующая оптимизм Владимира Ильича.

Автор мемуаров расскажет об эпизоде, имевшем место, после того как шведские интернационалисты письменно подтвердили свою солидарность с русскими политическими эмигрантами.

«...Ленин пожал нам руки. Потом во время ленча мы ели в гостинице шведский бифштекс. Я был поражен количеством соли и перца, которое Ленин сыпал на бифштекс. Я предостерег его, сказав, что он наносит вред не только кровеносным сосудам, но и желудку. Ленин рассмеялся и сказал:

— Нужно съесть много соли и перца, когда едешь домой драться с царскими генералами и оппортунистами-керенскими. За столом я произнес небольшую речь и приветствие от имени новой левой партии, которая вскоре должна была конституироваться.

— Тогда мы пошлем делегацию с флагами и поздравлениями,— сказал Ленин» [62].

Пребывание в Стокгольме Ленин использует для решения важного организационного вопроса. Он участвует в совещании большевиков, принявшем решение о создании Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме, и тогда же передает для газеты «Politiken» немецкий текст его ранее опубликованного автореферата «О задачах РСДРП в русской революции» и коммюнике группы русских революционеров о проезде через Германию.

Предусмотрительно оставляет на хранение у русских партийных товарищей документы, к которым наверняка протянули бы свои грязные лапы на границе агенты Милюкова и Керенского. Получает свидетельство № 109, выданное русским генеральным консульством в Швеции, без которого нельзя въехать в Россию. Пытается навестить в следственной тюрьме Ц. Хёглунда — члена риксдага, но за недостатком времени поездка к Хёглунду не состоялась, и Ленин вместе со Стрёмом шлет ему телеграмму с пожеланием от имени русских и шведских друзей скорого возвращения на свободу, к борьбе. Приобретает книги.

Во время прогулки Ленина по городу товарищам удалось заманить его в универсальный магазин.

— Я еду домой, в Россию, не за тем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию,— шутил Владимир Ильич.

Принимал участие в экипировке Владимира Ильича и З. О. Рывкин. «Дошло дело до шляпы,— рассказывает он.— Ленин ходил в довольно поношенном котелке. Ему рекомендовали мягкую шляпу.

— Что вы, хотите из меня купчика сделать? — отшучивался Владимир Ильич.

Но его все-таки уговорили сделать обновку».

В отеле «Регина», где остановился Ленин, происходят трогательные и счастливые встречи.

— Что ты плачешь? — спросили Раису Сковно, большевичку, целых десять лет мыкавшую эмигрантскую долю в Швеции.

— Я рада, что всех вас вижу,— ответила женщина, стоявшая рядом с двумя пассажирами «запломбированного» вагона — братом, А. Сковно, и его женой Анной Евгеньевной Константинович.

Имена этих супругов Ленин называет дважды в своих письмах, написанных в страдные дни подготовки к возвращению на родину. Владимир Ильич высоко ценил чету закаленных суровыми испытаниями революционеров.

О многом интересном, связанном с деятельностью Владимира Ильича в период его второй эмиграции, смог бы рассказать А. А. Сковно, впервые познакомившийся с ним в Париже в 1910 году. Однако профессиональный революционер, вступивший в партию еще в 1908 году, рано ушел из жизни. Но и те эпизоды, касающиеся переезда на родину в одном вагоне с Владимиром Ильичем, которыми он поделился, представляют для нас интерес.

«...Во время нашего путешествия в Россию после Февральской революции... в вагоне не хватало мест для спанья,— рассказывает он.— Тогда Владимир Ильич установил «карточную систему»: каждый мог спать только в те часы, которые были обозначены на его карточке, после чего уступал место другому. Владимир Ильич, несмотря на наши просьбы, спал также «по карточке», простаивая остальное время на ногах» [63].

Беседуя с Еленой Феликсовной Усиевич, я спросил ее о жене Сковно, Анне Евгеньевне Константинович, упоминаемой в ленинских письмах.

— Анна Евгеньевна была урожденная Арманд,— рассказывает Усиевич.— Инесса Арманд была Арманд по мужу, а она — урожденная Арманд. Очень сдержанная, воспитанная, симпатичная...

Теперь мы знакомы еще с двумя пассажирами «запломбированного» вагона, которых увидела в группе политических эмигрантов, прибывших из Швейцарии в Стокгольм, Раиса Сковно.

Вскоре после того как весть о падении царской короны облетела весь мир, Раиса Сковно получила долгожданную весточку от брата из Швейцарии. «Приготовь паспорт. Надо готовиться к отъезду в Россию»,— писал он ей.

За ней дело не стало. Она была готова. Нескольких минут оказалось достаточно, для того чтобы ликвидировать домашние дела.

Пассажирку из Стокгольма, персональную пенсионерку Р. Сковно мне тоже удалось отыскать. Познакомила меня с ней старая коммунистка Мария Софроновна Селиверстова.

До встречи в Стокгольме Р. Сковно видела Ленина только на фотокарточке. Сейчас она познакомилась с ним лично. «Она хороша тем, что большевичка. Не переметнется» [64],— писал Ленин из Берна в Стокгольм в 1914 году, советуя поинтересоваться ее кандидатурой для одного важного партийного поручения.

— Он был такой общительный, душевный, все вопросы тут же решал,— рассказывала Р. Сковно.— Ему ничего не надо было. Скорее бы только уехать.

Пять часов вечера. Шведские друзья дают в честь гостей обед в ресторане.

— Я сидела за столом и ела вкусные вещи первый раз в жизни,— говорит Раиса Сковно.— Вдруг прибегает один из наших большевиков, которого я знала по эмиграции в Стокгольме:

— Владимир Ильич, вагон подан...

Ленин поднялся. Все схватили свои чемоданы и поспешили на вокзал.

По перрону рядом с Миха Цхакая шел Сулиашвили.

— Минуточку,— неожиданно обратился он к своему спутнику и, оставив на его попечение свой чемодан, быстро зашагал вперед. Обогнав Ленина, Сулиашвили с типичным восточным темпераментом стал у него отнимать плетеную корзину, с которой он шел к вагону.

— Зачем, зачем? Я и сам понесу,— возражал Владимир Ильич.

— Вот кавказцы какой народ. Уступи ему,— предложила Надежда Константиновна.

ГЛАЗАМИ СЛЕДОПЫТОВ

...Проезд Ленина и группы политических эмигрантов через Швецию в Россию в апреле семнадцатого года все вновь и вновь привлекает к себе интерес историков, журналистов, писателей, кинематографистов.

Много лет трудился над тем, чтобы открыть непрочитанные страницы этой части героической эпопеи пытливый исследователь, работавший собственным корреспондентом «Сельской жизни» в Скандинавских странах, Юрий Федорович Дашков.

Он застает в порту Треллеборга еще живую «Королеву Викторию», доставившую русских пассажиров с немецкого на шведский берег, и устанавливает имя ее капитана. Ради того, чтобы с точностью секундной стрелки определить время их прибытия в город

и дальнейшего путешествия в шведских поездах, Дашков добывает из глубин истории все необходимые для этой цели расписания. Его упорные поиски вознаграждает необычайно ценная находка в номере одной из шведских газет, вышедшем во второй половине апреля семнадцатого года. Здесь обнаруживается ленинское интервью, полученное Отто Гримлундом у Владимира Ильича при его проезде через Швецию. Озаглавлено оно «Точка зрения ленинской группы». Любопытно, что и для самого интервьюера находка Дашкова оказалась неожиданным сюрпризом.

Обращение к одному из шведских журналов, издававшихся в семнадцатом году, позволило исследователю дополнить широко известные фотоснимки, на которых запечатлена в Стокгольме группа политических эмигрантов во главе с Лениным, новой фотографией, дотоле нам неизвестной. Живо повествуют о местах, связанных с проездом Ленина через Швецию в апреле семнадцатого года, и собственные фотоснимки автора увлекательной документальной книги «По ленинским местам Скандинавии».

...Известный советский кинорежиссер и оператор Владислав Микоша приехал в Стокгольм в 1961 году вместе с хором Пятницкого, чтобы снять фильм «С русской песней по Скандинавии». Ему, естественно, надо было сориентироваться в местах предстоящей съемки. И тут он узнает, что в Стокгольме доживает свой век «Регина» — гостиница, в которой провел Ленин апрельский день семнадцатого года. Мигом туда! И Микоша появляется со своей кинокамерой там, где проходила братская встреча Ленина со шведскими левыми социал-демократами. Микоша вернется еще раз в Стокгольм через несколько лет, чтобы в творческом содружестве с авторами сценария создать, как нам представляется, одно из волнующих публицистических киноповествований юбилейного ленинского года — «Поезд в революцию» * — фильм, удостоенный на Международном кинофестивале в Лейпциге высшей награды — «Золотого голубя». Советские и зарубежные зрители по достоинству оценили объемность, масштабность документального киноповествования, рисующего обстановку переезда Ленина.

...Весной 1969 года в Швецию собрался Мартын Иванович Мержанов — один из ветеранов советской журналистики. Его оперативные, красочные репортажи и очерки с мест важнейших событий в жизни страны многие годы — мирные и военные — регулярно

* «Поезд в революцию» — полнометражный документальный фильм. Производство Центральной студии документальных фильмов. Над фильмом работали Д. Микоша, В. Микоша, П. Московский, Н. Лыткин, В. Семенов.

появлялись на страницах «Правды». Большой знаток спорта, Мержанов редактировал еженедельник «Футбол».

Зачем же он ездил на этот раз в Скандинавию? На чемпионат мира по хоккею? По спортивному календарю можно было видеть цель его командировки как раз в этом. Но оказалось, что он лелеял совсем иную мечту. Хотелось ему провести еще и свою «разведку» по тропам, связанным с проездом Владимира Ильича через Швецию.

Мержанов приезжает в шведский город Мальмё. Директора таможни он расспрашивает о людях, которые были причастны к досмотру багажа пассажиров, прибывших в апреле семнадцатого года на пароме «Королева Виктория» в порт Треллеборг. Тот достает из большого, во всю стену, книжного шкафа один из аккуратно переплетенных сборников. В нем — список сотрудников треллеборгской таможенной камеры, работавших с восьмидесятых годов прошлого столетия. Для Мержанова наступают минуты трепетного ожидания. И легко представить себе его волнение, когда ему называют имена двух оставшихся в живых бывших сотрудников таможни, работавших в апреле семнадцатого года в Треллеборге. Они на пенсии и по-прежнему живут там же.

Машина мчится в Треллеборг. Директор таможни, предупрежденный по телефону коллегой из Мальмё о вопросах, интересующих советского журналиста, встречает его приветливо, доброжелательно.

— «Королеве Виктории»,— говорит он,— исполнилось шестьдесят лет. Ее увезли в город Юстад на металлургический завод, на слом... Но Треллеборгский муниципалитет закупил и снял с парома весь деревянный верх — красивый салон.

Мержанов называет имена бывших сотрудников таможни, с которыми он хотел бы познакомиться. Один из них оказался больным, а другой знает уже о приезде советского журналиста и будет ждать гостя у себя дома в четыре часа дня.

Господину Ифферстрёму, несшему дежурство контролера в день прибытия русских политических эмигрантов в порт Треллеборг, шел уже девятый десяток, когда его интервьюировал Мержанов. И все же он помнил о тех днях.

Вернувшись из Треллеборга в Стокгольм, Мержанов приходит в Королевскую библиотеку, чтобы порыться в старых газетах.

Перед ним комплект газеты «Politiken» — печатного органа шведских левых социал-демократов.

Что можно узнать с ее страниц о последних новостях в мире в те дни, когда Ленин рвался на родину?

Бросаются в глаза тревожные заголовки телеграмм, принятых

из Вашингтона и Мехико: «Военное министерство приказало призвать полтора миллиона человек...», «Нефть из Тампико будет поставляться в США и в Англию».

Нарастает грозная волна классового гнева рабочих против эксплуататоров: «Голодные бунты на металлургических заводах...», «Двести женщин в Седерхамне участвовали в демонстрации против голода...»

И вот в руках Мержанова номер газеты «Politiken», рассказывающий о том, как спешит Ленин домой, чтобы избавить рабочий класс России, весь народ от бесконечных страданий.

Репортаж о приезде и торжественной встрече Ленина в Стокгольме заканчивается словами:

«...Известно стало, что вечером поездка будет продолжена. Ленин в связи с этим сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее.* Дорог каждый день. Правительства приняли все меры, чтобы затруднить поездку».

Следующий номер «Politiken» открывается передовой статьей «Ленин и русская революция». Публикуется также, теперь ставший знаменитым, фотоснимок группы политических эмигрантов во главе с Лениным, сделанный в Стокгольме, отчет о собрании русских большевиков совместно с левыми шведскими друзьями. Вот и сообщение, попавшее в номер, когда он уже верстался: «Наши русские товарищи выехали в Хапаранду *».

Самая сложная задача интервьюировать того, кто сам берет интервью. Мержанов сумел, однако, найти и чисто профессиональный язык с Отто Гримлундом, беседовавшим с Лениным ночью в поезде, шедшем из Мальмё в Стокгольм.

— Если очень коротко, то нужно сказать, что почти всю ночь шла дискуссия, а вернее сказать, это была ночь вопросов и ответов,— рассказывал Гримлунд Мержанову.— Я, например, выслушал отличную лекцию по международному вопросу и получил урок социализма.

Темы разговора? Меньшевики, обладающие излишней растяжимостью совести, правые шведские социал-демократы, левые интернационалисты. Наконец, будущее России, о которой Ленин говорил с воодушевлением. Я воспользовался редким случаем и взял интервью, самое значительное во всей моей долгой журналистской деятельности.

— Какие вопросы вы ему задавали?

— Меня интересовала точка зрения Ленина и реакция большевиков на бурные события в России, тактика пролетариата в эти дни, задачи Советов рабочих и солдатских депутатов...

* Пограничный город на севере Швеции.

Попутно Мержанову удалось узнать из уст Гримлунда много интересного о его встречах с Лениным, Дзержинским, Луначарским, Калининым на Первом конгрессе Коминтерна, VIII и IX съездах партии.

Отто Гримлунд достал из своего неприкосновенного архива уникальную фотографию Владимира Ильича с автографом:

«Дорогому другу товарищу Отто Гримлунду. 15 апреля 1920 г. *Вл. Ульянов (Ленин)*».

Советский журналист мог увидеть и другие реликвии в альбоме своего гостеприимного хозяина — петроградские снимки 1919 года: Луначарский, Фриц Платтен, Отто Гримлунд у памятника Гарибальди и в Смольном; Максим Горький и писатель Скиталец...

Мы поинтересовались некоторыми новинками документальной Ленинианы, повествующими о проезде Ленина через Швецию в Россию весной семнадцатого года. Вернемся, однако, теперь на перрон стокгольмского вокзала, откуда 13 апреля (по новому стилю) 1917 года в 18 часов 37 минут поездом до Хапаранды продолжают свой путь на родину русские политические эмигранты.

СОСЕД ПО КУПЕ

Вошли в вагон. Сулиашвили поспешил к Миха Цхакая, дожидавшемуся его на перроне. А Владимир Ильич, сняв с себя пальто, уже ходил по коридору вагона, интересовался тем, как размещаются попутчики.

Перрон вокзала становится все более людным. А у самого вагона, в котором едут русские политические эмигранты, негде и яблоку упасть.

Взоры провожающих устремились к окну, у которого стоит Ленин. С его именем связана грядущая победа социалистической революции в России.

— Успеха вам, большой удачи, товарищи! — слышатся напутствия шведских друзей.

И вновь, как и в Цюрихе, поезд уходит под звуки величественного гимна пролетарской солидарности — «Интернационала».

Одно из четырехместных купе. Верхние полки занимают Владимир Ильич и Давид Сулиашвили, нижние — Надежда Константиновна и Инесса Арманд.

Узнав, что Сулиашвили живет в Тбилиси, лечу из Москвы к нему. Он, тогда еще весьма бодрый, жизнерадостный человек, продолжал на склоне своих лет плодотворно трудиться в грузинской литературе.

Давид Сократович успел к тому времени выпустить объеми-

стый сборник своих повестей, рассказов, воспоминаний. В нем нашел свое место и рассказ о совместном возвращении с Лениным в Россию. Приятно было получить эту книгу из рук писателя с его автографом.

— У меня до сих пор есть такая же корзина-чемодан, в котором уместился весь скарб Ленина и Крупской, когда мы возвращались в Россию,— рассказывал Давид Сократович.— У товарищей, которые заготавливали визы для поездки из Стокгольма в Россию, мои документы лежали вслед за ленинскими. Так я оказался в одном купе с Владимиром Ильичем. А может быть, еще и потому, что нес его корзину...

— Останьтесь у нас,— предложил Владимир Ильич. Поддержала это приглашение и Надежда Константиновна.

Ленину не терпелось прочесть целую пачку русских газет, оказавшихся у него в кармане, и, сняв с себя пиджак, он тотчас же, как только поезд отошел от перрона вокзала, забрался на одну из верхних полок. Но не помешает ли электрический свет отдыху соседа? И Владимир Ильич устраивает надлежащую завесу.

Впрочем, недолго оставался Владимир Ильич наедине с газетным листом. «Ах, прихвостни, ах, мерзавцы»,— комментировал он вслух газетные сообщения.

— И мы знали, что это значит,— вспоминал Сулиашвили.— Он читает слова Чхеидзе и Церетели, их предательские речи. И шуршит эта газета. Шуршит...

Владимир Ильич поделился своими мыслями с Сулиашвили и о том, как соглашатели осквернили, запятнали понятие «социал-демократ». «Это слово стало пошлым. Стыдно носить теперь это имя,— говорил Владимир Ильич.— Мы должны назвать себя коммунистами и партию Коммунистической».

Настало утро. Надежда Константиновна заварила чай, приготовила бутерброды. Колеса поезда пробегали последние десятки километров по шведской земле. Приближалась Финляндия.

— Наши сердца стали стучать сильнее. Скоро будем в Петрограде,— рассказывал о переживаниях группы политических эмигрантов Сулиашвили.

«Пройдите по купе, скажите товарищам, чтобы они вышли в коридор,— попросил меня после завтрака Владимир Ильич,— продолжал свой рассказ Давид Сократович.— Надо побеседовать с ними, как себя держать и что говорить в случае, если Временное правительство вздумает нас арестовать...»

Так по ходу поезда, между Стокгольмом и Хапарандой, и состоялось это последнее историческое собрание группы политических эмигрантов, во главе с Лениным возвращавшихся на родину.

Сулиашвили отчетливо запомнил дух ленинских установок. Пусть только поднимется рука у Временного правительства на группу русских политических эмигрантов. Пригвоздим его к позорному столбу.

Собрание протоколировалось. Живут и не меркнут строки этого замечательного документа и поныне. Составлен он по всей форме: с порядком дня и решениями, принятыми по каждому из трех обсуждавшихся пунктов. Решения эти дают короткие и исчерпывающие ответы на вопросы о том, как должны держать себя русские политические эмигранты на границе и в случае допроса комиссарами Временного правительства в Петрограде.

До самой столицы простирались полномочия Фрица Платтена, взявшего на себя обязанности посредника в этой поездке. Были в России у Платтена и свои личные дела. В Москве, например, он собирался навестить родителей своей жены. Но можно было не сомневаться в том, что Временное правительство не пропустит в Россию человека, который помешает ему сеять клевету и ложь о русских политических эмигрантах, проехавших через Германию. Вот почему участники собрания сочли необходимым сделать все для того, чтобы Фрицу Платтену удалось перешагнуть через пограничный барьер.

Они решили, например, чтобы на пограничный осмотр швейцарский друг пошел последним. Порекомендовали ему не давать никаких объяснений без вопросов. На расспросы отвечать, что политическая миссия является неотъемлемой частью всей роли, взятой им на себя в этой поездке.

Собрание продолжается. Как держать себя участникам поездки на допросе комиссарами в Петрограде? — таково содержание третьего пункта повестки дня. Принимается решение. Показания каждого не могут выходить за рамки личной биографии. Иное дело — политическая сторона поездки. Объяснения на сей счет правомочна давать лишь специальная комиссия из пяти человек. Первым в пятерке названо имя Ленина.

Теперь все обговорено окончательно, учтено, взвешено. Что же день грядущий готовит первой группе политических эмигрантов? Завтра — русская граница. Первая встреча с отчизной. Идут последние приготовления...

Читатель уже знаком с тремя пассажирами «запломбированного» вагона, проживавшими в Москве. Четвертая Ф. З. Гребельская, член КПСС с 1917 года.

Весть о Февральской революции в России застала и ее в Швейцарии. Фаина Зосимовна хранила в своей памяти много воспоминаний, связанных с переездом из Швейцарии в Россию. Запечатлела

се память эпизод, непосредственно относящийся к завершающему этапу путешествия по шведской земле.

— Уже близка была Россия, настроение у всех приподнятое,— рассказывала она.— Кто-то из товарищей раздобыл красную ленту, и мне поручили сделать для всех нагрудные банты. Два банта покрупнее я старательно сшила для Ленина и Крупской. И мне была оказана честь собственноручно прикрепить нагрудный бант Ленину.

У выхода из маленькой гостиницы собрались все наши товарищи. Я с красным бантом в одной руке и с булавкой в другой направилась к Владимиру Ильичу. Видно, на моем лице было написано, что я в этот момент переживала. Было большое чувство радости и волнения. Ильич поглядел на меня, затем на то, что было у меня в руках.

— Разрешите, Владимир Ильич,— сказала я.

Он на какой-то миг замешкался. И вдруг раздался чей-то голос:

— Ведь она всю ночь трудилась, чтобы снабдить нас этими символами революции.

Владимир Ильич приветливо улыбнулся.

От Хапаранды до нашего пограничного пункта в Финляндии уже было рукой подать...

ВПЕРЕДИ ПЕТРОГРАД

Стояло апрельское утро 1917 года. Первые лучи весеннего солнца едва коснулись еще покрытого снегом ледяного полотна пограничной реки. Утром по нему лихо катил санный поезд. Под переливчатые трели бубенцов резвые лошади мчались со стороны шведской границы к русской, от Хапаранды к Торнео.

Как торопились на родину после долгой разлуки с ней пассажиры этого единственного в своем роде экспресса! И красному флагу, что второй месяц реял над зданием русского пограничного пункта, они салютовали алым шелковым платочком.

Еще в первые дни своей деятельности на посту министра иностранных дел Временного правительства Милюков тиснул в своей газетке «Речь» заметку о порядке возвращения политических эмигрантов в Россию через пограничную станцию Торнео. Достаточно назвать свое имя, фамилию и принадлежность к числу политических эмигрантов, чтобы тебя встретили с распростертыми объятиями, уверяла милюковская газета простаков и обывателей.

«Комендант станции, не входя в проверку этих данных, предоставляет таким лицам места в первом же курьерском поезде группами или повагонно...» — утверждала «Речь» [65].

Но не успели Ленин и его попутчики покинуть свои места в финских санках-вейках и ступить на землю, как сразу ощутили на себе своеобразное «гостеприимство» пограничных властей. Особенно лезли из кожи вон джентльмены, одетые в мундиры офицеров английской и французской армий.

Может быть, появление у русской границы эмигрантов оказалось неожиданностью для межсоюзнической комендатуры. Однако нет. Зарубежные корреспонденты Петербургского телеграфного агентства успели забить тревогу:

«Утром, поездом из Треллеборга сюда прибыли тридцать русских политических эмигрантов из Швейцарии с их женами и детьми во главе с Лениным» *,— телеграфировал один из них еще два дня тому назад из столицы Швеции — Стокгольма. Каждому из пассажиров пограничные власти вручили «Опросный лист» русского подданного, прибывшего из-за границы через пограничный пункт Торнео.

«Владимир Ильич Ульянов,— отвечая на вопросы анкеты, написал Ленин.— Родился 10 апреля 1870 г. в Симбирске, русский... Политический эмигрант. Выехал за границу нелегально... Журналист» [66].

Пограничная анкета вопреки заверениям милюковской «Речи» оказалась довольно дотошной. Но столь «поверхностное» знакомство с политическим эмигрантом Владимиром Ульяновым мало устраивало блюстителей порядка на шведско-финляндской границе, особенно английских офицеров, державшихся здесь еще более непринужденно, чем у себя на родине.

Владимир Ильич был введен в отдельную комнату. Начался обыск.

Подобным же образом пограничная комендатура «изучала» и личность Фрица Платтена. Разумеется, полное фиаско потерпела ее попытка изобличить в чем-либо предосудительном этого замечательного человека. Тем не менее пропустить его в Россию она отказалась наотрез под тем «благовидным» предлогом, что будет дожидаться прихода визы для него из Петрограда. Покуда же швейцарский интернационалист попал под опеку конвоя, который и вернул его снова на шведский берег.

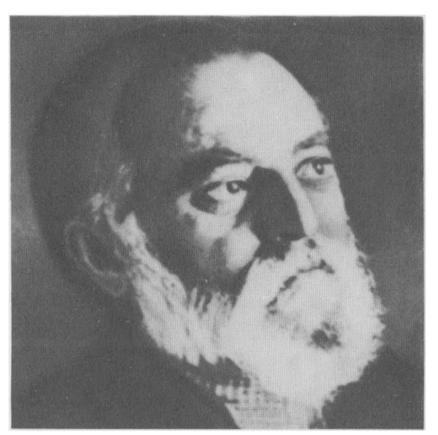
Тут наступил, пожалуй, один из самых напряженных моментов за все время путешествия.

— Когда мы приехали в Торнео, пограничные власти отказались пропустить в Россию Платтена,— рассказывает Александр

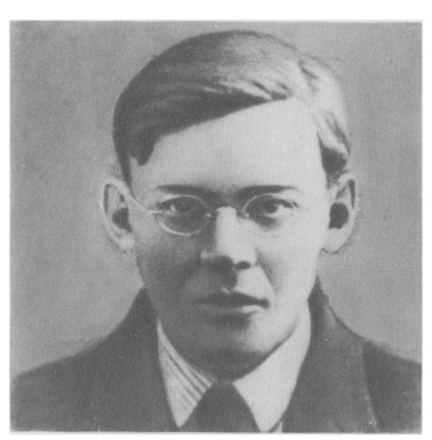
* Всего эмигрантов вместе с детьми было 32.

Ленин среди русских эмигрантов, возвращающихся в Россию. Стокгольм, 31 марта 1917 года.

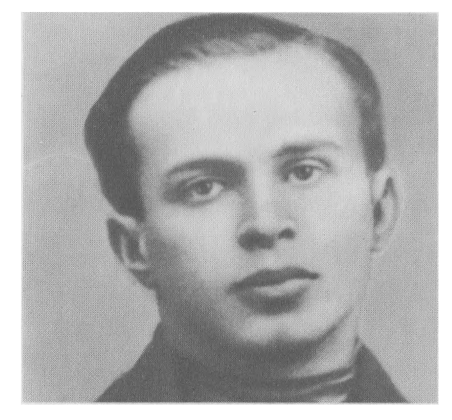

Они вернулись из Швейцарии
в Россию вместе с Лениным:
Миха Цхакая, Инесса Арманд,
супруги Григорий и Елена Усиевич,
Михаил Гоберман.

Sozialdemokr.
Bürgschaftsvereinigung

№ 21

Platz №:

Fritz Platten

Посадочный талон пассажира «запломбированного» вагона, подписанный Ф. Платтеном.

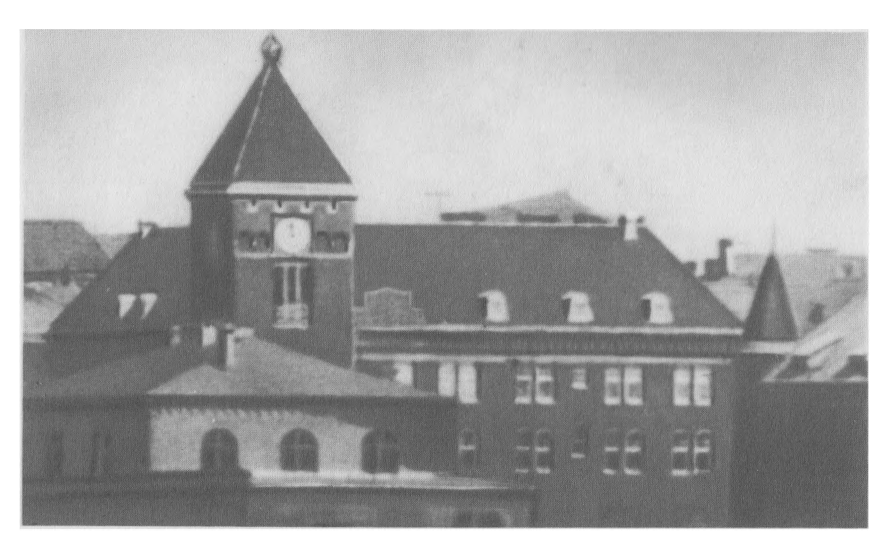

Фриц Платтен.

Яков Станиславович Ганецкий.

Паром «Королева Виктория», на котором Ленин и его спутники пересекли Балтийское море на пути из Германии в Швецию.

Треллеборг — первый шведский город, встретивший Ленина и его группу с парома «Королева Виктория».

Опросный лист, заполненный В. И. Лениным на пограничном пункте в Торнео.

Опросный листъ

Пассажира Русскаго подданнаго, прибывшаго изъ за границы черезъ пограничный пунктъ Торнео.

Kyselykaavake

Venäjän alamaiselle matkustajalle, joka on saapunut ulkomailta Tornion raja-aseman kautta.

Frågeformulär

För resande som är Ryskt undersåte och ämnar begifva sig utrikes genom Torneå gränsstation.

Прибылъ изъ-за границы 2 АПР. 1917 гор. Торнео.

2-го апреля 1917 г.

Имя, Отчество, Фамилія и Званіе. Ristimä-, Isän- ja Sukunimi sekä Sääty. För-, Faders- och Tillnamn och Stånd.	Владиміръ Ильичъ Ульяновъ
Откуда ѣдетъ—подробно указать. Mistä matkustaa tarkoin mainittava. Uppgif noggrannt, hvarifrån resanden kommer.	Из Стокгольма (Швеція) (Hotel Regina. Стокгольмъ)
Лѣта, Національность и Вѣроисповѣд. Ikä, Kansallisuus ja Uskonto. Ålder, Nationalitet och Trosbekännelse.	Родился 10 апреля 1870 г. в Симбирскѣ, русскій, православный
Съ какой цѣлью ѣздилъ за границу. Millä asioilla kävi ulkomailla. Ändamålet med resan utrikes.	Политическій эмигрантъ. Выѣхал за границу нелегально
Остановится-ли въ Финляндіи; указать городъ и адресъ и прич. остановокъ. Pysähtyykö Suomessa, mainittava kaupunki, osoite ja pysähtymisen syy. Ämnar resanden stanna i Finland, uppgif staden och adressen, äfvensom ändamålet.	Не предполагаю останавливаться
Въ какой городъ ѣдетъ, указать адресъ. Mihin kaupunkiin matkustaa, mainittava osoite. Resans mål, uppgif fullständig adress.	Петроградъ, адрес сестры Маріи Ильиничны Ульяновой: Широкая ул., д. 48/9 кв. 24
Чѣмъ занимается, профессія. Mikä toimi eli ammatti. Stånd eller yrke.	Журналистъ
Примѣчаніе. Muistutus. Anmärkning.	
Пассажиръ *Matkustaja* *Resande*	Владиміръ Ульяновъ.

Борьянъ (Бограпъ) [лично и передачу Мациняну]

Балахсиевъ Техн. Изд.
Сов. Съезда Неуртемр. 62
Бограпу Борьяну

Межрайонк. конфер.: 12.38 (2–6).

Полетаевъ. Ник. Гурьевич. 654.-17.
Пески Мытнинская. 33.

Правда. ~~Мых.~~ 32 (4.) 193 44. ~~12~~ ~~612-56~~.
400.23 (400.24)

Подвойский: 4 10. 48.

Придворов Ефим Алексевич: 6ая Рождеств., 11 кв. 12.
(до ½ 11) 210.12; служебн. 121.59 (на утро)

Прошьянъ: 1.29

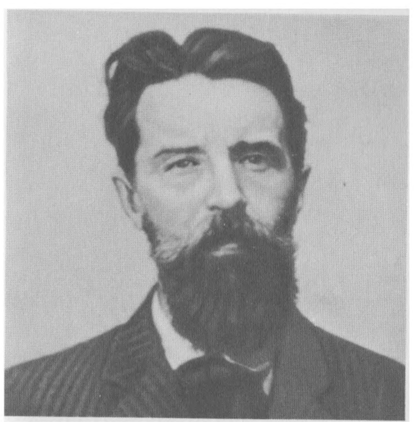
Первухинъ: 22.87 (сказать, чтобы др. Первух. позвонил по Чехову № 59).

(к 1 часу) Охта, Полюстровская набережная, 5.
(Литвоганская община).

П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч

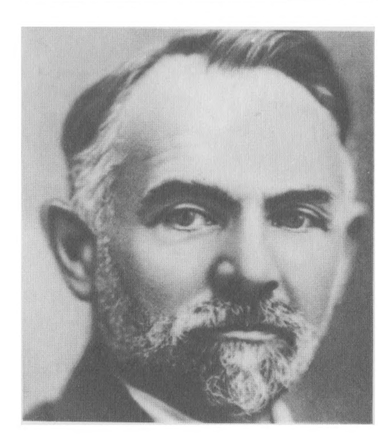

Их имена в адресной книжке
В. И. Ленина:
Александра Михайловна Коллонтай,
Вацлав Вацлавович Воровский,
Елена Федоровна Розмирович,
Петр Ананьевич Красиков,
Леонид Борисович Красин.

Листки из адресной книжки
В. И. Ленина.

Красная площадь, 25 мая 1919 года.
В. И. Ленин, В. М. Загорский, М. Ю. Козловский
на параде частей Всевобуча.

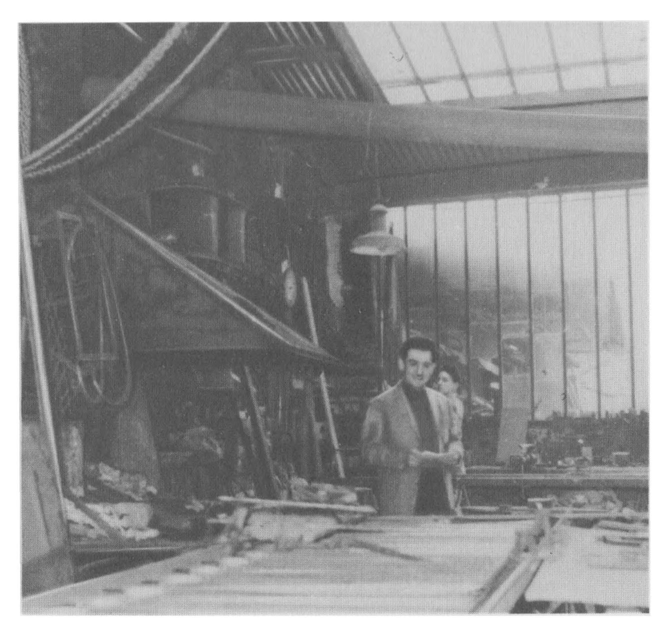

Евгений Порфирьевич Первухин.

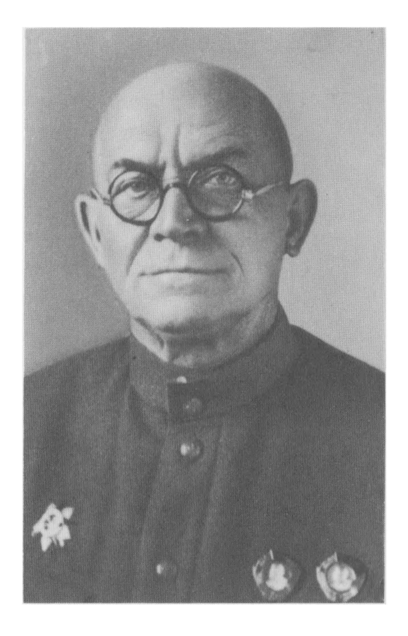
Эйно Абрамович Рахья
и Лидия Петровна Парвиайнен.

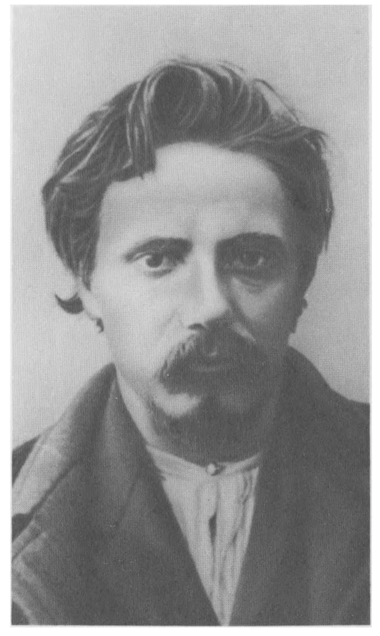
Лонжюмо. В этом доме у рабочего кожевенного завода снимала квартиру семья В. И. Ленина.

Мастерская в Лонжюмо, где помещалась ленинская партийная школа в 1911 году.

Иван Степанович Белостоцкий.

Иван Вонифатьевич Присягин.

По 34 ст. Полож. о Государ. охранѣ.

ДѢЛО

КАНЦЕЛЯРІИ АРХАНГЕЛЬСКАГО

Губернатора

о состоящемъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи

крестьянки Псковской губерніи, Островскаго у. Анны Ивановой Ефимовой, урожд. Ивановой

Высланъ за нелегальный выѣздъ изъ Россіи за границу и вступленіе въ число учениц Парижской школы агитаторовъ Россійской соц.-демокр. рабочей партіи

Прибыла 18 дек 1912 г. Водв. в Печор. уѣздъ

на 2 года, считая срокъ съ 17 ноября 1912 года

18 декабря 1912 г.

Кончено: 3 сентября 1913 г.

На 17 листахъ.

Срок сокращен на один год окончится 17 ноября 1913 г.

«Дело» А. И. Ивановой с надписью «Выслан за нелегальный выезд из России за границу и вступление в число учениц парижской школы».

Тюремные фотографии Анны Ивановны Ивановой.

В. И. Ленин (Константин Петрович Иванов) после ухода в подполье (1917 год).

Сестрорѣцкiй Оружейн. Заводъ.

№ ....

Предъявителю сего ... Иванову

разрѣшается входъ въ ... Завода до 1 Января 1918 года.

Примѣчанiе:

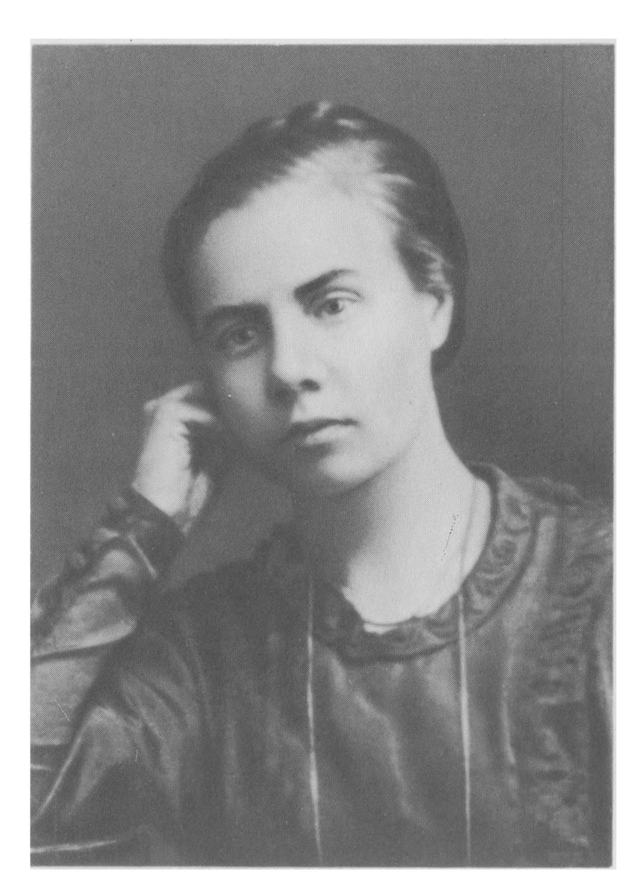
1) Билетъ всегда имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованiю администрацiи завода.

2) Билетъ долженъ быть предъявленъ въ контору завода для записи въ книгу.

Помощникъ Начальника Сестр. Оруж. Завода по технической части

Сестрорѣцкая Милицейская Комиссия. Печать

2170 7670

Лидия Петровна Парвиайнен.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

30.XII.1918 г.
№ —

Въ ВЧК
и въ Питерскую
ЧК

Прошу выдать разрешенiе на ношенiе браунинга члену РКП большевиков (еще до революцiи), товарищу Лидiи Петровнѣ Парвiайненъ лично мнѣ извѣстной, за которую я ручаюсь.

Пр. СНК В. Ульяновъ (Ленинъ).

Удостоверение на имя Л. П. Парвиайнен,
подписанное В. И. Лениным (1918 год, декабрь).

М. В. Фофанову я знаю, как энергичную и преданную большевичку с начала 1917 года. Осенью этого же года, перед октябрем, в самое опасное время, она меня укрывала у себя на квартире.

Из записки В. И. Ленина в Секретариат
Центрального Комитета партии о М. В. Фофановой.

Маргарита Васильевна Фофанова
(1919 год).

Емельянович Абрамович-Четуев.— Мы собрались и приняли решение подать петицию — отказаться ступить на русскую землю, если не пропустят Платтена. Когда Владимир Ильич прочитал эту «петицию», он буквально рассвирепел:

— Смотрите: Каменев объединяет большевиков с меньшевиками. Временное правительство все делает для того, чтобы мы не попали в Россию. А вы затеваете такую канитель.

Ленин порвал эту бумажку.

Отсюда же, из Торнео, Владимир Ильич отправил телеграмму Русскому бюро ЦК РСДРП(б) в Петроград. В ней он просил сделать все возможное для ускорения выдачи визы на въезд в Россию Платтену, оставшемуся ждать ее в Хапаранде...

«Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев,— писал позднее, находясь уже в Петрограде, Ленин.— Это клевета. Платтен — друг рабочих и враг капиталистов *всех* стран» [67].

...Добиться тогда визы для въезда Платтена не удалось.

Впервые встретиться с Лениным после разлуки в Торнео Платтен смог лишь через два с лишним месяца после установления Советской власти, в Смольном.

Но мы забежали несколько вперед.

— В Торнео сидим в зале ожидания,— вспоминал Александр Емельянович Абрамович.— Ленин обращается к группе эмигрантов:

— Ехали на революцию в Россию, а теперь сидите и друг с другом разговариваете. Что же вы не общаетесь с народом?

Ильичу не терпелось самому потолковать с солдатами. И как же он был обрадован, когда его познакомили с солдатом — постоянным читателем «Правды»!

Весть о приезде Ленина дошла до русских матросов, оказавшихся на пограничной станции Торнео.

— Они увлекли Ленина на перрон,— рассказывал Александр Емельянович,— где стояли русские матросы, рабочие с оружием в руках...

Юрий Федорович Дашков, на которого мы уже ссылались как на пытливого исследователя событий, связанных с возвращением Владимира Ильича из последней эмиграции в Россию, сверился и с железнодорожными расписаниями весны семнадцатого года в Финляндии. Благодаря ему мы знаем, что до отхода поезда, шедшего из Торнео лишь до станции Рахимяки, Ленин и его товарищи располагали несколькими часами. Владимир Ильич, по свидетельству Каарло Брусила — ветерана финского рабочего движения, в этот промежуток времени выступил перед солдатами и жителями

Торнео. Он говорил о значении и перспективах революции в России[68].

От станции Рахимяки до Петрограда эмигранты ехали скорым поездом № 12.

Длинна и томительна дорога для людей, так истосковавшихся по родным местам. Но нет, не Ленину испытывать бремя скуки.

«На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли толпой солдаты,— вспоминала Надежда Константиновна Крупская.— Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» — крикнул он. Недоуменно посмотрели на него солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица»[69].

Выразитель вековых чаяний народа, Ленин находит в импровизированной солдатской аудитории не только захваченных его мыслями слушателей, но и людей, доверяющих ему свои тяжкие думы о войне, обездоленной деревне.

Глубоко взволнованный их откровенными высказываниями, он той же ночью, при встрече с партийными работниками во дворце Кшесинской, поделится свежими впечатлениями от бесед с солдатами.

«Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков!

— Один из них наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, сильно вбивая что-то глубоко в пол. Потом сказал: «Штык в землю — вот как окончится война! И тут же прибавил: «Но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю»»[70].

Ленин отлично понимает многострадальную солдатскую душу. И, отвечая на выразительную реплику одного из своих солдатских собеседников — «штык в землю», Владимир Ильич говорит о том, кто должен стать у власти, чтобы с войной было скорее покончено и вековая мечта крестьян о земле стала явью. Рабочие и крестьяне! Они и только они!

Ленинские слова доходят до солдат, встречают их дружное одобрение.

Скорый № 12 продолжает свой путь. Впереди Петроград...

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 466.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 268.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 21.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 377.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 27.
[6] Правда, 1969, 15 февраля.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 377.
[8] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 294—295.
[9] Правда, 1937, 16 апреля.
[10] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 429, 430.
[11] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников, 2-е изд. М., 1966, с. 157.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 49.
[13] Записки Института Ленина. М., 1927, т. II, с. 141.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 403.
[15] Там же, с. 404—405.
[16] Там же, с. 409.
[17] Там же, с. 417.
[18] История СССР, 1963, № 5, с. 5.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 403—404.
[20] Там же, с. 405.
[21] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1969, т. 2, с. 377.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 406.
[23] Там же.
[24] О Ленине. Воспоминания зарубежных современников, с. 156.
[25] *Луначарский А. В.* Приезд Ленина (Несколько воспоминаний).— Красная газета, 1926, 16 апреля.
[26] См. *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.— Л., 1927, кн. 3, с. 254.
[27] Известия, 1924, 9 февраля.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 427.
[29] *Карпинский В.* Два случая.— Молодая гвардия, 1924, № 2—3, с. 79.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 178.
[31] Старый большевик. М., 1933. Сборник № 5(8), с. 232.
[32] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1969, т. 5, с. 98, 99.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 337.
[34] Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, с. 99.
[35] Старый большевик. Сборник № 5 (8), с. 234.
[36] Ленинский сборник II, с. 405—406.
[37] *Крутикова Н.* На крутом повороте. М., 1965, с. 63.
[38] См. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения в 10-ти томах. М., 1963, т. 11 (дополнительный), с. 175.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 409, 415.
[40] Ленинский сборник XIII, с. 271.
[41] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 429.
[42] Журналист, 1967, № 4, с. 2.
[43] Пролетарская революция, 1929, № 8-9, с. 102.
[44] *Гильбо Анри.* Владимир Ильич Ленин. Биографический очерк. Л., 1925, с. 159.
[45] Известия, 1926, 12 июня.

[46] *Кудрявцев А. С.* и др. Ленин в Берне и Цюрихе. Памятные места. М., 1972, с. 240.
[47] Ленинский сборник XXXVII, с. 75.
[48] Правда, 1970, 26 декабря.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 87.
[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 94.
[51] Журналист, 1967, № 4, с. 2, 3.
[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 427.
[53] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 289—290.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 426.
[55] Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 74.
[56] *Иванов А.* Фриц Платтен. М., 1963, с. 48.
[57] Ленинградская правда, 1924, 16 апреля.
[58] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 353.
[59] Известия, 1963, 13 сентября.
[60] Ленинский сборник II, с. 408.
[61] *Крутикова Н.* На крутом повороте, с. 73.
[62] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5, с. 111.
[63] Московский служащий, 1925, № 2, с. 6.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 20.
[65] Речь, 1917, 18 марта.
[66] Ленин и Красный флот. Л., 1924.
[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 224.
[68] Вопросы истории КПСС, 1969, № 12, с. 108—109
[69] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 297.
[70] Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 25.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ

Передо мной — книжка для записи адресов и телефонов [1]. Самая обыкновенная книжечка карманного размера. Черный коленкоровый переплет. Алфавит...

Заглянем на ее страницы.

Буква «А»... *Арманд* Инесса Федоровна. Известное имя! Рядом — московский адрес этой видной деятельницы партии, вернувшейся весной семнадцатого года из эмиграции в Россию вместе с первой группой большевиков.

Строчкой ниже — *Аксельрод* Александр Ефремович — старый партиец, работник Азовско-Донского банка в Петрограде.

И, наконец, третья запись на ту же букву... Автобаза Зимнего дворца.

Так и перемежаются в этом алфавите названия организаций, учреждений, дворцов, тесно связанных с бурными событиями года тысяча девятьсот семнадцатого, и имена участников этих событий: Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и — *Коллонтай* Александра Михайловна, *Полетаев* Николай Гурьевич и — редакция *«Правды»*, секретарь Петербургского комитета партии Глеб Иванович *Бокий* и — комендатура дворца Кшесинской, военный телеграф штаба Петроградского военного округа и — редактор «Солдатской правды» Николай Ильич *Подвойский*.

Преобладают в книжке адреса и телефоны петроградские, но есть в ее своеобразной «географии» и Москва, и Баку, и Стокгольм: петроградский адрес Елены Дмитриевны *Стасовой*, бакинский — Степана *Шаумяна*, стокгольмский — Якова Станиславовича *Фюрстенберга (Ганецкого)*, члена Заграничного бюро ЦК большевиков.

Владелец записной книжечки связан с людьми самых разнообразных профессий. У него были дела и к присяжному поверенному Петру Ивановичу Стучке, и к доктору Евгению Порфирьевичу Первухину из Елисаветинской общины на Охте, и к рабочему-картонажнику, председателю профсоюза Дмитрию Ивановичу Калугину...

Нет, далеко не обыкновенна эта обыкновенная записная книжечка! Поразительно велик диапазон интересов ее владельца, широк круг связанных с ним людей.

Кто же он, этот человек?

Ленин.

Ясный отпечаток неповторимого ленинского стиля работы лежит на страницах книжки. И прежде всего главной черты этого стиля — неразрывной связи с массами, глубокой веры в них.

Наглядное представление дает адресная книжка и о другой важнейшей примете ленинского стиля — об исключительной собранности, пунктуальности Владимира Ильича. Время рассчитано у него с точностью до минуты. Такой же организованности требует он и от товарищей.

Нужен, скажем, Ленину Красин. Он знает, куда телефонировать Леониду Борисовичу до часу дня и куда — с двух до половины четвертого. Не удивительно, что позднее, став главою Советского правительства, Ленин неизменно следил за регламентом ораторов на заседаниях Совнаркома.

Примечательный эпизод сохранила в памяти старая питерская коммунистка Л. И. Исупова.

Весной семнадцатого года она была сотрудницей «Правды» и близко наблюдала деятельность Ленина — редактора газеты. Нередко, приходя утром на работу, она уже заставала Владимира Ильича за редакционным столом.

Обремененная заботами о двух маленьких детях, Людмила Ивановна как-то опоздала к началу рабочего дня в редакцию. Ленин обратил на это внимание, заинтересовался причиной. Исупова объяснила.

— Владимир Ильич вынул из жилетного кармана записную книжечку,— вспоминает Людмила Ивановна,— в которой мелким почерком по часам был расписан весь день. «Заведите такую книжечку и вы»,— посоветовал он мне...

По своему обыкновению Ильич потом вспомнил об этом разговоре, подарил Исуповой блокнот и даже продиктовал ей примерный распорядок дня. «От 6 до 7 часов гулять с детьми»,— написал Ленин своей рукой и пояснил:

— У вас ведь бабушки нет, гулять детям не с кем...

Вот она, ленинская расчетливость и бережливость в трате каждой минуты, соединенная, сплавленная с величайшим вниманием к людям, к каждому человеку, с которым сталкивала жизнь.

ЗАПИСИ И ДАТЫ

Какой же промежуток семнадцатого года охватывают странички ленинской записной книжки?

Период легальной работы Владимира Ильича после возвращения из эмиграции в Россию длился всего три месяца. Затем партия, чтобы уберечь своего вождя от расправы Временного прави-

тельства, укрыла его в подполье. Но значит ли это, что Ленин больше не возвращался к своей записной книжке, не пополнял ее новыми именами, адресами, телефонами? И правомерно ли регламентировать время ведения Владимиром Ильичем его записной книжки апрелем — июнем 1917 года, как утверждали некоторые исследователи ленинского литературного наследства в тридцатых годах?

Нет, ленинским записям в этих границах тесно. Мог ли, скажем, Ленин в апреле — июне семнадцатого года поддерживать связи со штабом Петроградского военного округа? Это, естественно, исключается. Тем более не мог он тогда пользоваться услугами военного телеграфа, прямым проводом между Петроградом и Выборгом, Псковом. А ведь соответствующие номера телефонов в записной книжке содержатся.

Все это имело место, но уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Глава первого в мире Советского государства непосредственно руководил подавлением контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова, разработкой важнейших боевых операций по защите нашего отечества от врагов.

...Ленин записывает телефон автобазы Зимнего дворца. И это не могло произойти ни весной, ни летом семнадцатого года. К тому же во дворце Кшесинской, в котором помещались Центральный и Петербургский комитеты партии, был свой гараж. (Запись телефонов коменданта дворца и комнаты шоферов в книжке также имеется.) Вообще же, засиживаясь до глубокой ночи в «Правде», ее главный редактор предпочитал добираться домой на трамвае.

Но пойдем дальше. Попытаемся выяснить, когда, например, мог Владимир Ильич сделать следующую запись: *«Шляпников.* Мраморный Дворец. Телефон *580.48».*

Вплоть до 25 октября в Мраморном дворце располагались апартаменты министерства труда Временного правительства. После штурма Зимнего дворца министру пришлось сменить свой кабинет на камеру в Петропавловской крепости. Вслед за этим Петроградский военно-революционный комитет выдал мандат за № 1420 на имя А. Г. Шляпникова, назначенного комиссаром министерства труда.

«Мраморный дворец был во тьме, когда я пробрался к нему,— вспоминал А. Г. Шляпников.— Во дворе помещались самокатчики, а также низшие служащие дворца и прислуга князей, жившие в прилегавших ко дворцу зданиях. Вход в министерство труда был заперт, но один из сторожей быстро нашел курьера министерства, у которого имелись ключи от всех дверей... Стол в кабинете

министра труда оказался не запертым, я запер его и взял себе ключ. На письменном столе лежала записка, сообщающая о том, что заседание Временного правительства переносится с 4 часов дня на 8 часов вечера 20.X. 1917 года» [2].

Теперь уже не трудно установить, когда Ленин сделал запись, связанную с Мраморным дворцом. Произошло это тогда, когда там приступил к работе Народный комиссариат труда.

Не раньше, чем было сформировано первое Советское правительство, мог появиться в ленинской записной книжке и телефон бывшего министерства иностранных дел.

По книжке прослеживаются также более поздние события. Посмотрим, к примеру, на запись: *«Прошьян:* 1.29».

Где был этот человек в апреле — июне семнадцатого года? В Гельсингфорсе. Член партии эсеров, он издавал там газету «Социалист-революционер». Но разве у Владимира Ильича записан телефон Прошьяна в Финляндии? Нет, 1.29 — это петроградский номер, связанный с коммутатором. Он значится в ленинской записной книжке и рядом с фамилией Глебова-Авилова, первого советского наркома почт и телеграфов. Но чем же объяснить такое совпадение?

В декабре семнадцатого года левый эсер Прошьян вошел в состав Совета Народных Комиссаров. Пост народного комиссара почт и телеграфов был передан ему. Вот тогда-то и могла появиться фамилия Прошьяна в ленинской записной книжке. Судить об этом мы можем и по достоверному свидетельству самого Ленина. 20 декабря 1918 года в «Правде» был опубликован написанный В. И. Лениным некролог «Памяти тов. Прошьяна».

«Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнаркоме в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эсеры шли в союзе с нами» [3],— писал Владимир Ильич.

Все это позволяет считать, что книжка служила Владимиру Ильичу вплоть до переезда Советского правительства из Петрограда в Москву.

Вот теперь, когда мы это выяснили, нам, пожалуй, впору начать путешествие по адресной книжке Ильича.

ПЕРВЫЕ ИМЕНА

Открывается книжка, как мы уже знаем, именем Инессы Федоровны Арманд.

Конечным пунктом сложного путешествия группы политических эмигрантов во главе с Лениным из Швейцарии в Россию был

Петроград. Инесса Федоровна задерживается здесь ненадолго. Через несколько дней она уже активно включается в работу московской партийной организации. Начинает с пропаганды ленинских Апрельских тезисов и делает это мастерски, с присущим ей ораторским темпераментом.

Потом ее делегируют на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию партии в Петроград. Вернувшись оттуда, она много сил отдает претворению принятых решений в жизнь: выступает с лекциями перед агитаторами и пропагандистами, ведет руководящую работу в Московском комитете партии, вносит свой весомый вклад в создание большевистского журнала «Жизнь работницы».

Контрреволюция, озлобленная растущим авторитетом партии большевиков, огромной популярностью ее вождя, брызжет ядовитой слюной.

Трибуной журнала «Жизнь работницы» Инесса Арманд пользуется для того, чтобы ответить на вопрос: «Почему буржуазия клевещет на большевиков» — вопрос, который волнует каждую труженицу.

Все дело в той неутомимой борьбе за интересы народа, которую ведет партия во главе со своим вождем. Понятно, что буржуазии это не по нутру. Но подобных приемов клеветы и травли, к которым она прибегает, еще не знала мировая история.

Особенно ненавистен буржуазии Ленин, говорится в статье, принадлежащей перу Инессы Арманд. «...тов. Ленин уже около 25 лет находится во главе нашей партии и все время являлся самым последовательным и самым самоотверженным борцом за рабочее дело. К тому же он является крупнейшей теоретической и политической силой. Вот за все это и ненавидят его и русская и международная буржуазия» [4].

Весной семнадцатого года Ленин и Арманд обмениваются несколькими письмами. О чем идет речь в них?

Дело в том, что часть багажа группы политических эмигрантов, вернувшейся вместе с Лениным из Швейцарии на родину, застряла в пути.

Наконец долгожданный груз доставляют в Петроград. В нем оказываются и пакеты, принадлежащие Инессе Арманд. Владимир Ильич ставит ее в известность об этом, ему удается воспользоваться «оказией» в Москву, чтобы переслать пакеты по назначению.

Каждый раз строчкой-другой Ленин не упускает случая проинформировать Инессу Федоровну о том, что происходит на арене политической борьбы в Петрограде, в каких неимоверно тяжелых

условиях приходится большевикам в столице проводить свой курс на социалистическую революцию.

«Здесь все еще все кипит, хотя травля, по-видимому, начинает как будто спадать» [5],— пишет Владимир Ильич 20 апреля.

«У нас пока «все то же»»,— говорится в другом его письме.

Инесса Арманд приезжает в Петроград и участвует в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции нашей партии. Затем возвращается в Москву и вскоре получает новое письмо Владимира Ильича.

«У нас все то же, что̀ Вы сами здесь видали, и «конца краю» переутомлению...— сообщает он.— Начинаю «сдавать», спать втрое больше других и пр.

Как Вы? довольны ли Москвой? С удовольствием большим вижу иногда из московского «Социал-Демократа», как Вы берете разную работу в разных районах, но, конечно, из газеты мало видно.

Крепко, крепко жму руку» [6].

Свою работу в Москве Инесса Федоровна продолжает и после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Она выступает на митинге перед рабочими Красной Пресни, участвует в работе партийной конференции текстильщиков Богородского уезда Московской губернии, собравшейся в Глухове.

Судя по следующей записи Владимира Ильича в его книжке, вскоре после возвращения из второй эмиграции в Петроград он знакомится с Александром Ефремовичем Аксельродом. В ней помечены «позывные» нового знакомого, с которым до четырех часов дня можно связываться по телефону в одном из петроградских банков. А позже?

Служба службой, а живет этот человек, за плечами которого второй десяток лет неутомимой борьбы за дело партии, большой, полнокровной жизнью ее питерской организации.

Трамвайщики Рождественского парка знают его по участию в уличных боях в дни свержения царской монархии.

Большевики Рождественского района избрали его членом своего райкома. И их же он представляет в Петербургском комитете. Зарекомендовал себя как убежденный и вдохновенный пропагандист Апрельских тезисов вождя партии.

Характерно, что именно его несколько позже, в 1917 году, рождественцы избрали секретарем своего райкома [7].

И кто знает, может быть, и опыт Аксельрода-финансиста брал на учет Ленин еще весной семнадцатого года, думая о специалистах, которые понадобятся революции сразу же по приходе народа к власти. Практически так и получилось.

— В начале ноября по поручению товарища Ленина я выполнял совместно с товарищем Менжинским целый ряд работ по подготовке финансовых вопросов и был назначен членом коллегии Наркомфина,— рассказывал А. Е. Аксельрод [8].

А месяц спустя он же выступает докладчиком на заседании Совета Народных Комиссаров о штатах служащих правительственных учреждений уже в качестве заместителя народного комиссара финансов [9].

...После падения царской монархии естественно было ожидать возвращения из «мест не столь отдаленных» многих бесстрашных борцов против царского самодержавия. Среди них были и большевики — депутаты IV Государственной думы, сосланные царским правительством на вечное поселение в Восточную Сибирь.

«Если вернут наших депутатов, надо одного привезти непременно на пару неделек в Скандинавию» [10],— пишет Ленин из Цюриха Александре Михайловне Коллонтай в Христианию (Осло) сразу же по получении им первых известий о падении царской монархии.

Через месяц Ленин приезжает в Петроград. Здесь и происходит одна из желанных встреч.

«*Бадаев* Алексей Егорыч,— записывает Владимир Ильич...— телефона нет».

Не успел, стало быть, еще обжиться в родном городе бывший депутат IV Государственной думы от рабочих Петербургской губернии, вернувшийся из туруханской ссылки.

— Ваш опыт думской работы крайне нужен и ценен,— сказал Бадаеву Яков Михайлович Свердлов.— Впрочем, это не только мое мнение. Это предложение Владимира Ильича [11].

И действительно, с приходом Бадаева в Продовольственную управу городской думы дела в ней пошли значительно лучше. Алексей Егорович разоблачал вражеские действия меньшевиков и эсеров, делал все возможное для того, чтобы накормить голодных питерских рабочих.

Когда в дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде встал вопрос о продовольственном снабжении отрядов Красной гвардии, солдат, примкнувших к народу, долго искать надежного интенданта не пришлось. Военно-революционный комитет возложил это дело на Бадаева. Его кандидатуру одобрил Ленин.

...*Барамзин* Егор Васильич,— читаем мы через строчку за фамилией Бадаева. Здесь же проставлен и петроградский адрес этого человека: Ораниенбаумская, 18, квартира 8.

Кто этот человек? Что связывало Ленина с ним? Старая дружба по далекой сибирской ссылке. Барамзин был там одним из товари-

щей Владимира Ильича. Эпизод, относящийся к их первому знакомству, можно найти в воспоминаниях Крупской: «Ездили мы еще в Тесь... Владимир Ильич с Ленгником толковали о Канте, с Барамзиным — о казанских кружках... вообще от этой поездки осталось какое-то особенно хорошее воспоминание» [12].

Надо сказать, что к этому времени за плечами у Барамзина был солидный стаж руководства марксистскими кружками. Но при этом Егор Васильевич не был еще свободен от народнических иллюзий и заблуждений. Владимир Ильич много сделал для того, чтобы Барамзин избавился от них.

Несколько дней гостят Ленин и Крупская у своих друзей. Последняя общая прогулка.

— В спорах с вами мы обрели, в особенности я, истину, которой теперь будем служить,— говорит на прощание Владимиру Ильичу Егор Васильевич.

Барамзин был среди тех семнадцати политических ссыльных марксистов Минусинского округа, которые в августе 1899 года подписали знаменитый ленинский «Протест российских социал-демократов», разоблачающий так называемых «экономистов».

Егор Васильевич увлекался живописью. Свою картину «Дерево у пруда» он подарил сестре Ленина, Анне Ильиничне. Посетители мемориального музея Владимира Ильича Ленина в бывшей петроградской квартире Елизаровых и сейчас могут увидеть эту картину...

Следующая запись: *Вл. Д. Бонч-Бруевич.*

...Когда Ленин написал в Цюрихе первые свои два «Письма из далека», перед ним встал вопрос, как переправить их в «Правду». Как раз в это время готовилась к отъезду из Христиании в Петроград Александра Михайловна Коллонтай. Ей и поспешил отправить обе статьи Ленин. Но кто мог поручиться за то, что почта застанет ее на месте? И Владимир Ильич пишет письмо Ганецкому. Он просит выяснить, какова судьба его корреспонденции, и, если понадобится, взять на себя ее дальнейшую пересылку. «Я пользуюсь пока лишь одним петроградским адресом,— добавляет при этом Владимир Ильич: — Издательство «Жизнь и Знание», г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19, Петроград. Этот издатель тотчас передаст «Правде» ».

Адресная книжка содержит более полные координаты этого деятельного работника партии: два его служебных телефона, адрес квартиры по Херсонской улице в Петрограде.

Вечером 3 апреля семнадцатого года Владимир Дмитриевич был среди тех, кто собрался на Финляндском вокзале, для того чтобы встретить приезжающего из эмиграции Ленина.

«Мы бросились к вагонам,— рассказывал он о первых минутах незабываемой встречи.— Из пятого от паровоза вагона выходил Владимир Ильич, за ним Надежда Константиновна, еще и еще товарищи...

— Смирно!..— понеслась команда по почетному караулу, по воинским частям, по рабочим вооруженным отрядам, на вокзале, на площади. Оркестры заиграли «встречу», и войска взяли «на караул» » [13].

Большому и знаменательному событию, всколыхнувшему весь Питер, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, работавший тогда одним из редакторов «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», посвятил в этой газете взволнованную статью. Это был в то же время красочный репортаж, в котором слышалось радостное биение сердец рабочих, солдат, матросов.

Для меньшевиков, как для тех, кто работал в редакции, так и для верхушки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, появление этого материала оказалось полной неожиданностью. Вокруг Владимира Дмитриевича создалась атмосфера враждебности. Он было уже собрался уйти из «Известий». Вместе с другим большевиком, членом политической редакции, заготовил и специальное заявление по этому поводу в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако прежде чем его подать, решил посоветоваться с Лениным.

«Ни в коем случае не уходите сами,— сказал Ленин Бонч-Бруевичу.— Нам важна каждая позиция. В «Известиях» мы все-таки можем кое-что помещать, печатая и статьи, и резолюции, и мы должны все это использовать...» [14]

Владимир Дмитриевич так и поступил. Через две недели после приезда Ленина в «Известиях» появилась статья, озаглавленная «Чего они хотят?». Это был мощный залп против врагов партии, против всех, кто пытался осквернить светлое имя Ленина, грозил расправой с ним.

«Они, эти проклятые люди, спят и видят, ждут не дождутся того радостного дня, когда рабочие и солдаты перессорятся между собою,— тогда наступит их праздник,— говорилось в статье.— А отчего, по какой причине начнется ссора,— не все ли им равно? Появился Ленин: великолепно! Не было бы Ленина — начали бы с другого, выдумали бы какой-нибудь другой, новый предлог» [15].

Статья говорила о великих заслугах борца за дело рабочего класса. Она требовала решительно положить конец подрывным делам черносотенцев.

Автором статьи был Бонч-Бруевич.

Как мы помним, в ленинском письме из Цюриха Ганецкому

Бонч-Бруевич назван издателем. Марка издательства «Жизнь и знание», которое возглавлял Владимир Дмитриевич, значилась на книгах Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Поля Лафарга и Августа Бебеля, выходивших в России. Здесь выпускались в свет также произведения Максима Горького и Демьяна Бедного.

Необычайно интересную книгу, «Негасимые искры», посвятила славной деятельности издательства «Жизнь и знание» одна из первых его сотрудниц, ленинградская художница и писательница Ольга Константиновна Матюшина. Она помнит, как поступали в издательство многие ленинские работы. Помнит, с каким нетерпением ожидали они выхода в свет каждой новой книжки Владимира Ильича.

Издательский адрес, записанный Лениным, и привел меня к Ольге Константиновне. Она подробно передает рассказ Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича об истории известной ленинской брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата».

По первоначальному замыслу Владимира Ильича это должна была быть листовка в вопросах и ответах. Мысль о ней появилась у Ленина, когда он вместе с Бонч-Бруевичем возвращался из Таврического дворца и обратил внимание на обилие кричащих прокламаций меньшевиков, эсеров, кадетов. Тогда-то Ленин и задался целью создать листовку, популярно и доходчиво разъясняющую, за что борются большевики и что представляют собой партии, которые именуют себя народными, а в действительности не имеют ничего общего с интересами народа. О. К. Матюшина приводит следующие слова Ленина: «Читатель прочтет прокламацию эсеров или кадетов, а потом подряд и нашу и сразу поймет, что они за птицы. Сулят ему три короба всяких благ и влекут его и его близких на бойню...»

Но произошло непредвиденное. Работа, написанная Лениным, и по объему и по своему значению переросла рамки прокламации. Бонч-Бруевич убедил Ленина выпустить рукопись отдельной брошюрой.

Позднее, когда Владимир Ильич вынужден был снова уйти в подполье, Надежда Константиновна передавала работникам издательства, что он упорно работает над новой большой книгой. Речь шла о «Государстве и революции». Писать ее он начал, как известно, в Разливе. Давала себя знать осень. Становилось холодно и сыро.

«Ильич теперь уже в другом месте, в более сносных условиях,— сообщила Надежда Константиновна издателям.— Надеется скоро закончить книгу». Работу над книгой Ленин завершил в Гельсингфорсе.

Ольга Константиновна выходит в соседнюю комнату, возвращается и молча кладет передо мной книгу.

Смотрю на обложку.

Книгоиздательство «Жизнь и Знание»
В. Ильин (Н. Ленин)
ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ
Учение марксизма о государстве
и задачи пролетариата в революции
Выпуск I
Петроград, 1918

Где теперь увидишь первое издание знаменитого ленинского произведения? Лишь в немногих библиотеках.

— Это, конечно, уникум,— соглашается со мной Ольга Константиновна.— Едва только первую пачку тиража доставили из типографии, я взяла экземпляр, еще пахнущий типографской краской, и, помнится, сказала: «Вот эту книжку я сохраню!»

И сохранила! Сберегла в городе Ленина, в годы Великой Отечественной войны, в страшные годы блокады, голода и холода. Сама еле выжила, зрение почти потеряла, а книгу Ильичеву сберегла.

После имени Бограта Борьяна Ленин помечает себе на память в записной книжке: [можно и передачу Шаумяну].

Но кто же такой сам Бограт Борьян, чей адрес для корреспонденции в Баку понадобился Владимиру Ильичу?

Из более позднего ленинского документа, относящегося уже к лету 1918 года, видно, что Владимир Ильич знал Борьяна как члена Петербургского комитета партии в 1917 году.

Принял же Борьян боевое крещение как большевик на Кавказе еще на самой заре нашей партии. Мужал и закалялся в революционной борьбе рядом с такими стойкими, последовательными ленинскими единомышленниками, как Степан Шаумян и Алеша Джапаридзе.

Когда же именно в семнадцатом году и в какой связи он бывал собеседником Ленина?

Сам Борьян рассказывает в своих воспоминаниях о двух встречах с Владимиром Ильичем в тот исторический год. Первая из них произошла в период подготовки партии к Апрельской конференции. Борьян был командирован для этой цели в Баку и другие города Закавказья. Перед отъездом из Петрограда его принял и инструктировал Владимир Ильич.

Второй раз Борьян уехал представителем Центрального Комитета партии на Кавказ в конце июня.

...Командировки ленинского посланца на Кавказ и их отражение в деятельности местных партийных организаций.

...Май семнадцатого года. Бограт Борьян — докладчик о решениях Апрельской конференции партии на общем собрании Грозненской организации большевиков.

Его участники заявляют о своей решимости «до конца идти по намеченному пути и всеми силами бороться против тех, кто советует крестьянам не брать земли до Учредительного собрания» [16].

Июль семнадцатого. На доклад Бограта Борьяна о текущем моменте и тактике большевиков собирается Александропольская партийная организация. Она осуждает поведение соглашательских партий и принимает резолюцию о разрыве с меньшевиками.

Из того же Александрополя, но уже в ноябре семнадцатого года, Бограт Борьян шлет письмо Владимиру Ильичу.

— Приветствуя Вас, я не могу описать мои радости,— обращается он к Ленину.— Кавказские товарищи стойко стоят, и нужно надеяться, что мы сумеем провести линию большевизма полностью.

Я был во многих городах Кавказа, и нужно сказать, что везде солдатская масса на нашей стороне.

Подробно напишу из Баку...[17]

В Москву к Ленину Бограт Борьян приезжает летом восемнадцатого года с поручением Степана Шаумяна по делам Бакинской коммуны. Владимир Ильич принимает его и просит о том же в своей записке, адресованной руководителям ВСНХ и Наркомпрода [18].

После Баку Бограт Борьян ведет партийную, хозяйственную и профсоюзную работу в Москве, избирается в состав ВЦИКа, состоит членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

...Прежде чем назвать следующее имя, внесенное Владимиром Ильичем в его записную книжку, хочется напомнить вдохновенные ленинские строки, написанные в самом начале нашего века. «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки,— писал Ленин в книге «Что делать?».— Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения» [19].

Одним из тех, кто принадлежал к этой бесстрашной ленинской когорте революционеров, кого не согнули самые тяжкие испытания, был Вацлав Вацлавович Воровский. Недаром в свое время Влади-

мир Ильич вызвал его в Женеву. Здесь Воровский работал в партийном издательстве. Затем был включен в состав редакционных коллегий большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Ленин высоко ценил его публицистический талант. Перевод «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса на русский язык, сделанный Воровским, Владимир Ильич считал одним из лучших.

Кандидатуру Воровского в октябре 1905 года Ленин рекомендовал ввести в состав Международного социалистического бюро. «Он знает языки, умеет говорить и обладает представительностью»,— писал Владимир Ильич.

Февральская революция застает Воровского в Швеции.

Вместе с Я. С. Ганецким Вацлав Вацлавович приходит в русское посольство. Они представляются послу: пришли по делам только что победившей второй русской революции.

Услышав это, царский дипломат напускает на себя подобострастную гримасу: «Чем он может служить? Он сочтет для себя за высшую честь быть полезным революционерам».

Воровский и Ганецкий формулируют свои требования: принимать их пакеты с печатями для бесконтрольной пересылки Ленину. Выдавать партийным курьерам дипломатические паспорта. Без всякой волокиты выдавать визы всем революционерам-эмигрантам для проезда в Россию... Посол согласен, он ничего не имеет против.

Но вот Воровский поинтересовался некоторыми внутренними сторонами конституции русского посольства в Швеции. Тут уж посол перепугался.

— Не собираетесь ли вы меня устранить,— спросил он.— Ведь я целиком согласен с Временным правительством. Я давно утверждал, что царизм — пережиток.

— Да, царизм действительно оказался пережитком,— подтвердил Вацлав Вацлавович.— Неизвестно, не пережиток ли и Временное правительство,— добавил он при этом.

Деятельное участие принимает Вацлав Вацлавович в подготовке к переезду Владимира Ильича из Швейцарии в Россию. Он навел необходимые для Ленина справки, снабдил его иностранной валютой.

На страницах шведской социал-демократической газеты «Politiken» в те дни была опубликована статья Воровского о Ленине. Статья сопровождалась портретом Владимира Ильича, сделанным с фотоснимка, который он прислал в Стокгольм для оформления паспорта.

«Человек, портрет которого помещен выше, один из самых замечательных вождей русской социал-демократии,— писал Воровский.— ...Самое характерное в этом человеке — неистощимая энер-

гия и его необычайная определенность в принципах, которая помогла ему в годы реакции остаться верным революционной социал-демократии и собрать своих единомышленников вокруг знамени Интернационала».

Вместе с Ганецким Воровский вошел в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б).

Что было дальше?

«Летом 1917 г. Вацлав Вацлавович прибыл из Швеции в Петроград, после выполнения возложенных на него большевистским центром поручений по заграничному представительству,— рассказывает В. Д. Бонч-Бруевич.— Приехал он бодрый, полный надежд и самых широких упований, и тотчас же, конечно, присоединился к петроградской большевистской организации, работая в ней как литератор и как агитатор» [20].

Петроградский адрес *Воровского* мы находим в записной книжечке Ленина. Деятельность Воровского-дипломата начинается тотчас же после установления Советской власти; он работает в Швеции.

...Упоминается в записной книжке Владимира Ильича также имя известного нам из предыдущего репортажа члена Заграничного бюро Центрального Комитета большевистской партии *Я. С. Ганецкого*. Из нее можно узнать и его адрес для телеграмм в Стокгольме.

Писал ли Ленин Ганецкому в Стокгольм? Да, он находил для этого время. Кратко сообщал о самом важном в жизни партии, справлялся о том, что его волновало. «...Какие известия имеете о Платтене? — спрашивает, например, Владимир Ильич.— Вернулся ли он и благополучно ли доехал?» [21].

Потом, когда Ленин, преследуемый Временным правительством, вынужден был уйти в подполье, он написал обстоятельное письмо Заграничному бюро Центрального Комитета партии уже из Гельсингфорса.

Владимира Ильича интересовало, что удалось Ганецкому сделать, для того чтобы отмести гнусный поклеп буржуазии на него и других интернационалистов. Ленин советовал, как лучше дать отпор клеветникам.

Как и все коммунисты, Ганецкий в 1921 году проходил чистку партии. В этой связи Владимир Ильич дал тогда ему свою рекомендацию. Он свидетельствовал в ней, что знает Якова Станиславовича еще с 1903 года, когда тот представлял польскую социал-демократию на II съезде РСДРП. Кроме того, пишет он, «близко наблюдал в 1912—1914 годах, когда мы вместе жили в Кракове» [22].

Именно в Кракове проходил ленинскую школу, формировался как боец большевистской гвардии Ганецкий.

Поначалу он был немало удивлен тем, что уже через каких-нибудь полтора месяца Ленин свободно ориентировался в новых местах.

«— Владимир Ильич, вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян? — удивлялся Яков Станиславович...

— Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разъезжаю на велосипеде по окрестностям города и знакомлюсь с крестьянством,— отвечал Ленин,— а здешние окрестности очень красивы и интересны...»

Сразу же по приезде в Краков Владимир Ильич обзавелся планом города с окрестностями и русско-польским словарем. Но дело было не только в этих пособиях.

«Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу. Говорю по-польски,— рассказывал Ганецкому Владимир Ильич.— Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии,— значит, немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жестам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друг друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне, неплохой материал. Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания, не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...» [23].

Важную роль в судьбе вождя партии сыграл Ганецкий в начале первой мировой войны. Застала она Владимира Ильича и Надежду Константиновну в деревне Белый Дунаец у подножия Татр, близ Поронина.

Вскоре на квартиру к ним пожаловали нежданные «гости»: поронинский жандармский вахмистр и понятой — местный крестьянин. Приступили к обыску.

Под конец выяснилось, что за обыском последует и арест Владимира Ильича.

Поезд до местечка Новый Тарг, где находились военные власти, уходил только утром следующего дня, и покуда Ленин мог оставаться дома. Владимир Ильич поехал с дачи в Поронин к Ганецкому и поставил его в известность о нависшей над ним угрозе ареста. Не теряя ни секунды, Яков Станиславович тут же отправил телеграмму социал-демократическому депутату Мареку.

Затем Ленин телеграфировал директору краковской полиции: «Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже... Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумений».

Ленин — шпион царской монархии. Такая мысль могла заро-

диться только в совершенно угоревшем от шовинистической «бдительности» полицейском мозгу. Но колесо уже завертелось, и Ленин очутился за решеткой тюрьмы Нового Тарга.

«Владимир Ульянов, родился в России, 44 года, православный, русский эмигрант»,— такая запись появилась в тюремной книге утром 8 августа 1914 года. Тут же тюремный надзиратель перечислил и «имущество» арестанта: 91 крона 99 геллеров *, черные часы, перочинный нож.

Яков Станиславович Ганецкий, успевший уже развить кипучую деятельность, поспел в Новый Тарг как раз к тому моменту, когда судья допрашивал Владимира Ильича.

Даже беглого знакомства с Лениным члену суда Пашковскому было достаточно, чтобы поставить под сомнение нелепое обвинение, выдвинутое против него.

«Пашковский сейчас же нас принял и велел вызвать из камеры Владимира Ильича,— вспоминал позднее Ганецкий...— Появился Владимир Ильич, взволнованный, но, как всегда, ровный и со своей постоянной спокойной улыбкой. Не знал, на каком языке обратиться к Надежде Константиновне,— судья не понимает по-русски.

— Я буду говорить по-немецки,— заявляет Владимир Ильич Пашковскому,— хотя умею и по-польски.— И тут же говорит Надежде Константиновне по-польски: «Jak sie Pani czuję?» (Как вы себя чувствуете, сударыня?)

Пашковский смеется, предлагает Ильичу говорить по-русски. Мы с Пашковским идем в другую комнату, чтобы не мешать...» [24]

Потребовались немалые усилия польских друзей, влиятельных депутатов австрийского парламента, прежде чем вздорные подозрения против Ленина были сняты.

Вот каким был еще один человек из ленинской записной книжки. «Вполне рекомендую в партию»,— написал позднее о Ганецком Владимир Ильич.

«НЕ ПОРЫВАЙТЕ СВЯЗИ С РАБОЧИМИ...»

При всей своей лаконичности записи, сделанные Лениным в его алфавитной книжечке, отличаются предельной ясностью. Редко, внося в нее новую фамилию, он не записывал тут же и имени-отчества человека. Недостаток таких сведений восполнялся упоминанием профессии или специальности того или иного лица. Например: *Данилевский* — шофер Исполнительного комитета...

---

* Австрийские деньги.

Фамилия *Гиляровой* записана без аналогичных уточнений. Все, что мы знаем о ней из записной книжечки Владимира Ильича,— домашний адрес на Б. Ружейной в Петрограде и номер домашнего телефона.

При Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде создан и ведет плодотворную работу совет, в который входит большая группа старых большевиков — ветеранов нашей партии. Сюда я и пришел порасспросить о людях, упоминаемых в алфавитной книжечке Ленина. Называю фамилию Гиляровой.

— Есть такая у нас,— отвечают товарищи и сообщают мне номер телефона Елены Александровны Гиляровой, персональной пенсионерки, члена партии с 1917 года.

Обращаюсь к Елене Александровне, ввожу ее в курс дела. Выясняется, что вопрос, интересующий нас, задавали ей еще в свое время товарищи, с которыми она училась в Ленинградском институте красной профессуры.

— Ваш ли это адрес? — спрашивали ее по поводу записи, сделанной Лениным.

— Да, это адрес нашей квартиры,— отвечала Елена Александровна.

У кого же узнал этот адрес Владимир Ильич, зачем он ему понадобился?

Сестер в семье Гиляровых было две: Александра и Елена. Первая из них ко времени возвращения Ленина в Россию была студенткой пятого курса женского Медицинского института в Петрограде, вторая училась на Бестужевских курсах. Обе весной семнадцатого года вступили в партию.

Елена одновременно с учебой вела работу в отделении партийного издательства «Прибой», созданном при Василеостровском райкоме партии. Ей и поручили обеспечить большевистской литературой делегатов I Всероссийского съезда Советов. Тогда же ее адресом и телефоном поинтересовалась большевистская фракция съезда.

Накануне июльских событий 1917 года Вера Клементьевна Слуцкая, секретарь Василеостровского райкома партии, направилась во дворец Кшесинской и захватила с собой Елену Гилярову. По дороге она подробно допытывалась у нее о том, как расположена квартира, в которой живет семья, нет ли маленьких детей.

— Ваша квартира может понадобиться для партии,— сказала Вера Клементьевна.

Приехали во дворец. Слуцкая ушла к Ленину. На обратном пути из дворца она сказала Гиляровой:

— Я ваш адрес дала Владимиру Ильичу, но он у него уже записан...

Вспоминая этот эпизод, Елена Александровна Гилярова допускает и другое происхождение интересующей нас записи в книжечке Владимира Ильича. Сестра ее, Александра, училась в том самом женском Медицинском институте, в помещении которого происходил ряд заседаний VII (Апрельской) Всероссийской конференции нашей партии. Большевистская группа института помогла раздобыть это помещение для работы исторической конференции, много потрудилась над техническим обслуживанием ее участников. Какая-то очень скромная роль в этом деле могла принадлежать и Александре Гиляровой. Одну из догадок о появлении адреса Гиляровых в записной книжечке Ленина Елена Александровна и строит на этой версии.

«*Глебов.* Телефон *1.29*»,— записано у Ленина.

О чем может рассказать эта предельно краткая запись?

Она связана с началом деятельности Советского правительства, образованного на II Всероссийском съезде Советов. Николай Павлович Глебов-Авилов * занимал пост первого народного комиссара почт и телеграфов.

Заключительное заседание исторического II Всероссийского съезда Советов, на котором было сформировано первое в мире Советское правительство, закончилось на рассвете 27 октября. В тот же день Петроградский военно-революционный комитет выписал на имя народного комиссара почт и телеграфов удостоверение: «Настоящим удостоверяется, что Николай Павлович Авилов (Н. Глебов) 27-го с. м. избран Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов на пост председателя коллегии почт и телеграфов.

Военно-революционный комитет предлагает всем лицам и учреждениям содействовать во всех делах, касающихся ведомства почт и телеграфов» [25].

...Одна из первых ночей в Смольном после штурма Зимнего дворца. В Петроградском военно-революционном комитете несут дежурство представители районных комитетов партии. Входит Глебов-Авилов.

«Товарищи, Владимир Ильич просит вас немедленно идти в свои районы и всех членов партии, могущих быть агитаторами, прислать сюда,— обращается он к связным.— Отсюда они поедут к наступающим частям Краснова. Предупреждаю, что это обязательно надо выполнить, этого требует революция!..

---

* Глебов — литературный псевдоним Н. П. Авилова.

Без каких-либо расспросов и разговоров все немедленно бросились выполнять просьбу В. И. Ленина,— вспоминает Александр Семенович Гундоров,— член КПСС с 1915 года, дежуривший в Петроградском военно-революционном комитете от одного из районных комитетов партии Питера.— Рано утром я прибыл на Обуховский завод, и, рассказав здесь о просьбе Владимира Ильича, я получил задание — с группой красногвардейцев срочно отправиться на станцию Рыбацкое» [26].

Контрреволюционный мятеж Керенского — Краснова был подавлен. Немало для этого сделали и большевистские агитаторы, посланные Лениным на линию огня. Они открыли глаза казакам, обманутым Керенским и Красновым, на подлинную правду о великих событиях, свершившихся в Петрограде.

Первый народный комиссар почт и телеграфов запечатлел в своих воспоминаниях некоторые типичные штрихи ленинского стиля работы. Он рассказывал о постоянном общении Владимира Ильича с народными массами, его тесной связи с петроградскими заводами и фабриками. Тому же Владимир Ильич учил и всех, кто близко соприкасался с ним по делам партийным, государственным, профсоюзным.

«Где бы ни были, какую бы работу ни выполняли, не порывайте связи с рабочими,— говорил нам Ильич» [27],— вспоминал Николай Павлович.

Сам неутомимый в работе, Ленин умел поддерживать творческий огонек у других. Не прочь был Владимир Ильич, как известно, разрядить усталость своих ближайших помощников и шуткой.

«Он мог совместить в себе строгость вождя и шутки товарища,— рассказывал Глебов-Авилов.— Вспоминается, как на другой день после захвата власти он у себя в кабинете в Смольном, занятый разрешением величайших вопросов, мог тут же в товарищеском кругу вспомнить тюрьму и тут же в кабинете демонстрировать натирку полов в тюремной камере».

Великий и простой — таким остался Ленин в памяти каждого, кому посчастливилось хоть раз встретиться с Владимиром Ильичем.

ЛЕНИН ПРИЕЗЖАЕТ!

«*Гуковский* Исидор Эммануилович *Широкая* 23, кв. 8. Телефон: 237. 49 (6 ч. веч. до 12 ч.)».

— Да, это наш домашний телефон,— сказала Нина Исидоровна Гуковская, когда я показал ей запись Ленина, относящуюся к ее

отцу.— Мы и жили в Петрограде на одной улице с Владимиром Ильичем — Широкой.

Попал я на Ленинский проспект, 85, в Москве, в семью старшей дочери Исидора Эммануиловича Гуковского довольно длинным кружным путем — через ...Красноярск и Ленинград.

Гуковский принадлежал к той большевистской когорте, подробные биографические сведения о которой можно почерпнуть в энциклопедических словарях. Известно, в частности, что бесстрашный профессиональный революционер не раз подвергался репрессиям со стороны царского правительства. Сначала тюрьма, потом ссылка в Красноярск. Это происходит весной 1900 года.

Жизнь Гуковского рано оборвалась. Он умер пятидесяти лет.

«Ушел старый партийный работник, бывший народный комиссар финансов РСФСР и представитель РСФСР в Эстонии»,— сообщали о тяжелой утрате столичные газеты осенью 1921 года.

Живы ли теперь его родные и близкие — установить это при первой встрече с фамилией ветерана партии в ленинской записной книжке мне не удалось.

«Белое пятно» коробило. Помог случай.

Из Издательства политической литературы мне прислали письмо Красноярского крайкома комсомола с приглашением приехать в Сибирь, встретиться с молодыми читателями, интересующимися документальными рассказами о Владимире Ильиче Ленине.

Еду в Красноярск, памятуя, что там отбывал свою ссылку Гуковский: не удастся ли у старожилов узнать что-либо о его родне?

Сосланный в Красноярск Гуковский время зря не терял. Исидор Эммануилович отдавал все свои силы партийной работе в тогдашней Енисейской губернии. Искусный конспиратор, он организовал нелегальную печатную пропаганду идей марксизма среди сибиряков.

Вместе с ним из Петербурга перебралась в Сибирь и его жена Агапия Михайловна, окончившая еще в конце прошлого века фельдшерскую школу здесь же, в Красноярске. Будучи еще ученицей этой школы, она в то же время занималась в нелегальном марксистском кружке, которым руководил Петр Ананьевич Красиков.

Ее однокашницей по фельдшерской школе была Лидия Иннокентьевна Михайлова, принявшая позже фамилию своего мужа Удимова. Агапия и Лида были подругами.

Известно также, что весеннее путешествие по Енисею в 1897 году Лидия Иннокентьевна совершала тем же рейсом паро-

хода «Св. Николай», на котором следовал Ленин из Красноярска до Минусинска, направляясь к месту высылки в село Шушенское. Лидии Иннокентьевне посчастливилось познакомиться с Владимиром Ильичем.

Рассказывают все это современники подруг-фельдшериц, которых мне еще удалось повидать в Красноярске.

— Вас интересуют Гуковские? Обратитесь к Удимовой,— советует преклонных лет красноярский художник.— Лидия Иннокентьевна должна знать всю их родословную. Редко кто так дружил, как эти две фельдшерицы — Гуковская и Удимова. Обратитесь к Удимовой. Можно было предположить, что живет она в том же Красноярске где-то по соседству с квартирой художника.

— Запишите, пожалуйста, ее адрес,— продолжал после небольшой паузы красноярский старожил,— Ленинград...

Записываю. Потом, мысленно прикинув возраст подруги покойной Агапии Михайловны Гуковской, которая еще ученицей фельдшерских курсов весной 1897 года с открытием навигации по Енисею плавала на пароходе «Св. Николай» и там видела Ленина, робко спрашиваю художника:

— Да, но что может помнить в свои годы Удимова?

— Не скажите,— слышу в ответ.— Я недавно виделся с Лидией Иннокентьевной в Ленинграде. Слух у нее уже действительно слабоват, но память еще очень ясная.

Мне осталось поблагодарить увлеченного сибирскими пейзажами художника, и, воспользовавшись первой же возможностью, я навестил Удимову в Ленинграде. И вот мы беседуем с Лидией Иннокентьевной.

— К подруге я поехала вверх по Енисею. Она работала в Абакане,— рассказывает Лидия Иннокентьевна о своей памятной поездке на каникулы в первую навигацию 1897 года.— Как на пароходе знакомятся? Я не знала, что это был Ленин. Мы сидели на палубе. Я ему про Енисей, про наши знаменитые «Столбы» говорила. Еще какой-то гражданин сидел. Все разговаривали...

Пройдет первый год пребывания Ленина в Сибири, когда к нему приедет его невеста Крупская вместе с матерью Елизаветой Васильевной. Дорога их в Шушенское будет тоже лежать через Красноярск. В ожидании парохода до Минусинска им понадобится кров.

По словам Удимовой, Ленин, с которым она разговаривала на палубе парохода, уже тогда спрашивал ее:

— Вы не сможете принять двоих?

— А почему же нет. Если негде, то я и у себя устрою. Потеснюсь, да устрою...

Так и было. Гостеприимством Удимовой воспользовались Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна, прибывшие в Красноярск весной 1898 года. С началом навигации на Енисее они направились к Владимиру Ильичу в Шушенское.

Воспоминания возвращают Удимову снова на палубу парохода «Св. Николай». Она рассказывает об общительности Ленина. Не раз упоминает Лидия Иннокентьевна и Гуковских. Так я узнаю о трех дочерях старого большевика, живущих в Москве. Хранительницей семейных реликвий является старшая из дочерей — Нина Исидоровна. Москва, Ленинский проспект...

Возвращаюсь в Москву. Встречаюсь с Гуковской старшей. Рассказываю о своем «путешествии» — Москва — Красноярск — Ленинград — Москва, приведшем меня сюда, на Ленинский проспект. Завязывается беседа...

Нина Исидоровна запомнила апрельский вечер семнадцатого года, когда по всему Петрограду разнеслась знаменательная радостная весть.

— Вечером к нам прибежал Авель Енукидзе и сказал: «Ленин приезжает. Прямо сейчас!» И мы по Широкой улице побежали во дворец Кшесинской: мама, я и Енукидзе. Отец лежал больной.

На Каменноостровском проспекте было полно народу. Енукидзе подошел к какой-то калиточке у дворца Кшесинской, и нас пустили туда.

Потом мы услышали гул приближающегося броневика. Приехал Ленин. Он стал обходить собравшихся во дворце Кшесинской и со всеми здороваться.

Очень хорошо помню, как Александра Михайловна Коллонтай спросила мою мать, Агапию Михайловну:

— Давно не видели Ильича?

— С 1905 года,— ответила она.

Мама нам и раньше рассказывала о том, что в 1905 году, когда отец работал в Петербурге секретарем «Новой жизни», Ленин бывал у нас на квартире. Проводил заседания редакции газеты.

Маме с детьми удалось вырваться из Сибири в Москву лишь после изгнания Колчака.

Ленин регулярно интересовался у отца вестями о семье.

— Имеете ли вы что-нибудь от Агапии Михайловны? — спросил он как-то отца.

— Владимир Ильич, а вы помните Агапию Михайловну по 1905 году?

— Я ее помню не только по 1905 году, а еще раньше — по Красноярску.

Теперь мы можем обратиться к воспоминаниям самого Исидора Эммануиловича Гуковского. Речь идет как раз о последних месяцах 1905 года, когда Ленин, приехавший из-за границы в Петербург, редактировал легальную большевистскую газету «Новая жизнь» (формально редактором-издателем считался поэт Н. М. Минский, издательницей была М. Ф. Андреева).

На страницах «Новой жизни» было опубликовано четырнадцать ленинских статей. В их числе и такой программный документ, как «Партийная организация и партийная литература».

Прямое отношение к «Новой жизни» имел и старый партиец Гуковский. Там он ежедневно встречался с Лениным.

«Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности,— вспоминал он.— Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, предъявляя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. «В каком количестве был распространен номер?» — спрашивал следователь. «60—80 тысяч»,— отвечал я. «Кто автор такой-то статьи?» — Ответ: «Это тайна редакции».— «И вы не скажете?» — «Нет».— «Так что, отвечает редактор?» — «Да».— Этим кончалось» [28].

Кем работал Гуковский в семнадцатом году? После Февральской буржуазно-демократической революции, когда партия вышла из подполья, он стал казначеем Петербургского комитета партии. Победил Октябрь. Гуковский назначается на пост заместителя наркома, а затем — народного комиссара финансов.

Первые дни работы правительства новорожденной республики Советов. Решаются жизненно важные вопросы налаживания народного хозяйства. На очереди — национализация нефтяной промышленности. Ленин, ведущий заседания Совета Народных Комиссаров, настаивает на консультациях со сведущими специалистами. «...Несколько раз вопрос откладывался из-за того, что не был извещен Гуковский, долго работавший в нефтяном деле» [29],— свидетельствует А. Ломов (Георгий Ипполитович Оппоков), присутствовавший на этих заседаниях.

...Апрель восемнадцатого года. На одном из заседаний Ленин обменивается записками с главным «казначеем» республики.

Владимира Ильича интересует вопрос об одном из работников Наркомата финансов, на которого имеет виды другое ведомство. Он высказывает свои пожелания — прочнее закрепить этого человека именно на финансовом фронте. Чем вызвана такая заинтересованность Ленина в данной кандидатуре?

«...Слаб рабочими силами Комиссариат финансов, ей-ей слаб, надо *подкрепить;* иначе жаловаться потом на недостаток сил Вы не будете вправе» [30],— мотивирует свое предложение Владимир Ильич.

Гуковский отвечает: «Я как раз об этом сейчас говорил с т. Свердловым и хотел бы поговорить с Вами» [31].

Много важнейших поручений Ленина выполнил нарком. Мы можем о них узнать из документов, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Однако не все ленинские записки удалось обнаружить и собрать. Вот наглядное тому свидетельство.

Незадолго до моего прихода Нина Исидоровна перебирала архив своей покойной матери и обнаружила еще два ранее нигде не опубликованных ленинских документа. Оба в подлиннике.

— Пришли бы днем позже и опоздали бы,— говорит Нина Исидоровна.— Как раз собралась отнести документы в Институт марксизма-ленинизма...

Я прочел их. Первый относится к июлю восемнадцатого года. Председатель Совета Народных Комиссаров обращается к наркому с крайне срочным поручением. Настолько не терпящим промедления делом, что на документе помечено время вручения — один час дня. «Ваш Ленин» — подпись в конце документа.

Вторая находка — подлинник мандата на имя Гуковского, подписанного Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным). Он относится к маю 1919 года, когда Гуковский был утвержден членом коллегии Народного комиссариата государственного контроля.

Меньше чем через год Гуковский стал представлять Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику в тогдашней буржуазной Эстонии.

Нина Исидоровна убеждена, что в одном из архивов должно храниться ленинское письмо, относящееся к началу дипломатической деятельности ее отца. «Хоть маленькое окошечко в Европу у нас есть»,— помнятся ей ленинские слова.

...Внешкольному отделу Наркомпроса понадобились книги, которые можно было раздобыть или заказать в то время в Эстонии. Эту просьбу Надежды Константиновны Крупской Ленин изложил в одной из своих записок, также адресованной Гуковскому в его бытность полпредом РСФСР в Эстонии.

Нина Исидоровна показывала мне фотокопию этого ленинского документа, хранящегося в Центральном партийном архиве. Теперь можно ознакомиться с его содержанием в тридцать седьмом Ленинском сборнике [32]:

«т. Гуковский!

Прошу Вас, если это не затруднит, раздобыть — вероятно, можно прямо заказать? — книги, о которых просит жена (для внешкольного отдела НКПрос) по прилагаемому списку.

Ваш Ленин».

Высказывает свою просьбу Ленин Гуковскому в записке, датированной 22 мая 1920 года.

Ленин высоко ценил Гуковского, проявлял к нему глубокое уважение и личное расположение. Об этом свидетельствуют многие документы Владимира Ильича.

«НЕ РАЗОРВУТ!»

От одного имени к другому ленинская записная книжка приводит нас к людям, самым близким Владимиру Ильичу. Вот эта строчка: «*Елизаров* Марк Тим...»

Это человек, вступивший в революционное движение еще в девяностые годы прошлого столетия. Свою личную судьбу он тесно связал с семьей Ульяновых. Марк Тимофеевич был женат на старшей из сестер — Анне Ильиничне.

Имя Елизарова еще до революции было внесено Надеждой Константиновной в адресную книгу Центрального Комитета партии. Адресами Марка Тимофеевича, и служебным (пароходное общество «По Волге» на Невском) и домашним (Широкая улица), можно было пользоваться для пересылки Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне личных писем за границу. Специальные пометки возле этих адресов напоминали только о необходимой осторожности.

Те же адреса Елизарова мы находим и в записной книжке Ленина.

Как известно, по приезде в Петроград он и Надежда Константиновна заняли одну из комнат в квартире Елизаровых.

Более чем скромная обстановка ее вполне устраивала Владимира Ильича. Стесняло его лишь одно неудобство — не было места для хранения книг. И он решил приспособить под книги платяной шкаф.

— Гардероб у меня небольшой, пиджак и на гвоздь повесить можно, а вот книги и газеты мне некуда складывать ,— заявил он.

Новых жильцов надо было прописать. Хлопоты, связанные с пропиской, взяла на себя Анна Ильинична.

Сохранилась домовая книга тех дней. Перед нами ее двести пятьдесят третья страница.

«На какие средства живет?» — гласит один из вопросов к

вновь приехавшему Ульянову Владимиру Ильичу. «Живет капиталом, а его жена при муже»,— написано рядом черным по белому.

Итак, объявились два новых «капиталиста»: Ленин и Крупская! Не описка ли в домовой книге? Оказывается, нет. Просто-напросто известная осторожность. И вот дворник останавливает Владимира Ильича в парадном. Происходит следующий диалог:

— Вы служите, господин Ульянов?

— Нет.

— А если не служите, то как записать в домовой книге, на что живете?

— А как у вас пишутся другие господа, которые нигде не служат? — спрашивает Владимир Ильич.

— По-разному. Почетные господа живут на капитал...

— Вот так и запишите: живет на капитал... Я за это ручаюсь,— заверил дворника Владимир Ильич и поспешил по своим делам.

Так были соблюдены все формальности в домовой книге.

На квартире Елизаровых у Ленина часто бывали члены Центрального Комитета, с которыми он совещался по важнейшим вопросам политики партии, ее стратегии и тактики. Состоялась такая встреча и сразу же после демонстрации 18 июня.

Владимир Ильич вернулся домой глубоко взволнованный подъемом, которым были охвачены демонстранты, революционной мощью пролетариата. Мария Ильинична приняла от брата букет красных гвоздик, преподнесенный кем-то из товарищей, и поставила его в вазу...

Запросто приходили к Владимиру Ильичу домой рабочие, красногвардейцы. В ту пору можно было в любой момент ожидать со стороны агентов контрреволюционного Временного правительства какой-нибудь гнусной выходки против вождя партии большевиков. И вот группа рабочих, выделенная партийной организацией завода «Старый Парвиайнен», взяла на себя охрану квартиры, в которой жил Ленин. Как-то, вернувшись домой, ничего не подозревавший Владимир Ильич застал незнакомых людей. Они сидели с Марией Ильиничной за чаем.

Подсел к гостям и Ильич. Выяснив, что они рабочие с Выборгской стороны, он, естественно, обрадовался и завязал с ними разговор. Перед тем как расстаться с гостями, Ленин все же поинтересовался, по какому поводу они пришли. Те растерянно переглянулись.

— Ах вот что! — сказал Ленин.— Я догадываюсь, в чем дело. Не занимаетесь ли вы охраной моей персоны? Ну-ка, сообщите мне все поподробнее!

Пришлось рассказать Ильичу правду.

— Не слишком ли много хлопот? — заметил Владимир Ильич, прощаясь с товарищами...

Волнующую картину рисует в своих воспоминаниях Прасковья Францевна *Куделли,* чье имя мы также встречаем в записной книжечке Владимира Ильича. Прасковья Францевна была одним из старейших работников петербургской партийной организации. Опытный пропагандист и умелый организатор, она в условиях подполья выполняла ответственнейшие поручения партии. Имя Куделли было тесно связано с «Правдой». После возобновления издания газеты Прасковья Францевна работала в аппарате редакции.

За свою многолетнюю деятельность в партии Куделли не раз приходилось встречаться с Лениным, выполнять его поручения. Тесными узами дружбы была связана Прасковья Францевна с семьей Владимира Ильича. Она часто видела Ленина и в те дни, когда он только вернулся из эмиграции в Петроград.

«Раз был такой случай,— вспоминала Прасковья Францевна,— кто-то из товарищей рассказал ему, что в Измайловском полку происходит собрание, на котором принята резолюция против Ленина, а отдельные солдаты, науськанные эсеровскими агитаторами, заявили, что готовы принять Ленина в штыки.

— Я сейчас же к ним поеду! — сказал Ильич.

Товарищи взволновались:

— Что вы делаете? Ведь вас там разорвут в клочья!

— Не разорвут...

Удержать его было невозможно, и он поехал. Вернулся часа через два веселый, довольный и говорит:

— Вот вы меня не пускали, а солдаты меня под конец на руках вынесли» [33].

Выступление Ленина в Измайловском полку, о котором вспоминает Прасковья Францевна Куделли, состоялось 10 апреля 1917 года. Речь Владимира Ильича была посвящена текущему моменту.

Хочется привести здесь и другой эпизод, о котором вспоминала Прасковья Францевна Куделли.

...Весной семнадцатого года происходила Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Здесь Ленин выступал с докладом «О текущем моменте и об отношении к Временному правительству». Как известно, в этом выступлении он говорил о том, что социал-шовинисты во всем мире предали социализм. Сказав об этом, Владимир Ильич выдвинул предложение: «Нам следует называться: «Коммунистическая партия»».

Все ли делегаты конференции сразу поняли глубокий смысл ленинского предложения?

Прасковья Францевна Куделли чистосердечно рассказывала, что и она не представляла себе тогда, как можно расстаться со старым названием партии.

Во время перерыва Владимиру Ильичу приходилось отвечать на все новые и новые возражения делегатов конференции.

«Никогда не забуду того кроткого, мягкого тона, каким в ответ на многочисленные вопросы и протесты Ильич сказал,— вспоминала Куделли:

— Да, это бывает; *многие не всегда сразу умеют охватить то, что именно нужно сделать в данный момент...* Позднее это всем станет ясно...» [34]

Прошел год, он еще раз со всей силой подтвердил ленинскую прозорливость. На седьмом съезде наша партия получила достойное ее название — Коммунистическая...

Пока что Елизаров упоминался в нашем рассказе лишь постольку, поскольку речь шла о квартире родных Владимира Ильича, в которой Ленин и Крупская поселились по приезде из Цюриха в Петроград. Но можно ли не рассказать о той большой роли, которую Марк Тимофеевич сыграл как один из первых строителей Советского государства.

— Как вы думаете, справится ли Елизаров с обязанностями народного комиссара путей сообщения? — спросил как-то Ленин старого партийца Анцеловича, хорошо знавшего Марка Тимофеевича.

«Я сказал, что, по-моему, справится,— вспоминал эту беседу Анцелович.— Елизаров — хороший большевик и с транспортом знаком.

— Я тоже думаю, что справится,— продолжал Владимир Ильич.— Да вот он сам не хочет быть наркомом, и мне, понимаете, неудобно его уговаривать. Он муж моей сестры, Анны Ильиничны, близкий мне человек. Прошу вас убедить его.

Я взялся выполнить это «дипломатическое» поручение. Поехал к Елизарову не один, а с группой железнодорожных рабочих, и мы убедили его согласиться пойти работать на транспорт. Он был назначен первым наркомом путей сообщения» [35].

Тяжелое наследство досталось нашему народу на железных дорогах страны. Временное правительство привело транспорт в состояние полного упадка. Теперь чиновники бывшего министерства путей сообщения стремились и вовсе парализовать его. Они упорно отказывались служить Советской власти.

Таким был «орешек», который предстояло раскусить первому

советскому руководителю железнодорожного ведомства. Елизаров начал с того, что пригласил всех служащих этого ведомства собраться в большом зале министерства, на Фонтанке.

«На собрании мною будет доложено о мотивах, побудивших меня принять свой пост, и обсужден вопрос о тех путях, которыми начнем устранять железнодорожную катастрофу»,— гласило объявление, появившееся в «Известиях».

Двери бывшего министерства путей сообщения вновь открылись, но начинать работу Елизарову приходилось лишь с горсткой честных специалистов. Немало господ чиновников таило надежду на близкий крах Советской власти и отказывалось служить ей.

Твердой рукой большевик ломал явное и скрытое сопротивление саботажников. «Настало время очистить авгиевы конюшни министерства,— гласило его обращение к железнодорожникам,— очистить от тех мертвецов, которые умерщвляют все дело и теперь вводят всех в обман, прикрываясь законностью. Во время революции один закон — здравый смысл тех, кто творит новую жизнь» [36].

Решительные шаги, предпринятые Елизаровым для оздоровления парализованного транспорта, не встретили сочувствия даже у иных из тех, кто причислял себя к друзьям Марка Тимофеевича.

Достойную отповедь им Елизаров дал на страницах «Известий». Его письмо было озаглавлено: «Ответ друзьям и недругам».

Марк Тимофеевич с гордостью писал о своей принадлежности к большевистской партии, о том, что он давно знаком со многими славными идейными борцами за лучшее будущее, за счастье для всего народа. Затронул и вопрос о мотивах, побудивших его согласиться хотя бы временно занять пост народного комиссара путей сообщения.

«Я мучился душою, когда видел разруху от коалиционных правительств,— писал Елизаров.— Я страдал, когда перед моими глазами гнусно клеветали и гнали тех, кто всю свою жизнь отдал за великое дело любви к человечеству, и моею молитвой была молитва, изложенная Некрасовым:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

И она привела; и не вам, малодушным, боящимся верить даже самим себе, сбить меня с дороги... Все честные поймут, если у них не хватит духу поддержать меня, то у них не повернется язык и осудить меня. До бесчестных же мне дела нет. Они должны быть отметены» [37].

Заканчивалось письмо Елизарова выражением твердой увереп-

ности в том, что железнодорожники будут всемерно крепить народную власть. В этом он и видел главный смысл своего выступления с трибуны газеты.

ВО ДВОРЦЕ КШЕСИНСКОЙ

«*Кшесинская,* Дворец ее»,— записывает Владимир Ильич, едва вернувшись из эмиграции в Россию, адрес здания, в котором сосредоточены важнейшие центры партии. И сразу же перед нами вырастает фигура Ленина на балконе этого дворца; вместе с рабочими и солдатами, которые пришли сюда приветствовать возвращение вождя на родину, мы слышим его вдохновенные речи. Это происходит в ночь на 4 апреля 1917 года.

Не раз в течение этой ночи Владимир Ильич появляется на балконе, горячо встречаемый демонстрантами. До самого рассвета продолжается в стенах дворца Кшесинской его встреча с партийными работниками Петрограда...

После короткого отдыха Ленин уже в двенадцать часов дня 4 апреля выступает в Таврическом дворце перед большевиками — участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, излагая свои знаменитые Апрельские тезисы. Прения по докладу Ленина происходят во дворце Кшесинской. Владимир Ильич, ушедший отсюда только на рассвете, снова здесь.

В последующие месяцы в стенах дворца не раз еще звучал голос Ленина, выступавшего с программными речами на конференциях, собраниях, совещаниях. Могучим эхом отзываются по всей России его речи с балкона дворца, обращенные к петроградским рабочим, солдатам и матросам.

Изо дня в день Ленин знакомится и беседует с людьми, приходившими во дворец Кшесинской по партийным делам. Вчера у Елены Дмитриевны Стасовой, секретаря Центрального Комитета партии, повстречался с делегацией рабочих Брянского завода, сегодня в редакции «Солдатской правды» ведет разговор с представителями воинских частей, ожидающими свежего номера популярной газеты. Сколько примечательных эпизодов могут напомнить адреса из ленинской записной книжки тем, кому выпало великое счастье работать бок о бок с Владимиром Ильичем!..

Там же, во дворце Кшесинской, помещается и Петербургский комитет партии, с которым Ленин теснейшим образом повседневно связан. А понадобится Владимиру Ильичу позвонить сюда из «Правды» или другого места — заглянет в свою записную книжку. Там есть строчка: «Секретарь П. К. [Шмидт] Бокий».

Василий Владимирович Шмидт — питерский токарь. Год вступления в партию — 1905-й. Работать секретарем Петербургского комитета партии ему довелось еще в нелегальных условиях. Руководящую работу в Петербургской организации он выполняет и после выхода партии из подполья. И, когда собирается VII (Апрельская) Всероссийская конференция партии, Шмидт, работавший секретарем, информирует делегатов о работе, проведенной Петербургским комитетом.

Глеб Иванович Бокий к началу первой русской революции имел уже пятилетний опыт работы в партии. Мужал, закалялся в непримиримой борьбе с царским самодержавием. Связанный глубочайшими корнями с питерской партийной организацией, он пользовался ее неизменным доверием и уважением. Секретарем Петербургского комитета партии он становится весной семнадцатого года. Какая атмосфера царит в ту пору в комитете, чем занят его секретарь?

«Второй этаж. Петроградский комитет партии,— вспоминает Маргарита Владимировна Алтаева-Ямщикова *, посетившая Глеба Ивановича Бокия во дворце Кшесинской (писательница явилась туда по его приглашению для оказания помощи работникам большевистской печати в редактировании солдатских писем.— *Ред.).*— ...Стены обтянуты светлой бумажной материей с цветочками; такой же материей обита модернистская мебель и ширмы с медальонами из кусочков зеркала...

За одним столом, справа от двери, секретарь ПК Г. И. Бокий выдает рабочим партийные билеты и беседует с ними. Над столом краткая надпись: «Рукопожатия отменяются».

Налево, за другим столом, над тазом склонились две женские фигуры: худенькая блондинка с бледным тонким лицом — Нина Августовна Подвойская и еще одна девушка — тоже Нина (фамилии не помню). Они моют типографский шрифт и перекидываются негромкими фразами.

Я жду, пока освободится Бокий. Входит женщина с рассеянным взглядом близоруких выпуклых глаз и с застенчивыми движениями. У нее мягкость в голосе и во взгляде и во всем облике — скромность: простая блузка, старенькая шляпа полумужского фасона, дешевые прюнелевые ботинки.

С нею здороваются.

— Надежда Константиновна...

Так вот она, Крупская, жена Ленина...

Бокий освободился, ведет меня в комнату, занимаемую Военной организацией...» [38]

* Литературный псевдоним писательницы — Ал. Алтаев.

Общение Владимира Ильича Ленина с руководителем питерских большевиков Глебом Ивановичем Бокием мы и проиллюстрируем.

Задумали большевики Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги проучить как следует эсеровского лидера Чернова. Сей господин, уверявший, что он и есть самый настоящий революционер, в мае семнадцатого года ходил уже в министрах Временного правительства. Мстил крестьянам за то, что они помещичьи земли захватывали. Вот он-то по приглашению своих «единоутробных» братьев эсеров и собрался на митинг в Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги для очередного словоизлияния.

Узнав об этом, большевики-железнодорожники решают пригласить на митинг Ленина [39]. За содействием обращаются к секретарю Петербургского комитета партии Бокию. Ленин дает свое согласие на выступление.

За Владимиром Ильичем на квартиру приезжает секретарь ячейки большевиков мастерских Изот Александрович Дункен. Там он застает и Глеба Ивановича Бокия.

Ленин едет в мастерские. Выступает. Надо ли говорить о том, как после этого жалко выглядит «селянский» министр Чернов.

Позже Г. И. Бокий много сделает для подготовки питерского пролетариата к Октябрьскому вооруженному восстанию и победы социалистической революции. Ленин будет опираться на помощь руководителя питерских большевиков и в самые критические для новорожденного Советского государства дни и часы...

Мы же вернемся в особняк Кшесинской, адрес которого записан Лениным, где он часто появлялся после выступления с броневика на Финляндском вокзале.

— Но позвольте, каким чудом весной семнадцатого года большевики оказались хозяевами одного из лучших особняков Петрограда?— вправе спросить читатель.— Не предложила же им свое гостеприимство балерина Кшесинская.

Нет, чуда не было. Не собиралась Матильда Федоровна отказываться от дорогого подарка, сделанного ей интимным другом — царем Николаем Вторым.

Незадолго до Февральской революции балерина получила письмо из Ярославля. Нельзя сказать, чтобы это послание, носившее анонимный характер, доставило владелице особняка большое удовольствие. Скорее, наоборот.

«На народные, потом и кровью добытые деньги вам выстроен столь красивый гарем,— писали ярославцы.— Скромненько, без борьбы ликвидируйте свои дела и с богом — из России. Пока мы

вас не тронем, но близок час, когда придет расправа над вами и над вашим высоким покровителем» [40].

Час царской монархии пробил. И в ночь на 28 февраля 1917 года Кшесинская покинула дворец, прихватив с собой саквояж с бриллиантами. О личном архиве думать ей было некогда. А в нем оказались документы, свидетельствующие о том, что балерина была одновременно и незаурядным дельцом-коммерсантом.

Дворец располагал гаражом и благоустроенными служебными помещениями. Этим и можно объяснить тот факт, что его облюбовал для себя только что прибывший в Петроград дивизион броневиков.

Узнав, что Петербургский комитет партии ютится в чердачном помещении Биржи труда, революционные солдаты предложили его работникам переселиться во дворец. Приглашение тут же было принято. Здесь же разместился и Центральный Комитет партии, а вслед за ним прибыли Военная организация партии, Центральное бюро профессиональных союзов. Нашлось место не только для «Солдатской правды», но и для клуба военных организаций.

Едва новоселы начали обживать особняк, как в него пожаловала дама.

— Я Кшесинская,— представилась она председателю Петербургского комитета партии Михайлову.

— Чем могу служить?

— Видите ли, я совсем разорена революцией...

О нет, она, конечно, не рассчитывает на возвращение всего особняка. Ее вполне устроил бы и один верхний этаж. Там Кшесинская мыслит открыть столовую-пансионат, чтобы тем самым заработать себе на пропитание.

«Как товарищ Михайлов, так и все мы, свидетели разговора, пришли в весьма веселое настроение, но Кшесинская сохранила полную серьезность,— рассказывал Владимир Николаевич Залежский, член Петербургского комитета партии.— Товарищ Михайлов намекнул, что в подобном заработке она, вероятно, не нуждается, поскольку всем известно, что она достаточно заработала во время войны с каким-то князем на артиллерийских поставках» [41].

Но Кшесинская не смутилась и стала убеждать работников Петербургского комитета, что они стали жертвами сплетен.

— Я вам предлагаю сейчас же поехать со мной в банк,— обратилась Кшесинская к Михайлову.— Там у меня всего 900 тысяч рублей (конечно, на золото). И вы увидите, что они положены еще до войны.

Так и не смогли понять «жестокие» большевики «бедную, осиротевшую» царскую любовницу.

...Вспомним, что, едва прибыв из Швейцарии в Россию, Ленин направляется во дворец Кшесинской прямо с Финляндского вокзала.

Здесь в кругу партийных товарищей незаметно бегут часы весенней ночи...

После приезда Ленина в Петроград дворец Кшесинской становится тем, чем позже станет Смольный,— штабом социалистической революции.

Наступает май семнадцатого года. Бульварная пресса ликует и злорадствует. Сенсация! В камере мирового судьи на Большой Зелениной улице слушается дело о выселении большевиков из дворца Кшесинской. Один из ответчиков — кандидат прав В. И. Ульянов (литературный псевдоним — Ленин).

Ответчику Ленину повестка не вручена «за непроживанием» во дворце.

И вот идет судебное заседание. Интересы Кшесинской защищает буржуазный адвокат. Он бьет на то, что революция не отменила права на собственность.

Слово берет поверенный Центрального Комитета РСДРП(б) Мечислав Юльевич Козловский. Он говорит о том, что не собирается здесь касаться вопроса о самом праве на собственность. Поверенный партии протестует против утверждения адвоката владелицы особняка, будто революционные организации незаконно захватили дом Кшесинской. В действительности она сама покинула его.

— Да и как можно говорить о законном и незаконном в революции,— заявляет Козловский.— Ведь все революции незаконны с точки зрения старого закона, и напрасно здесь читали какие-то старые сенатские решения...

Вершитель буржуазного правосудия, мировой судья, выносит свой приговор: большевиков из дворца Кшесинской выселить. Через двадцать дней, чтобы их ноги там не было...

Между тем В. И. Ульянов, как официально установлено, во дворце Кшесинской не проживает. Однако это не мешает мировому судье выдать исполнительный лист и для выселения Ленина.

И вот уже судебный исполнитель Жигарь направляет свои стопы ко дворцу Кшесинской, чтобы реализовать приговор суда.

«Хотя я и знал, что сделать это не удастся, но мне хотелось посмотреть на Ленина,— признавался позже Жигарь.— И я отправился исполнить предписание... У входа во дворец Кшесинской стояли караулы матросов, которые, узнав о цели моего прихода, предложили мне «задрать пятки». Я отправился к Керенскому. Керенский заявил, что надо подождать дня три. Но когда наутро

в газетах появилось сообщение о моем неудачном путешествии, дело было положено под сукно...»[42]

Между тем истец, адвокат Кшесинской, зачастил во дворец. Приводил с собой милиционеров. Назойливо напоминал о том, что срок освобождения дворца, установленный мировым судьей, истек.

На исполнении приговора настаивало и меньшевистское руководство исполкома Петроградского Совета. Все это и побудило Центральный и Петербургский комитеты партии искать новое помещение. Однако организации партии оставались во дворце Кшесинской вплоть до июльских дней.

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Партийная делегация встретила Ленина, возвращавшегося из эмиграции на родину, еще до прихода поезда в Петроград. Это произошло на станции Белоостров. В составе делегации была Александра Михайловна Коллонтай, сама незадолго до этого приехавшая из Норвегии.

«Я пожала ему руку,— вспоминала Александра Михайловна,— но Беленин * подтолкнул меня:

— Коли не до речи, хоть поцелуйтесь с Ильичем».

Трудно сказать, где именно, то ли в вагоне поезда, шедшего из Белоострова в Петроград, то ли во дворце Кшесинской, записал Ленин адрес и телефон *Коллонтай*, но в том, что эта запись была одной из первых, можно не сомневаться.

На другой день Ленин выступал в Таврическом дворце со своими знаменитыми Апрельскими тезисами. Выступал он дважды. Сначала на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Потом на объединенном заседании большевиков и меньшевиков — участников совещания Советов. Обстановку, в которой под сводами Таврического дворца звучал голос глашатая могучих идей социалистической революции, рисует в своих воспоминаниях Александра Михайловна:

«Когда Владимир Ильич и сопровождавшие его большевики появились на трибуне, я сразу почувствовала, что атмосфера в зале царит недружелюбная. Лишь большевики, сидевшие слева в огромном зале Таврического дворца, встретили Ленина аплодисментами. Но нельзя было не заметить, как быстро менялось настроение присутствующих, по мере того как развивалась логическая цепь великих положений Ленина».

* Беленин — псевдоним А. Г. Шляпникова.

Глубокое впечатление оставило у участников этого собрания и выступление Александры Михайловны Коллонтай. Горячо, убежденно звучала ее речь в поддержку ленинских Апрельских тезисов. А предатели интересов рабочего класса, тщетно пытавшиеся найти какое-либо уязвимое звено в логической цепи великих положений Ленина, получили достойную отповедь «Валькирии революции».

Неутомимый партийный работник, вдохновенный трибун, Коллонтай пользовалась огромной популярностью в революционном Питере. Выступления пламенного большевистского оратора неизменно собирали многолюдные аудитории рабочих, солдат и матросов. Александра Михайловна была одним из деятельных работников партии.

Вот еще один эпизод, относящийся к первому периоду работы Ленина в Петрограде по возвращении из эмиграции.

...Не успел меньшевик Гвоздев расположиться в кресле министра труда коалиционного Временного правительства, как среди работниц частных прачечных предприятий Петрограда вспыхнула забастовка. Временщикам не удалось обмануть своими посулами даже самую отсталую часть питерского пролетариата. Коллонтай информирует об этом Владимира Ильича:

«Я спешу рассказать возможно сжатее, чтобы не отнимать у него драгоценного времени,— вспоминает она.— Но, в конце концов, не выдерживаю и жалуюсь ему: прачки — это те же солдатки, но есть и очень отсталые элементы, мелкобуржуазные, с ними трудно.

Владимир Ильич слушает меня внимательно, а потом говорит:

— Вы сумейте отсеять пролетарок, на них и опирайтесь, за ними пойдут и другие. Ничего, что это отсталые низы, наша работа должна начинаться с самых низов. Им всего тяжелее живется, они скорее всего поймут, чего хотят большевики» [43].

Все, что делала Коллонтай и по прямому заданию Ленина и по своей собственной инициативе, приводило в ярость буржуазию. Когда Александра Михайловна возвращалась из ответственной партийной командировки в Швецию, на пограничной станции Торнео ее подвергли аресту. Письменно распорядился об этом не кто иной, как сам господин Керенский.

Член Исполнительного комитета Петроградского Совета Александра Михайловна Коллонтай становится узницей Выборгской женской тюрьмы в Петрограде.

Что послужило тому основанием? Набившие оскомину бредовые измышления Временного правительства против большевиков. Не в меру усердствующая перед лакеями буржуазии продажная

пресса подбрасывает против Коллонтай, вернувшейся из поездки в Швецию, и свежие «улики»: единственная пара обуви, купленная Александрой Михайловной для себя в Стокгольме, магически превращается — в четырнадцать. Дамские серенькие ботинки на пуговках мановением той же волшебной палочки становятся сапогами, купленными, конечно, Коллонтай «на немецкие деньги». Не вызывает никакого сомнения у той же крикливой прессы и специальное, чисто диверсионное назначение грима, привезенного из Стокгольма подругой и попутчицей Коллонтай для своей сестры — известной актрисы. Стреляные воробьи газетчики! Их на мякине не проведешь...

Режим в тюрьме для Коллонтай установлен тяжелый, к тому же сказывается и пошатнувшееся здоровье.

Свежие силы она черпает в весточках от боевых друзей, которые все же как-то до нее доходят.

«Моряки Балтийского флота приветствуют товарищ Коллонтай»,— находит она записку среди продуктов, пересланных ей с воли.

В погоне за сенсацией заглянул к администрации тюрьмы, где содержится Коллонтай, репортер той самой мерзопакостной газетенки «Живое слово», которая на лету подхватила и напечатала на своих страницах чудовищную клевету Алексинского против Ленина и других большевиков.

Какую же очередную «утку» доставил этот репортер на свою газетную кухню? Он «выяснил», что живется большевичке в тюрьме вольготно. Ей даже разрешают иметь собственное платье и некоторые вещи.

«...Однажды произошел характерный инцидент,— передает автор тюремной хроники.— Некая Тихомирова, предполагая, что Коллонтай плохо кормят, принесла ей с сочувственным адресом от товарищей большевиков корзинку, наполненную различными деликатесами. Но Коллонтай, поблагодарив, отказалась и велела все находившееся в корзинке: сардины, сыр, шпроты и жареного гуся — раздать товарищам по заключению, что и было исполнено. Сама же довольствуется тюремными щами и кашей, которые, по ее словам, очень нравятся ей своей новизной.

Одиночным заключением Коллонтай тоже нисколько не обеспокоена и не теряет надежды в скором времени быть освобожденной.

...Как политической, в распоряжение Коллонтай предоставлена тюремная библиотека. Читает она много.

Любимыми авторами ее являются Чарльз Дарвин и Бокль — «История цивилизации в Англии». ...Во время прогулки Коллонтай читает или срывает цветы для украшения своей камеры...» [44]

Одним словом — «курорт», а не тюрьма Керенского, которую опишет потом в своих мемуарах Александра Михайловна.

Вырвать из неволи больную Коллонтай, жизнь которой вызывала большие опасения у ее многочисленных друзей и товарищей, помогли Горький и Красин. Понадобился залог, чтобы министр внутренних дел Зарудный удовлетворил их просьбу и выпустил Александру Михайловну на свободу.

Напрасно, через три года, перессорившиеся между собой на чужбине сообщники Керенского по контрреволюции винили его в либерализме, проявленном к Александре Михайловне.

«...Коллонтай была освобождена после освидетельствования врачами, по постановлению гражданских судебных властей, действовавших в этом случае совершенно независимо от министра-председателя, военного и морского и прочих министров»,— давал фактическую справку беглец из Зимнего.

«Обвинения» против большевиков в июльские дни семнадцатого года и позже росли как снежный ком. К моменту выхода из тюрьмы Коллонтай их уже насчитывалось двенадцать томов... Вызванной к судебному следователю Коллонтай достаточно было бегло перелистать первый, чтобы брезгливо отвернуться от этого многотомного бреда.

«...Я прервала чтение на показаниях Алексинского,— писала Коллонтай,— убедившись вполне в пристрастном ведении следствия по отношению к нам, большевикам-интернационалистам, и отказавшись на этом основании от дальнейшего ознакомления со следственным материалом, считаю долгом довести до сведения товарищей» [45].

...Петроград. Набережная реки Карповки. Сюда, в одну из квартир дома 32/1, 10 октября 1917 года под покровом вечерней мглы собираются члены Центрального Комитета. Приходит и Коллонтай, заочно избранная в его состав шестым съездом партии, когда она томилась в тюрьме Керенского.

И какая долгожданная встреча ждет ее здесь!

— Ленин с нами! — радостно забилось ее сердце, когда она увидела Владимира Ильича, пришедшего на это заседание. Оно стало историческим.

По докладу Ленина о текущем моменте была принята предложенная им резолюция о вооруженном восстании. Политическое руководство восстанием возложено на специально созданное Политбюро ЦК во главе с Лениным. А. М. Коллонтай вместе с большинством членов Центрального Комитета голосовала за ленинскую резолюцию.

...Вскоре после Октября Ленин подписал удостоверение о наз-

начении А. М. Коллонтай народным комиссаром государственного призрения.

Отыскивая людей, близко знавших Александру Михайловну, я навестил ее старого друга — Валентину Максимилиановну Дюшен. Выяснилось, что она жила вместе с Александрой Михайловной в последней ее петроградской квартире, адрес которой записан Владимиром Ильичем в его алфавитной книжечке.

На квартиру назначенного только накануне наркома чуть свет явился первый посетитель.

«Я пошла открывать дверь,— рассказывает Валентина Максимилиановна.— Вошел старый крестьянин и спросил: «Где тут у вас Коллонтай? Я ей принес записку от вашего найбольшего — от Ленина»».

Действительно, Владимир Ильич, сам принявший крестьянина, поддержал его просьбу о денежной компенсации за лошадь, реквизированную на военные нужды незадолго перед Февральской революцией. Это было первое пособие, выплаченное Советским государством.

Следующим после имени Коллонтай в записной книжке Ленина идет имя *Калугина*. Владимир Ильич пометил, что Дмитрий Иванович — картонажник, председатель союза. Рядом упоминается фабрика Шустова, на которой, по-видимому, работал Калугин.

Что известно об этом человеке?

Через несколько дней после возобновления издания «Правды» Дмитрий Иванович Калугин выступил на страницах газеты с письмом к своим коллегам по производству изделий из картона и бумаги.

«Вспомните мои призывы, обращения к вам на столбцах газеты «Правда» 1913 и 1914 годов,— писал он.— Вы говорили, что боитесь полицейских рогаток, но теперь их нет. Не медлите, товарищи! Вступайте в профессиональные общества! Не теряйте ни минуты, ибо каждая минута дорога».

...Наступил апрель семнадцатого года. Члены профессионального общества рабочих по производству изделий из картона и бумаги собрались в кинематографе «Теремок». Председатель Калугин отчитывался о первых шагах нового профессионального союза.

Быть может, вскоре после приезда Ленина в Петроград и произошло его знакомство с картонажником, председателем союза Калугиным и Владимир Ильич записал номер его телефона.

Еще один штрих, относящийся к деятельности Калугина в трудное для партии время похода против нее контрреволюционного Временного правительства...

«5 июля, в 6 часов вечера, собрание с.-д. большевиков Союза картонажников у товарища Калугина (М. Белозерская, дом 17, квартира 43)».

Такое объявление опубликовано в номере «Правды», вышедшем 5 июля 1917 года, на другой день после обстрела мирной демонстрации. Нет, не пугливого десятка был большевик, профсоюзный руководитель Калугин!

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Примет времени в ленинской книжечке немало. Петр Иванович *Стучка,* проживавший по Бассейной улице, назван в алфавите, как мы уже знаем, присяжным поверенным. Любопытно, какие же дела были к нему у Владимира Ильича? Может быть, и впрямь юридические?

Посмотрим.

Вот, например, 15 апреля 1917 года Ленин подписывает доверенность учредителей издательского товарищества «Рабочая печать» на имя Стучки. Петру Ивановичу доверялось ведение всех дел издательства.

Для того чтобы заверить свою подпись, Владимиру Ильичу пришлось посетить нотариуса. Эпизод этот остался в памяти у Стучки.

«Когда весною 1917 года ЦК партии большевиков поручил группе ответственных большевиков составить легальное товарищество для приобретения типографии ЦО «Правда», то у нотариуса в удостоверение своей личности тов. Ленин предъявил единственный имеющийся у него и каким-то чудом сохранившийся л е г а л ь н ы й документ,— вспоминал Петр Иванович,— удостоверение совета присяжных поверенных округа Петербургской Судебной палаты от 1893 года о том, что он состоит помощником присяжного поверенного. Я тогда этого обстоятельства (что Ленин был юрист) не знал и был несколько поражен, прочтя это удостоверение. Так мало до тех пор я открыл в Владимире Ильиче черт юриста...» [46]

Мы теперь знаем, что «Рабочая печать» вверила свои правовые интересы адвокату Стучке.

Ну что ж, это акт чисто юридический. Но присяжный поверенный Стучка куда больше получает поручений, которые никак не укладываются в рамки юриспруденции.

В мае семнадцатого года он предпринимает поездку в Латвию. Вернувшись оттуда, с воодушевлением рассказывает Ленину о том, что латышские стрелки полны решимости идти за большеви-

ками, показывает их резолюцию, призывающую к борьбе за Советскую власть.

Как воспринял это сообщение Владимир Ильич? Какие выводы он сделал?

— Когда я, вернувшись в конце мая 1917 года в Петроград, сообщил товарищу Ленину о рижских событиях, он придал самое большое значение факту революционизирования стрелков,— вспоминал Петр Иванович Стучка.— По его предложению я должен был написать письмо из Риги (см. «Правду» за 4 (17) июня), в котором была отмечена также и резолюция стрелков. Наш великий вождь правильно оценил значение этого факта и для всего дальнейшего хода революции [47].

Так «присяжный поверенный» из записной книжки Владимира Ильича оказывается профессиональным революционером, одним из основателей Коммунистической партии Латвии. Февральская революция застала его в Петрограде. Он становится членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и с головой уходит в кипучую работу.

Разносторонне одаренный человек, Стучка профессионально владеет и пером. Публицистика — одно из его призваний. И когда летом семнадцатого года отчаявшееся из-за неудач и оскандалившееся от бесконечных провалов Временное правительство идет на самые крайние авантюры против большевиков и их вождя Ленина, партийный публицист берет в руки испытанное, нержавеющее оружие. Из Петрограда он корреспондирует в газету латышских большевиков «Циня», издающуюся в Риге.

«...Случалось ли вам когда-нибудь на базаре видеть кукольный театр (Петрушек), где рука, спрятанная за ширмой, все вновь и вновь по собственному усмотрению переставляет фигуры? — комментирует Стучка очередной кризис Временного правительства, продолжающийся уже двадцать дней.— Если случалось, то, имея в виду этот пример, прочитайте сообщение о семикратном отказе и новом согласии кадетов, о новой партии кандидатов в министры под названием «радикал-демократы»... а также о побледневших от страха умеренных представителях героической революционной демократии. Это дипломатия более тайная, чем во времена злейшей неволи, ибо ныне «революционный долг» затыкает рты там, где раньше действовала только цензура. Но поскольку я пишу это письмо из царства «сутолоки империализма», то этим все сказано» [48].

Тут же Петр Иванович саркастически высмеивает приемы незадачливых фабрикаторов гнусных инсинуаций против Ленина и других борцов партии.

«Если вам случается ехать вторым классом дачного поезда, то в любой день вы там повстречаете парочку толстых барынь или нескольких прилично одетых чиновников, которые будут сообщать друг другу (из «достоверных источников»), что Ленин получил от германского правительства 2 миллиона или 2 миллиарда (обыкновенно сходятся на миллиардах), что каждый рабочий и солдат получает по 300—500 рублей в месяц тех же германских денег (сами, мол, видели и т. д. и т. д.),— пишет Стучка.— Здесь, в вагонах, рождаются те «неопровержимые доказательства», на основании которых прокуроры Николая, следователи Николая и, наконец, судебные палаты Николая — обвиняют, арестовывают, а если им позволят, то и осудят наших лучших борцов за свободу. Германские деньги! Где только их не было? В получении германских денег обвиняли честнейшего человека Франции — Жореса! В получении их обвиняют бескорыстнейшего человека России — Ленина» [49].

Виделся ли Петр Иванович Стучка с Лениным в дни, положившие начало новой эры в истории человечества?

Конечно. Стучка входит в состав Петроградского военно-революционного комитета. Он — активнейший участник исторического форума в Смольном, на котором было образовано первое Советское правительство и провозглашены ленинские декреты о мире и о земле.

Драгоценную реликвию, связанную с выполнением старейшим ветераном партии его миссии в дни рождения нового мира, я увидел в рижском Музее революции. Есть там зал № 5, и в нем стенд, где представлен членский билет № 7 фракции РСДРП II Всероссийского съезда Советов. Имя владельца этого мандата — Стучка Петр Иванович. Делегат от Советов Лифляндской губернии. Седьмым по счету получил свой мандат от большевистской фракции Стучка.

«В ночь с 24 на 25 октября вместе с другими товарищами мне приходилось дежурить в комнате, где поступали информационные сведения для ВРК,— вспоминает делегат II Всероссийского съезда Советов Я. П. Бирзгалис.— Уже к утру туда зашел П. И. Стучка, чтобы наведаться о новостях. Стучка сообщил, что у него была встреча и разговор с Владимиром Ильичем. Ленин расспрашивал о политическом составе делегатов съезда. Интересовался, нет ли среди делегатов-большевиков людей с каменевско-зиновьевскими настроениями. Потом дал задание — по возможности точнее выяснить соотношение левого и правого крыла эсеров среди делегатов» [50].

Пришло время, когда юридический талант Стучки смог раз-

вернуться во всем блеске. Народный комиссар юстиции Советского правительства, он подготовил ряд важных законодательных актов. Выступил Петр Иванович и с предложением упразднить пресловутую «канцелярию для принятия прошений при Временном правительстве». После одобрения Совнаркомом проекта декрета на нем появилась пометка: «Принято. *В. Ульянов (Ленин)*».

Петр Иванович формально еще не занимал поста народного комиссара юстиции, когда он и его коллега Мечислав Юльевич Козловский по собственной инициативе подготовили важный документ Советского правительства. Это был проект «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов». Набросок этот был сделан на половинке листа почтовой бумаги. Через несколько дней декрет был принят Советом Народных Комиссаров и опубликован в печати.

При том же творческом содружестве двух большевиков-юристов был подготовлен проект декрета о суде. Этот документ получил высокую оценку Владимира Ильича и послужил основой для декрета, принятого Советом Народных Комиссаров.

Но вот последовало и официальное назначение Стучки на должность руководителя Наркомата юстиции.

В своих воспоминаниях Стучка рассказывает о живом интересе, проявленном Лениным к выработке и пропаганде основ советского гражданского права. Так, например, Владимир Ильич подписывает проекты декретов о гражданском браке и о расторжении брака *. Он высказывается за переиздание на немецком языке для Германии книги одного из наших авторов, популяризирующей декреты Советской власти, направленные на раскрепощение женщин [51]. Подлинный реформатор правосудия на советских, социалистических началах — Стучка должен был ломать и действительно ломал раз навсегда заведенную машину буржуазного министерства юстиции. Могло ли это не вызвать яростного сопротивления со стороны «бывших». Делали они это и открыто и замаскированно.

Вот к новому министру-большевику пожаловали непрошеные гости, самые что ни на есть отборные борзописцы.

«...Когда ко мне заявились буржуазные газетчики, чтобы разведать мои мысли, а потом извращенными или неизвращенными пересказать их своим читателям, я им сказал, что и сам умею писать и напишу, когда найду время и посчитаю нужным,— рассказывал в упоминавшейся уже нами «Цине» Стучка.— Когда явился

* Проекты декретов о гражданском браке и о расторжении брака В. И. Ленин подписал 18 ноября 1917 года (см. Вопросы истории КПСС, 1960, № 3, с. 158).

какой-то художник и во что бы то ни стало хотел нарисовать мой портрет, я с удивлением спросил его: кого же может интересовать мое лицо? Ответ гласил, что все мои предшественники на это соглашались (надо мной на стене висел большущий портрет Керенского). Я отказался. Мое пребывание в должности министра означало перелом во всем деле юстиции: до сих пор личность министра была всем, а остальные специалисты были лишь послушными слугами министра» [52].

Очагом самодержавного законодательства оставался еще Сенат, встречавший в штыки каждый шаг Советской власти. Но судьба его была уже предрешена. Стучка рассказывает в своих воспоминаниях о том, как было ликвидировано это осиное гнездо контрреволюции [53].

После включения в состав правительства трех представителей партии левых эсеров портфель народного комиссара юстиции передается одному из них. Такова договоренность. Стучка остается членом коллегии того же наркомата и по-прежнему много и вдохновенно работает.

Чем занят он теперь, на третий месяц после победы Великой Октябрьской социалистической революции?

На очереди дня уже стоит задача создания Конституции Российской Советской Республики. Петр Иванович приглашает для этой цели старого профессора социал-демократа Рейснера. Тот охотно принимает приглашение. Развертывается большая научная работа по созданию подлинной хартии свободы и демократии, которой еще не знало человечество. Но недруги народа из кожи лезут вон, чтобы повернуть колесо истории вспять. Они не останавливаются перед исключением Рейснера из профессуры университета. Заискивая перед представителем партии левых эсеров, сидящим в министерском кресле, они связывают с его приходом свои надежды на возврат к прежним устоям буржуазного законодательства. А того не ведают, что портфель «министра» юстиции передан преемнику Стучки со строгим условием — не менять взятого большевистским наркомом курса.

Член правительства, представляющий в Центральном Исполнительном Комитете Советов рабочих и солдатских депутатов избирателей Латвии, Стучка считает своим долгом отчитаться перед ними в своей деятельности. Это он и делает в статье, публикуемой в начале января 1918 года в газете «Циня». Озаглавлена она «В министерском кресле».

Посвятив своих избирателей в текущие дела, Петр Иванович пишет и о тщетных иллюзиях, которые питают идеологи буржуазии в связи с перестановкой в Наркомате юстиции.

«Мы строим новую систему, а наши противники в своем тупоумии, как видите, всегда и везде замечают только личности!» [54] — заканчивает свою статью Стучка.

Назван в алфавитной книжке Владимира Ильича и другой юрист — адвокат Мечислав Юльевич *Козловский.*

Петра Ивановича Стучку связывала с Козловским многолетняя дружба и совместная партийная работа. После Февральской революции оба юриста-большевика вошли в состав исполкома Петроградского Совета.

Много лет спустя Стучка вспоминал, как Козловский вел в исполкоме непримиримую борьбу против меньшевиков и их лидеров Церетели и Чхеидзе. Немало он попортил им крови! И они платили ему откровенной ненавистью.

Единственное место, предоставленное большевикам в Особом совещании, созданном для выработки положения о выборах в Учредительное собрание, занимал по поручению партии Мечислав Юльевич. Первая поправка, которую он внес, касалась самого состава Особого совещания. Он предложил переформировать его так, чтобы подавляющее большинство мест принадлежало подлинным представителям трудящихся.

В ходе дебатов Козловский неустанно разоблачал несостоятельность избирательного закона, который навязывали народу.

В июльские дни семнадцатого года мастера антибольшевистских фальшивок и провокаций инспирировали дело о «шпионаже» Козловского. Он был брошен в тюрьму.

Одиночная камера в «Крестах» — надо ли что-либо прибавлять к этому! Но Козловского и в ней не сломишь. Он обращается с письмом к Временному правительству. Защищается? Нет! Оправдываться ему не в чем, как и нет нужды защищаться. Кто же не видит белых ниток, которыми шито «дело» о большевиках! Схватило и бросило его в тюремные застенки правительство, всячески рекламировавшее себя революционным. Нет и нет! Присяжный поверенный Козловский обвиняет. И как убедительно, метко бьет в цель.

Письмо Мечислава Юльевича, правда в сокращении, совсем недавно мне удалось обнаружить, как ни странно, на страницах такой верноподданнической меньшевистской газеты, как «День», издававшейся в Петрограде.

«...Прежде всего постановление о моем аресте исходило не от судебных властей и без их участия, что требуется самой примитивной конституцией самого примитивного правового строя,— писал Козловский.— В момент обыска в квартире находились мои товарищи по польской социал-демократической партии Уншлихт, Ле-

щинский и Варшавский, а также знакомые Евгения Выгодская и Иосиф Антокольский, и все они были, несмотря на отсутствие постановления, подвергнуты личному обыску.

Обстановка обыска напоминала царскую охранку. Начальник вел себя вызывающе, кричал и топал ногами. Действия следственного чиновника превышали постановление контрразведки, в котором было предписано «поступать по результатам обыска». Между тем при отобрании переписки она не была прочитана, и следовательно, никаких результатов обыска не было.

...В штабе нас посадили в узкое место за шкафами и продержали так несколько часов. При допросе не присутствовал прокурор, но зато были юнкера, терроризировавшие меня своими пышащими злобой взглядами. Теперь же нас величают шпионами» [55].

Цитируя «обширное прошение» присяжного поверенного Козловского, обвиняемого в якобы совершенной им государственной измене, «День» называет вместе с тем этот документ и обвинительным актом «против производивших у него обыск и арестовавших его следственных властей».

Пардон, господа хорошие! Не в пешках дело. Главная мишень, в которую бьет Козловский,— это Временное правительство, не придерживающееся элементарных норм самой примитивной конституции самого примитивного правового строя.

Нет, не защищается Козловский. Он обличает и обвиняет. И на скамью подсудимых требует посадить бывшего министра юстиции Переверзева. Именно таков стиль «прошения» Мечислава Юльевича.

Сразу после Октября Козловский — председатель следственной комиссии, заместитель народного комиссара юстиции.

«Нам приходилось... творить во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом..,— вспоминал Мечислав Юльевич.— В комиссии был матрос Алексеевский. Когда я явился, это было единственное лицо, изображавшее и председателя, и члена, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнате в Смольном, наверху в 3 этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала и днем и ночью без перерыва» [56].

Не приходится удивляться тому, что Козловский, самоотверженно боровшийся с врагами Советской власти, вызывал с их стороны ярость и ожесточение.

Позже Мечислав Юльевич, оставаясь членом коллегии Народного комиссариата юстиции, стал первым председателем Малого

Совнаркома. Этот правительственный коллегиальный орган был создан в декабре 1917 года для разгрузки повестки СНК от мелких вопросов; он существовал на правах комиссии СНК.

Несколько лет назад Михаил Петрович Еремин, занимающийся расшифровкой ленинских фотодокументов, заинтересовался одним снимком: рядом с Владимиром Ильичем на Красной площади стоит весело смеющийся человек. Необычной для того времени показалась питомцу школы ВЦИК генералу Еремину парадная одежда этого человека: котелок, галстук бабочкой. «Кто же он?» — подумал Михаил Петрович.

— Козловский! Председатель Малого Совнаркома,— сразу узнали Мечислава Юльевича старые коммунисты.

Теперь экземпляр этого снимка есть и у меня. Его подарил мне в дни работы Второго Всесоюзного съезда советских журналистов сын Козловского, Юрий Мечиславович.

— Как и когда попал к вам этот снимок? — спросил я коллегу.— Почти сорок лет назад,— ответил Юрий Мечиславович,— после смерти отца меня пригласили в фотографию ВЦИК и вручили его. Снимок сделан во время парада на Красной площади в день Всевобуча 25 мая 1919 года...

Ленин, близко наблюдавший работу Козловского и в первые дни становления Советской власти и позже, в Москве, всегда полагался на большевистскую принципиальность, беззаветную преданность делу и огромный партийный опыт Козловского. Это был неутомимый работник. И о внимании Ленина к нему свидетельствует записка Владимира Ильича, впервые опубликованная в тридцать седьмом Ленинском сборнике.

Председатель Совета Народных Комиссаров обращается с письмом ко всем советским и военным учреждениям, в котором просит их оказывать всяческое содействие М. Ю. Козловскому, направляющемуся на лечение.

Есть в адресной книжке Ленина и третий юрист — тоже питерский адвокат. На его визитной карточке, сохранившейся в личном архиве, можно прочесть:

Петр Ананьевич Красиков
Присяжный поверенный
Шпалерная, 8, кв. 10, тел. 1-51-32.

Этот же адрес и номер телефона записал и Владимир Ильич. А рядом пометка: «10—12 ч. позвонить». Был, вероятно, случай, заставивший Ленина уточнить время переговоров по телефону.

На визитной карточке Красикова указаны часы приема посетителей: от 6 до 8 часов вечера. Значит, до наступления вечера у Красикова были и другие дела.

Но сначала несколько штрихов из биографии присяжного поверенного.

Студентом юридического факультета Петербургского университета Петр Красиков был заключен в одиночную камеру № 45 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Дело в том, что царским шпикам удалось обнаружить связи молодого марксиста с группой «Освобождение труда», даже заснять Плеханова и Красикова на берегу Женевского озера.

Вырваться на свободу из казематов Петропавловской крепости Красикову удалось с помощью его сестры — Евгении Ананьевны. Она взяла его на поруки с условием внесения пятисотрублевого залога и высылки Петра Ананьевича до окончания дела в его родной город — Красноярск.

В Сибири, куда три года спустя был сослан Ленин, сошлись пути Владимира Ильича и Петра Ананьевича Красикова. Между ними завязалась крепкая дружба. С годами Красиков стал одним из искуснейших партийных конспираторов.

Неразлучной спутницей Петра Ананьевича была скрипка, которую он полюбил еще гимназистом. Должно быть, отсюда и его партийная кличка «Музыкант».

Оправдывал ее Петр Ананьевич и в прямом смысле, как участник своего рода концертов художественной самодеятельности в узком кругу большевиков, томившихся в эмиграции.

Иной раз на таких музыкальных вечерах искусством своего старого партийного товарища наслаждался и Ленин.

— ...Когда П. А. Красиков вытягивал смычком из своей скрипки чистые, прекрасные звуки баркароллы Чайковского, Владимир Ильич первый по окончании игры бурно аплодировал и требовал во что бы то ни стало повторения,— вспоминал Пантелеймон Николаевич Лепешинский [57].

Скрипка была с Петром Ананьевичем всегда в пути, и никто не мог заподозрить в представительном гастролере агента ленинской «Искры». Большой интерес представляет в этой связи впервые опубликованный в Полном собрании сочинений Владимира Ильича один документ. «Относительно «музыканта» мы думаем, что раз он se met à notre disposition * и человек сам по себе предприимчивый,— писал Ленин в мае 1901 года,— то надо, конечно, немедленно постараться направить его на *самую* границу с тем, чтобы он взялся сам непосредственно заведовать перевозкой и не только заведовать, но и перевозить или переносить сам (respective **: переходить с контрабандистом)» [58].

* — предоставляет себя в наше распоряжение.

** — соответственно.

И Музыкант отлично справлялся со своей ролью. Достаточно сказать, что он безупречно переправил из России через границу большую группу делегатов II съезда партии.

Незадолго до открытия этого съезда Красиков по предложению Ленина был кооптирован в состав редакции «Искры». В качестве вице-председателя съезда Петр Ананьевич в течение двух дней вел его заседания.

Теперь можно ответить и на вопрос, чем был занят Красиков в семнадцатом году.

Петр Ананьевич не оставил мемуаров. Но перед нами стенографический отчет по чистке партколлектива Прокуратуры СССР от 25 октября 1933 года. В нем читаем выступление Красикова:

— Наступила Февральская революция,— рассказывал он.— Я принимал участие в организации Совета рабочих и солдатских депутатов... Петроград произвел выборы, я был выбран в Петроградский Совет, прошел во ВЦИК.

Удивительно ли, что присяжный поверенный Красиков не имел больше двух часов в день для приема домашней клиентуры? Колоссальная юридическая нагрузка легла на плечи Петра Ананьевича, когда пришлось ломать бешеное сопротивление врагов социалистической революции, пытавшихся задушить молодую Советскую республику.

— В октябрьские дни принимал участие в ликвидации старого строя, в арестах, работал в комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем под непосредственным руководством самого Владимира Ильича,— рассказывал Петр Ананьевич.

Ленин практически учил работников следственной комиссии блюсти революционную законность. Тщетно пытались очернить, замарать ее работников эсеры. Люди, которые стояли во главе следственной комиссии, были хорошо известны партии, они прошли большую ленинскую школу.

Петр Ананьевич Красиков был членом первой коллегии Народного комиссариата юстиции, и ему приходилось часто докладывать о делах непосредственно Ленину. Так бывало и позже, когда Красиков занимал другие важные государственные посты.

— Размер работы мог быть меньше, но тем не менее Владимира Ильича всегда можно было увидеть по делу,— рассказывал он...— Я аккуратно посещал заседания Совнаркома, и стоило мне написать записку Владимиру Ильичу, что мне хотелось бы повидать его минут на пять, чтобы поговорить по тому или другому делу, и он говорил: приходите к такому-то часу. Попасть к нему можно было очень свободно, но если зайдешь к нему на три минуты, то уж точно только на три минуты зашел, и конец.

Среди ленинских документов, относящихся к событиям конца семнадцатого года, есть и записка Владимира Ильича, адресованная всем трем большевикам-юристам: П. И. Стучке, П. А. Красикову и М. Ю. Козловскому.

«Ради бога, справьтесь о законе выборов в Учредительное собрание, *нет ли срока* для *снятия* выбранных (и замены их другими в списке)»[59],— просит Ленин.

Дело в том, что Владимир Ильич по списку кандидатов в Учредительное собрание от Центрального Комитета партии оказался избранным одновременно в пяти округах. А Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание просила избранных в нескольких округах назвать тот, от которого они остаются депутатами.

На ленинскую записку ответил Козловский, являвшийся представителем большевиков в Особом совещании по выработке положения о выборах до момента ареста его Временным правительством в июльские дни.

Получив необходимую справку, Владимир Ильич сообщил во Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание, что он просит считать его избранным от Балтийского флота. Воспользовался Владимир Ильич ответом Козловского и для телеграфного сообщения в окружные комиссии. Вот текст ленинской телеграммы, отправленной, в частности, в Псков[60]:

«Остаюсь депутатом Балтийского флота, прошу заменить меня следующим кандидатом по списку большевиков.

Ульянов (Ленин)»

СТАРЫЙ ПАРТИЕЦ

Когда встречаешь в ленинской записной книжке имя *Л. Б. Красина,* в памяти оживают многие страницы героической истории нашей партии. Леонид Борисович возглавлял бакинскую социал-демократическую организацию с ее легендарной неуязвимой для царской охранки типографией «Нина», в которой с матриц перепечатывались номера ленинской «Искры». На него партия возложила в памятном 1905 году создание и руководство боевой технической группой, наладившей производство бомб различных систем, динамита, пироксилина.

Красин был в те времена незаменимым казначеем партии, постоянно нуждавшейся в средствах для издания и транспортирования во все возрастающих масштабах марксистской литературы.

Природа одарила этого человека блистательным умом, высокими волевыми качествами.

Тем не менее годы реакции охладили темперамент Красина, наложили свой отпечаток на его политические настроения. Отзовистская группа «Вперед» нашла в нем одного из своих сторонников.

Семь лет, до самого приезда Ленина в Петроград, Красин находился вне рядов партии. И все же многое свидетельствовало о том, что он ей сочувствует, что он готов для нее сделать все возможное.

Вполне понятна заинтересованность Ленина в скорейшем возвращении к активной деятельности в партии такого многоопытного работника, как Красин. Сначала Владимир Ильич избирает своим посредником для этой цели Коллонтай.

— ...Он хотел через меня с ним связаться,— вспоминала Александра Михайловна.— Красины жили в Царском Селе. Ночью же поехала к ним. Ночь весенняя, светлая, и сирень зацветает. Красин обещал наметить день встречи с Владимиром Ильичем.

Первая встреча Ленина и Красина после долгой размолвки, таким образом, состоялась. Проходила она в Царском Селе (ныне город Пушкин), где Леонид Борисович заведовал электростанцией, являясь в то же время и директором-распорядителем порохового отдела Акционерного общества заводов Барановского в Петрограде. Что же известно о ней?

— Ленин «досконально» осмотрел электростанцию и, вернувшись, сказал мне с оттенком удивления, но без порицания,— продолжает Коллонтай: — «Странные люди — эти инженеры. Красин инициативный и бесстрашный партиец, а сейчас он по уши влюблен в свою электроэнергию, ни о чем другом не думает. Будто нет революции, не слышит он ее, важно ему одно, чтобы турбины да генераторы работали без отказа. И так это смачно рассказывает про новую технику, что я шесть часов бродил с ним по заводу, времени не заметил. Да, странные эти инженеры, но в будущем, когда начнем строить новую Россию, нам такие-то, как Красин, нужны будут. Да не десятки, а тысячи красиных [61]».

К налаживанию контактов между Лениным и Красиным подключается и один из старейших партийцев — Авель Софронович Енукидзе. На его памяти две их встречи в служебном кабинете Красина уже в конторе Акционерного общества заводов Барановского в Петрограде.

Разгорались страстные споры по принципиальным вопросам подготовки и проведения социалистической революции. Каждая сторона горячо отстаивала свои позиции.

«Оба раза беседы длились целые часы...— рассказывал А. Енукидзе.— Ленин то хохотал, то сердился, и совершенно прямо они говорили друг другу то, что каждый из них чувствовал» [62].

С каждым днем расстояние, отделявшее Красина от партии, становилось короче. Но понадобились еще исторические события Великого Октября, недели и недели, для того чтобы он смог окончательно отрешиться от своих заблуждений.

Иван Иванович Радченко, знавший Ленина еще с 1900 г. по Пскову, вспоминал:

«В разговоре с Владимиром Ильичем я задал ему вопрос о некоторых товарищах, между прочим о Л. Б. Красине: встречается ли он с ним и почему Красин не втягивается в работу. Владимир Ильич ответил:

— Встречаюсь... Ухаживаю за ним, как за барышней... Не хочет... Все равно — придет к нам со временем...» [63]

Так и вышло. Красин пришел! И весь жар своего сердца, всё богатство своего ума отдал служению отчизне.

Глеб Максимилианович Кржижановский рассказывал, что его беседы с Лениным не раз касались их общего друга Красина. «Необыкновенно талантливый, одаренный человек, Л. Б.,— подводил итоги В. И.,— да и постоять за себя умеет...— приводил ленинские слова Кржижановский.— Никогда, ни разу не жаловался В. И. на Л. Б. «Да, пришлось мне за ним поухаживать, как за барышней» — вот максимум упрека, который я слышал от В. И. по адресу Л. Б.» [64].

Когда же вернулся в строй старый, бывалый солдат партии? Это произошло в дни тяжелых испытаний, перед которыми стояла молодая республика в начале восемнадцатого года. Тогда-то Леонид Борисович Красин и выполнил первые поручения Советского правительства.

Летом того же восемнадцатого года Ленин так отозвался о нем в письме, адресованном Э. М. Склянскому, одному из видных военных работников (документ впервые опубликован в Полном собрании сочинений В. И. Ленина):

«Податель — тов. Леонид Борисович Красин, старый партиец, о котором Вы, вероятно, тоже наслышаны. Примите его, пожалуйста, *тотчас* и окажите ему *полное* доверие. В деле о флоте *надо* дать ему **все** полномочия от Высшего военного совета» [65].

КАБИНЕТ РЕДАКТОРА «ПРАВДЫ»

Буква «П»... *Правда.* [Мойка, 32...]

Чуть ли не в день приезда в Петроград Ленин приступает к редактированию газеты. Ее основатель и главный идейный руководитель, первый публицист, он и здесь много времени уделяет

беседам с партийными работниками, делегатами рабочих, крестьян, солдат.

«Я вспоминаю редакцию «Правды» на Мойке,— писала Александра Михайловна Коллонтай.— Крошечная темная комнатка, в которой всегда горело электричество, даже днем. Это и был «кабинет» Владимира Ильича до июльских дней» [66].

Ленин — редактор «Правды». Сколько волнующих воспоминаний осталось об этом у партийных работников, рабочих, солдат, матросов, приносивших весной и летом семнадцатого года свои письма, корреспонденции, статьи в редакцию газеты.

Приходит однажды сюда Я. М. Свердлов. С ним Георгий Соболевский — старый большевик из Томска. Чем объяснить, что Яков Михайлович пригласил его с собой к Владимиру Ильичу?

Незадолго до их визита к Ленину в Москве проходил Всероссийский продовольственный съезд, созванный буржуазно-помещичьим Временным правительством. Организаторы этого съезда отнюдь не собирались допустить к участию в нем большевиков. Тем не менее рабочие, трудовые крестьяне, революционные солдаты ряда районов России вручили мандаты большевикам. Томский Совет делегировал на съезд большевика Соболевского. На съезде образовалась большевистская фракция. Она заняла свои твердые позиции: продовольственное дело, как и всю власть в стране — в руки Советов. Свердлов не ошибся, что таким собеседником заинтересуется Ленин.

Ленин с интересом выслушивает рассказ Соболевского о позиции, занятой на этом съезде большевистской фракцией, и одобряет ее. При этом Владимир Ильич приглашает своего собеседника выступить со статьей об этом съезде на страницах «Правды».

Соболевский растерялся. И тут еще раз проявились замечательные черты основателя и редактора первой большевистской газеты — «Искры», мастерски умевшего втянуть человека в беседу, натолкнуть его на важную мысль и потом спросить: «А не напишете ли вы об этом в газету?»

Так было и на этот раз.

«Выслушав предложение товарища Ленина, я смутился, полагая, что не смогу написать требуемую статью,— вспоминал Георгий Соболевский.— Владимир Ильич, продолжая улыбаться и делая вид, что он не замечает моего смущения, ободрил меня, изложил план статьи и примерное ее содержание».

И вот автор будущей статьи с волнением приступает к делу. Вначале оно не ладится. Первый листок бумаги испорчен. Но можно ли не выполнить поручения Ленина! Соболевский продумывает

план статьи, предложенный Владимиром Ильичем, его рекомендации, и впервые в жизни из-под его пера выходит статья.

«А вдруг Ильич забракует ее? Не миновать ей редакционной корзины»,— тревожится автор.

Но нет, взяв статью и внимательно прочитав ее, Ленин чуть-чуть подправил рукопись, счел нужным добавить к фамилии автора, что он был делегатом съезда от Томского Совета рабочих депутатов, и собственноручно написал: «В набор».

Наутро вышел очередной номер «Правды». В нем была опубликована статья В. И. Ленина «Не демократично, гражданин Керенский!», в которой ставился вопрос о необходимости перехода власти в руки Советов. В этом же номере нашел свою статью Соболевский...

После опубликования Апрельских тезисов эсеры и меньшевики начали бешеные атаки на нашу партию. В одном из районов Петрограда они затеяли свое собрание. Подтягивались самые отборные кадры краснобаев.

Партийная организация района готовилась дать соглашателям встречный бой. И вот к Ленину в редакцию «Правды» приходит делегация — его приглашают выступить на большевистском митинге в вагонных мастерских завода Речкина в тот самый час, когда было назначено эсеровское собрание.

— Хорошо. Послезавтра я свободен. Скажите у себя в райкоме, что я выступлю,— сразу согласился Владимир Ильич.

И эсеровские вожаки оказались перед пустой аудиторией. Рабочие предпочли слушать Ленина.

Неутомимый глашатай ленинских идей, «Правда» приобрела огромную популярность в самых широких массах трудового народа. Это приводило врагов грядущей социалистической революции в бешенство.

Какая-то банда проходимцев, именующая себя «лигой борьбы с большевизмом и анархией», рассматривает на своем сборище два «дела». И вот уже готовы два смертных приговора:

«1. Ульянова, именующего себя Лениным, лишить жизни.

2. Типографию газеты «Правда» взорвать...» [67]

Но коротки у бандитов руки. Желая хоть чем-нибудь досадить ленинской «Правде», они организуют провокационные телефонные звонки в редакцию, собирают вблизи нее митинги черносотенцев.

Об одном из походов черной сотни рассказывала в своих воспоминаниях Александра Михайловна Коллонтай. Приближаясь к редакции, Александра Михайловна обратила внимание на толпу, собравшуюся недалеко от «Правды». Типичный крикун, демагог

из меньшевиков, поносил большевиков. Вдруг из толпы раздался возглас возбужденного спиртными парами хулигана:

— Чего болтать?.. Идем громить их большевистскую газету! Чего ждать? Идем скорее!

Легко понять состояние Александры Михайловны, услышавшей эти «речи». Обгоняя толпу, она, взволнованная, вбежала в помещение редакции. Первой увидела Марию Ильиничпу и спросила ее, здесь ли сейчас Ленин. Оказалось, что Владимир Ильич занят срочной работой по завтрашнему номеру «Правды» и просил не отвлекать его. Однако чрезвычайные обстоятельства вынудили Александру Михайловну нарушить эти указания. Войдя в редакционную комнату, освещенную только настольной лампой, она застала Владимира Ильича, склонившегося над гранками. Рядом с ним сидел другой сотрудник «Правды».

— Зачем вы, что случилось? — спросил Владимир Ильич, успев заметить, что Александра Михайловна чем-то встревожена.

— Владимир Ильич, нельзя терять времени. Сюда по Невскому идет пьяная толпа громить «Правду».

— А толпа еще далеко от Полицейского моста?

— Прошла Конюшенную.

— Ну значит успеем поправить передовую...

Крайне встревоженная сообщением Коллонтай, на немедленном уходе Ленина из редакции стала настаивать Мария Ильинична.

— Это же несерьезное мальчишество, Володя...

— Какая там толпа,— спокойно отвечает Владимир Ильич.— Маша, расспроси Коллонтай, организованная она или случайная.

Работа над передовой продолжается. Убедить Ленина в том, что он должен немедленно покинуть редакцию, не удается.

Больше того, открыв дверь редакционной комнаты, Владимир Ильич выпроваживает из нее Марию Ильиничну и Александру Михайловну...

Угроза чудовищной расправы была слишком реальной, и обе опять напомнили Владимиру Ильичу о ней.

— Так, по-вашему, товарищ Коллонтай, толпа разъяренная и пьяная,— сказал Ленин, успевший уже испещрить гранки своими пометками на полях.

«Высунувшись из открытого окна, я прислушалась и уловила крики и гул толпы»,— рассказывала Александра Михайловна.

— Владимир Ильич, уже слышно, что она заворачивает на Мойку.

Владимир Ильич быстро дописал кое-что и, вычеркнув каран-

дашом целый абзац, отстранил от себя гранки и нетерпеливо сказал:

— Работать не даете! Вместо того чтобы ко мне приставать, вы лучше бы позвонили в военку, пусть немедленно вышлют сюда охрану.

Оказалось, что Мария Ильинична об этом позаботилась и охрана была уже в пути. Но рисковать было нельзя.

В этот вечер Александра Михайловна по поручению Ленина уезжала с важным партийным заданием в Гельсингфорс. До отхода поезда оставался один час. А Владимир Ильич должен был ознакомиться с очень серьезным документом принципиального характера, который Александра Михайловна везла с собой. Это и был тот решающий довод, которым удалось убедить Ленина покинуть редакцию.

— Да, вот в чем дело... То-то вы ко мне пристали,— засмеялся Владимир Ильич,— вспоминала Александра Михайловна.

Сотруднику «Правды», которому предстояло еще поработать над статьей, оставаться одному в редакции Ленин не разрешил и предложил ему перебраться в типографию.

— А где же ваши погромщики? — лукаво улыбаясь, спросил Ленин Коллонтай, уходя из редакции [68].

Громилы были уже у самого дома на Мойке, где помещалась редакция, когда сюда подъехал грузовик, доставивший революционных солдат. Налет был сорван...

«...ЧТОБ Я НЕ БИЛ ПО ДИЧИ МЕЛКОЙ...»

Под буквой «П» в адресной книжечке Ленина читаем также: «*Придворов* Ефим Алексеич» — это известный партийный литератор, поэт и баснописец «Правды» Демьян Бедный.

Кроме адреса поэта здесь значатся и номера двух его телефонов: домашнего и служебного. Когда можно застать Демьяна Бедного дома — известно. После же второго, должно быть редакционного, телефона Ленин делает пометку: «(на ура)». Не так просто было застать Демьяна Бедного на месте!

Личное знакомство Ленина с Демьяном Бедным произошло после возвращения Владимира Ильича из эмиграции в Россию. Но дарование поэта он приметил и высоко оценил гораздо раньше.

7 апреля 1912 года по поручению Ленина Н. К. Крупская запрашивает петербургских большевиков: «Кто у вас Демьян Бедный? Очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы...»

Демьян Бедный не заставил себя долго ждать. Вскоре на страницах «Невской звезды» появилась его басня «Кашевары» [69].

...Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не сварить!

Не раз в критические моменты жизни Демьяна Бедного его согревала и поддерживала исключительная чуткость Ленина.

«...Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! — писал Владимир Ильич в мае 1913 года из Поронина правдистам.— Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, *не поможете* ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!» [70]

Временный уход Демьяна Бедного из «Правды» очень огорчил Ленина. Он писал позднее поэту о том, как был обрадован его возвращением в газету. Не раз басни Демьяна Бедного перед публикацией их на страницах «Правды» посылались к Ленину в Польшу. Одобрял ли Владимир Ильич или сурово критиковал иные из них — это была настоящая школа, в которой воспитывался большевистский литератор.

Как хотелось Демьяну Бедному ближе узнать Ленина!

«...Наверное, вы простой, сердечный, общительный»,— писал Владимиру Ильичу поэт 23 апреля 1913 года.

...Наступил апрель 1917 года. Ленин вернулся из Швейцарии в Россию. Когда он посетил издательство «Жизнь и знание» и познакомился с его работой, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, стоявший во главе этого издательства, показал ему только что выпущенные, хорошо иллюстрированные четыре книги Демьяна Бедного.

Владимир Ильич сейчас же схватил их и тут же стал просматривать. И, читая, все более и более смеялся, вспоминал Владимир Дмитриевич. Смех его даже переходил в раскатистый хохот. Владимир Ильич смеялся и приговаривал:

— Прекрасно! Как хорошо сказано! Метко! Очень хорошо!

Искренне радуясь творческим удачам поэта, Владимир Ильич без обиняков указывал ему на его срывы, ошибки. «А зачем печатался в «Мире божием»?» — спросил Ленин Демьяна Бедного, встретив его в «Правде».

Демьян Бедный высоко ценил ту помощь, которую Ильич ему неизменно оказывал. Он прекрасно понимал, что именно благодаря этой ленинской помощи стал поэтом-борцом.

...Чтоб я не бил по дичи мелкой...
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко *Ленин* сам [71],—

писал поэт.

В конце июня 1917 года Ленин прервал на несколько дней работу, чтобы отдохнуть в Финляндии на даче Бонч-Бруевича. Вблизи этой дачи, в деревне Нейвола, жили Максим Горький и Демьян Бедный. По дороге к Бонч-Бруевичам Ленин навестил Демьяна Бедного.

После установления Советской власти у Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича было намерение привлечь поэта на работу в аппарат Управления делами Совнаркома. Он видел в Демьяне Бедном не только талантливого поэта, но и незаурядного организатора.

«Оставьте его в покое,— сказал в связи с этим Ленин Бонч-Бруевичу.— Если он работал до революции по административному делу, то ведь это его беда. Обстоятельства заставили его поступить на службу, а теперь он больше всего будет служить огромную службу Советской власти и партии своим пером. Смотрите, какое он поместил прекрасное стихотворение в «Правде». Демьян Бедный — писатель, поэт,— не надо мешать ему в развитии его творчества» [72].

* * *

В свою алфавитную книжку Ленин вносил не только адреса и телефоны. Чрезвычайно интересны его заметки для памяти.

Вот, к примеру, поручение Евгению Порфирьевичу Первухину — врачу Елисаветинской общины на Охте в Петрограде. Его специальностью было лечение туберкулеза. Но чахотка была не единственным врагом, против которого всю свою сознательную жизнь боролся в царской России этот человек.

Мне удалось разыскать в Москве дочь покойного старого большевика, научную сотрудницу одного из московских институтов. Она и познакомила меня с биографией своего отца...

Еще студентом Петербургского университета он печатает у себя в комнате на гектографе листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Потом уезжает в Женеву, вступает там в партию, ведет корректуру в ленинской «Искре».

...Пятый год начинается в России мощными раскатами революционного грома. Будет битва. Битва пролетариата против своего лютейшего врага — царизма, озверевшего, опьяненного кровью невинных жертв.

Первухин спешит из Швейцарии на родину. Его место на огневых позициях. Напутствует Евгения Порфирьевича Ленин. Позднее Первухин писал:

«Перед отъездом в Россию, я помню, Ильич, когда я приехал к нему прощаться, прямо задал мне вопрос:

— А сколько раз ты прочел протоколы Второго партийного съезда?

— Я говорю: — полтора раза.

— Нет,— говорит он,— этого мало. Надо раза три прочитать, потому что протоколы Второго партийного съезда целиком выявляют линию большевиков и линию меньшевиков».

В дни декабрьского вооруженного восстания в Москве Первухин — один из активнейших организаторов революционной борьбы. Затем по поручению партии жена Евгения Порфирьевича открывает в Петербурге на свое имя книжный магазин, в котором продается литература, выпускаемая большевистским издательством «Вперед». Сам он в этом книжном магазине выполняет скромную роль кассира.

Об авторитете и уважении, которыми Первухин пользуется у большевиков Петербурга, говорит избрание его делегатом на IV съезд РСДРП, проходивший весной 1906 года в Стокгольме.

...Первое легальное собрание большевиков Охты в Петрограде после Февральской революции. Секретарем районного комитета партии избирается Евгений Порфирьевич Первухин [73].

На этом партийном посту и застает своего старого знакомого Ленин, возвращающийся весной семнадцатого года из эмиграции на родину.

Обратимся к записи все в том же ленинском документе: «*Первухин*: 22.87 (сказать, чтобы доктор Первухин позвонил по телефону № 59) Охта, Полюстровская набережная. *5*. (Елисаветинская община) (около 1 часу)».

Теперь, зная, что за доктор был Первухин, нетрудно предположить: у Ленина его ожидало поручение отнюдь не медицинского свойства...

РАБОТНИК ОЧЕНЬ КРУПНЫЙ И ЦЕННЫЙ

Среди бойцов старой большевистской гвардии, встретивших Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала, была и Елена Федоровна *Розмирович*. Не исключена возможность, что ее имя он тоже внес в свою записную книжку одним из первых.

Елене Федоровне неоднократно приходилось приезжать к Ле-

нину за границу и непосредственно у него получать ответственные партийные поручения.

В марте 1915 года Розмирович входила в делегацию нашей партии на Международной женской конференции. «Мы проводили линию Ильича, который нас непосредственно инструктировал, как нам держаться,— писала Надежда Константиновна Крупская в одном из документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Летом 1915 г. Владимир Ильич направил Елену Федоровну в Россию на работу.

Перед отъездом... она заезжала к нам, чтобы договориться с Ильичем о том, как вести работу».

На этот раз Елена Федоровна направлялась доверенным лицом Центрального Комитета партии в Москву. Предстояли большие трудности: перейти границу, уйти в подполье...

Человек такого революционного закала, выдержки и самообладания, как Розмирович, был вполне к этому готов. Владимир Ильич знал, что Елена Федоровна сохранит спокойствие даже в самых рискованных обстоятельствах, чувство страха ей было незнакомо.

«Все время у Ильича было хорошее очень отношение к Елене Федоровне» [74],— свидетельствовала Надежда Константиновна в в том же документе.

Через несколько месяцев после приезда Розмирович из-за границы в Москву на след доверенного лица Центрального Комитета партии напала царская охранка. Елену Федоровну сослали на пять лет в Сибирь. Лишь после Февральской революции она смогла вернуться в Петроград.

Член Бюро военных организаций партии Елена Федоровна Розмирович была одним из близких помощников Ленина в первые часы и дни установления Советской власти.

...В телеграмме, отправленной Лениным четыре дня спустя после штурма Зимнего дворца, начальнику второй бригады крейсеров Балтийского флота Иванову, Владимир Ильич просит его немедленно прибыть в Петроград. Есть на этом документе пометка — поручение Ленина Елене Федоровне Розмирович: «Пошлите это через заведующего радиостанцией Центрофлота. Послано ли?»

Много волнующих страниц Октябрьской эпопеи содержит трехтомник документов Петроградского военно-революционного комитета. Там я встретил и имя Елены Федоровны Розмирович.

...25 октября семнадцатого года Военная организация при ЦК РСДРП(б) революционным путем заняла типографию черносотенной газеты «Новое время». Теперь должны были здесь печататься

«Солдатская правда» и «Деревенская беднота», издаваемые Военной организацией партии. Случилось так, что Петроградский военно-революционный комитет не был еще информирован об этом обстоятельстве и передал типографию газете «Новая жизнь». Создалась угроза срыва выпуска очередных номеров «Солдатской правды» и «Деревенской бедноты» в разгар октябрьских событий. Этим и было вызвано заявление, с которым обратилась Военная организация партии в Петроградский военно-революционный комитет. Одна из подписей под этим документом принадлежит члену редакций «Солдатской правды» и «Деревенской бедноты» Е. Розмирович. Необходимые меры были приняты...

В дни подавления контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова под Петроградом Розмирович находилась на переднем крае. Несомненно, что с оперативным заданием, выполнявшимся Еленой Федоровной, связан документ, датированный 28 октября и предписывающий экстренно выдать тов. Розмирович автомобиль.

«Свидетельствую, по опыту *лично моему* и *ЦК 1912—1913* годов, что работник это очень крупный и ценный для партии»,— говорится о Розмирович во впервые опубликованной в Полном собрании сочинений В. И. Ленина записке Владимира Ильича. Там же, в другом ленинском документе мы находим и характерный пример трогательной заботы Владимира Ильича об этом ветеране большевистской гвардии, подорвавшем свое здоровье в царских тюрьмах и ссылках. Ленин считал необходимым направить Розмирович после перенесенной ею тяжелой болезни сердца на лечение за границу вместе с другими товарищами. Но Владимир Ильич, видно, был информирован о том, что на поездку за рубеж Елена Федоровна не согласится. Ей не хотелось расставаться на продолжительное время с детьми. «Попробуйте убедить ее,— пишет Владимир Ильич А. Д. Цюрупе.— Если сочтете полезным и удобным, перешлите ей и эту записочку.

По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий» [75].

НАПУТСТВИЕ «СОЛДАТСКОЙ ПРАВДЕ»

Плотно заполнены ленинским почерком многие страницы записной книжки, с которой мы знакомимся. На одну только букву «С» приходится десять записей.

Одна из них связана с именем *Стасовой*. Тут значится ее домашний адрес по Фурштадтской улице в Петрограде и номера телефонов: на квартире и служебного.

Старейшая большевичка, сподвижница Ленина, Стасова после Февральской революции явилась организатором секретариата Бюро Центрального Комитета партии.

Елена Дмитриевна охотно откликнулась на нашу просьбу прокомментировать некоторые записи, содержащиеся в ленинском документе.

— Возможно, что обновил книжку Владимир Ильич сразу же по приезде в Питер,— сказала она.— Я встречала Ильича на Финляндском вокзале. Могла там сказать ему свой адрес. Первое время после приезда Ленина на моей квартире собирались члены Центрального Комитета разных созывов...

Еще одна деталь, относящаяся к первым встречам Ленина со Стасовой после возвращения Владимира Ильича из эмиграции. 15 апреля он подписал удостоверение, подтверждающее членство Елены Дмитриевны в партии [76].

На фасаде дома, где жила в то время Стасова, висит мемориальная доска. Надпись на ней сообщает, что в двадцатых числах июня 1917 года В. И. Ленин прожил здесь два-три дня.

Стасова — секретарь Центрального Комитета партии в год возвращения Ленина из последней эмиграции. Деятельность ее на этом посту отобразилась в многочисленных документах, воспоминаниях партийных работников.

Рассказывала об этом и сама Елена Дмитриевна в своих мемуарах [77].

Большую работу ведет Стасова в Центральном Комитете партии после VI съезда, проходившего летом 1917 года в Петрограде. Елена Дмитриевна уделяет особенно большое внимание переписке с местными партийными организациями. Она отвечает на их запросы. Более четырехсот таких ответов, принадлежащих ее перу, хранятся в Центральном партийном архиве [78].

С Еленой Дмитриевной мы еще встретимся позднее. Теперь же прочтем следующую ленинскую запись на ту же букву:

«Солдатская Правда», 4.10.48 (Подвойский).

...Это произошло вскоре после приезда Ленина из эмиграции. Однажды, когда Владимир Ильич был занят в редакции «Правды» просмотром гранок очередного номера газеты, к нему явился Подвойский. Николай Ильич пришел посоветоваться по поводу намерения Военной организации при Петроградском Комитете РСДРП(б) приступить к изданию популярной солдатско-крестьянской газеты. Владимир Ильич очень обрадовался прекрасной инициативе.

— Никакое другое средство пропаганды, заметьте, не будет иметь такой действенной силы, как хорошо поставленная популяр-

ная солдатская газета! — горячо поддержал он план, изложенный Подвойским.

Встал вопрос о материальной базе газеты. Создать ее могли только сами читатели. Ленин и в этой связи высказал свои пожелания будущему печатному органу.

«Если вы станете выпускать газету для солдат — ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета,— сказал он. При этом на слове «солдатская» Владимир Ильич сделал ударение.— Вы поняли меня? — спросил он Подвойского и сразу же добавил.— Если писать в нее будут сами солдаты, тогда и читателей своих она заинтересует...» [79]

Таким было ленинское напутствие «Солдатской правде», первый номер которой вышел в свет уже две недели спустя после приезда Владимира Ильича из эмиграции.

Газета, несшая в солдатские массы идеи большевистской партии, гневно обличавшая виновников разбойничьей войны, сразу же завоевала сердца своих читателей. Лучшим свидетельством ее огромной популярности среди солдат являлись их письма в редакцию.

Они как раз и показывают, за что полюбилась своим читателям «Солдатская правда», ставшая выразительницей их заветных дум и чаяний.

«Гражданин редактор,— писал Степан Мельников из штаба 442-го Кашинского пехотного полка.— Настоящим просим вас, потрудитесь посылать к нам на фронт вашу уважаемую газету «Солдатская правда», которая льет к нам в сердца массу просвещения.

Мы не хотим читать газет капиталистов, как-то газеты «Новое время», «Биржевые ведомости» и т. п. Они только разочаровывают нас».

Вместе с письмом в редакцию пришел и денежный перевод. Однополчане Мельникова подписывались на три месяца на «Солдатскую правду».

««Солдатская правда» раскрыла свои объятия для всех трудящихся и разоблачила все пороки зла и грязи капитала,— говорилось в письме солдата Давыдова.— Не имея средств помочь газете «Солдатская правда», я, солдат с фронта, жертвую тебе свой георгиевский крест. Живи, процветай, борись!»

Владимир Ильич повседневно направлял работу «Солдатской правды», на ее страницах напечатаны многие статьи и речи вождя партии.

Неоценимую услугу партии оказала газета в пропаганде решений VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Трудно было рассчитывать на благосклонное отношение цензуры

Временного правительства к таким программным документам, как резолюции конференции по национальному вопросу, о текущем моменте, «Введение к резолюциям Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б)».

Редакция «Солдатской правды» вызвалась издать эти материалы своими силами. Такое предложение и было высказано Ленину.

«Владимир Ильич нашел в нем лучшее решение насущнейшей боевой задачи партии,— рассказывал Подвойский.— Подставлять в то время «Правду», как ЦО партии, под удар политически было рискованно. Найти же типографию, которая осмелилась бы выпустить резолюции отдельной брошюрой, было невозможно. Она была бы разгромлена. Поэтому-то Владимир Ильич без колебаний согласился с нами. Он обрадовался нашему предложению» [80].

Ленин был очень расположен к «Солдатской правде» и всячески помогал ей в работе.

Получив свежий номер газеты, Владимир Ильич уже через час делился своими впечатлениями о нем, высказывал свои замечания, предложения. Это делалось ежедневно. Ленин обычно указывал, что именно ему понравилось, какие статьи, заметки или отдельные места в них он считает неудачными либо неправильными, вспоминал Н. И. Подвойский.

Что делал Николай Ильич Подвойский для «Солдатской правды», пользовавшейся широкой популярностью среди читателей, каким был его вклад в работу редакционного коллектива?

«Несколько особое положение в нашей редакции занимал Н. И. Подвойский,— вспоминал один из редакторов газеты Александр Федорович Ильин-Женевский.— Будучи чрезвычайно занят руководящей работой в военной организации, он к нам являлся, хотя и регулярно каждый день, но всегда урывками, наскоками, внося своим появлением большое оживление и сразу же на несколько вольт усиливая напряжение и темп нашей работы.

Нося в своей изумительной голове огромное количество всякого рода мыслей и планов, он появлялся у нас, сыпал ими как из рога изобилия, давая общее направление нашей работе и конкретные темы наших очередных статей. За все время своей работы в «Солдатской правде» Подвойский сам лично не написал ни одной статьи, но все же я нисколько не ошибусь, если скажу, что по крайней мере 50% всех помещенных в газете статей было инспирировано им. Это звучит парадоксально, но это факт» [81].

Однажды, когда Подвойскому в неурочное время срочно понадобился по делам «Солдатской правды» Ильин-Женевский, Николай Ильич отправился к Александру Федоровичу домой. А того

не оказалось дома: давно потерявший представление о нормальном человеческом отдыхе, Ильин-Женевский, как оказалось, смотрел где-то немудреную новинку экрана. Тогда Подвойский сел за стол и написал записку, начинающуюся следующими словами:

«Александр Федорович!

Вместо кинематографа лучше бы написали статьи 3...»

Зная широкий политический диапазон и острое перо бывалого партийного литератора, Подвойский в той же записке набрасывает для него примерный темник:

Контрреволюция наглеет с каждым днем. После кровавых июльских событий — репрессии в армии, вплоть до смертной казни; приказ нового главнокомандующего Корнилова пускать в ход оружие против участников солдатских митингов; эсеровско-меньшевистский ЦИК судит большевиков и хлопает в ладоши так называемому «правительству спасения революции». Те же эсеро-меньшевистские предатели, свившие себе уютное гнездо в ЦИКе, санкционируют арест Ленина; закрыты большевистские газеты в Кронштадте и Гельсингфорсе. Пятеро работников «Солдатской правды» арестованы. Еще и еще... Семнадцать вопросов. Выбирайте, Александр Федорович.

«Нужно написать статьи маленькие и не позднее 3 часов дня доставить на Невский, 3»,— добавляет Подвойский, называя свой служебный адрес в Союзе городов.

Записка — экспромт, но как много в ней типичного для Подвойского, не знающего покоя и не дающего его другим, влюбленного в свою газету, верящего в ее силу, знающего, как она нужна солдатам.

«...В этом документе замечательно то, что Подвойский указывает (17) (!) тем статей для одного номера, и, по-видимому, в голове у него их еще больше, так как он заканчивает перечисление тем многозначительным и т. д. и т. д.,— рассказывает Ильин-Женевский, которому была адресована записка Подвойского.— Таким буквально неисчерпаемым на всякого рода идеи он был всегда.

Особенно наседал Николай Ильич на Невского, чрезвычайно плодовитого по части писания статей. Находясь под постоянным давлением, Невский писал за десятерых, и потому в статейном материале у нас никогда недостатка не было».

Следующая запись содержит номер одного из телефонов Союза городов. Кем там интересуется Ленин?

Что представляло собой это печальной памяти ведомство? То была крупнейшая организация городской буржуазии, ратовавшая за продолжение войны до победного конца, верой и правдой служившая Временному правительству.

Все это так. Но тем и устраивала большевиков вывеска Союза городов, что за ней они смогли прочно обосноваться и вести большую партийную работу. После Февральской революции им удалось, правда неофициально, занять здесь комнату для Центрального Комитета партии.

Статистик по специальности, Николай Ильич Подвойский служил в Союзе городов. Ленин мог звонить ему по неотложным делам и по его служебному телефону. Сослуживцами Николая Ильича были такие хорошо известные в партии люди, как Савельев, Кедров, Еремеев и др.

А не заходил ли Владимир Ильич в помещение Союза городов? Да. Здесь в середине апреля семнадцатого года проходило конспиративное собрание активных работников Военной организации при ЦК РСДРП (б) и членов ЦК большевиков, в котором участвовал и Владимир Ильич.

Вопрос о содержании и методах большевистской агитации среди солдат, которых Временное правительство всячески старалось восстановить против партии и ее вождя, приобрел к тому времени первостепенное значение. Он стоял в центре внимания собравшихся на конспиративное совещание. Глубокое впечатление оставила у них встреча с Лениным.

«Наше собрание продолжалось не больше часа, но за это время Ильич успел не только ознакомиться с настроением солдат, но и подробно проинструктировать всех нас,— вспоминал Константин Александрович Мехоношин, солдат гренадерского полка, принимавший активное участие в работе Военной организации партии.— Следуя в нашей агитации советам Ленина, мы сломили лед недоверия, а затем и целиком привлекли на нашу сторону громадное большинство солдат» [82].

Работать приходилось в обстановке бешеного разгула контрреволюции. И тем не менее на Невском, 3, в статистическом отделе Союза городов Ленин появлялся.

Проходить в комнату, где собирались члены Центрального Комитета партии, надо было через общее помещение отдела статистики. Обычно в проходной комнате за чаепитием среди сотрудников этого отдела разгорались яростные споры. Одни откровенно высказывали свое сочувствие большевикам, другие не скрывали своей неприязни к ним.

«Нередко проходил через этот «клуб» Владимир Ильич, которого рядовые сотрудники в лицо не знали и не узнавали, так как портреты товарища Ленина были мало распространены» [83],— вспоминал один из старых партийцев.

Однажды в разгар одной из таких дискуссий через «клуб», как

обычно, прошел Ленин. Он лукаво улыбнулся и спокойно направился в комнату ЦК.

* * *

...Отдельные рабочие дни Ленина в первые годы Советской власти запечатлены в мемуарной литературе, в биографической хронике, в историко-партийных фильмах. Но посмотрите, что успел сделать Владимир Ильич 12 мая 1917 года:

побывал у рабочих Путиловского завода и выступил перед ними на многотысячном митинге с докладом о текущем моменте;

от путиловцев направился на Адмиралтейский судостроительный завод, где шел массовый митинг с участием рабочих соседних предприятий. Ленин снова на трибуне. И снова в ответ — безграничное доверие пролетариев, готовых идти за партией большевиков;

в тот же день, вернувшись с митингов, Ленин пишет письмо Инессе Арманд в Москву о ее работе в московской большевистской организации.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тот же день Ленин посещает профессора Симановского, о чем и вносит запись в свою книжку: «(Был у него 12.V. 1917) прийти в сентябре».

Если полистать огромный фолиант «Весь Петербург» за 1917 год, то из него можно узнать, что по записанному Владимиром Ильичем адресу на Фурштадтской улице тогда проживал специалист по болезням уха, горла и носа. Выходит, 12 мая Владимир Ильич выступает на двух митингах уже больным.

Повторно посетить профессора в сентябре Ленину, вынужденному уйти в глубокое подполье, не удалось.

Попутно и о другом отоларингологе, у которого той же весной семнадцатого года лечился Ленин. *«Катин-Ярцев,* специалист по ушным болезням, Ивановская 18»,— записывает Владимир Ильич. Далее — приемные дни и часы у этого врача. На вторую половину дня в среду у Владимира Ильича намечен телефонный звонок к нему.

Не тот ли это Катин-Ярцев, который еще в 1895 году студентом Военно-медицинской академии примкнул к марксистскому движению и принял участие в знаменитой стачке петербургских ткачей 1896 года? Да, это был он, Виктор Николаевич Катин-Ярцев, вступивший в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», основанный Лениным.

«С Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным) познакомился в Петербурге, на квартире О. Ю. Мартова, при отправке их пар-

тии в Сибирь в 1897 г.,— писал в своей автобиографии Катин-Ярцев.— В 1917 г. Владимир Ильич бывал у меня в качестве пациента на квартире» [84].

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Буква «С»... *«Съезд Советов»,*— читаем мы запись в книжечке Владимира Ильича.

...Июнь семнадцатого года. Васильевский остров в Петрограде. Здание кадетского корпуса. Здесь проходят заседания I Всероссийского съезда Советов.

Только десятая часть делегатских мандатов принадлежит большевикам. Все остальные — меньшевикам, эсерам и их подголоскам. Зато чего стоит один из большевистских мандатов — ленинский!

С трибуны съезда разглагольствует Церетели. В его меньшевистской совести великолепно уживаются две несовместимые роли: члена исполкома Петроградского Совета и министра почт и телеграфов так называемого коалиционного Временного правительства. Мудрено ли, что он не видит в России политической партии, которая могла бы взять власть целиком на себя.

— Есть! — бросает реплику Ленин, имея в виду партию большевиков. В своей речи на съезде Владимир Ильич наглядно показал, куда ведет соглашательство. Что изменилось от замены первого Временного правительства вторым — коалиционным с его «почти социалистическими министрами»? Ничего! Та же «война до победного конца». И те же голод, разруха.

Есть только одна партия, чья программа выражает подлинные чаяния и интересы народа. Партия, готовая в каждую минуту взять власть целиком. Это — большевики.

...Незадолго до открытия I Всероссийского съезда Советов Ленин обратил внимание на письмо одного крестьянина, которое было опубликовано в «Социал-Демократе» — газете московской организации нашей партии.

«Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам,— писал крестьянин.— Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет».

Кто натолкнул деревенского труженика на эти выводы?

«Я позволю себе свою речь закончить краткой цитатой из этого письма, выражающего, как крестьянин понял нашу программу» [85],— заявил Ленин. И под аплодисменты прочел знакомые уже нам строчки.

Делегатов Иваново-Вознесенска, Владимира, Кинешмы он навестил в их общежитии. Полчаса длилась беседа с Ильичем, а след в сердцах остался на всю жизнь.

Встречался тогда Ленин в Петрограде еще с одним делегатом I Всероссийского съезда Советов. Кто он и что о нем известно?

Степан Шаумян. Пламенный революционер, которого высоко ценил Ленин. Это он, Степан Шаумян, говорил об основателях великой ленинской партии:

— Я ленинец. Мы все ленинцы. Ибо большевик и ленинец — это одно и то же. Без Ленина нет большевизма. Без большевизма немыслим Ленин [86].

С мандатом делегата Бакинского Совета Степан Шаумян прибывает в Петроград на I Всероссийский съезд Советов.

Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях рассказывает, как рад был Владимир Ильич повидаться в те дни в Петрограде со Степаном Шаумяном. Запомнилась ей и прогулка с гостем из Баку по глухим улицам Петроградской стороны.

«Шаумян тогда передал Ильичу красные значки, которые его сыновья заказали ему передать Ленину,— пишет Надежда Константиновна.— Ильич улыбался».

Мне захотелось узнать, не помнит ли историю этих сувениров сын Шаумяна, Лев Степанович, работавший заместителем главного редактора Большой Советской Энциклопедии. Оказалось — помнил, и хорошо! В то время он был еще подростком. Лев Степанович рассказывал, что после Февральской революции предприимчивые бакинские дельцы выпустили два вида значков. На одном из них красовался Керенский, на другом был портрет Карла Маркса. Какому значку отдавали предпочтение сыновья Шаумяна, догадаться нетрудно. «Передай Ленину»,— попросил Лев отца перед его отъездом в Петроград и вручил ему значки с портретом основателя научного коммунизма.

— Где-то у брата сохранилось мое письмо отцу в Петроград, в котором я спрашивал, передал ли он Ленину эти значки,— рассказывал Лев Степанович.— Потом, когда отец вернулся в Баку, я узнал, что Ленин несколько дней носил один из наших значков.

...Не успели поезда развезти по домам делегатов I Всероссийского съезда Советов, как Временное правительство открыло огонь по рабочим и солдатам — участникам мирной демонстрации в Петрограде. За расстрелом демонстрантов — бандитский налет на «Правду», обыски, аресты.

Тут-то окончательно распоясалось Временное правительство. Экстренный заказ получили тюремщики. И вот уже для устра-

шения малодушных рекламируется последнее слово техники в застенках Керенского:

«Большевики в «Крестах»

Тюремная инспекция Петроградской губернии организовала в «Крестах» новую охрану. В состав ее вошла часть конвойной команды, состоящей из лиц не моложе 40 лет, вполне дисциплинированных, на которых можно положиться. В «Крестах» для предотвращения побегов заключенных *во всех дверях,* выходящих на двор, установлены особые решетки с автоматическими затворами, которые приводятся в действие при захлопывании. Благодаря этому нововведению в каждый отдельный момент караульный может захлопнуть решетку и предотвратить побег заключенных» [87].

Тюремные решетки с автоматическими затворами! Заткнули за пояс царских сатрапов их преемники.

СНОВА В ПОДПОЛЬЕ

После июльских дней Владимир Ильич вынужден был снова уйти в подполье [88].

...*Сулимов.* Эта фамилия напоминает о конспиративной квартире Ленина на набережной Карповки, куда в сопровождении Свердлова он пришел рано утром 5 июля семнадцатого года, преследуемый наемниками Временного правительства. Здесь Владимир Ильич написал статьи: «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса?», в которых гневно бичевал врагов революции.

— Знаком Вам этот адрес? — спросил я старую большевичку Марию Леонтьевну Сулимову и показал листок, где он записан.

— До известной степени знаком,— улыбнулась Мария Леонтьевна.

Память у нее была поразительная, и все, что связано с пребыванием в ее квартире Ленина, она помнила от первого до последнего мгновения.

Супруги Сулимовы — Сергей Николаевич и Мария Леонтьевна — имели самое непосредственное отношение к Военной организации партии — Военке. Мало того, хозяйка конспиративной квартиры являлась и секретарем по созыву незадолго до этого состоявшейся в Петрограде конференции фронтовых и тыловых военных организаций партии.

Находясь еще в квартире Сулимовых, Владимир Ильич полу-

чил первую информацию о набегах погромных банд Временного правительства на организации и учреждения партии. Были захвачены важные материалы, в том числе некоторые документы конференции фронтовых и тыловых организаций партии. А что если налетчики обнаружат в них фамилию хозяйки квартиры в доме № 25 по набережной Карповки? Недолго тогда придется ждать их визита!

Обеспокоенные этим обстоятельством, члены Центрального Комитета партии сочли необходимым подыскать для Владимира Ильича другое убежище. Утром 6 июля Ленин перебрался на квартиру рабочего В. Н. Каюрова, жившего на Выборгской стороне.

...Не было уже в живых Сергея Николаевича Сулимова, одного из замечательных представителей старой большевистской гвардии. Но Мария Леонтьевна сумела в идеальном порядке сохранить архив мужа: документы, фотоснимки, мемуары, опубликованные и неопубликованные. Читаю последнюю рукопись его воспоминаний.

Вот один из эпизодов, относящихся ко второй половине июня семнадцатого года, когда в Петрограде проходила Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций партии.

Как раз в те дни Керенский бросил лозунг о новом наступлении на фронте.

Перед работниками Военной организации партии встал вопрос: где взять докладчиков, чтобы рассказать о работе конференции, разоблачить новую авантюру Временного правительства. Их ждали на заводах, фабриках да и в солдатских казармах.

Увидев Ленина, Сулимов останавливает его, просит совета. Вокруг солдаты — участники конференции со вниманием ждут, что скажет Ленин.

— А это разве не докладчики? — указывая на солдат, говорит он.— Солдаты расскажут о войне лучше, чем кто-либо.

И действительно, кому еще была так ненавистна империалистическая бойня, как не тем, кто испил до дна ее горькую чашу в окопах!

...Разгромив 5 июля семнадцатого года редакцию «Правды» и типографию, в которой печаталась газета, Временное правительство было убеждено, что ему удалось задушить голос большевиков. Но на другой день вышел «Листок «Правды»», в котором и содержались пять ленинских статей, написанных Владимиром Ильичем в квартире Сулимовых. Где и как его удалось напечатать?

Найти ответ на этот вопрос поможет нам адрес, записанный в

ленинской книжке вслед за фамилией Сулимова. Вот он: «Типография *«Труд»*. Кавалергардская. 40.

4. 8. 34. *41. 87* (или 77?)».

Весна 1917 года. Масштабы печатной пропаганды партии растут не по дням, а по часам. Две ежедневные большевистские газеты в одном Питере. Не успевает с исполнением заказов партийное издательство «Прибой». Они приходят сюда со всех уголков России. Спрашивают книги и брошюры Маркса, Энгельса, Ленина, просят выслать сборники стихов и басен Демьяна Бедного. Требуют песни, зовущие в последний и решительный бой с капиталом.

Много новых подписчиков и почитателей приобрели журналы «Вопросы страхования» и «Работница». И при всем этом у партии не было еще своей собственной типографии. Создание ее стало неотложной задачей дня.

Сведущие партийные товарищи присмотрели подходящую полиграфическую базу на Кавалергардской, 40. Ее можно было приобрести у Петроградского товарищества печатного и издательского дела «Труд». Хозяева продавали типографию за 150 тысяч рублей.

Одну половину требуемой суммы партия могла покрыть из своих средств. За другой было решено обратиться к тем, для кого правдивое большевистское слово стало насущной потребностью. И стоило бросить со страниц «Правды» клич к рабочим, солдатам, матросам, как трудовые копейки буквально в несколько дней сложились в десятки тысяч рублей, которых не хватало, чтобы расплатиться с акционерами. Так партия получила свою собственную типографию.

Общая же стоимость типографии вместе со вновь приобретенным оборудованием составила около 250 тысяч рублей[89].

Если вам придется перелистывать комплекты «Правды» за семнадцатый год, непременно задержите свое внимание на 65-м номере газеты, вышедшем 7 июня (25 мая по старому стилю). Здесь вы найдете очень характерное обращение «От партийной типографии», адресованное полиграфистам.

«Начинает действовать типография Центрального Комитета нашей партии,— говорилось в этом обращении.— Нужны работники на платные должности... На службе у нашей партии должны быть только люди, преданные делу пролетариата. Предлагаем всем товарищам — наборщикам (ручным и машинным), печатникам, конторщикам и конторщицам, корректорам и т. д., желающим променять работу на службу у пролетариата, сообщить свои адреса, указывать свою профессию, специальность, размер жела-

тельного заработка по адресу: Типография ЦК РСД Партии. Кавалергардская, 40»[90].

Итак, начало июня (конец мая по старому стилю) — вот время появления у партии еще одного важнейшего опорного пункта на идеологическом участке работы. Не тогда ли его координаты появились в записной книжке Ленина?

Такая возможность не исключена. Партия перебазировала сюда печатание «Солдатской правды», разнообразной партийной литературы. Открытым по-прежнему оставался лишь вопрос о том, как печатать «Правду». Ей нужна была мощная газетная ротация.

Купить машину, представляющую собой по тому времени последнее слово техники, удается в Финляндии.

Тут мы предоставим слово Александру Васильевичу Шотману, подоспевшему к тому времени в Петроград из Томска, где его застала Февральская революция.

«На второй или третий день по приезде в Петроград я встретился с Владимиром Ильичем в помещении нашей типографии на Кавалергардской улице,— рассказывает он.— В этой типографии в это время монтировалась ротационная типографская машина, купленная нашей партией у Финской социал-демократической партии. Владимир Ильич интересовался монтажом этой машины и очень торопил ведавших этим делом товарищей во главе с К. М. Шведчиковым. Вспомнив, что я механик, Владимир Ильич предложил и мне заняться этим делом»[91].

Одна из комнат типографии «Труд», видимо, была специально приспособлена для встреч и совещаний руководящих партийных работников,— такое впечатление, по крайней мере, осталось у Шотмана, Александр Васильевич запомнил, что в день его первого посещения типографии он увидел Ленина среди группы членов Центрального Комитета партии, которых он знал лично.

«Владимир Ильич был в хорошем настроении, много шутил и весело смеялся над шутками других,— вспоминал Шотман.— Очень весело смеялся моей шутке, когда я, дотрагиваясь до его несколько потертого пиджака, с серьезным видом сказал, что, как мне помнится, Владимир Ильич был в этом костюме на II съезде партии...»[92].

Теперь мы знаем, что газетная ротация для «Правды» монтировалась на глазах у Ленина. Ему не терпелось увидеть ее в строю, на полном ходу.

Справлять бы «Правде» новоселье в партийной типографии, да тут разразились июльские события, прервавшие мирный ход революции. Распоясавшиеся временщики обагрили улицы и пло-

щади Петрограда кровью участников мирной демонстрации. Типографии «Труд» предстояло принять боевое крещение...

Это в ее стенах и был напечатан легендарный «Листок «Правды»». Смертью героя пал от рук палачей Керенского за распространение газеты рабочий корреспондент Иван Воинов.

Тяжелые удары обрушило Временное правительство на типографию «Труд», рассчитывая расправиться с ней раз и навсегда. Здесь действовали громилы, набившие себе руку на подобных делах. С ротаций они сняли ремни — добыча могла пойти на подошвы, машины пустили на задний ход. Зубья у шестерен были сломаны.

Подробности этой «демократической» акции Временного правительства осветила позже газета «Рабочий и солдат».

«Типография бездействует,— писала она.— Убытки колоссальные. Много десятков тысяч рабочих денег пропало. Над детищем петербургского пролетариата надругалась шайка бандитов».

«Приближался выход первого номера газеты «Пролетарий»,— вспоминал о днях восстановления «Труда» Б. З. Шумяцкий.— Все работавшие в типографии и я, представлявший в своем лице походную редакцию этой газеты, хотели устроить ЦК подарок — выпустить газету не в малом формате, как выпускалась до разгрома «Правда», а в формате «большой» газеты, благо запас рулонной бумаги в типографии имелся значительный. Прибывший незадолго до этого вместе с финляндским монтером Шотман какими-то героическими усилиями и при значительной помощи рабочих петроградских машиностроительных заводов вчерне уже отремонтировал одну из наших ротаций» [93].

Но вот, наконец, типография оправилась от тяжелых ран, нанесенных ей карателями Временного правительства. 13 августа в ее стенах был впервые отпечатан «Пролетарий». Центральный орган партии продолжал жить («Рабочий и солдат» был закрыт душителями правдивого большевистского слова).

Страницы «Пролетария» дышали неукротимым ленинским духом, непоколебимой верой в торжество грядущей социалистической революции.

Приходили ленинские материалы из Разлива, а затем из Финляндии, где Ленин находился в подполье, к Марии Ильиничне Ульяновой. От нее они попадали в редакцию «Пролетария» и в типографию «Труд».

Еще одному, на этот раз последнему нападению контрреволюции детище петербургского пролетариата подверглось в часы предсмертной агонии Временного правительства. Это произошло рано утром 24 октября.

Печатался «Рабочий путь» — Центральный орган нашей партии. Часть тиража была уже готова. В этот момент отряд юнкеров ворвался в типографию. Разговор был коротким: командующий Петроградским военным округом предписал закрыть газету «Рабочий путь» и типографию «Труд», в которой она печаталась. Вот распоряжение...

Да, мандат был составлен по всем правилам. Но дежурный редактор заявил, что признает только приказы Военно-революционного комитета. Его дружно поддержали и рабочие.

Приостановить печатание «Рабочего пути» прислужникам буржуазии удалось лишь грубой силой. Они испортили стереотипы, изрубили матрицы. На изготовленную часть тиража газеты был наложен арест. Помещение типографии опечатали и у входа в нее выставили охрану.

Центральный Комитет партии собрался на экстренное заседание. «Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного № газеты» [94],— гласило принятое решение. Проведение его в жизнь было возложено на Военно-революционный комитет.

И вот уже на Кавалергардскую, 40 следуют солдаты Литовского полка. Они гонят прочь стражников Временного правительства. Типография «Труд» вновь открыта. Печатание «Рабочего пути» продолжается.

ЛЕНИНСКАЯ ДАЛЬНОВИДНОСТЬ

Нам уже приходилось, рассказывая о людях, упоминаемых в записной книжке Ленина, называть и *М. А. Савельева.* Это был один из старейших партийных литераторов: редактировал журнал «Просвещение», входил в состав редакции «Правды». Ленин высоко ценил деятельность этого правдиста.

Кроме «позывных» Савельева в Союзе городов в записной книжке можно найти и его домашний адрес. Максимилиан Александрович мог понадобиться Ленину и во внеурочные часы. Да и жили они в одном районе — на Петроградской стороне. Случалось и возвращаться домой вместе...

«Я помню, что уже очень скоро после приезда Владимира Ильича обстановка так накалилась, страсти политические настолько разгорались, что мы стали бояться всякого рода эксцессов и никогда не отпускали Владимира Ильича одного,— вспоминал Савельев.— Помню, как мне пришлось один раз — он засиделся очень поздно в «Правде» — провожать его на Петроградскую сторону, на Широкую улицу. Ехать пришлось трамваем».

Во второй половине мая Ленин отправил письмо одному из членов Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольм. «Извините, что пишу редко: некогда чертовски» [95],— писал Владимир Ильич.

Колоссальная нагрузка, которую нес вождь партии, начала резко сказываться на состоянии его здоровья. «По болезни я не мог следить последние дни за телеграммами...— писал он тому же адресату в середине июня.— Извините за краткость: болен» [96].

Уступая настояниям близких и товарищей, тревожившихся за состояние его здоровья, Владимир Ильич согласился наконец провести несколько дней на лоне природы.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Июнь был уже на исходе, когда Владимир Ильич собрался в дорогу.

«...Часов в пять вечера, смотрю и прямо не верю глазам своим, помню, даже как-то растерялся,— вспоминает Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, живший летом с семьей на даче в деревне Нейвола около станции Мустамяки (ныне Рощинский район Ленинградской области),— шествует прямо на балкон по лестничке Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной всех остальных. За ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и тут же Мария Ильинична. Демьян, шутя и каламбуря, заразительно смеясь и радуясь, кричал:

— Вот вам какого гостя веду... Нет, Вера Михайловна, как вам угодно, а по этой причине без лекарства я не уйду... У меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю, пожалуйте капелек...

— Это что за капли такие заведены здесь для умирающего Демьяна Бедного,— весело и приветливо заговорил Владимир Ильич, здороваясь с бросившейся ему навстречу Верой Михайловной *.

Оказалось, что Владимир Ильич вдруг решил поехать отдохнуть и с вокзала направился, по конспиративной привычке, не прямо туда, где предполагал жить, а на извозчике к Демьяну Бедному, и уж от Демьяна, когда уехал извозчик, пешком ко мне за полторы версты» [97].

Владимир Ильич чувствует себя здесь превосходно. Дышит чистым воздухом, отдыхает на берегу большого озера, подолгу купается. Проводит время за книжными новинками. Его можно за-

* Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич) — испытанная коммунистка, жена Владимира Дмитриевича.

стать и за чтением романа на английском языке. Интересуется и агротехникой ведения домашнего огорода Бонч-Бруевичами.

В Ленинградском филиале Центрального музея В. И. Ленина мне показали рукопись воспоминаний Михаила Фридриховича Ленгника — сына известного революционера, члена большевистской партии с 1898 года, принимавшего участие в организации ленинской «Искры». Воспоминания эти воскрешают один из эпизодов отдыха Владимира Ильича на даче Бонч-Бруевичей в деревне Нейвола летом семнадцатого года.

Интересна и сама история появления этих мемуаров в музее. Обратив внимание на московский адрес Михаила Фридриховича, я решил побывать у него, прежде чем воспроизвести в выдержках его воспоминания в этой книге.

Получил согласие автора. Посетил его.

— Приехав в Ленинград, пришел вместе со своими спутниками в Ленинградский филиал Центрального музея Владимира Ильича,— рассказывает Михаил Фридрихович.— Посмотрел все места, связанные с пребыванием Владимира Ильича.

Обратил внимание: показывают Париж, Прагу, Лондон... Это далеко, а Мустамяки рядом, и никакого намека на то, что здесь был Ленин.

Беседую на эту тему с директором Ленинградского филиала музея Владимира Ильича Ленина Петром Ерофеевичем Никитиным.

— Может быть, вы объясните, почему у вас нет такой экспозиции?

— По этому вопросу материалов нет,— отвечает он.— Год назад приезжала из Москвы дочь Бонч-Бруевича — Елена Владимировна, мы вместе отыскивали след. С большим трудом нашли то место, где была дача Бонч-Бруевича. Поэтому, какую же тут экспозицию сделаешь...

— А почему вы об этом спрашиваете? — в свою очередь поинтересовался у экскурсанта директор музея.

— Мы хотим туда проехать. Через несколько десятков лет, может быть, многое там изменилось, но очень интересно.

— Поедемте вместе,— загорелся Никитин.

Собрались в дорогу. Прибыли.

— Вот это место. Узнаете его? — спрашивает Никитин.

Я стал смотреть, припоминать. Там была довольно высокая гора. Подростком зимой катался я в тех местах на лыжах.

Посмотрел на пригорок в центре деревни Нейвола — от дачи Фальковского тогда шла дорога. Осмотрелся и говорю:

— Да, совершенно точно. Теперь я могу вам рассказать, как

мы с Владимиром Ильичем шли на озеро.— Я взял прутик и нарисовал на земле, как должна идти дорога к озеру.

— Теперь пойдемте проверим, правильно ли это,— предложил я. Как было нарисовано, так мы и прошли до самого озера. Я примерно показал, где была наша лодка, где купались...

Нашли мы и бренные остатки бывшей дачи Бонч-Бруевича — гранитные камни фундамента. А все же память об этом месте, где проводил свой короткий отдых Ленин, безмерно дорога. И Никитин меня попросил, чтобы, подумав, я написал...

Теперь, с разрешения Михаила Фридриховича, можно процитировать его воспоминания.

«Вспомнилось мне, как в 1917 году, кажется в конце июня, я, как это бывало часто в то время, пришел на дачу Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Меня удивила какая-то необычная суетливость хозяев. В доме был какой-то новый гость.

Я подошел к застекленной террасе и увидел там группу людей, сидящих за столом. Внимание всех было приковано к одному человеку, которого я раньше не видел. Я заметил, что этот новый гость действительно держал внимание всех присутствующих. Он что-то говорил, все слушали его с огромным интересом. Но кто это был?

Я пошел обратно и стал допытываться, кто же такой новый гость. Кто этот подвижный, с такой большой лысиной человек.

Мне вначале не хотели говорить (конспирация), но вскоре я узнал, что это был Владимир Ильич Ленин.

Меня предупреждают, чтобы я никому не говорил о том, кто приехал сюда, ведь сколько меньшевиков и других врагов живут в Мустамяках.

Вскоре я увидел Владимира Ильича, когда он вышел во двор.

Демьян Бедный (Е. А. Придворов) уговорил Владимира Ильича сыграть с ним в шашки.

...Играющие расселись здесь же у дома. Кто-то принес три табуретки, и вот Владимир Ильич сидит на одной, на другой — огромный рыжеватый Демьян Бедный, а между ними на третьей табуретке — шашечная доска с шашками.

Игра началась. Вокруг стояли немногочисленные зрители и с интересом наблюдали за ходом игры.

Демьян играл с подъемом, горя ненасытным желанием обязательно обыграть Владимира Ильича. Он делал тонкие, замысловатые ходы, а Владимир Ильич, чуть-чуть улыбаясь, приговаривал на каждый такой хитрый ход Демьяна Бедного:

«Да, а баснописец-то хитер!»

Быстрые, скоротечные шашечные боевые схватки проходили

одна за другой, а Демьяну Бедному так и не удалось обыграть Владимира Ильича.

Владимир Ильич выразил желание где-либо покупаться и поплавать. Не знаю, откуда я набрался храбрости, но я сразу же ответил, что здесь есть не особенно далеко хорошее, большое озеро, что там у нас есть и лодка и я могу проводить Владимира Ильича.

Он спросил, кто я и как меня звать. Кто-то сказал, что я сын Ф. В. Ленгника, и Владимир Ильич дружески со мной поздоровался. Мне в то время шел четырнадцатый год.

Вот мы и пошли с Владимиром Ильичем на озеро. По пути зашли на дачу, где мы жили. Отца не было, а мать моя сидела во дворе на табуретке и чем-то занималась по хозяйству. Увидев, что со мной идет Владимир Ильич, она даже растерялась, так как было слишком неожиданно увидеть Владимира Ильича в Мустамяках. Мы пошли дальше.

...Вот мы с Владимиром Ильичем и на озере. Быстро разделись, и я собираюсь показать свое мастерство плавания и ныряния. Но Владимир Ильич сразу нырнул и вынырнул где-то далеко впереди. Потом поплыл дальше. Где уж было угнаться мне за ним.

Я видел, как его крепкое, ладно скроенное тело плавно переворачивалось с боку на бок, а ладоши прихлопывали поверху воды при движении «саженками». Вот где сказался настоящий волжанин.

После купания мы сели в лодку. Когда находились недалеко от середины озера, поднялся ветерок, стало прохладнее, и мы решили возвратиться обратно. Помню, я старался грести как можно лучше. Я резко заносил весла назад над самой водой, и они, ударяясь о небольшие волны, появившиеся уже на озере, разбрызгивали воду, а мелкие водяные брызги обдавали Владимира Ильича, сидевшего сзади и тоже гребущего вместе со мной (мы плыли в две пары весел).

Владимир Ильич притворно сердитым голосом ворчал на меня.

Закончилось наше с Владимиром Ильичем пребывание на озере. Довольные купанием и катанием на лодке мы вернулись обратно» *.

Так, благодаря уточнениям дочери Бонч-Бруевича Елены Владимировны и сына Ленгника Михаила Фридриховича «открылось» еще одно место, связанное с пребыванием Владимира Ильича Ленина.

* Из фондов Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

У автора этих мемуаров Михаила Фридриховича Ленгника я узнал, что вместе с Еленой Владимировной Бонч-Бруевич они набросали эскиз дачи в Нейвола. По нему специалисты должны были изготовить макет еще одного мемориального ленинского места под Ленинградом.

...Только Владимир Ильич стал набираться тем летом семнадцатого года свежих сил, как из Питера неожиданно прибыл близкий товарищ. Тревожный сигнал...

«В июльские дни меня послали за Владимиром Ильичем, который страшно переутомился и на несколько дней поехал на станцию Райвола * по Финляндской дороге, где была дача Бонч-Бруевича,— вспоминал М. А. Савельев.— Во втором часу ночи я поехал туда. Пока добрался, было утро.

Разбудил Ильича. Помню, как он встрепенулся, как он затем забеспокоился, что без него могут сделать какие-нибудь неверные шаги. Помню, в семь утра мы уже двинулись обратно, в Петроград» [98].

Самым тесным образом был связан Савельев с Лениным и в решающие моменты социалистической революции.

«В Октябре сказалась дальновидность Владимира Ильича, его умение смотреть вглубь, в корень, предугадать чуть ли не на месяц, на два вперед, как будут развиваться события, и давать гениальные директивы,— подчеркивал Савельев.— Владимир Ильич убедил и сплотил всю ленинскую гвардию, добился единодушия и в угрожающих внешних условиях сумел повести партию в самый ответственный момент по правильному пути».

Прямое отношение Савельев имел и к организации штаба по руководству народным хозяйством, который создавался по предложению петроградских фабзавкомов.

«Сим удостоверяется, что товарищ Максимилиан Александрович Савельев уполномочивается вести работы по организации Высшего экономического совещания и потому имеет право на получение из всех учреждений, как общественных, так и правительственных, справок, материалов и документов по вопросам народного хозяйства и мер к его организации»,— говорится в удостоверении, подписанном Лениным 11 ноября 1917 года.

Позднее на базе этой организации был создан Высший совет народного хозяйства.

---

* Не Райвола, а Мустамяки.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Партия не знала недостатка в людях, готовых даже ценой собственной жизни уберечь Ленина, спасти от расправы, которую готовило Временное правительство. Самым верным, самым надежным из них поручила она укрыть Владимира Ильича в глубоком подполье.

В ленинской записной книжке есть имена тех, кто активно участвовал в этом деле.

Среди них Николай Гурьевич *Полетаев,* бывший член большевистской фракции III Государственной думы. Он встречался с Лениным еще в начале 1912 года в Лейпциге, вернулся в Петроград с его исчерпывающими указаниями о постановке ежедневной легальной массовой газеты партии и стал первым издателем «Правды».

Незадолго до выхода «Правды» ее предшественница «Звезда» стала называться «Невской звездой», сделалась, так сказать, «большой сестрой» новорожденной газеты. Полетаев отечески опекал родных «сестер». Потом «Невская звезда» прекратила свое существование. Как-то остыло сердце Полетаева и к «Правде».

«...Скажу, что Ваше отсутствие очень и очень горестно,— писал Ленин Полетаеву в феврале 1913 года.— Не скрою от Вас, что постановку этого дела Вами я считаю исторической заслугой, а закрытие Вами «большой сестры» и Ваше «полуотсутствие» летом считаю великой ошибкой» [99].

Упрек Ленина Полетаев воспринял правильно и с новой энергией принялся за работу.

Сын Полетаева — Михаил Николаевич, инженер-энергетик — жил в Москве. От него я узнал некоторые подробности, связанные с квартирой его покойного отца, адрес которой записал Ленин.

Был Владимир Ильич у Полетаевых по меньшей мере дважды. Впервые это произошло вечером 9 мая 1917 года. Справляли день рождения главы семьи. Стол был накрыт по-праздничному. Хозяйка дома, Анастасия Степановна, по такому торжественному случаю блеснула своим кулинарным мастерством.

Владимир Ильич, неимоверно усталый, забежал ненадолго.

— Ох, какая же у вас тут роскошная жизнь идет,— присев к столу, сказал он.— Даже не поверишь, что война... Мы и в Швейцарии такого не видели.

Михаил Николаевич отчетливо запомнил, что голос у Владимира Ильича в тот вечер был хриплый. И не удивительно: после

Апрельской конференции Ленину приходилось часто выступать на собраниях и митингах.

...Шло время. 5 июля Владимиру Ильичу, преследуемому агентами Керенского, пришлось покинуть квартиру сестры и уйти в подполье. Утром следующего дня Полетаев отправил сына по неотложному делу к Николаю Ильичу Подвойскому. Юноша вернулся с сообщением, что вечером Ленин переберется к Полетаевым. Потянулись часы напряженного ожидания.

Сумерки уже окутали город, когда у дома № 33 по Мытнинской остановилась машина. Из нее вышел Ленин.

Вечер он провел в оживленном разговоре с Николаем Гурьевичем. За чаем шутил, высмеивал борзописцев из продажных газет, объявивших большевиков германскими шпионами.

— Я жадно прислушивался,— рассказывал Михаил Николаевич.— Но отец не любил, чтобы ребята крутились рядом. «Ты, Миша, ступай. Когда нужно будет, я позову»,— сказал он.

Утром Миша действительно понадобился. Владимир Ильич попросил его сбегать за свежими газетами — купить, какие только есть.

Квартира Полетаевых не была достаточно хорошо изолирована. Более безопасной оказалась квартира Аллилуевых на 10-й Рождественской улице. Туда и переехал Ленин тем же утром 7 июля. Михаил Полетаев и здесь оставался «связным» Владимира Ильича.

Поручения доставались ему различные. Но особенно интересовало Ленина, что происходит на улицах Петрограда, взбудораженного последними событиями, как воспринимает народ антибольшевистскую авантюру господ керенских.

— Молодой товарищ, походите, послушайте, что толкует публика,— просил Владимир Ильич.

И едва Михаил возвращался из города, как Владимир Ильич буквально забрасывал его вопросами. Расспрашивал он самым досконадьным образом. Когда Миша рассказывал о тех, кто не верил гнусной клевете на Ленина, Ильич выяснял, каков их внешний облик, одежда.

— Это рабочие,— удовлетворенно констатировал он и просил: — Еще походите, вы такой ловкий парень... Вы просто слушайте, что говорят, но ни в какие комментарии не вдавайтесь.

А тем временем свирепствуют вовсю на квартире Елизаровых, где жил Ленин, контрреволюционные молодчики. Днем и ночью. Обыск за обыском!

«Лебединая песня Ленина»,— озаглавливает описание одного из них «Живое слово», специализирующееся на погромной травле большевиков: «...все выходы и входы из дома перекрыты, вокруг

расставлены военные патрули. В двери квартиры Елизаровых стучат кулаками». «Атмосфера была сгущенная»,— злорадствует репортер.

«...Явилось около 50 человек солдат и офицеров...» [100],— сообщает одну из подробностей очередного обыска тот же листок.

Находиться в Петрограде, хотя бы и в глубоком подполье, Владимиру Ильичу больше было нельзя.

...Следующий этап ленинского подполья — Разлив. Николай Александрович Емельянов, рабочий Сестрорецкого оружейного завода, прячет Ильича сначала на чердаке сарая в своем дворе, потом находит более безопасное место — шалаш на болотистых лугах, вблизи озера. Из Разлива Ленин не только идейно, но и организационно руководил подготовкой к VI съезду РСДРП(б) и работой съезда.

Враги решили, что теперь они не оплошают, не упустят момент для ареста Ленина. Судили, рядили, как бы это половчей сработать, и додумались. А до чего — об этом проболталась на четвертый день работы съезда газета меньшевиков-ликвидаторов «День». Она опубликовала следующую заметку о поисках Владимира Ильича Ленина.

«Судебные власти и прокурорский надзор обратили внимание, что на съезде большевистских организаций было заявлено о нахождении Ленина в Петрограде и на то, что в вышедшем 28 июля номере петроградской газеты «Солдат и рабочий» появилась... большая статья, являющаяся ответом на обвинения большевиков в организации событий 3—5 июля.

Передают, будто лица, ведущие расследование по поводу событий 3—5 июля, намерены запросить участников большевистского съезда о месте нахождения Ленина и, в случае отказа указать, где он находится, возбудить против участников съезда обвинение в укрывательстве» [101].

Чего захотели блюдолизы буржуазии! Лишний раз показали, на что они способны.

Но пришло время, когда Владимиру Ильичу надо было опять — уже в который раз! — менять свою «квартиру». Было решено, что на время Ленину следует перебраться в Финляндию. Кому же партия доверила эту исключительно сложную и опасную экспедицию? И тут мы опять заглянем в алфавитную книжку Владимира Ильича.

Шотман: Алекс. Вас. [Николаевская, 9, кв. 21...]

Вряд ли кто-либо мог его охарактеризовать лучше и лаконичнее, чем это сделал сам Ленин: «Податель — тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия»,— писал Владимир Ильич полгода спустя после установления Советской власти. Очень характерен ленинский постскриптум: «Это письмо должно служить *пропуском* товарищу Шотману».

Он был одним из участников славной Обуховской обороны 1901 года. Когда обуховцы, собравшиеся на заводском дворе, выдвинули требование убрать с предприятия одного из наиболее глумившихся над ними мастеров, помощник начальника заявил:

— Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров.

— Не только министров, но и самого царя потребуем уволить,— послышался в ответ голос Шотмана, громкий, смелый, уверенный.

Прежде чем продолжить рассказ о товарище, которого так высоко ценил Ленин, познакомимся еще с одним старым партийцем, чье имя тоже названо в записной книжке. Дело, порученное партией, тесно связало их.

«Лещенко Дм. Ил.»,— записывает Владимир Ильич и добавляет адрес: «Лахтинская, 25/20, кв. 17» — и номер домашнего телефона.

Д. И. Лещенко посвящено несколько строк в воспоминаниях Н. К. Крупской. Надежда Константиновна называет его старым партийным товарищем, рассказывает, что он был секретарем большевистских газет в годы первой русской революции. На квартире Лещенко в мае — июне 1906 года Ленину приходилось иногда трудиться над подготовкой отдельных номеров газет «Волна», «Вперед», «Эхо», совещаться с партийными журналистами.

Хозяин квартиры Дмитрий Ильич располагал солидной библиотекой. Особое пристрастие питал он к книгам, рассказывающим о выдающихся мастерах кисти разных стран мира. Заинтересовался ими и Ленин.

«Какая увлекательная область история искусства,— сказал Владимир Ильич Луначарскому, находясь под свежим впечатлением от библиотеки Лещенко.— Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством» [102].

Ограничимся пока этими беглыми деталями, относящимися к знакомству Ленина с Дмитрием Ильичом Лещенко, и вернемся к

адресу Шотмана в алфавите Ленина. Рядом с адресом Владимир Ильич сделал пометку: «до 3.VII». Пометка объясняется, видимо, тем, что позже Шотман по командировке Центрального Комитета партии уехал в Гельсингфорс, чтобы ознакомить моряков с политической обстановкой в Петрограде.

Когда Александр Васильевич вернулся обратно, ему сразу пришлось заняться приготовлениями к переезду Ленина из Разлива в Финляндию.

Из нескольких предложенных вариантов остановиться надо было на одном, предварительно проверив его надежность. Благодаря находчивости Николая Александровича Емельянова Ленин получил пропускной билет на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова. Понадобился парик. Купить его у парикмахеров, запуганных охранкой, без документа было нельзя. Но Шотман нашелся. Он обзавелся нужной бумагой в театральном кружке финских железнодорожников с Выборгской стороны и в парикмахерской на Бассейной улице достал сразу два парика. Узнать Ленина, после того как он надел парик, сбрил усы и бороду, могли с трудом даже те, кто был посвящен в тайну этого перевоплощения. Теперь дело было за небольшим: в документе Константина Петровича Иванова не хватало фотокарточки.

На Выборгской стороне работал в те дни VI съезд партии. Дмитрий Ильич Лещенко был одним из секретарей съезда. Перед началом одного вечернего заседания к нему подошел Шотман.

— Вы можете сейчас же поехать и сфотографировать Владимира Ильича? — спросил Александр Васильевич.

— Конечно, могу, надо только захватить аппарат. Но ведь скоро стемнеет! А куда надо ехать?

— По направлению к Сестрорецку. Поедем вместе.

И вот поздно вечером, услышав вблизи шалаша шаги, Владимир Ильич выходит навстречу приближающимся людям. Один из них — сын Емельянова, другой — Дмитрий Ильич Лещенко.

— Уж вы извините, пожалуйста, что у нас нет никаких культурных приспособлений для сидения, вроде стульев,— пошутил Владимир Ильич, радушно встречая старого товарища.

Не спали всю ночь. Лещенко рассказал Ленину, как за несколько дней до этой встречи к нему на квартиру ночью нагрянули молодчики Керенского. Арестовали его «жильца» — Луначарского, учинили обыск, напоминавший скорее погром.

...Чуть забрезжил рассвет, Владимир Ильич стал торопить Лещенко с фотосъемкой и отъездом. Приспособиться Дмитрию Ильичу удалось не сразу. Вокруг не было даже камня. Найти удобную позицию помог фотографу сам Владимир Ильич.

— Если я стану на колени, мое лицо будет находиться как раз на уровне объектива,— сказал он Лещенко.

А вскоре появилась на свет та фотокарточка, которой не хватало в пропускном билете Константина Петровича Иванова...

Шотман — главный организатор переезда Ленина из Разлива в Финляндию — смог головой поручиться за благополучный исход всего предприятия, как только ему пришла счастливая мысль опереться на Эйно Рахью. Что же собой представлял новый помощник Шотмана?

«Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый, надежнейший партийный товарищ, *полнейшего* доверия»,— говорится в документе, подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров летом восемнадцатого года. Имя этого «старого, надежнейшего партийного товарища» тоже имеется в записной книжке Владимира Ильича.

Какие же события, обстоятельства особенно сблизили их — вождя революции и одного из бойцов партийной гвардии?

Впервые Эйно Рахья увидел Ленина в 1905 году, на I конференции РСДРП в Таммерфорсе.

После Февральской революции он стал помощником начальника финской красной милиции в Петрограде. Радиусом ее действий был район Финляндского вокзала. Здесь и застала Эйно Рахью весть о предстоящем приезде Ленина.

«За некоторое время до прихода поезда с Ильичем нам дали знать, чтобы мы со своей милицией приняли необходимые меры к охране нашего вождя от возможных на него политических покушений,— вспоминал он.— Конечно, мы сделали все, что надо было сделать, но нашу заботливость во много раз перекрыл петроградский пролетариат» [103].

Однажды — это было недели две спустя после возвращения Владимира Ильича на родину — Эйно Рахья узнал, что контрреволюционная свора идет черносотенным походом на типографию «Правды». «Я,— пишет он,— тотчас же приказал своим ребятам забрать винтовки, насыпать в карманы патронов, и мы бегом помчались через Литейный мост в Волынский переулок, где помещалась редакция «Правды»».

Рабочие типографии, успевшие уже узнать о диверсии, к которой готовятся громилы, обрадовались появлению красногвардейцев. Командир отряда выставил надежные прикрытия, а группу бойцов послал в разведку на соседние улицы. Затем Эйно стал обходить здание типографии. Его внимание привлекла ротационная машина, которая то и дело останавливалась.

Рахья подошел к печатнику, поинтересовался причинами перебоев. Тот сослался на поломку болта. А почему бы его не сменить? Где там! Пришлось бы, дескать, провозиться до самого утра.

Рахья взял инструмент, сменил болт, и ротационка заработала.

Через некоторое время ему сообщили о новой поломке машины. «Я,— вспоминает Рахья,— опять спустился к машинисту и опять спрашиваю: — «В чем дело?» — «Смазки,— говорит,— нет, поэтому надо машину остудить». У меня в кармане был револьвер «кольт». Я его вынул, подошел к саботажнику и говорю: «Я вот тебя смажу этой штукой, так у тебя живо машина пойдет». Старик побледнел, засуетился и ротационка загудела... «Смотри,— говорю,— чтобы машина не останавливалась, не то я приду и тогда уж обязательно «смажу»». После этого все пошло, как по маслу».

«...Утром в редакцию пришел Владимир Ильич и полюбопытствовал, сколько в эту ночь вышло экземпляров газеты,— вспоминал Эйно Рахья.— Ему ответили, что 6 тысяч, но что, мол, печатанье еще продолжается. «Как же это так? Почему до сих пор печатали 500—600 экземпляров в ночь, а теперь сразу прыгнули до 6 тысяч?» Кто-то ответил ему, что машина потому сейчас так хорошо работает, что ее «смазал» Рахья. И тут же рассказали, как я «разговаривал» с машинистом. Владимир Ильич засмеялся — остался очень доволен. «Такие смазчики,— говорил он,— нам нужны, при них работа уж наверное хорошо пойдет...»»

Вот какого рода партнера подобрал себе Шотман для осуществления нелегального переезда Ленина из Разлива в Финляндию...

В поисках наиболее безопасного пути для переезда Ленина из Разлива в Финляндию Шотман и Рахья решили «прощупать» границу. Им как финским гражданам удалось выхлопотать себе в генеральном штабе Керенского специальные разрешения для беспрепятственного перехода границы «туда и обратно». Но, столкнувшись лицом к лицу с пограничниками, Шотман и Рахья пришли к выводу, что их не проведешь. Тогда и родилась идея, которую, в конечном счете, удалось осуществить: от шалаша Владимир Ильич, сопровождаемый товарищами, вначале доберется до квартиры рабочего завода «Айваз» Эмиля Георгиевича Кальске, переночует здесь, а на следующий вечер, когда состав, идущий в Финляндию, придет на станцию Удельная, Владимир Ильич поднимется в будку паровоза как кочегар и таким образом пересечет границу.

Близ станции Териоки ему подготовили первое надежное убежище.

...Летом по субботам Эйно Рахья вместе с женой Лидией Пет-

ровной Парвиайнен обычно уезжал на весь воскресный день погостить к ее родителям в финскую деревушку Ялкала, расположенную в нескольких километрах от станции Териоки.

— Лида, поговори с родителями,— попросил Шотман в одну из таких суббот,— мог бы Ильич побыть несколько дней у них?

Петр Федорович Парвиайнен сразу согласился.

— А нельзя ли ему отдельную комнату? — уточнила Лидия Петровна.— Ведь он писатель.

— Поместим в пристройке. Отнесем туда стол, стул, кровать. Пусть пишет сколько ему надо...

Нерешенным оставался лишь один вопрос. Эмиль Георгиевич Кальске работал в ночной смене. Жена его была прикована туберкулезом к постели. Кто же откроет Ленину двери?

Выход из положения был найден и здесь. Эмиль Георгиевич и Петр Федорович Парвиайнен были двоюродными братьями. Раньше и отец Лидии Петровны работал литейщиком на том же заводе «Айваз». Лидии Петровне вполне удобно было несколько дней побыть у родственников. Ей и было поручено дежурство в квартире Кальске.

...Он явился лишь на третью ночь тревожного и беспокойного ожидания. Все, казалось, было предусмотрено, обговорено, учтено. И все-таки в пути не обошлось без происшествий и треволнений. От шалаша к железной дороге Владимира Ильича и его спутников вел за собой Емельянов. В потемках он сбился с дороги: направлялись на Левашево, а вышли к станции Дибуны. Юнкерский патруль остановил Емельянова и стал проверять у него документы. Ленин и Рахья спрятались за железнодорожным полотном. Емельянов отвлек патруль на себя — юнкера задержали его и увели. К Кальске Ленин добрался вдвоем с Рахьей. Александр Шотман, также сопровождавший Владимира Ильича, в результате происшествия на станции Дибуны попал на квартиру Кальске в Удельной лишь поздно ночью.

Выглядел Владимир Ильич очень усталым. Ботинки его насквозь промокли в топях.

— Константин Петрович, я дам вам чистые носки и туфли хозяина,— предложила Лидия Петровна.

Он согласился. От приготовленной же постели Ленин категорически отказался.

Он попросил постелить ему на полу газеты. Не удалось убедить его воспользоваться и подушкой. В изголовье ему положили журналы. Рядом с Лениным расположился и Эйно Рахья.

...Благополучно доехав на паровозе до станции Териоки, Владимир Ильич вышел и в сопровождении своих верных друзей на-

нравился туда, где ждали «писателя Константина Петровича из Петрограда».

Вдова Эйно Рахьи все годы жила в Ленинграде. Мне удалось повидаться с ней и узнать любопытные подробности, относящиеся к тем дням, когда Владимир Ильич гостил в доме Парвиайненов. Держал он себя и здесь с первых минут просто и непосредственно.

Петр Федорович Парвиайнен расспрашивал «писателя из Петрограда», как теперь там живут рабочие.

— Работать очень трудно... Им достается, — ответил гость.

Чем оживленнее становилась беседа и чем пристальнее всматривался в черты лица собеседника Петр Федорович, тем больше убеждался в своей догадке.

— А я ведь знаю, кто вы,— неожиданно сказал он.— Вы Ленин. Но вы не беспокойтесь, здесь никто вас не найдет. Вы — Константин Петрович Иванов.

Владимир Ильич продолжал работу над книгой «Государство и революция», нередко засиживаясь над рукописью до рассвета. А отдыха после бессонных ночей он искал в физическом труде.

— Мне нужно выпрямиться... Ведь еще много надо писать,— объяснил он.

Наступила пора осенней пахоты. Распахивал клочок своей земли вблизи дома и отец Лидии Петровны. Уступая просьбе Владимира Ильича, он как-то дал ему пройти одну борозду.

Лидия Петровна на долгие годы запомнила эту картину. Владимир Ильич идет за сохой, которую волочит лошадь. Соха то глубоко врезается в землю, то делает зигзаги. И заправского пахаря прошибет пот от этакой дьявольской работы! А ведь Владимир Ильич к тому же еще в парике и кепке. Он не может освободиться от этого «наряда», даже когда идет купаться на озеро...

— Вот видите, вы устали,— говорит Ильичу Петр Федорович, когда они встречаются дома после пахоты.

— А вы знаете, у нас так не будет,— отвечает ему Ленин.— У нас будут только машины, только техника.

...Лидия Петровна отвозит Надежде Константиновне в Петроград письма Ленина, записки, доставляет ему из Питера почту.

Приближается время отъезда Владимира Ильича в столицу Финляндии. Приехать за ним должны люди, подобранные Шотманом в Гельсингфорсе.

И вот однажды Лидия Петровна возвращается домой из очередной «командировки» в Петроград. Во дворе ее встречает незнакомый человек с усами и бородой, в золотых очках и синей фетровой шляпе. И вдруг он здоровается с Лидией Петровной. Какой знакомый голос!

— Константин Петрович, это вы?! А я вас совсем не узнала.

— Вот и хорошо... Значит, я могу ехать поездом.

— Да, можете, но вам нельзя разговаривать...

— Да, знаю,— досадливо отвечает Ильич,— мне никогда не дают разговаривать.

Перед тем как покинуть Ялкала, Ленин попросил Лидию Петровну передать Надежде Константиновне от начала до конца исписанную простую школьную тетрадь в клетку.

— Константин Петрович, мне свернуть ее в трубочку или положить в газету?

— Вы же учащаяся. Вот у вас книжка, в книжку кладите тетрадку, записку. Никаких подозрений не будет...

Тетрадь Ленина, переданная Лидией Петровной в Петрограде Крупской, содержала очередные главы «Государства и революции».

А как же удалось Владимиру Ильичу благополучно перебраться из дома родителей Лидии Петровны в Гельсингфорс? Помогли два финских товарища, специально посланные Шотманом. Оба они были актерами-любителями Народного дома в Гельсингфорсе.

Кто бы полнее их мог передать эпизод, в котором так ярко отразились огромная сила воли, выдержка и величие духа Ленина! Однако их воспоминания нигде не публиковались. Неужели же эти финские товарищи никогда ими не делились?

Жена покойного Эйно Рахьи, которую я спросил об этом, достала из ящика письменного стола и протянула мне пакет, полученный ею из Финляндии.

Сначала идут две сопроводительные записки.

«Товарищ Лидия Парвиайнен,— начинается первая.— В Хельсинкском Народном архиве Дома культуры хранятся воспоминания Каарло Куусела о поездке Ленина из Вашего дома в Териоки и оттуда далее до Лахти и Хельсинки в августе 1917 года. Поскольку мы не располагаем никакими данными относительно достоверности этих воспоминаний, поэтому посылаем Вам копию их. Просим Вас помочь нам разобраться в достоверности их, хотя бы в той части, которая касается упомянутых в воспоминаниях событий, имевших место в Вашем доме.

Будем весьма благодарны Вам, если получим Ваше заключение возможно скорее.

С товарищеским приветом!

Народный Архив.
Подлинное подписала
Анна-Лиза Касанен».

Каарло Куусела — вот кто, оказывается, был одним из двух финских актеров-любителей, подобранных Шотманом для «переселения» Ленина из деревушки вблизи Терпок в столицу Финляндии.

Так ли все было, как он рассказывает? Высказать свое мнение об этом просит Лидию Петровну и ее финская подруга Инкери Лехтинен.

«...Надеюсь, что ты как «присутствующая», можешь сказать свое слово, отсюда мы будем иметь возможность установить свое отношение к этому документу»,— пишет она об одном из эпизодов последнего подполья Ленина, описываемом Каарло Куусела.

Инкери Лехтинен высказывает надежду, что все, кто услышат этот рассказ из уст человека, имевшего счастье знать Ленина, «безусловно испытают большую радость».

Пишет Каарло Куусела, когда все еще так свежо в его памяти — всего лишь через год с небольшим после событий.

Мемуары? Рано. Свидетельство очевидца — да. И в чем-то описание это напоминает детективную повесть. Частично это обусловлено и характером конспиративной операции, разработанной Шотманом, операции, в которой театральному реквизиту принадлежит не последнее место.

Подтверждает ли Лидия Петровна то, что связано с появлением в доме ее родителей под Териоками двух финских актеров, ставших и гримерами, и проводниками Ленина из Ялкала в Гельсингфорс? Да, все так и было. Разделяет она и надежду своей финской подруги Инкери Лехтинен в том, что, кто ознакомится с находкой в Народном архиве Дома культуры в Хельсинки, испытает большую радость.

Каким же образом гонцы Шотмана оказались в финской деревушке Ялкала?

> «Однажды, в августе прошлого года, в 10 часов вечера, в весьма возбужденном состоянии в мою квартиру вошла госпожа К.,— пишет Каарло Куусела.— Пригласив ее присесть, я в шутливой форме посоветовал ей успокоиться, предполагая, что она пришла ко мне по каким-то театральным вопросам.
>
> — В чем дело?
>
> — Слушай, имеешь ли желание попасть в Сибирь или в Кресты?
>
> — Нет, я такого желания не имею. Почему ты рекомендуешь мне именно эти места?
>
> — Видишь ли, «они» назначили Густава сегодня вечером поехать в Петроград за «живым чемоданом».

— Кто он?

— Точно не знаю. Я боюсь, что Густава арестуют и отвезут в Сибирь или посадят в Кресты. Ведь он в этих делах неопытен. Кроме того, у Густава такое выражение глаз, что его обязательно в чем-то заподозрят. А ты ведь уже старик с мягким выражением глаз. В тебе никогда не усомнятся. К тому же у тебя нет семьи. Поезжай-ка ты. Ты привык путешествовать и хорошо знаешь каждый уголок Финляндии.

— Разве обязательно провалиться в этом предприятии? Густав поедет со мной помощником, и я убежден, что вместе мы обеспечим удачу. Я привык к тому, что дело, за которое я берусь с настоящей энергией, всегда удается.

— Значит, ты согласен, не так ли?

— Согласен.

Решили все втроем в тот же вечер встретиться в Рабочем Совете. Я находился там с десяток минут, чтобы получить некоторые важные указания от товарища Туркиа. В то же время мне хотелось убедиться, узнает ли он меня, ибо последние десять лет я находился на севере Финляндии. Конечно, узнал, даже точно знал, чем я занимаюсь. Ну, вот и хорошо, подумал я.

Таким образом, в тот же вечер вместе с Густавом на скором поезде мы отправились на Восток. Поездка протекала без каких-либо особенностей. Верно, в пути Густав заподозрил, что два русских офицера следят за нами. Следили ли, не знаю, во всяком случае, в полной безопасности мы сошли с поезда на станции Териоки. Еще в дороге мы договорились с проводницей вагона, что она забронирует за нами одно двухместное купе на обратный путь. Проводница была очень любезна с нами и видно догадывалась о наших намерениях.

Мы пошли позавтракать в гостиницу «Иматра». После завтрака разделили наличные деньги поровну между собой, кроме того, на нашу долю досталась... остальная забота о дальнейших действиях.

Здесь же мы решили, что в случае, если нам будет угрожать какая-либо опасность, то Густав должен удалиться, не признавая меня. На станции нас ждали.

Лошадь оказалась уже запряженной, нам осталось расположиться на телеге и проехать 16 километров по дрянной дороге.

До самого места назначения мы не доехали, остановились

на перекрестке дороги, с которой у нас имелась начерченная карандашом карта. Отпустив лошадь, мы пошли пешком по средней дороге, которая должна была довести нас до места. Но это оказалось не так просто, как мы предполагали, ибо нет-нет и нам встречались все новые дороги. Все же мы дошли до цели.

Но какое разочарование! Никакой шикарной дачи, представляемой нами, не оказалось. Перед нами стояло строение, напоминающее невзрачную избушку.

Весело беседуя, мы направились к строению, где как будто мелькнула у дверей женская фигура. Это позволило нам сделать вывод, что кто-то дома. Мы вошли. И совершенно правильно,— нас встретила женщина средних лет с приветливым, хотя и несколько подозрительным взглядом.

Я спросил:

— Дома ли господин П.?

— Его нет.

— Дома ли госпожа Лидия П.?

— Ее нет.

Это меня сначала несколько озадачило, ибо согласно полученной нами инструкции, в случае непризнания нас, мы обязаны вернуться, бросив всю затею.

Но я решил пренебречь инструкцией и действовать самостоятельно. Угадав во встречавшей нас женщине хозяйку дома, я сказал ей:

— Послушайте, хозяюшка, я честный и миролюбивый человек, я убежден, что мой друг находится в этом доме, и мне необходимо обязательно с ним встретиться. Я имею к нему письмо, которое обязан вручить ему лично.

Хозяйка удалилась с сомнением. Не прошло и минуты, как в комнату вошел мужчина средних лет с веселым выражением лица.

Я встал. С минуту мы пристально разглядывали друг друга. Человек, которого я увидел, вовсе не был похож на того, кого мне описывали. Кроме того, я толком не знал, кого именно мне следовало выручать. Сам же я ему не был знаком совершенно.

Приблизившись к нему, я представился. Обхватив обеими руками протянутую им руку, я сказал:

— Не знаю, кто вы, и вы не называйте своего имени. Для нашего общего дела будет лучше, если я не буду знать вашего имени. Но тем не менее я ваш друг и мною будет

сделано все, чтобы выручить вас и увезти в надежное место. Разрешите представиться...

Лед был сломлен. Тут же мы подружились. День, проведенный мною с Лениным, я никогда не забуду.

Сначала я намеревался немного поспать, так как за все это время я вовсе не отдыхал. Ленин, постелив мне на своей кровати, уселся возле меня, и началась беседа.

Но смог ли я уснуть? Нет, понятно. Мы пошли прогуляться в лес. Каждый открыл свое сердце другому. Разговоров хватало. Он рассказывал о своем жизненном пути.

Какой удивительный человек! И этого человека буржуазные газеты обвиняли в чем угодно. Человека, жизнь которого уже сама по себе представляла совершенно противоположное.

Мир во всем мире, братство народов, независимость малых народов — вот его программа, за которую он готов пожертвовать своей жизнью, если потребуется.

Я, со своей стороны, рассказал ему о положении в Финляндии, об обычаях финского народа, особенно о проживающих в южной части, где я находился последние десять лет. Таким образом, день быстро приближался к концу.

Мы уже стали беспокоиться, где задержалась г-жа П., которая должна была привезти из Петрограда деньги, паспорт и прочее. За это время мы изготовили грим, который удался хорошо...»

Как удивилась Лидия Петровна при возвращении из Петрограда в Ялкала, когда во дворе домика своих родителей увидела «финского пастора» (платье для него и привезли с собой неожиданные гости), мы уже знаем. Диалоги, которыми обменялись Лидия Петровна и Константин Петрович, уже приводились выше.

Добавим лишь к сказанному еще одну деталь.

Лидия Петровна рассказывала мне о впервые возникшей идее перевоплощения Ленина, после того как он под видом кочегара паровоза переедет через станцию Белоостров и окажется в Финляндии. Это произошло еще на квартире Кальске в Удельной, где Ленин находился после Разлива в ожидании поезда. Принять в дальнейшем Владимиру Ильичу облик финского пастора считали целесообразным Шотман и Рахья. У Рахьи же был при себе и фотоснимок пастора в Кронштадте, облик которого можно было бы скопировать...

Но как же дальше развертывались события, когда Лидия Петровна вернулась из Петрограда в Ялкала? Не задерживаясь, «финский пастор» и его проводники тронулись в путь.

— Сначала на лодке через озеро, а затем пешком девять километров по пыльной дороге,— продолжает Каарло Куусела.— На станцию мы подошли к прибытию скорого поезда.

Я едва успел купить билеты, а на поезд пришлось прыгать на ходу. Мы заняли первое попавшееся купе. Разговаривать между собой не осмеливались. Движением руки я показал Ленину, чтобы он устраивался на верхней полке. Сам же я произвел осмотр всего вагона на случай, если пришлось бы нам бежать. Уснуть я и не пытался...

...Шестой час утра. Куусела умывается, приводит себя в порядок и будит Ленина. Владимир Ильич сразу же подымается. Каарло смотрит на него и... приходит в ужас. За ночь грим расползся. Следы его были заметны на подбородке и шее. Борода местами отклеилась.

Что делать? Кое-как поправить грим еще можно было. А как вернуть более или менее приличный вид бороде?! Пузырек с клеем оставался у партнера Каарло Куусела. Успел ли тот сесть в поезд — неизвестно.

— Единственный выход вовсе снять грим,— предложил Каарло.

— Но тогда меня узнают,— возразил Ильич.

— В Петрограде — возможно, но не здесь. Мы ведь далеко, в Финляндии. Кроме того, увидеть Ленина вместе с Куусела — это совершенно невероятно! Никто не поверит. Могут предположить, что вы кто-нибудь из наших старых артистов.

— А вы считаете, что я сойду за артиста? — усомнился Владимир Ильич.

— Я убежден!

Ни о вазелине, ни о теплой воде в вагоне нечего было и думать. К тому же поезд уже приближался к станции Лахти, где Владимир Ильич должен был выйти, прежде чем продолжить путь до Гельсингфорса.

Нетрудно вообразить, что представляла собой операция снятия грима, которой пришлось подвергнуть себя Владимиру Ильичу!

Но вот наконец и Лахти. Из вагона выходят Ленин и его попутчик. Они прогуливаются по платформе. Каарло Куусела передает Владимиру Ильичу свое пальто.

— Подержи-ка это, Костя, а я пойду посмотрю, приехал ли Густав,— обращается он к Ленину по-фински.

Владимир Ильич одобрительно кивает, делая вид, что понял фразу,— так было условлено заранее.

И вот у последнего вагона поезда показывается Густав.

Теперь все трое вместе. Из Лахти Каарло Куусела звонит кому-то в Гельсингфорс, докладывает, что все обошлось благополучно, и просит дальнейших инструкций.

— Кому вы телефонировали? — интересуется Ленин.

— Полицмейстеру.

Владимир Ильич принял это за шутку, хотя момент для шуток был явно неподходящий. Но Куусела и не думал шутить. О предстоящем приезде Ленина в Гельсингфорс действительно заранее поставили в известность полицмейстера. Причем сделал это не кто иной, как Александр Васильевич Шотман. Больше того! Было решено, что и жить Владимир Ильич будет в квартире начальника полиции...

Дело в том, что большинство голосов на коммунальных выборах при буржуазном правительстве получили социал-демократы, и обязанности полицмейстера были возложены на Густава Ровио, в прошлом петербургского рабочего, близкого друга Шотмана. Александр Васильевич мог за него поручиться, как за самого себя. Вот каков был шеф гельсингфорсской полиции!..

В Гельсингфорсе Владимир Ильич завершил работу «Государство и революция». Затем он перебирается поближе к Петрограду — в Выборг и ждет не дождется момента, когда Центральный Комитет партии разрешит ему вернуться в Питер...

Но вот наконец приезжает специально посланный за ним человек.

Кто именно?

Эйно Рахья.

В путь, в дорогу! Владимир Ильич, загримированный, в сопровождении Рахьи пригородным поездом добирается до станции Райвола. Там он поднимается в будку паровоза № 293 и вновь встречается со старым знакомым — машинистом Гуго Ялавой. Поезд трогается.

Через два часа Ленин в Петрограде.

...Далеко за полночь расходились по домам участники исторического заседания Центрального Комитета партии, на котором было принято решение начать в ближайшие дни вооруженное восстание. Шел сильный дождь. Ленин намеревался вернуться на свою конспиративную квартиру, но Эйно Рахья уговорил его провести остаток ночи у него дома.

Лидия Петровна рассказывает, что и на этот раз, боясь причинить кому-либо малейшие неудобства, Ильич наотрез отказался от постели.

Утром брат Лидии Петровны, Володя, собирался на работу на завод «Арсенал». Вместе с ним вышли на улицу и влились в мас-

су рабочих, торопившихся на свои заводы и фабрики, Владимир Ильич и Эйно Рахья.

Плащ Дзержинского, в котором пришел Ленин, остался у Лидии Петровны.

Вечером 24 октября Владимир Ильич покинул свою последнюю конспиративную квартиру на Выборгской стороне. «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»,— гласила записка, оставленная Лениным хозяйке квартиры Маргарите Васильевне Фофановой. Сопровождал Ленина в Смольный опять Эйно Рахья, не раз бывавший у него и на квартире Фофановой.

В книжечке Владимира Ильича против фамилии *Рахьи* помечено: «(ж.-д. телефон: 41) (через централь Финляндской ж. д.)».

Какое отношение имел Рахья к железной дороге? А вот какое. В первые дни работы Советского правительства Ленин беседует со старым финским коммунистом. Рахья назначается комиссаром Финляндской железной дороги. Уж кто-кто, а человек, переправлявший Ленина в Финляндию и сопровождавший его на обратном пути из Выборга в Петроград, отлично знал эту магистраль!

Между тем ставленники Керенского на Финляндской железной дороге не собирались покидать насиженных мест. Вот почему только что назначенный Советским правительством комиссар явился к месту своего назначения не один, а, так сказать, с «сопровождающими лицами». Ими были красногвардейцы, которых выборжцы вооружили ружьями.

Войдя в кабинет комиссара Временного правительства на Финляндской железной дороге, Эйно Рахья предъявил ему свой мандат.

Все дальнейшее мало чем походило на обычную процедуру передачи дел.

«Ну,— говорю,— твое дело швах, кончено,— не без юмора рассказывал Эйно Рахья.— Уступай мне свое место. Он было на дыбки, а я в ответ только показал ему через окно на свою «реальную силу». Он встал и вышел из-за стола в одну сторону, а я кругом стола зашел с другой стороны, сел в кресло и говорю: что вам надо, гражданин? Если вы недовольны, можете обжаловать свое дело. Он взял портфель и смылся, а я остался комиссарствовать» [104].

Звонил ли Ленин по телефону комиссару Финляндской железной дороги, записанному в его книжечке? Да, приходилось.

«Однажды меня вызвал к телефону Владимир Ильич и срочно потребовал к себе,— вспоминал Эйно Рахья.— У меня была верховая лошадь, на которой я скоро и доехал до Смольного».

Владимир Ильич поинтересовался у комиссара Финляндской железной дороги, каким количеством вооруженных людей он располагает. Эйно Рахья ответил, что их насчитывается до ста пятидесяти. И за всех он готов поручиться.

Владимир Ильич предупредил комиссара, что красногвардейцы, находящиеся в его подчинении, могут понадобиться для охраны Смольного...

Позже Эйно Рахья стал комиссаром финской Красной гвардии.

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

На одной из страниц ленинской адресной книжки упоминается Бюро Центрального совета фабрично-заводских комитетов. Указан номер телефона. Есть и адрес: Фурштадтская, 40.

Каково происхождение этой записи? Нельзя ли хотя бы примерно определить время, к которому она относится? Тогда, быть может, перед нами приоткроется еще одно маленькое окошечко в далекий семнадцатый год.

Сергей Герасимович Уралов, член КПСС с 1914 года, рассказывал, что путевку партии на работу в Центральный совет фабрично-заводских комитетов он получил в конце июля семнадцатого года. Помещался тогда Совет в Смольном. Там же, в штабе Великого Октября, находился центр фабрично-заводских комитетов и в дни штурма Зимнего дворца.

— А, фабзавкомы! — встретив Уралова, приветствовал его Подвойский.— Вот и отлично. Для вас тоже есть дело...

И Сергей Герасимович был назначен комиссаром Военно-революционного комитета, уполномоченным для занятия типографии газеты «Русская воля».

Откроем книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир».

На одной из ее страниц говорится о рабочих и солдатских организациях, расположившихся в многочисленных помещениях Смольного (раньше здесь был знаменитый институт благородных девиц — для дочерей русской знати. Опекала его сама царица).

Рассказывая о новых хозяевах Смольного, Джон Рид как бы читает вслух надписи на дверях революционных учреждений.

...Центральный совет всероссийских профессиональных союзов... Фабрично-заводские комитеты...

Джон Рид был свидетелем того, как в Смольном Центральный совет фабрично-заводских комитетов вооружал петроградских рабочих — участников битвы за власть Советов.

«Он подписывал ордера на казенный арсенал — по полтораста винтовок каждому заводу...— пишет Джон Рид об одном из ра-

ботников Центрального совета фабзавкомов.— Перед ним выстроились в очередь сорок делегатов» [105].

Как видим, и в эту страдную пору истории Центральный совет фабрично-заводских комитетов помещается в Смольном. Там же застают его и события Великой Октябрьской социалистической революции.

Но тогда возникает вопрос: когда же он находился на Фурштадтской, 40? Ведь именно этот адрес записан у Владимира Ильича. Следовательно, это могло быть либо до июля, либо уже после установления Советской власти. А когда вообще в Петрограде появился Центральный совет фабрично-заводских комитетов?

После долгих поисков удается наконец получить ответ сразу на два вопроса: о дне его рождения и о первом адресе.

Перед нами номер «Правды», вышедший 17 июня (4 июня ст. ст.) 1917 года. Здесь можно найти объявление, озаглавленное «Центр заводских комитетов». Прочтем его:

«Заседание Центра, избранного на конференции заводских комитетов, состоится в понедельник, 5 июня, в 3 часа дня, на Фурштадтской, № 40».

Отлично! Стало быть, происходила конференция заводских комитетов. Она избрала центр, который собирается на свое первое заседание в понедельник, 5 июня, в 3 часа дня. И как раз на Фурштадтской, 40.

Открытие конференции состоялось 30 мая в Большом зале Таврического дворца. «Это был настоящий рабочий парламент, собравшийся как раз в том самом зале, где только три месяца тому назад заседал буржуазно-помещичий парламент» — можно прочесть в предисловии к брошюре «Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов», вышедшей в Петрограде в 1917 году.

Да, форум был, действительно, представительным. Почти шестьсот посланцев заводов и фабрик Питера и его окрестностей пришли в Таврический дворец, чтобы сказать свое слово по одному из самых животрепещущих вопросов дня: пора на деле осуществить рабочий контроль. Пришло и время создать центр фабрично-заводских комитетов Петрограда.

...Первый день конференции. В президиуме члены Организационного бюро. Среди них Яков Михайлович Свердлов.

Председательствует металлист Григорий Федоров, член Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (имя Григория Федоровича Федорова и его адрес

в пригороде Петрограда — Парголово; деревня Ивановка, дача Карпенко, № 4 — также значатся в записной книжке В. И. Ленина).

Здесь мы представим читателям фигуру председательствующего на конференции и тем самым существенно дополним рассказ о нем в первом издании «Путешествия по ленинской адресной книжке». Сделать это представляется возможным благодаря любезности дочери Федорова — Светланы Григорьевны, обращавшей мое внимание в эти годы на новые публикации об ее отце.

Хочется в этой связи отметить разыскания Леонида Шинкарева, собственного корреспондента «Известий», чья книга «Длинная командировка» открывается волнующим повествованием о Григории Федорове. Насыщен большим документальным материалом и репортаж В. Ярошенко «Григорий Федоров, рабочий», опубликованный в «Московском комсомольце».

«Чудесный, хороший большевик и товарищ»,— отзывался о Федорове такой крупный партийный работник, как Владимир Иванович Невский, знавший Григория Федорова с 1917 года.

Потомственный пролетарий, сам рабочий, Федоров шестнадцатилетним юношей связал свою жизнь с партией. Через десять лет он один из признанных и любимых вожаков питерских рабочих, свергавших царское самодержавие.

Большевик Федоров — депутат Петроградского Совета, член его исполкома.

Политическая зрелость, классовое чутье помогают ему активно проводить в жизнь линию Петербургского комитета партии, в состав которого он вошел после Февральской революции, как и входил раньше, в нелегальных условиях.

Ишь ты, расшумелись предприниматели и их высокие покровители, греющие себе руки на войне. Сами довели дело в хозяйстве до полного развала, а теперь подгоняют рабочего человека: давай, давай...

«Нужно ли говорить, господа крикуны, что мы лучше вас знаем, где наше место,— отвечает им в «Правде» Григорий Федоров.— Вы нас не звали на улицу 23 февраля, кричали, что всякая попытка в этом направлении есть провокация. Мы не послушали вас и были первыми застрельщиками революции, в результате которой появились свободные граждане...»

Непосредственный же адресат Федорова — обманутые империалистами рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, брошенные в окопы.

«Товарищи солдаты! — обращает к ним свое слово Федоров.—

Вы, товарищи, должны знать, что не за рабочими дело, что корень в расстройстве транспорта, в недостатке сырья и материала...

Цель буржуазных наймитов заключается в том, чтобы посеять сомнение и разъединить русскую революционную армию и пролетариат. Скажем же смело, товарищи солдаты, что это им не удастся, ибо залог свободной России в нашем единении»[106].

Самородок из недр рабочего класса, Федоров наделен природным даром трибуна. Речи его против буржуазных правителей и их прихвостней обладают большой обличительной силой, припирают врагов к стене. Таково, например, его выступление на экстренном заседании Петроградского Совета в апреле семнадцатого года против ноты министра иностранных дел Милюкова с обязательством Временного правительства союзникам продолжать разбойничью империалистическую войну до победного конца, ноты, вокруг которой всячески лавировали отстаивавшие ее меньшевики и эсеры.

«Правительство капиталистов не хочет и не может закончить войну, оно никогда не откажется от аннексий, не надо тешить себя иллюзиями будто возможно какое-то соглашение с этим правительством,— парирует Федоров фарисейские заявления Чхеидзе и Чернова.

— Настал момент сказать нашей империалистической буржуазии: — Прочь с дороги! Совет рабочих и солдатских депутатов — единственно правомочный орган демократии, и, как таковой, он не должен колебаться, он должен свергнуть правительство и захватить власть...»[107]

Делегат питерских большевиков на VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии Федоров выступает с ее трибуны. Его избирают в состав Центрального Комитета партии.

Первомайский праздник семнадцатого года в Петрограде. По ленинской характеристике, он выражал собою пожелания и надежды, связанные «с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма»[108].

Среди большевистских ораторов на одной из площадей города и металлист Григорий Федоров.

— Страна находится в тяжелом состоянии,— говорил он в своей речи.— Нет хлеба, расстроен транспорт, и падает производительность. Нужен добросовестный и распорядительный хозяин, а таким может быть только сам народ[109].

Редкое заседание бюро Исполкома Петроградского Совета в первой половине мая семнадцатого года проходит без докладов, сообщений Федорова о выполнении срочных поручений, возло-

женных на него. 18 мая срочное задание Ленина — выехать в Кронштадт. Вернувшись в тот же день вместе с другим партийным работником, Федоров беседует с Владимиром Ильичем в его тесном рабочем кабинете редактора «Правды» на Мойке.

Подходит день открытия I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов. Итак, слово за председательствующим на ней Григорием Федоровым.

— Господа фабриканты и заводчики не по доброте своей ввели у себя на заводах восьмичасовой рабочий день и ряд других улучшений, а под напором революционного выступления рабочих,— говорит в своем вступительном слове Федоров...— Поручить охранять законы о труде капиталистам — это значит доверить козлу огород...

Но у господ фабрикантов и заводчиков оказываются и здесь свои адвокаты — меньшевики, пытающиеся столкнуть конференцию в соглашательское болото. Чего хочет, например, Б. Авилов, порвавший с нашей партией и сотрудничающий в полуменьшевистской газете «Новая жизнь»? Он силится протащить свою резолюцию, под которой с радостью подпишется любой заводчик, любой фабрикант: пусть контроль над промышленностью осуществляет государственная власть. Он, правда, добавляет, «при участии широких слоев демократии». Но кого может ввести в заблуждение такая оговорка?

Наступает следующий день работы конференции — 31 мая. В разделе «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина» 32-го тома Полного собрания его сочинений читаем:

> *«Май, 31*
> *(июнь, 13).*
> ...Ленин выступает с речью на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов по вопросу о рабочем контроле над промышленностью. Резолюция Ленина о мерах борьбы с разрухой принимается конференцией».

Теперь мы знаем, что на второй день работы конференции в ней принял участие Ленин.

«Ораторствовал кто-то из меньшевиков, когда вошел Владимир Ильич Ленин,— вспоминал Матвей Назарович Животов, член КПСС с 1904 года.— Тотчас же весь зал поднялся и бурно зааплодировал. Послышались возгласы: «Да здравствует Ильич!»

Ленин взял слово. Впервые услышал я, как говорит Ильич на собрании рабочих. Это был не доклад, не выступление, а простая задушевная беседа, и казалось, что беседует он не со всеми вместе, а с каждым в отдельности. В самую гущу западали слова Владимира Ильича».

Краткий газетный отчет, вошедший в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, позволяет судить о глубоком содержании ленинского выступления.

Питать иллюзии насчет того, что коалиционное правительство, в которое вошли и «социалисты», способно защищать интересы трудящихся, дело бесполезное. «Добивайтесь, товарищи рабочие, действительного контроля, а не фиктивного, и все резолюции и предложения такого фиктивного бумажного контроля самым решительным образом отметайте» [110],— призвал Владимир Ильич делегатов.

Сохранилась и более подробная запись выступления Владимира Ильича. Ее вел один из активных участников конференции, тов. Кактынь.

«Контроль теперь стал уже реальным жизненным требованием, не фразой, а общепризнанной вещью,— записал Кактынь в свой блокнот.— Капиталисты и их сторонники стараются свести эту меру к пустому звуку... В стране господствуют вакханалия и мародерство. Новое правительство повысило ставки мародерам — южным углепромышленникам... Не быть на побегушках у капиталистов. Не такой должен быть контроль. Нам нужен контроль действительный, контроль рабочих» [111].

Всякими правдами и неправдами оказался в эти дни в зале Таврического дворца репортер «Биржевых ведомостей», славившихся своими бульварными нравами. Он поспешил в первом же вечернем выпуске «Биржевки» пожаловаться ее читателям на... Ленина.

«Ленин кончил свою речь,— говорилось в репортаже,— и занял место около трибуны... Совершенно неожиданно какой-то человек сходит с председательской трибуны, подходит к Ленину, о чем-то с ним совещается. Речь идет, видимо, о моей скромной персоне, так как оба смотрят на меня...» [112]

Короче говоря, выясняется, какого рода «свободную печать» представляет собой «скромная персона», и ее просят удалиться из зала...

День 31 мая, о котором идет речь, у Ленина переполнен делами. Он пишет статью «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе», которая содержит критику резолюции Авилова, предложенной им на конференции фабрично-заводских комитетов. Свои страницы для авиловской резолюции предоставила «Новая жизнь».

«Побойтесь бога, тов. Авилов! — пишет Ленин в своей статье, которая будет опубликована на другой день в «Правде».— Неужели марксисту позволительно забыть, что государство есть орган

классового господства? Не смешно ли против «хищничества капиталистов» апеллировать к *государству капиталистов?*» [113]

Тогда же Владимир Ильич пишет письмо, адресованное районным комитетам петроградской организации РСДРП(б), выступает на заседании фракции большевиков I Всероссийского съезда Советов с речью о текущем моменте.

Может быть, у Ленина не остается времени на то, чтобы посидеть в зале конференции, послушать выступления делегатов? Нет, в этом он себе отказать не может.

На трибуне Матвей Назарович Животов. Он рассказывает о положении на электростанции, где сам работает. Настроение у рабочих боевое. Они готовы идти за партией, бороться за власть Советов.

«Когда я спустился с трибуны,— рассказывал Животов,— Владимир Ильич подошел ко мне, крепко пожал руку и принялся расспрашивать: сколько на станции рабочих, много ли большевиков, как проходили выборы завкома? Я сказал, что на электростанции работает около тысячи человек и все настроены по-большевистски. И завком у нас почти целиком большевистский. За большевистский список, по которому проходил и я, при тайном голосовании было подано свыше восьмисот голосов.

Владимир Ильич слушал с нескрываемым удовольствием: «Большевистская электростанция — это очень нам пригодится»,— сказал он» [114].

...Закончилась конференция избранием руководящего центра, в который вошли 25 человек. Отсюда и ведет свою родословную Центральный совет фабрично-заводских комитетов Петрограда.

Первая «резиденция» Григория Федоровича Федорова находилась на Фурштадтской, 40. Все это и позволяет предполагать, что адрес и номер телефона Бюро появились в записной книжке Владимира Ильича сразу после конференции, избравшей руководящий центр питерских фабзавкомов.

И в заключение еще две-три детали из биографии Федорова, чье имя встретилось нам в записной книжке Ленина.

Следует отметить, что Григорий Федорович был владельцем партийного билета № 1, выданного Петербургским комитетом партии в марте 1917 года.

Избранный председателем рабочей секции Петроградского Совета, Федоров в сентябре семнадцатого года и здесь сумел себя проявить. Созывается экстренное заседание Петросовета. За столом председателя — Федоров. Проходит резолюция, отвечающая духу ленинской партии, ведущей массы к победе социалистиче-

ской революции. Выдвигается требование: без промедления созвать съезд Советов.

Дальше — Петроградский военно-революционный комитет, в состав которого входит Федоров. И вскоре подписью Ленина скрепляется назначение Федорова помощником народного комиссара труда. На его попечении «Отдел борьбы труда и капитала».

...С началом новой эры в истории человечества Центральный совет фабрично-заводских комитетов действует в Смольном. Рядом с Военно-революционным комитетом, рядом с Центральным Комитетом партии.

Как-то раз в Совете раздается телефонный звонок. Представителя Центрального совета фабрично-заводских комитетов приглашают на заседание Центрального Комитета партии. Животов, возглавлявший в это время Центральный совет, тут же подымается на верхний этаж. Встреча с Лениным...

— Вы из Центрального совета?

— Да, товарищ Ленин!

— Позвольте, мы, кажется, знакомы? Вы с электростанции и выступали как-то на конференции. Как же, помню...

Ленин сразу же забрасывает Животова вопросами. Главный из них — позиция Центрального совета фабрично-заводских комитетов по поводу состава нового правительства: сформировать ли его из одних большевиков или допустить к участию меньшевиков и эсеров?

Животов отвечает, что Центральный совет за создание целиком большевистского правительства — такова воля фабзавкомов.

...Бывший председатель Центрального совета фабрично-заводских комитетов до конца своей жизни жил в Москве. Я бывал у него дома. Матвей Назарович, аккуратный, подтянутый, бодрый человек, рассказывал мне о первых встречах Ленина с руководителями Центрального совета фабрично-заводских комитетов, проходивших под сводами Смольного.

Ожил в памяти Матвея Назаровича Животова и день, когда Владимир Ильич появился в помещении Центрального совета фабрично-заводских комитетов в Смольном. Здесь проходило совещание, на котором обсуждался вопрос о рабочем контроле над производством.

Ленин внимательно выслушал различные проекты декрета о рабочем контроле и предложения, высказанные участниками совещания. Затем он огласил свой проект декрета, встретивший единодушную поддержку. Так появился на свет один из замечательных документов периода становления Советской власти.

Ленин и петроградские фабзавкомы! Еще один характерный штрих.

Неспроста, говоря о первом адресе Центрального совета фабрично-заводских комитетов, записанном Лениным, мы слово «резиденция» взяли в кавычки.

Центральный корпус этого дома, принадлежавший до Февральской революции губернскому жандармскому управлению, перешел к Главному управлению по делам милиции. Все профсоюзные организации получили приют во флигеле дома на Фурштадтской, 40. Там же, на птичьих правах, пристроился и Центральный совет фабрично-заводских комитетов.

Буквально через несколько дней после установления Советской власти Народный комиссариат труда обратился с просьбой к Наркомату внутренних дел о передаче профессиональным союзам Петрограда здания бывшего губернского жандармского управления. На документе появилась резолюция:

«Удовлетворить просьбу союзов.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)» [115].

Вот о чем могут рассказать две строчки в записной книжке Ленина: «Бюро Центрального совета фабрично-заводских комитетов: 128.97 (Фурштадтская. 40)».

«С ПЕРВЫМ ДНЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!»

Рассказывая о связях Ленина с книжным издательством «Жизнь и знание», мы уже упоминали имя его главного редактора — В. Д. Бонч-Бруевича. В записной книжечке Владимира Ильича значится и адрес его квартиры на Херсонской улице.

Наступил Октябрь. Шли уже вторые сутки, как Ленин прибыл в Смольный и лично руководил вооруженным восстанием. Весть, доставленная самокатчиком от Подвойского, застала Владимира Ильича в комнате Военно-революционного комитета: «Зимний взят! Временное правительство арестовано!»

Еще немного — и рассвет. Наконец-то Ленин собрался отдохнуть. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич приглашает его к себе.

Едут в машине. Весь Петроград под надежной защитой Красной гвардии. Ее бойцы несут свою революционную вахту и вблизи дома, в котором живет семья Бонч-Бруевича. Из автомобиля выходят двое.

— Товарищ Ленин! Патруль из Рождественского райкома партии. Докладывает начальник наряда Сальм.

Рапорт не рапорт, а сказала Владимиру Ильичу эта мимолетная встреча с красногвардейцами о многом.

— Очень хорошо! — поделился он своими мыслями с Бонч-Бруевичем.— Порядок в городе восстанавливают и охраняют вооруженные рабочие. Очень хорошо! [116]

Едва Владимир Дмитриевич стал засыпать, как в соседней комнате зажегся свет. Неужели Ленин не спит? Так и есть! Владимир Ильич встал с кровати, на цыпочках подошел к письменному столу, открыл чернильницу и принялся за работу. Он писал, перечеркивал, снова писал. И, только поставив последнюю точку, улегся в постель...

Утром, свежий, бодрый, как ни в чем не бывало, Ленин упругой походкой вошел в столовую.

— С первым днем социалистической революции! — поздравляет он Надежду Константиновну и друзей и тут же читает вслух только что созданный документ — Декрет о земле.

Вечером этот исторический Декрет был принят II съездом Советов.

— Пускай попробуют теперь отнять у крестьян землю! — заявил Ленин.

Владимир Ильич придавал большое значение продвижению Декрета о земле в широкие крестьянские массы и не раз допытывался у Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, все ли для этого сделано.

— Довезет ли его до дому солдат? — беспокоился Ленин.— Ведь бумаги-то нет, а покурить надо. Вот беда! Сейчас и свернет из Декрета «козью ножку»,— высказывал он свои опасения.— Пока доедет до дома, так все декреты и раскурит с товарищами. Обязательно раскурит...

И Ильич нашел выход.

По его заданию управляющий делами Совнаркома закупил в магазине Сытина на Невском нераспроданные отрывные календари за 1917 год. Ими одаривали «на раскурку» солдат, приходивших в Смольный перед отъездом в деревню. «Солдаты были очень довольны, говоря, что это «даже очень способно», а Декрет о земле обещали беречь и обязательно раздать и прочитать крестьянам...» [117],— вспоминал Бонч-Бруевич.

* * *

Пятьдесят имен насчитывает ленинская записная книжка. Были у Ленина в семнадцатом году, до событий, разгоревшихся в дни подготовки Октябрьского вооруженного восстания, партийные дела и к членам Центрального Комитета партии Каменеву

и Зиновьеву. Но каково же было негодование Владимира Ильича, когда он узнал об их неслыханном предательстве — выдаче врагу на страницах полуменьшевистской газеты «Новая жизнь» секретного решения Центрального Комитета о проведении восстания и намеченном сроке.

«Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их,— писал Ленин в письме к членам партии большевиков 18 октября 1917 года.— Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии» [118].

Пойманные с поличным, изменники стали ловчить, увиливать от ответственности. И тогда на другой день Владимир Ильич обратился с письмом в Центральный Комитет партии, в котором пункт за пунктом полностью разоблачил штрейкбрехерство Каменева и Зиновьева.

У КАРТЫ ПЕТРОГРАДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В первые же дни Советской власти Ленину пришлось взять на себя руководство подавлением контрреволюционного мятежа Керенского, разгромом полчищ генерала Краснова, брошенных на Петроград. Владимир Ильич был непрерывно связан со штабом Петроградского военного округа, «координаты» которого мы также можем установить по записной книжке:

«Военный телефон: *13.40*
прямой провод с Выборгом и с Псковом».

Прибыв впервые в штаб 27 октября, Ленин принял ряд оперативных мер против контрреволюционных мятежников.

По его вызову в тот же день в штаб явился председатель Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеев. Встреча произошла в кабинете командующего.

Войдя туда, Вахрамеев увидел Владимира Ильича в окружении Антонова-Овсеенко, Крыленко, Дзержинского, Подвойского. Ленин рассматривал карту Петрограда и его окрестностей. Разговор шел о помощи, которую флот должен оказать Петрограду.

Председатель Военно-морского революционного комитета выдвинул предложение поставить в устье Морского канала линейный корабль и провести миноносцы вверх по Неве в район села Рыбацкого. Отсюда удобнее всего будет вести артиллерийский огонь по бандам Керенского.

«В. И. Ленин подробно расспросил меня, на какое расстояние стреляют корабли, возможно ли провести вверх по Неве миноносцы,— рассказывал И. И. Вахрамеев.— Проверив с циркулем в руках по карте расстояния, Владимир Ильич сказал, что предложение заслуживает внимания» [119].

Вторично Владимир Ильич прибыл в штаб округа на другой день. Он распорядился поставить в кабинете Подвойского стол и для себя.

«В чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил, средств до крайних пределов,— вспоминал Николай Ильич Подвойский.— Мы разбрасывались, собирали и бросали силы непланомерно, из-за чего получалась расплывчатость действий и как следствие — расплывчатость в настроении масс и отсутствие благодаря этому активности, инициативы и решимости. Каждое намеченное нами действие было по результатам неяркое, слабенькое. Массы не чувствовали железной воли и железного плана, где все, как в машине, было бы стройно пригнано и скреплено. Ленин же гвоздем вколачивал в каждую голову одну мысль — о необходимости все сосредоточить для обороны. Из этой мысли он далее разворачивал уже понятный для совещания план, в котором, как в цельном механизме, невольно каждый находил место для себя, для своего завода, для своей части» [120].

Характерный пример. Один из красногвардейских отрядов получил приказ Военно-революционного комитета: разоружить Михайловское артиллерийское училище и захватить там орудия. На обороте этого документа Владимир Ильич предписал комиссару Фролову: «Приготовиться к выступлению орудий к 10 часам вечера 29 октября».

Приходил в те дни Владимир Ильич в штаб и для того, чтобы ускорить оказание военной помощи восставшей Москве. По его указанию москвичей поддержали отряды моряков, прибывших из Петрограда. Памятна в истории Советского государства и та ночь, когда Ленин разговаривал по прямому проводу из штаба Петроградского округа со ставкой верховного главнокомандующего генерала Духонина. Глава правительства предложил верховному главнокомандующему немедленно вступить в переговоры о перемирии со всеми воюющими странами. Духонин отказался выполнить это распоряжение. Тогда Ленин из штаба округа направился на радиостанцию «Новая Голландия». Отсюда было передано обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В. Ульянова (Ленина) и нового Верховного главнокомандующего Н. Крыленко ко всем полковым, дивизионным и другим комитетам, ко всем солдатам революционной армии и матросам револю-

ционного флота, из которого они узнали, что генерал Духонин смещен с занимаемого им поста.

Ленин обращался с призывом к солдатам сделать все для того, чтобы положить конец бессмысленному кровопролитию и через своих уполномоченных вступить в мирные переговоры с неприятелем.

Ленин — руководитель боевых операций против сил контрреволюции! Этой первостепенной задачей он занят не только в штабе Петроградского военного округа. Поглощен целиком ею Владимир Ильич и в своем рабочем кабинете в Смольном.

Старшая сестра Ленина — Анна Ильинична, знавшая, как перегружен напряженной работой брат, в заботах о его питании вызвалась приносить ему обед в Смольный. И кто знает, может быть, в одно из таких посещений Ленина Анна Ильинична и сделала для себя открытие, о котором она вспоминала десять лет спустя.

«Помню, как затем в связи с выступлением Краснова было очень тревожное настроение, и когда я пришла в Смольный, тов. Розмирович сказала мне, что у нас в военных делах только один человек понимает. Я решила, что этим человеком был муж ее, тов. Крыленко, тогдашний наш военный комиссар. «Нет,— говорит она,— не он, один Владимир Ильич понимает только у нас в военных делах». Я говорю: «Как же это может быть, он ведь никогда этим делом не занимался». И я пошла к нему в кабинет. Тут было масса карт, он был весь окружен картами, и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» И стало страшно за него, вид у него был очень утомленный.

Если ограничиться только Октябрем, то это самое яркое воспоминание у меня осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был» [121].

* * *

Мы с читателем совершили путешествие по ленинской адресной книжке. С ее страниц встает образ великого вождя, несгибаемого борца, мудрого политика и простого дружелюбного человека — самого человечного из людей.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1 См. Ленинский сборник XXI. М., 1933, с. 83—87.
2 *Шляпников А.* К Октябрю.— Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 24.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 384.
4 *Подляшук П. И.* Товарищ Инесса. Документальная повесть. 3-е изд., доп., М., 1973, с. 212—213.
5 Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, с. 57.
6 Там же, с. 58.
7 См. Герои Октября. Л., 1967, т. 1, с. 49—50.
8 *Ирошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974, с. 94—95.
9 См. там же, с. 191.
10 *Ленин В. И* Полн. собр. соч., т. 49, с. 401.
11 *Почебут Г. А., Малкин Б. Г.* А. Е. Бадаев. Депутат питерских рабочих. Л., 1962, с. 128—129.
12 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 35—36.
13 *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М., 1969, с. 72.
14 Там же, с. 81.
15 Там же, с. 86.
16 Вестник архивов Армении, 1974, № 1 (38), с. 14.
17 Коммунист, Ереван, 1962, 19 сентября.
18 См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974, т. 5, с. 647.
19 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 9.
20 *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине, с. 436.
21 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 439.
22 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 30.
23 *Ганецкий Я.* Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 9.
24 Там же, с. 27.
25 Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в 3-х томах. М., 1966, т. 1, с. 201.
26 Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, с. 230.
27 *Глебов-Авилов Н.* Друг рабочих.— Красная газета, 1924, 27 января.
28 Новая жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. Л., 1925, вып. 1.
29 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1969, т. 3, с. 130.
30 Ленинский сборник XXXVII, с. 77.
31 Там же.
32 Там же, с. 208.
33 Работница и крестьянка, 1927, № 18, с. 6.
34 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1960, ч. 3, с. 56.
35 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957, ч. 2, с. 122.
36 Известия, 1917, 14 декабря.
37 Там же.
38 *Алтаев Ал.* Памятные встречи. М., 1957, с. 376—377.
39 См. Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 303—304.
40 Биржевые ведомости, 1917, 10 марта.
41 Пролетарская революция, 1923, № 1(13).

[42] Красная газета, 1924, 27 января.
[43] *Коллонтай А.* Ленин и работницы в 1917 году.— Работница, 1947, № 1.
[44] Живое слово, 1917, 13 августа.
[45] *Иткина А. М.* Революционер, трибун, дипломат. Страницы жизни Александры Михайловны Коллонтай. 2-е изд., доп. М., 1970, с. 157.
[46] *Стучка П.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931, с. 154.
[47] Прибалтийцы о В. И. Ленине. Сборник воспоминаний и статей. Рига, 1970, с. 144—145.
[48] *Стучка П.* В борьбе за Октябрь. Сборник статей. Рига, 1960, с. 107—108.
[49] Там же, с. 108—109.
[50] Вопросы истории КПСС, 1966, № 8, с. 49.
[51] См. *Стучка П.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, с. 154.
[52] *Стучка П.* В борьбе за Октябрь, с. 225—226.
[53] См. *Стучка П.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, с. 38.
[54] *Стучка П.* В борьбе за Октябрь, с. 226.
[55] День, 1917, 28 июля.
[56] *Голинков Д. Л.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.). М., 1971, с. 11—12.
[57] *Лепешинский П. Н.* На повороте. М., 1955, с. 110.
[58] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 108.
[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 13.
[60] Там же, с. 16.
[61] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 262—263.
[62] Леонид Борисович Красин («Никитич»). Сборник воспоминаний, статей и документов. М.— Л., 1928, с. 173.
[63] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1969, т. 4, с. 52.
[64] Леонид Борисович Красин («Никитич»), с. 281.
[65] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 159.
[66] *Коллонтай А.* В тюрьме Керенского. М., 1928, с. 34.
[67] Ленинской «Правде» — 50 лет. Сборник документов и материалов по истории газеты (1912—1962 годы). М., 1962, с. 44.
[68] *Коллонтай А. М.* Дом на Мойке.— Красноармеец, 1946, № 9.
[69] *Бедный Демьян.* Собр. соч. в 5-ти томах. М., 1953, т. 1, с. 84.
[70] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 182.
[71] *Бедный Демьян.* Собр. соч. в 5-ти томах. М., 1954, т. 4, с. 284.
[72] В. И. Ленин о литературе и искусстве. 4-е изд. М., 1969, с. 703.
[73] См. Герои Октября. Л., 1967, т. 2, с. 230.
[74] ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, д. 221.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 132.
[76] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973, т. 4, с. 92.
[77] См. *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969.
[78] См. *Левидова С. М., Салита Е. Г.* Елена Дмитриевна Стасова (Биографический очерк). Л., 1969, с. 254.
[79] *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958, с. 40.

80 Там же, с. 44.
81 *Ильин-Женевский А. Ф.* От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе. Л., 1927, с. 57—58.
82 Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Л., 1956, с. 190.
83 Голос текстилей, 1928, 21 января.
84 Красная газета. Вечерний выпуск, 1928, 2 ноября.
85 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 291.
86 Бакинский рабочий, 1978, 10 октября.
87 Газета-копейка, 1917, 3 августа.
88 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 322.
89 См. Ленин в Петербурге — Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях. 1890—1920. Л., 1977, с. 267.
90 Правда, 1917, 7 июня.
91 *Шотман А.* Как из искры возгорелось пламя. Л., 1935, с. 235.
92 Там же.
93 Правда, 1927, 4 ноября.
94 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 119.
95 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 441.
96 Там же, с. 443, 444.
97 *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине, с. 96—97.
98 Неделя, 1964, № 16, с. 7.
99 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 167.
100 Живое слово, 1917, 9 и 11 июля.
101 День, 1917, 29 июля.
102 Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 174.
103 Новый мир, 1934, № 1, с. 24.
104 Там же, с. 37.
105 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 70.
106 *Шинкарев Леонид.* Длинная командировка. Иркутск, 1968, с. 30—31.
107 Новая жизнь, 1917, 23 апреля (см. Московский комсомолец, 1970, 22 марта).
108 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 361.
109 Политическое самообразование, 1977, № 8, с. 98.
110 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 240.
111 Октябрьская революция и фабзавкомы. М., 1927, ч. 1, с. 92—93.
112 Биржевые ведомости. Вечерний выпуск, 1917, 31 мая.
113 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 248.
114 Советские профсоюзы, 1958, № 4, с. 25.
115 Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Л., 1928, с. 303.
116 См. Герои Октября, т. 2, с. 344.
117 *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине, с. 127.
118 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 420.
119 Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих, с. 235.
120 Об Ильиче. Воспоминания питерцев, с. 387—388.
121 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1968, т. 1, с. 82.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ

Письмо из Стокгольма Ленин получил в Петрограде 21 апреля 1917 года и в тот же день написал ответ своему корреспонденту, члену Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) Якову Станиславовичу Ганецкому.

Ленинское письмо сообщало о внутрипартийных делах, о политической обстановке в столице России, о выходе большевистских газет, о предстоящем открытии Всероссийской конференции партии.

«В Питере,— писал Ленин,— все кипит; по поводу ноты правительства со вчерашнего дня идут митинги и демонстрации. Организоваться среди всего этого кипения крайне трудно. Все заняты по горло»[1].

Есть в ленинском письме и такие строчки:

«Сегодня такой горячий день, что написать подробного письма и резолюций по поводу конференции и пр. не можем. Все узнаете из «Правды», которую посылаем».

Горячий день... Какие же события разыгрались в Петрограде 21 апреля? Чем был занят тогда Владимир Ильич?

...18 апреля (1 мая по новому стилю) трудовой Питер впервые свободно праздновал Первомай. На Марсовом поле проходили массовые митинги. Вместе с рабочими Выборгского района здесь в полдень появился Ленин. Он поднялся на импровизированную трибуну и поздравил с праздником рабочих и солдат.

С речью о значении первомайского праздника и о задачах русской революции Владимир Ильич выступил также перед участниками демонстрации на Дворцовой площади.

Вечером того же дня выступление Ленина слушали рабочие Охтинских пороховых заводов, собравшиеся на 40-тысячный митинг.

«Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо,— вспоминала Надежда Константиновна.— Живучи за границей, мы обычно ходили на маевки, но одно дело маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм» [2].

По-своему ознаменовало этот весенний день Временное правительство. В своей ноте оно принесло клятву верности союзникам: дескать, не волнуйтесь — не подведем, война до победного конца, за пушечным мясом дело не станет...

Эта нота министра иностранных дел Милюкова была опубликована всеми петроградскими газетами. Она «произвела впечатле-

ние разорвавшейся бомбы» [3],— писал Владимир Ильич в «Правде» 20 апреля.

«Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах»[4] — так начиналась другая ленинская статья в «Правде».

Петроград бурлил. Полк за полком — 25 тысяч солдат — вышли с оружием из казарм для того, чтобы перед Мариинским дворцом заявить Временному правительству: «Нет!» На заводах и фабриках вспыхивали митинги. Но поспешные и необдуманные действия могли повредить революции, и нужна была ленинская прозорливость, чтобы предостеречь массы от преждевременных шагов. Партия звала к мирным демонстрациям под лозунгом: «Вся власть Советам!»

Рано утром 21 апреля Центральный Комитет партии обсудил положение, создавшееся в Петрограде. Была принята ленинская резолюция о задачах партии в связи с кризисом Временного правительства. Через несколько часов о ней уже знали на заводах и фабриках, в солдатских казармах, флотских экипажах.

Более 100 тысяч человек вышло на улицы Петрограда 21—22 апреля. Это была мощная демонстрация против антинародной политики Временного правительства, против империалистической войны. Самая внушительная демонстрация состоялась 21 апреля.

Послов Англии, Франции и Италии принял Милюков. Министр иностранных дел еще раз заверял представителей союзников в том, что Россия будет продолжать войну до последнего солдата...

«Доверие Временному правительству»,— призывала 21 апреля черносотенная газета бульварного типа «Вечернее время». Там же содержались «аргументы» в пользу доверия Временному правительству. Не оно ли заботится об инвалидах. Стал человек на войне калекой — не беда. Вот на выбор «места для инвалидов»: целых четыре предложения только в одном номере «Вечернего времени»! Временное правительство денно и нощно «печется» о продовольственных нуждах народа. Есть и тому «неоспоримые» доказательства: «С 3 часов утра у городских мясных лавок хвосты, выросшие в 7 часов до 500—600 человек, к этому нужно еще причислить отдельные солдатские хвосты».

Газета вынуждена была признать, что полное разочарование ожидает людей, часами выстаивающих в очередях и за другими продуктами...

Наступила вторая половина дня 21 апреля. Колонны демонстрантов пошли от рабочих окраин к центру. Впереди — отряды Красной гвардии.

О событиях горячего дня рассказывает Н. К. Крупская:

«21 апреля я должна была встретиться с Ильичем у Данского. Мне был дан адрес: Старо-Невский, 3, и я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре.— Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков... «Перебить бы всех этих мерзавцев»,— кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина» [5].

На Невском проспекте собрался весь черносотенный сброд. Еще днем у Екатерининского канала было совершено нападение на одну из колонн демонстрантов. Офицер с обнаженной саблей бросился на рабочих. Вечером юнкера пытались вырвать знамя, которое несли путиловцы. Не получилось. Но сторонники Временного правительства продолжали бесчинствовать.

«Эти последние и не подозревали,— вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, возглавлявший колонну Песковского района,— что по личной инициативе Владимира Ильича, прекрасно изучившего природу уличного боя, при разработке плана демонстрации «на всякий случай», как выразился тогда Владимир Ильич, контрдемонстранты были взяты в тройные клещи пролетарских отрядов и колонн мирной вооруженной демонстрации рабочих Петрограда. Они, очевидно, об этом сообразили после, когда пытались удирать с Невского и все время сталкивались лицом к лицу со стоявшими рабочими Песковского, Невского и других районов или с демонстрирующими колоннами, шедшими по всем улицам, перпендикулярным Невскому, готовыми замкнуть в мышеловку представителей буржуазии и всех друзей Временного правительства и таким образом разделить силы контрдемонстрантов в любой момент, если бы потребовалось, и раздавить насмерть любую их часть, припёрши к домам левой стороны Невского...» [6]

Главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Корнилов попытался заговорить с рабочими языком пушек. Двум батареям Михайловского артиллерийского училища было приказано занять огневые позиции на Дворцовой площади. Тоже не вышло. Почему? Генерал объяснял потом в махровой черносотенной газете «Вечернее время», что, дескать, через пять минут он одумался и отменил свой приказ. Не в том, разумеется, дело. Большевики действовали и среди артиллеристов.

Солдатам гренадерского полка приказали занять исходные позиции у дворца Кшесинской. Гренадеры должны были атаковать «штаб-квартиру ленинцев». Но у солдат были другие планы.

«Через полчаса после этого распоряжения последовало новое распоряжение, по которому было приказано солдатам гренадерского полка оставаться в казармах»,— гласило опровержение главнокомандующего, появившееся на страницах «Русской воли» — одной из наиболее гнусных буржуазных газет.

Особое задание милюковцев получили «шляпки» с телефонной станции: не давать Ленину связаться из редакции «Правды» с руководящими партийными центрами.

Весьма интересный документ появился в этой связи шестью днями позже на страницах «Правды»: постановление центрального комитета городских служащих по поводу некоторых телефонисток, которые 21 апреля «отказались соединять телефон т. Ленина и дворец Кшесинской». За совершенно недопустимое их поведение им было объявлено строгое порицание...

Накануне горячего дня на страницах «Правды» появилось несколько извещений Исполнительной комиссии Центрального Комитета партии. Все они были связаны с подготовкой к открытию Всероссийской конференции партии.

Со всех концов России съезжались делегаты. Места в гостиницах, естественно, им были недоступны, и Исполнительная комиссия обращалась к петроградским товарищам с просьбой «оказать содействие по приисканию квартир и ночлегов для приезжающих на конференцию 22 апреля».

Делегатам сообщались координаты дежурных во дворце Кшесинской, принимавших гостей. И в том же номере «Правды» можно найти такое приглашение:

«Просим товарищей, умеющих стенографировать, помочь записывать прения и речи на Всероссийской конференции, созываемой ЦК РСДРП на 22 апреля. С заявлениями обращаться по адресу: Дворянская, 2, от 9 до 9 час. вечера».

Поиски участников событий горячего дня привели меня к члену КПСС с 1914 года В. Ф. Алексеевой. Валентина Федоровна работала в то время в Бюро печати Центрального Комитета партии. Оказалось, что она посвящена во все детали приглашения стенографисток на конференцию.

Дело было так. В Таврический дворец к думским стенографисткам явился Глеб Иванович Бокий, принимавший деятельное участие в подготовке конференции.

— Не будем с немецкими шпионами работать,— заявили истеричные дамы...

Поручение пригласить стенографисток получила и Валентина Федоровна Алексеева. Она приехала на Петроградскую сторону, нашла нужный дом, позвонила в квартиру, спросила, здесь ли живет стенографистка.

— Это как раз я,— отозвалась женщина, открывшая дверь.

— Я приехала к вам переговорить, не можете ли вы вести стенограмму Всероссийской конференции большевиков,— сказала Алексеева.

— Боль-ше-ви-ков? — ужаснулась парламентская стенографистка.

— Она сразу вытянулась, приняла агрессивную позу,— вспоминает Валентина Федоровна.— Нет, с большевиками я не работаю. И с силой захлопнула дверь.

Тем и кончилась попытка пригласить на конференцию квалифицированных стенографисток.

События горячего дня нашли свое отражение на страницах «Правды». Ленин написал в тот день статью: «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?» и редактировал материалы. Телефонный инцидент — лишь маленькая иллюстрация, показывающая, в каких условиях приходилось работать Владимиру Ильичу.

«На грех, «Правда» помещалась на Мойке у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать,— рассказывала Мария Ильинична Ульянова.— Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3».

На что была способна русская бульварная печать, хорошо известно. Верная своим нравам, «Биржевка» сообщила 22 апреля: «Поздно ночью по городу разнесся слух о том, что В. И. Ленин покинул Петроград».

Другой пасквилянтский листок называл и место, где находился Ленин,— Москва. А где же он был в действительности в тот день, когда продажная пресса распространяла этот вздор? Владимир Ильич руководил последним (четвертым) заседанием Петроградской общегородской партийной конференции.

«Ленин нашелся»,— оповестило читателей «Вечернее время» 24 апреля. И где же вы думаете? В Иваново-Вознесенске. Там он,

оказывается, «ведет усиленную агитацию в духе ленинских идей». Это «достоверное» сообщение редакция получила по телефону от своего московского корреспондента.

Владимир Ильич действительно вел в этот день агитацию «в духе ленинских идей». Но происходило это в Петрограде, в здании Женского медицинского института. Там вступительной речью Ленина в 10 часов утра открылась историческая Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция нашей партии...

В силу ряда обстоятельств открыть конференцию в объявленный день не удалось. Началась она на два дня позже.

Быстро бегали перья и карандаши в руках секретарей, которым поручили вести протоколы конференции. Это были преимущественно студенты-большевики. Место одной из стенографисток заняла Валя, как тогда звали партийные товарищи В. Ф. Алексееву.

День 21 апреля в Питере Ленин назвал «горячим». Но какой из последующих дней не был заполнен у него до предела, не отмечен типичным ленинским горением?

...Идет Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция нашей партии. Ленин руководит всей ее работой. И все же выкраивает время для публичных выступлений. 25 апреля он приветствует открытие рабочего политического клуба «Искра». И в тот же день произносит речь на одном из митингов. На следующий день, 26 апреля, Ленин пишет предисловие к своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Какая поистине титаническая работоспособность!

Работа исторического форума партии подходила к концу, когда Владимир Ильич получил приглашение выступить на фронтовом съезде делегатов из действующей армии. Воспользоваться им, однако, он не смог. Ответ, посланный Владимиром Ильичем президиуму этого съезда, позволяет нам представить себе обстановку еще одного горячего ленинского дня в апреле 1917 года.

«Дорогие товарищи! — писал Ленин.— Я получил Ваше приглашение и от всей души благодарю за него. Очень прошу извинить меня, что я абсолютно лишен возможности быть сегодня у Вас ввиду принятых мною обязательств перед Всероссийской конференцией нашей партии.

Конференция задержалась, просидит, вероятно, всю ночь, и я не могу отлучиться ни на минуту.

С товарищеским приветом.

Н. Ленин» [7]

Для счастья народа жил, боролся и творил великий Ленин.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 439.
[2] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 303.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 290.
[4] Там же, с. 297.
[5] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 303.
[6] *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М., 1969, с. 90.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 439—440.

«РУССКИЕ УЧИТЕЛЯ» ПОД ПАРИЖЕМ

Парижские письма Ленина, адресованные Горькому, содержат упоминание об одном из примечательнейших событий в истории партии. «А рабочим из нашей школы ответьте. Хорошие парни»,— пишет в конце апреля 1911 года Владимир Ильич Алексею Максимовичу на остров Капри. В сентябре Ленин шлет Горькому новую весточку: «Дорогой А. М.! Писал я Вам последний раз месяца, должно быть, два тому назад — в начале школы (которая теперь уже окончилась и слушатели разъехались)» [1].

Кто же эти «хорошие парни» «из нашей школы», где и чему они учились?

Среди бесценных сокровищ, что хранятся в отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве, есть и комплект газеты «Социал-Демократ», издававшейся нелегально с февраля 1908 года по январь 1917 года и являвшейся центральным органом РСДРП.

Перед нами четырнадцатый номер этой газеты. Он вышел в Париже летом 1910 года, пробился через кордоны царской охранки в Россию. Из него местные партийные организации и узнали: создается высшая общепартийная школа, она учреждается решением январского пленума Центрального Комитета партии 1910 года, обучаться в ней будут главным образом рабочие.

То был трудный для большевиков период. В России свирепствовала столыпинская реакция. В самой партии вели подрывную, раскольническую деятельность всякого рода фракционные, оппортунистические группировки. С одной стороны, меньшевики-ликвидаторы выступали против существования нелегальной марксистской партии. С другой стороны, «ликвидаторы наизнанку», как называл Ленин отзовистов, ультиматистов, отстаивали сектантскую тактику, были противниками использования легальных возможностей для революционной работы в массах; они создали в Италии — вначале на острове Капри, затем в Болонье — фракционные школы, где воспитывали слушателей в антибольшевистском духе.

В России назревал новый революционный подъем. В этих условиях большевики особенно нуждались в политически выдержанных и теоретически подготовленных кадрах, которые ценились на вес золота. Как отмечалось в решениях январского пле-

нума ЦК, передовые рабочие стремились «углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма...»[2]. Для подготовки таких кадров и решили организовать за границей общепартийную школу. Ее слушателями должны были стать представители партийных организаций крупных пролетарских центров России. В упомянутом выше номере газеты «Социал-Демократ» как раз и было помещено извещение специально созданного комитета будущей партийной школы. В нем, в частности, говорилось: «Ученики выбираются местными организациями под контролем ЦК».

Высшая общепартийная... Такая школа создавалась впервые. В ней стремились учиться передовые рабочие, лучшие представители нашей партии.

Выборы слушателей школы проводились местными партийными организациями. Они утверждались мандатной комиссией и общим собранием Школьного комитета.

Одним из первых откликнулся Серго Орджоникидзе. Узнав из газеты «Социал-Демократ» о создании школы, он сообщил в Париж о своем твердом намерении учиться в ней. «Товарищи, имейте в виду,— писал он,— если здесь мне удастся собрать предполагаемую мною сумму, то несмотря на то, что я в настоящее время в Персии *, все же по открытии школы приеду, и вы должны будете допустить в школу меня в числе других...»[3]

Осенью 1910 года Орджоникидзе напоминает о себе Школьному комитету уже из Баку: может ли он рассчитывать на место вольнослушателя? При положительном ответе Орджоникидзе просит выслать подписные листы для сбора денег, на которые он мог бы существовать в Париже. Обязательное требование — возвращение в Россию по окончании школы для продолжения нелегальной работы — он принимает безусловно. «В случае, если Школьный комитет пожелает иметь сведения о моем партийном прошлом, может справиться у Кавказских организаций» **,— добавляет автор письма.

И вот Орджоникидзе в Париже, на квартире Ленина.

— Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть к вам,— сообщила Крупской консьержка (привратница).

«Я спустилась вниз — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго,— вспоминала Надежда Константи-

* Он находился тогда в городе Реште.

** Г. К. Орджоникидзе прибыл на учебу в ленинскую Школу с путевкой бакинской партийной организации.

новна.— С тех пор он стал одним из самых близких товарищей» [4].

Находясь в Париже, Серго не прерывал своих связей с партийными товарищами в России. Вот письмо, отправленное им из Парижа в Баку. Оно датировано 1 февраля 1911 года. Орджоникидзе сообщал о том, что по приезде в Париж сразу же с вокзала направился на квартиру Ленина.

«Вышла его жена, она, конечно, догадалась, что к ним босяк из России, и с довольно теплой душой приняла,— писал Серго.— После нескольких минут пришел сам Л. * Он с внешней стороны похож на типичного русского рабочего. Низенький, с лысой головой... Говоря с ним, ничуть не дает чувствовать, что дело имеешь с человеком, стоящим в миллион раз выше тебя, напротив, с первой же встречи как будто обнимает тебя всей душой. Я оставался у него часа 3—4. Беседовали обо всем, о Персии, о Баку, о Кавказе и др. После мне нашли комнату и поместили» [5].

Ленинская школа в Лонжюмо обозначила собой знаменательный этап в строительстве партии нового типа, идейного вооружения ее будущих видных работников. И разве не характерно, что о Лонжюмо Крупская напоминает Серго Орджоникидзе четверть века спустя. Ему тогда исполнилось 50 лет.

«Дорогой Серго! — говорится в поздравительной телеграмме Надежды Константиновны юбиляру.— 50 лет Вам исполняется. Будет чествовать Вас завтра вся страна. Хочется и мне пожать Вам крепко руку. Не умею я говорить великоторжественных слов. Вы всего себя отдаете великому делу строительства социализма, в этом все.

...Помню, как Вы к нам на Мари-Роз пришли. Консьержка меня позвала. Спускаюсь к Вам с лестницы, а Вы стоите и улыбаетесь. В Лонжюмо Вас помню, Вы крепко любили Ильича. Ну, что же тут говорить. Сил Вам желаю, здоровья, чтобы можно было побольше провернуть. Всего Вам самого наилучшего желаю...» [6]

Далеко вперед смотрел Ленин в Париже 1911 года, заботясь о теоретической подготовке кадров партийных работников!

Многое предстояло еще сделать, чтобы партийная школа смогла начать свою жизнь. Для этого нужно было получить для нее средства из общепартийной кассы, чему препятствовали ликвидаторы, впередовцы и прочие раскольники. Провести выборы учеников в местных партийных организациях и помочь им неле-

* Из конспиративных соображений Г. К. Орджоникидзе не называет полностью фамилию Ленина.

гально переправиться через границу во Францию. Подобрать лекторов. Найти вблизи от Парижа укромный уголок для занятий. (В целях конспирации питомцы школы выдавались за русских сельских учителей, приехавших во Францию «на курсы усовершенствования».) Надо было подыскать дом под общежитие и помещение для учебных занятий. Хлопоты и хлопоты...

Неутомимым помощником Владимира Ильича, его правой рукой во всем этом большом и сложном деле был Н. А. Семашко.

— На меня, как на секретаря Заграничного бюро ЦК, была возложена организационная подготовка этой школы,— вспоминал Николай Александрович.— ...Я был секретарем школы и в ряду других преподавал в ней.

Близилось начало выборов слушателей. Трех человек должна была дать петербургская партийная организация. Непосредственное поручение Центрального Комитета партии получил в этой связи большевик Николай Гурьевич Полетаев, являвшийся депутатом III Государственной думы. В Петербург приехал и специально командированный представитель будущей школы для подбора учеников. Поручение было выполнено. Среди направленных в партийную школу в результате этого отбора оказались токарь Путиловского завода Иван Белостоцкий и галошница с «Треугольника» Анна Иванова. День приезда питерцев в Париж был для Владимира Ильича, без преувеличения можно сказать, настоящим праздником.

«Публика все приехала развитая, передовая,— рассказывала Надежда Константиновна о впечатлении, которое произвели питерцы.— В первый вечер, когда они появились на горизонте, Ильич повел их ужинать куда-то в кафе, и я помню, как горячо проговорил он с ними весь вечер, расспрашивая о Питере, о их работе, нащупывал в их рассказах признаки подъема рабочего движения» [7]. И как же он был вознагражден сообщением Белостоцкого о недавнем митинге протеста против произвола царского правительства, состоявшемся на Путиловском заводе.

— Молодцы путиловцы,— порадовался Владимир Ильич.— Это очень интересный факт, товарищ Владимир (партийная кличка Белостоцкого.— *Ю. Ю.)*, архиинтересный и важный.

Потом Ленин познакомился с двумя москвичами, приехавшими учиться в школу. Необычайно скромный рабочий-кожевник Присягин, имевший к тому времени известный опыт профессионального революционера, рассказал ему о революционном движении пролетариев Москвы.

Бакинские большевики прислали литейщика Александра Догадова.

«После мытарств, обычных для незнающих ни одного иностранного языка, я, наконец, попал в Париж... И на другой же день отправился к Владимиру Ильичу,— вспоминал он.

— Обычно Владимир Ильич не любил принимать приезжающую из России публику, которая из любопытства «паломничала» к эмигрантам, играющим видную роль в революционном движении. Однако Владимир Ильич не любил встречаться лишь с празднoболтающей эмиграцией, всякого же прибывающего из России рабочего подвергал буквально «допросу с пристрастием», интересуясь всякими, даже незначительными, событиями и фактами о настроениях и положении рабочих, жизни организации и т. д. И в данном случае Владимир Ильич, не дожидаясь, когда я отправлюсь к нему, как к руководителю школы, сам вызвал меня к себе на квартиру.

С тех пор прошло уже 13 лет *; я смутно помню теперь, о чем Владимир Ильич меня «допрашивал», но что особенно ярко осталось у меня в памяти — это поразившая меня, приехавшего из Баку и жившего в Балаханах, в рабочих казармах, скромная квартира и обстановка, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Я ясно вижу потрепанный, видавший виды «примус», маленький чайник и пару стаканов, из которых Надежда Константиновна решила напоить меня и Владимира Ильича чаем. Нечего и говорить, что у меня, приехавшего из Баку, хотя и большевика, было совершенно ошибочное представление о Владимире Ильиче. Я ожидал встретить сухого, черствого фанатика, чуждого всяким человеческим чувствам и слабостям, который из-за идей не видит человека. Но первая же встреча и разговор с Владимиром Ильичем, а затем дальнейшие встречи совершенно вышибли из моей головы представления о нем, с которыми я приехал из России. Более простого и умеющего находить общий язык с собеседником товарища я не встречал. Несмотря на свой гениальный ум и знания, Владимир Ильич никогда не давал чувствовать своего превосходства товарищам, которых он допускал к беседам, за исключением, понятно, принципиальных споров, и поэтому каждый чувствовал себя с ним легко и хорошо...» [8]

Постепенно стекались в Париж и другие «русские учителя», нуждавшиеся в усовершенствовании: Иван Чугурин из Сормова, Яков Зевин из Екатеринославской губернии и др. Пока весь состав школы был укомплектован, прошло целых три месяца.

Это и не мудрено. Число мест в школе было строго лимити-

* Воспоминания написаны в 1924 году.

ровано, а претендовали на них многие партийные организации. Проводился тщательный отбор кандидатур, изыскивали средства на переброску будущих учеников через границу, да и обставить все это дело надо было строго конфиденциально.

Большую заинтересованность в посылке на учебу в школу рабочих-пропагандистов, партийных работников из Польши и Литвы проявлял Феликс Эдмундович Дзержинский. Это видно по его письмам партийным товарищам, относящимся к весне 1911 года.

«...Жалко было бы Прухняка, если бы он вынужден был работать только для заработка и не имел бы времени для учебы»,— говорится в первом из них. «Он очень способный и следовало бы помочь ему создать условия, чтобы он мог учиться» [9].

Где же следовало учиться очень способному партийному работнику? Не подлежит сомнению, что Феликс Эдмундович имеет в виду именно ту школу, которую создает Ленин. На случай, если в ней смогут обучаться два или три товарища, Дзержинский присмотрел при объезде ряда подпольных партийных организаций Польши и резервные кандидатуры.

«...Как один, так и другой настоящие партийцы и у русских они возьмут все, что у них есть лучшего, т. е. духовное воспитание»,— пишет Феликс Эдмундович еще о двух кандидатурах.

А если реальной окажется лишь одна вакансия? «Тогда пошлем Прухняка, которому надо выдать мандат, в мандате указать, сколько человек его выбрало, и дать ему другое по согласованию с ним имя» [10],— ставит в известность Феликс Эдмундович своего адресата в Кракове о ходе переговоров с русскими и необходимых приготовлениях к отправке отобранного кандидата на учебу в ленинскую школу.

Так оно и выходит в действительности. Едет Прухняк, которому, по убеждению Дзержинского, «нужна подготовка для серьезной работы».

Феликс Эдмундович искренне рад за Прухняка. Он отчетливо представляет себе, как идейно обогатится электромонтер из Домбровского угольного бассейна.

«Школа эта... будет работать под руководством Комиссии, большинство которой составляют известные большевики..,— информирует Дзержинский одного из членов Главного правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.— Конечно, это общепартийная русская школа только для рабочих» [11]. Так собирались в Париж на учебу к Ленину будущие ученики школы.

Поиски места, ничем не привлекательного для постороннего

глаза, увенчались успехом. Это была деревня Лонжюмо в восемнадцати километрах от Парижа. Дачники своим вниманием никогда не жаловали ее: кожевенный заводишко, расположенный в Лонжюмо, мало чем украшал окрестный пейзаж. Здесь весною 1911 года и появились «русские учителя». К их приезду Инесса Арманд успела договориться об аренде дома. Одну из комнатушек на его верхнем этаже она заняла для себя с сыном. Будущий лектор школы и руководитель семинарских занятий, она взяла на себя и все труды, связанные с подготовкой учебного процесса.

Дом, в котором расположились питомцы школы, стал сразу походить на общежитие. Гораздо сложнее было превратить хозяйский сарай в учебную аудиторию. Разного утиля в нем накопились целые горы. А от кузнечного горна так и не удалось освободиться. Он и поныне служит потомкам тогдашнего хозяина сарая.

Вскоре Владимир Ильич и Надежда Константиновна переехали из Парижа в Лонжюмо, где сняли две комнатки в квартире местного рабочего-кожевника.

Слушатели только съезжались. Официально партийная школа еще не была открыта. Но с теми, кто прибыл в Лонжюмо, велись подготовительные занятия. Учащиеся получали первоначальную теоретическую подготовку. Ленин читал и разбирал со слушателями «Коммунистический манифест».

Какова же была методика ленинских «читок»? Об этом рассказывает Иван Дмитриевич Чугурин:

«...Мы быстро все уселись вокруг него (В. И. Ленина.— *Ю. Ю.*). Он стал читать и, прочитав несколько строк, задавал вопросы. По ответу одного спрашивал другого — верно ли ответил товарищ и, внося те или другие поправки, продолжал занятия дальше» [12].

Из письма Якова Зевина можно почерпнуть некоторые существенные подробности, связанные с подготовительными занятиями.

«...Взялся приготовить небольшой реферат,— писал Зевин,— «Что такое профессиональные союзы и каковы они должны быть, т. е. нейтральные или партийные?»...

А сейчас иду на занятия. Учимся писать статьи и корреспонденции в газеты, учит жена Ленина».

На большой заботе, проявляемой Крупской об учащихся партийной школы, фиксируют внимание царской охранки ее доносчики из заграничной агентуры. Они сообщают о Надежде Константиновне из Парижа в Петербург:

«...Принимала участие в организации Комитета партийной школы учеников в м. Лонжюмо... вся без исключения переписка школьников с родными и знакомыми велась через Надежду Константиновну, жену Ленина... Письма из России также направлялись в указанные ею местности, пересылались оттуда к ней и здесь уже распределялись между адресатами-учениками» [13].

Между тем подготовка к развертыванию учебного процесса в партийной школе шла своим чередом.

Позже проводились беседы, посвященные практике профессионального движения, оценке выступлений социал-демократов на собраниях, съездах. Особым вниманием были окружены менее подготовленные товарищи.

Всего слушателей в партийной школе было восемнадцать. Основное ядро школы составляли большевики. Их было десять. Наряду с ними было несколько меньшевиков-партийцев, один впередовец, один польский социал-демократ и два нефракционных с.-д. Здесь собрались передовые рабочие из Петербурга, Москвы, Баку, Сормова и других городов.

Учебная программа школы предусматривала курс политической экономии. Его читал Ленин. Владимир Ильич вел еще два предмета: аграрный вопрос, теорию и практику социализма в России. Но этим не исчерпывалась нагрузка, которую взял на себя инициатор и основатель школы. Дело в том, что ученики школы послали приглашение Плеханову прочесть курс лекций по марксистской философии. Плеханов охотно согласился, но своего слова не сдержал. И тогда Владимир Ильич прочитал еще три лекции о материалистическом понимании истории. Общее число лекций составило 56. Кроме этого по просьбе учеников Ленин прочел также реферат о текущем моменте и положении в партии.

Лето 1911 года во Франции было знойное. Тем не менее в партийной школе шли напряженные занятия. К восьми часам утра слушатели усаживались по обе стороны длинного стола, стоявшего в сарае. Одни на скамейках, другие на хозяйских стульях, которые приносили из столовой после завтрака. Входил Ленин, занимал место лектора на импровизированной кафедре.

«Как сейчас помню: Владимир Ильич приходил всегда точно в назначенный час,— рассказывала впоследствии Анна Ивановна Иванова, носившая в школе конспиративную кличку «Вера».— Энергичный, сосредоточенный, а иногда веселый. Когда он появлялся, у всех становилось как-то празднично на душе» [14].

Исключительно глубокие знания, широкая эрудиция позволяли Ленину цитировать на память те или иные выдержки из произведений основоположников научного коммунизма. Тем не менее тома «Капитала» Маркса, труды Энгельса, а также отдельные работы Плеханова всегда были у него под рукой. Пользовался лектор и своими конспектами. Он считал, что конспект дисциплинирует мысль и речь, что без него можно, увлекшись одним положением, упустить другое...

Три курса лекций вел Ленин в школе, но науке он учил одной — марксизму, науке побеждать в грядущих классовых битвах, в пролетарской революции, в борьбе за торжество социализма. Читая лекции, Владимир Ильич стремился активизировать мысль слушателей, вызвать их на творческое обсуждение теоретических проблем. Об одной из таких бесед впоследствии вспоминала А. И. Иванова.

«— Вот, товарищи, вы будете делать революцию, вам предстоит возглавить народ в борьбе за власть,— говорил Ильич.— Предположим, произошла революция. Так вот, что вы будете делать, ну, например, с банками?

Минутная пауза, вызванная неожиданностью вопроса, затем из глубины сарая раздается голос:

— Уничтожим, Владимир Ильич!

— А вот и нет! — горячо воскликнул Ленин и стал терпеливо объяснять нам, как следует поступить.

Ленин говорил удивительно ярко и доходчиво. Самые запутанные явления и процессы он сравнивал с вещами, всем известными. И понятия абстрактные становились ближе слушателям» [15].

Одна ленинская лекция не была похожа на другую. Но каждая из них отличалась поразительным умением Владимира Ильича брать за живое буквально каждого слушателя, находить с ним общий язык.

— Это скорее была серьезная, живая беседа, в которую втягивались все присутствующие,— рассказывал один из бывших слушателей школы, Б. А. Бреслав.— Мы ему, конечно, задавали вопросы, и он нам отвечал на них охотно, но больше всего вопросов Владимир Ильич задавал нам, ученикам, каждому в отдельности и всем вместе. Мы все посильно старались отвечать, дополнять и исправлять друг друга, а Владимир Ильич, зорко следя за всеми нами, незаметно, одним словечком нас всех поправлял.

Практиковались в школе и домашние задания. Нередко перед слушателями ставились вопросы, на которые следовало при-

готовить письменные ответы. Так было и по курсу истории РСДРП. Учащиеся школы составили три реферата. Излагать свои мысли письменно, вести конспекты, сочинять рефераты — этому учили слушателей в часы, специально отведенные для самостоятельных занятий.

А учебные пособия? Были и они. По политической экономии слушатели пользовались тезисами, написанными Владимиром Ильичем. Существовала и школьная библиотека, которой заведовал «товарищ Петр» (так тогда называли Ивана Чугурина). В ней можно было получить необходимую литературу.

— Вы должны научиться пользоваться первоисточниками, а не выдержками из них,— подчеркивал Владимир Ильич (об этом вспоминал один из питомцев школы, Иван Вонифатьевич Присягин).— Учеба по цитатам взамен первоисточников — сплошное верхоглядство и пенкоснимательство...

Круг вопросов, которые охватывала учебная программа, был довольно широк. История социалистического движения на Западе. История РСДРП. Профсоюзы и кооперация. Рабочее законодательство и государственное право. Характер различных политических партий. Вопросы литературы и искусства. Изучались и тактические проблемы развития социал-демократического движения. И все это тесно связывалось с жизнью, с опытом революционной борьбы. Как строить партийную организацию? Как вести пропаганду и агитацию? Каково отношение партии к профсоюзам и кооперации? На эти вопросы слушатели получали ответы и в лекциях, и во время практических занятий.

Из Парижа приезжал на велосипеде в Лонжюмо Николай Александрович Семашко. Он читал лекции по рабочему законодательству, знакомил слушателей с постановкой государственного страхования рабочих в различных странах. Живой интерес вызывали его лекции о парламентаризме и думской социал-демократической фракции.

Истории социалистического движения в Бельгии были посвящены четыре лекции Инессы Арманд. Она пользовалась у слушателей глубоким уважением. Любопытна «аттестация», которую в то время составила на нее царская охранка: «Интеллигентка, с высшим, полученным за границей образованием, свободно владеет европейскими языками...» Тут же отмечалось: «Обладает весьма интересной наружностью».

Одним из лекторов в партийной школе был Ю. М. Стеклов. Он читал лекции о типах буржуазных конституций, об избирательных системах. Охранка и его не оставила без внимания. «Литератор и известен как знаток государственного права»,—

значилось в досье. И снова фрагмент портрета: «Очень высокого роста, полный, здоровый, вытянутое лицо, брюнет, раскладистая борода и усы, вид ученого».

...Рассказ о ленинской школе в Лонжюмо мы начали с упоминания о письме Владимира Ильича Горькому. В письме содержалась просьба дать ответ, которого ждут от писателя рабочие «из нашей школы». Дело в том, что Алексея Максимовича приглашали приехать в школу для чтения лекций по литературе. Но он не приехал, а прислал ученикам письмо, в котором сообщал: «Дорогие товарищи! Приехать в школу я не могу, не имея для этого ни здоровья, ни, главное, времени...»

Приглашение прочитать лекции по вопросам литературы и искусства принял А. В. Луначарский.

Меньшевики — ликвидаторы, впередовцы и прочие оппортунисты — всячески мешали работе школы. Они, в частности, ставили под удар и без того предельно скромный ее бюджет. Ленину приходилось выдерживать тяжелую борьбу за то, чтобы отстоять предусмотренные для школы средства.

Большой интерес в этой связи представляет впервые опубликованный в Полном собрании сочинений В. И. Ленина один примечательный документ. История его такова. В июне 1911 года происходило совещание членов ЦК РСДРП. На нем была создана как временный орган впредь до пленума ЦК Заграничная техническая комиссия, которая ведала партийными средствами и выполняла технические функции в связи с изданием партийной литературы, ее транспортировкой и т. д. Примиренческое большинство комиссии отказалось финансировать партийную школу в Лонжюмо. Тогда-то Ленин от своего имени и от имени другого члена ЦК написал специальное заявление:

«Как члены совещания мы, нижеподписавшиеся, узнав о решении Технической комиссии не выдавать денег школе, заявляем, что считаем это решение прямо противозаконным и вносим на голосование членов совещания следующее предложение: *Члены совещания постановляют выдать из наличных денег (или из держательских) необходимую для школы — по решению партийной Школьной комиссии (на разъезд и на жизнь не позже 1. IX. 1911) — сумму»* [16].

Ленин писал это заявление 30 июля 1911 года, когда занятия в школе были в самом разгаре. Нетрудно себе представить, сколько сил пришлось затратить Владимиру Ильичу на то, чтобы отвести угрозу, нависшую над школой. Из-за недостатка средств пришлось форсировать сроки прохождения учебной программы.

Слушателям приходилось трудиться основательно, но зато и отдых был вдвойне приятен. Ленин охотно разделял со своими учениками прогулки в поле, хоровые спевки. Свои любимые песни «русские учителя» пели задушевно, выразительно. Послушать «Стеньку Разина» или «Дубинушку» собирались и местные жители. Французы также пели свои песни. Нередко импровизированный хор исполнял и «Интернационал» [17].

Школе в Лонжюмо Ленин отдавал все свои силы.

— Владимир Ильич работал 6 дней в неделю, не давая себе ни минуты отдыха,— вспоминала член РСДРП с 1902 года З. И. Лилина,— но один день в неделю отдыхал полностью...

«Выходной» Владимир Ильич, Надежда Константиновна и их знакомые проводили в велосипедных прогулках. Из Лонжюмо отправлялись в Париж.

— Условие, которое Владимир Ильич при этом ставил,— ни слова о политике,— вспоминала та же Лилина.— В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным, о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике. Оказалось, что с Владимиром Ильичем можно говорить о многом, не касаясь политики. Владимир Ильич был прекрасным велосипедистом. В дороге он внимательно следил за Надеждой Константиновной и много и частенько брал нас на буксир за своим велосипедом.

...Последний день учебы в Лонжюмо. Он остался в памяти слушателей школы на всю жизнь. Напутствуя их, вспоминала Иванова, Владимир Ильич призывал:

— Берегите друг друга, помните о нашем партийном товариществе, и главное — смелее опирайтесь на рабочий класс, в нем наша сила, наша будущность...

Ученики ленинской школы в Лонжюмо сыграли затем значительную роль в преодолении партийного кризиса.

В жизни партии предстояло важнейшее событие — Пражская конференция РСДРП. И для подготовки к ней в Россию были направлены три питомца ленинской школы, опытные революционеры: сначала Г. К. Орджоникидзе, затем И. И. Шварц и Б. А. Бреслав. Приятно было Владимиру Ильичу увидеть их затем среди делегатов конференции. А всего на конференции было пять слушателей школы Лонжюмо. Серго Орджоникидзе избрали в состав Центрального Комитета партии. Кроме того, на первом заседании нового ЦК, состоявшемся во время конференции, было решено кооптировать в его состав Ивана Белостоцкого.

Несмотря на все предосторожности, царская охранка узнала о школе, отмечала ее революционный характер. Да и не мудре-

но, ведь вербовал учеников в школу агент, посланный в Россию Лениным. Он «руководствовался желанием, чтобы в школу попадали преимущественно рабочие — последователи ленинского большевистского направления».

Еще в Париже Владимир Ильич предостерегал слушателей школы от неосмотрительности, предупреждал, что царские сатрапы будут за ними охотиться. Об одном из эпизодов рассказала в своих воспоминаниях Анна Ивановна Иванова.

Из Петербурга в Париж А. И. Иванова выехала, ожидая своего первенца. В Париже и родился ее старший сын, Борис. Это, однако, не помешало ей успешно окончить школу.

«Не забуду и такой истории,— вспоминала Анна Ивановна.— В помощь слушателям Ленин написал тезисы по политической экономии. Однажды я сказала Надежде Константиновне:

— А что, если я отпечатанные тезисы возьму с собой в Питер? Мы там по ним будем заниматься в рабочих кружках.

Вскоре после этого Владимир Ильич подошел ко мне и мягко сказал:

— Надежда Константиновна говорила, что вы хотите взять тезисы в Питер. И не думайте этого делать! Обещайте мне, что, кроме своего Борьки, вы из Парижа ничего не повезете. Ведь как вы там их ни прячьте, жандармы могут найти... А вас ждет в Питере большая и нелегкая работа, зачем же еще подвергать себя опасности? Так обещаете?

— Обещаю, Владимир Ильич,— смущенно ответила я».

Однако уйти от охранки, следовавшей за ней по пятам, «товарищу Вере» так и не удалось...

Собирая материал для этого очерка, я побывал в Ленинграде. Журналист Б. Расин познакомил меня с находкой в Архангельском государственном архиве.

...Обложка одного из дел канцелярии архангельского губернатора. О ком же оно? Оказывается, о состоявшей под гласным надзором полиции крестьянке Псковской губернии, Островского уезда, Анне Ивановне Ефимовой, урожденной Ивановой. В деле этом значится, что она попала в ссылку «за нелегальный выезд из России за границу и вступление в число учениц Парижской школы агитаторов Российской социал-демократической рабочей партии». Так написано было на обложке дела, насчитывавшего ни мало ни много сорок семь листов.

Анне Ивановне посчастливилось вновь встретиться с Лениным в апреле 1917 года, во дворце Кшесинской.

— Он меня сразу узнал и, хотя был очень занят самыми неотложными делами,— вспоминала Анна Ивановна,— стал рас-

спрашивать о положении в районах, о настроениях рабочих, солдат, матросов... Ленин не забыл спросить о сыне и о муже, которого он тоже знал, и пригласил меня зайти к нему на квартиру. Он жил тогда на Широкой улице у Анны Ильиничны.

Приглашением Ленина Иванова воспользовалась. А вскоре она была направлена Владимиром Ильичем на работу в редакцию журнала «Работница».

В эти же исторические апрельские дни семнадцатого года Ленина встречал на Финляндском вокзале другой его ученик по школе в Лонжюмо, представитель Выборгского райкома партии Иван Дмитриевич Чугурин. Владимир Ильич сразу узнал «товарища Петра». Здесь же, на вокзале, Чугурин, выполняя поручение районного комитета партии, вручил Владимиру Ильичу партийный билет № 600.

Характерную дарственную надпись оставляет Чугурин на своем фотоснимке, передаваемом им уже летом двадцатого года в Управление делами Совнаркома для Владимира Ильича: «Товарищу Ленину Вл. Ил. от школьника Лонжюмо Петра 5/VII — 20 г.» [18].

Вскоре Владимира Ильича увидел еще один выпускник ленинской школы, Иван Вонифатьевич Присягин (в школе его звали «товарищ Степан»). Барнаульские большевики послали Присягина своим делегатом на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию партии.

«На конференции встретили мы много знакомой публики,— писала впоследствии Надежда Константиновна.— Запомнилась, между прочим, встреча с Присягиным, учеником школы в Лонжюмо, запомнилось, как слушал он речь Ильича и как светились его глаза» [19].

Лонжюмо, ленинской школе посвятил свою поэму Андрей Вознесенский. Она полюбилась многим читателям. Есть в этой поэме и такие строки:

Школа Ленина! Где ты, школа?
Где сейчас твои ветераны?

Ивана Присягина Великий Октябрь застает на Алтае. Он председатель губкома партии, затем возглавляет губернский профсовет, активно борется за власть Советов. В 1918 году белогвардейцам удается схватить его и бросить в застенок. Присягин погиб, как народный герой.

Свято хранит наш народ в своей памяти имена двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интер-

вентами и эсерами. Среди них был Яков Зевин, питомец ленинской партийной школы в Лонжюмо.

Наука, которой учил Ленин, была путеводной звездой командарма социалистической индустрии Серго Орджоникидзе. Ей следовал в своей работе и ставший впоследствии одним из секретарей ВЦСПС Александр Догадов. Бреслав и Чугурин, Шварц и Иванова — каждый на своем посту служили делу партии так, как учил их Владимир Ильич. Ленинская выучка наложила отпечаток на жизнь и деятельность Эдуарда Прухняка, который был в довоенные годы одним из руководителей Коммунистической партии Польши.

Следует назвать еще вольнослушателя той же школы в Лонжюмо — Василия Николаевича Манцева.

«Вступительные экзамены» в нее он сдавал еще в 1905 году Военно-революционному комитету, руководившему Декабрьским вооруженным восстанием в Москве. Выдержал их достойно и тем заслужил доверие московской партийной организации, принявшей его в свои ряды. Потом он учится в Московском университете, где одновременно ведет большую революционную работу среди студенчества. Охранка берет Манцева «на заметку», и со студенческой скамьи он не раз попадает за тюремную решетку. Последняя репрессия — высылка во Владимирскую губернию. Оттуда Манцеву удается бежать. Он добирается до Франции. Становится студентом университета в Гренобле. Летом 1911 года, видимо, воспользовавшись студенческими каникулами, он появляется, правда с опозданием, среди тех же «русских учителей» в Лонжюмо.

Приближается время возвращения Манцева, закончившего университет в Гренобле, на родину. Василия Николаевича ждет в России сложная, чреватая постоянными опасностями нелегальная партийная работа. Тут может подвести и внешний облик конспиратора. Такое критическое замечание и высказывает Ленин Манцеву, носившему партийную кличку Глеб.

«Если Вы поедете в Москву в таком виде, как Вы сейчас одеты, Вас сразу же примут за анархиста...»

Магазин одежды Манцев, по его рассказу, посетил не один. Пошел с ним и Владимир Ильич. Вместе они и подобрали туалет, подобающий коммивояжеру...

Снова свела судьба Манцева с Лениным уже после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. На имя Василия Николаевича есть ряд ленинских записок.

«Мне пришлось работать в организации, которая была наиболее связана с партией, с В. И. Лениным и руководствовалась

ее указаниями и партийными директивами,— рассказывал Василий Николаевич.— Сначала я работал в ВЧК, а затем, после создания в ноябре 1918 года Московской чрезвычайной комиссии, меня направили в МЧК. С Владимиром Ильичем мне приходилось часто встречаться. Я, помню, о Владимире Ильиче всегда думал так: вождь партии, завален делами, куда ему мелочами жизни интересоваться! А я вам скажу, что Владимир Ильич находил время, чтобы вникнуть в каждую деталь, особенно если это касалось вопросов борьбы с контрреволюцией...» [20].

Воспитанник ленинской школы в Лонжюмо, Манцев находился на важнейших боевых постах. Он был удостоен орденов Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, знака «Почетный чекист», грамоты Коллегии ОГПУ и награжден именным боевым оружием.

В живых оставался единственный представитель славной плеяды учеников партийной школы в Лонжюмо. Это был Иван Степанович Белостоцкий. Жил он в Челябинске. Там и состоялось наше знакомство с ним.

Ивану Степановичу шел уже тогда девятый десяток. Им был пройден большой жизненный путь профессионального революционера.

В первые годы Советской власти он руководил здравоохранением на Урале. Не раз тогда приходилось ему являться с докладами к народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко, старому знакомому по Лонжюмо. Белостоцкий в дальнейшем строил цехи Челябинского тракторного завода и участвовал в выпуске первых его тракторов. Как и многие труженики тыла, он сутками не покидал завода в годы Великой Отечественной войны, работая начальником цеха. Тремя орденами Ленина отметила Отчизна его заслуги.

И. С. Белостоцкий познакомил меня с почтой, которую он получал. Ему писали историки и художники, работники партийных архивов и научные сотрудники краеведческих музеев. Здесь находились и письма слушательницы партийной школы Анны Ивановой, фотография Ивана Присягина, присланная работниками одного из партийных архивов. Белостоцкий и Присягин крепко дружили, жили в одной комнате в Лонжюмо.

Свой особый интерес к истории партийной школы в Лонжюмо, к ее опыту, традициям проявляют пропагандисты, лекторы, методисты системы партийной учебы. И как раз в те дни, когда мы беседовали с Иваном Степановичем, он получил приглашение в Дом политического просвещения Челябинского обкома пар-

тии. Его просили выступить перед пропагандистами, преподавателями кафедр истории КПСС. Приглашение было принято. Состоялся задушевный разговор о силе революционной теории, о славных делах нашей партии.

Собравшихся интересовал вопрос, с каким общеобразовательным багажом приехали слушатели учиться в школу.

— Лично мне, например,— рассказывал Белостоцкий,— удалось окончить амвросиевское двухклассное училище. Самым образованным среди нас был Серго Орджоникидзе. Он окончил гимназию, был фельдшером. Владимир Ильич преподавал так понятно, что все хорошо усваивали материал.

— Иван Степанович,— обратился к Белостоцкому один из пропагандистов тракторного завода,— школа, в которой вам посчастливилось учиться, создавалась в трудных условиях. Программа была напряженной. Расскажите, пожалуйста, как строились занятия.

— Кроме лекций, какие еще формы занятий были? — дополняет вопрос другой пропагандист.

— Конечно, работать приходилось порядочно. Не гулять же туда приехали. Много мы занимались изучением теории, но находили время и для ознакомления с Парижем. С Анатолием Васильевичем Луначарским мы ездили в Лувр. Он тут же на ходу читал нам лекции по искусству. Ходили мы с одним из наших преподавателей во французский парламент. Слушали там выступления Жореса. Знакомились с памятниками французских революций. Посетили кладбище парижских коммунаров...

...Все новые и новые вопросы задавали участники беседы Ивану Степановичу Белостоцкому.

Встреча с Иваном Степановичем навела меня еще на один след, идущий из ленинской школы под Парижем. Что о быте всей школьной семьи радела Катя Мазанова, жена рабочего, до эмиграции разделявшая с ним сибирскую ссылку, известно. Но вот что в Москве живет ее сын, который одиннадцатилетним подростком был с матерью в Лонжюмо, явилось для меня открытием. Белостоцкий показал письма Михаила Ивановича Мазанова, художника по профессии, дал его московский адрес.

Вернувшись из Челябинска в Москву, я познакомился с Михаилом Ивановичем. Оказалось, что уже много лет он лелеет мечту написать картину о Лонжюмо. Об этом он написал в Париж другу своего детства Шарлю Уврару, прося его побывать с фотоаппаратом в Лонжюмо и снять места, связанные с ленинской школой. Тот не заставил себя долго ждать и вскоре пакет с отснятой пленкой был в руках Мазанова.

И хотя не блещут мастерством любительские снимки, они о многом скажут читателям. Вот домик рабочего-кожевника, в котором две маленькие, сырые и темные комнатушки на втором этаже занимали Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Ныне на фасаде этого домика есть мемориальная доска. Воспроизводим ее текст в русском переводе:

«Здесь жил и работал в 1911 году
В. И. ЛЕНИН —
теоретик и вождь
международного коммунистического движения,
основатель Советского Союза»

Перед нами и тот самый сарай, в котором была аудитория первого ленинского университета (сын владельца дома лишь частично модернизировал это помещение для своей мастерской).

«Горн старый — на том же месте»,— сопроводил своей пояснительной надписью второй снимок Михаил Иванович.

Оба снимка вошли в первое издание этой книги. Как потом я узнал из письма Михаила Ивановича Мазанова, он отослал один экземпляр книги в Париж своему другу Шарлю Уврару, сделавшему эти снимки в Лонжюмо.

Оттуда пришло письмо. Отвечал, однако, не Шарль Уврар, а его сын Марсель, сообщивший, что бандероль уже не застала в живых отца.

«Я только что получил присланную Вами книгу и хочу поблагодарить Вас за эту посылку,— пишет Марсель Уврар Михаилу Ивановичу Мазанову.— Мой отец, оказывается, упоминается на одной странице истории вашей большой страны. Он бы гордился тем, что его имя объединено с именем великого Ленина, он бы присоединился ко мне, чтобы Вас поблагодарить за то, что Вы сделали...»

Ленинская партийная школа в Лонжюмо явила собой замечательный образец пропаганды марксизма, неразрывной связи революционной теории с практикой. Сокровищница ее опыта драгоценна.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 32, 37.
[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 290.
[3] *Дубинский-Мухадзе И.* Орджоникидзе. М., 1963, с. 90.
[4] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 191.

[5] История СССР, 1965, № 5, с. 118.
[6] Соратники В. И. Ленина — организаторы профсоюзов СССР. М., 1970, с. 70.
[7] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд., с. 189.
[8] О Ленине. Воспоминания. М., 1925, кн. 2, с. 139—140.
[9] См. *Нелидов Н., Барчугов П.* Ленинская школа в Лонжюмо. М., 1967, с. 33.
[10] Там же.
[11] Там же, с. 34.
[12] *Чугурин И. Д.* Мои встречи с Лениным.— В кн.: Товарищ Ленин. Воспоминания нижегородцев. 2-е изд. Горький, 1969, с. 130.
[13] Надежда Константиновна Крупская. Биография. М., 1978, с. 115.
[14] Дон, 1958, № 4, с. 23.
[15] Там же.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 294.
[17] См. Великий учитель. Ленинская хрестоматия. Л., 1924, с. 77.
[18] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978, т. 9, с. 82.
[19] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд., с. 306.
[20] Ленин в воспоминаниях чекистов. Библиотечка журнала «Пограничник». М., 1970, с. 79.

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Лишь пять недель спустя после установления Советской власти Ленин смог вернуться к своему труду «Государство и революция», созданному им в последнем подполье. Владимир Ильич решил сопроводить книгу послесловием.

Из него мы знаем, что по замыслу автора она должна была содержать семь глав. Написать последнюю из них он, однако, не успел.

«...«Помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года,— говорится в ленинском послесловии.— Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» [1].

Проделывание «опыта революции», о котором говорит Ленин, потребовало от него колоссального напряжения всех сил, титанического труда, подвижничества.

Враги не брезгали самыми чудовищными приемами клеветы против вождя революции, готовы были его растерзать. Надо было обладать ленинской волей и выдержкой, чтобы в неимоверно тяжелых условиях, сложившихся для Владимира Ильича летом и осенью 1917 года, с удесятеренной энергией вести дело революции к полной победе.

Но много ли у Ленина найдется высказываний, где он касался бы тех испытаний, через которые пришлось пройти лично ему, проделывая «опыт революции»? Их можно счесть по пальцам. Владимир Ильич говорит о себе очень редко, да и то постольку, поскольку ему приходится отмечать достоинства и заслуги того или иного человека, с которым свела его судьба.

Вот пример. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в конце сентября — 1(14) октября 1917 года, упоминается представитель угнетенного класса, поразивший Ленина правильной классовой оценкой июльских событий того года. Только в этой связи Владимир Ильич говорит о положении, в которое он сам был поставлен контрреволюционным Временным правительством.

«После июльских дней,— рассказывает он,— мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Пи-

тера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб»» [2].

Мысли, высказанные рабочим за обеденным столом, произвели на Ленина глубокое впечатление. Он их не только изложил в своей статье, но и надлежащим образом прокомментировал.

««Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем» — так думает и чувствует рабочий» [3],— говорится в ленинской статье.

На какой же из дней июльских событий приходится эпизод, переданный Лениным? Какое далекое предместье Питера, чью маленькую рабочую квартиру он имеет в виду, излагая мысли рабочего по поводу внезапного появления в продаже белого хлеба?

С чего все началось — хорошо известно. На рассвете 5 июля 1917 года в редакцию «Правды», помещавшуюся на набережной реки Мойки, ворвались вооруженные юнкера и казаки и учинили там погром. Подручные Керенского получили сигнал для начала кровавой расправы над большевиками. Тогда-то Ленину и пришлось снова уйти в подполье.

Настал следующий, еще более тревожный и напряженный день. Ищейки Временного правительства сбились с ног в поисках Ленина.

Первые сутки подполья он провел в квартире Сулимовых на набережной Карповки. Супруги Сулимовы — Сергей Николаевич и Мария Леонтьевна — были активными работниками Военной организации партии, за которыми власти придержащие могли особенно зорко следить теперь. Поэтому дальнейшее пребывание Ленина у Сулимовых становилось рискованным.

Надо было «перекочевывать» на одну из рабочих окраин. Но куда именно?

Крупская хорошо знала Выборгскую сторону, где она заведовала культпросветотделом районной управы.

6 июля она зашла в Выборгский райком партии и обрисовала создавшееся положение руководителю партийной организации выборжцев Жене Егоровой. Тут и было решено, не медля ни минуты, укрыть Владимира Ильича на Выборгской стороне. Здесь же оказался хозяин новой конспиративной квартиры. Это был рабочий Василий Николаевич Каюров.

«Приняв это поручение, я через некоторое время вместе с

Надеждой Константиновной пошел на Петроградскую сторону,— вспоминал он.— Через несколько минут ожидания невдалеке от дома, где находился Ильич, я увидел Надежду Константиновну, возвращавшуюся в сопровождении Владимира Ильича, который скрывал свое лицо под надвинутой на лоб широкополой шляпой.

Мы медленно пошли втроем...» [4]

Важно было благополучно пройти улицами Петроградской стороны, изобиловавшими буржуазной публикой. Это, к счастью, удалось. Наконец, позади остался и Гренадерский мост. Владимир Ильич и его спутники оказались на Выборгской стороне. Тут Надежда Константиновна настолько воспряла духом, что, простившись с Владимиром Ильичем и Каюровым, отправилась на работу в районную думу.

Ступив на Выборгскую сторону, Ленин мог чувствовать себя, как за каменной стеной. Тем не менее поступаться правилами конспирации нельзя было и здесь.

«...Я старался проводить Ильича по малонаселенным переулочкам и огородам,— рассказывал Каюров.— Наконец, дорога привела нас к моей квартире (Языков пер., д. № 2).»

...Малонаселенные переулочки. Огороды. Приметы, очень напоминающие то самое «далекое рабочее предместье Питера», о котором Ленин говорит в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть?».

А «маленькая рабочая квартира»? Не та ли она самая, в которую Каюров приводит Ленина? И наконец, не здесь ли за столом Владимир Ильич услышал из уст рабочего слова о растерявшихся горе-правителях: ««они» не смеют теперь давать дурного хлеба»...

Обратимся вновь к воспоминаниям Каюрова.

«Не знакомя Ильича с домашними, я провожаю его в комнату, где мы первым долгом попросили у жены обедать,— писал он.— Щи и каша не могли пожаловаться на наш плохой аппетит...»

Можно предположить, что за этим обедом Владимир Ильич и услышал слова рабочего, процитированные им в упомянутой статье *.

* Квартира токаря завода «Айваз» Эмиля Кальске, где Ленин во время нелегального переезда из Разлива в Финляндию провел один из августовских дней 1917 г., также находилась в далеком рабочем предместье Петрограда (станция Удельная). Не исключено, что эпизод, упоминаемый Владимиром Ильичем в его работе «Удержат ли большевики государственную власть?», имел место за обедом в семье Эмиля Кальске.

Машина ядовитой клеветы против Ленина была пущена Временным правительством на полный ход.

— Да, да могут доказать, что угодно,— в их руках власть и главным образом печать [5],— сказал Владимир Ильич Каюрову по поводу инсинуаций Временного правительства, подхваченных «Петроградским листком».

Пробыв на квартире Каюрова всего лишь несколько часов, Ленин оставил ее. После этого он появился в Выборгском районном комитете партии, но и здесь задерживаться не стал. Отсюда путь его лежал на завод «Русский Рено».

Старый рабочий завода «Русский Рено», член бюро фракции большевиков Петроградского Совета в 1917 году И. С. Ашкенази рассказывал о том, как был подготовлен приезд Владимира Ильича на совещание.

«С вечера 3 июля до утра 5 июля я нес дежурство в Таврическом дворце, а 6 июля мне было дано поручение Центрального Комитета партии организовать переезд Ленина в безопасное место,— вспоминал он.— Поручение это было мне передано в Таврическом дворце Еленой Дмитриевной Стасовой.

В эти дни войска и юнкера охраняли мосты, проверяли пропуска автомобилей и удостоверения личностей, едущих в них; пропуска же для автомобилей выдавались исключительно штабом Петроградского военного округа. Я направился в штаб округа с требованием выдачи мне, как члену Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от завода «Русский Рено», разрешения на свободную езду на автомобиле по городу по делам завода. Штаб-офицер допытывался о моей принадлежности к политической партии — не большевик ли я. Я ответил, что я не большевик, что завод работает на оборону (изготовляет снаряды и производит сборку моторов для аэропланов) и пропуск необходим заводоуправлению. Офицер уходил за всякими справками, возвращался, опять начинались расспросы, и только после моих настойчивых требований я добился пропуска на автомобиль, принадлежавший директору завода французу Ванья.

В получении мною пропуска, очевидно, решающее значение имело то обстоятельство, что завод «Русский Рено» был французский, и, следовательно, штабу Петроградского военного округа было неудобно отказать заводу в выдаче пропуска...

В. И. Ленин сел в автомобиль, и я, вооружившись браунингом, поехал на наш завод. Завод в этот день не работал, но рабочие-красногвардейцы были на месте. Они проходили военное обучение. Единственным местом, где можно было скрыть Лени-

на, было помещение заводского комитета — небольшой деревянный домик (в прошлом сторожка). Здесь Ленин находился под охраной пролетариев революционного завода...»

Во второй половине дня того же 6 июля в помещении завкома при участии Владимира Ильича состоялось заседание исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б). Ленин решительно высказался против всеобщей политической стачки. Был принят написанный им проект воззвания к рабочим с призывом возобновить работу с 7 июля.

Что представляло собой так называемое «дело» против Ленина, состряпанное ревностными слугами буржуазии, хорошо известно: гнуснейшая фальшивка!

От нее с презрением отворачивался каждый мало-мальски порядочный, честный человек. Но все акции, предпринятые военной диктатурой против вождя партии, не оставляли сомнения в том, что его жизни угрожает серьезная опасность. Обыск за обыском на квартире Елизаровых, где жил до ухода в подполье Владимир Ильич. Приказ Временного правительства об аресте Ленина.

Надо было в этих условиях обладать ленинской целеустремленностью, собранностью, чтобы думать о создании книги «Государство и революция», над которой Владимир Ильич начал трудиться, еще находясь в эмиграции, в Цюрихе.

«...Если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме),— пишет Ленин в часы, когда против него подняты все темные силы.— Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали» [6].

...Ленинская тетрадка в «Синей обложке», застрявшая в Стокгольме. Кто и как доставил ее из столицы Швеции Владимиру Ильичу, ушедшему уже в подполье,— вот вопрос, который и ныне остается открытым.

Пока мы знаем лишь еще об одной просьбе Ленина доставить ему «синюю тетрадь» в Разлив. Знаем и о том, что она сопутствовала Владимиру Ильичу в его нелегальном переезде из Разлива в Финляндию. Интересующий нас эпизод содержится в малоизвестной статье Александра Васильевича Шотмана, подготовившего по поручению Центрального Комитета партии переезд Ленина из шалаша в более безопасное место по ту сторону границы.

Шотман вспоминает, что Владимир Ильич, поднимаясь под видом помощника машиниста на паровоз, чтобы нелегально переехать финляндскую границу, передал ему тетрадь в синей обложке.

«Он несколько раз повторил, чтобы я берег эту тетрадь пуще глаза своего, и в случае его ареста передал бы ее кому-либо из членов ЦК,— пишет Шотман.

— Когда мы благополучно перебрались через границу, и я с Эйно Рахья у паровоза поздравляли Владимира Ильича с благополучным переездом, он первым делом спросил, цела ли тетрадь и, взяв ее от меня, засунул за пазуху» [7].

...Август семнадцатого года. Ленин шлет весточку о себе из Гельсингфорса сестре, Марии Ильиничне.

«...Засел за работу о государстве, которая меня давно интересует» [8],— сообщает Владимир Ильич ей.

Так рождалась ленинская книга «Государство и революция».

* * *

Летом 1921 года Ленин обращается с письмом к руководителям Народного комиссариата земледелия, в котором советует наилучшим образом использовать опыт агронома Фофановой. «Это — партийный товарищ, архииспытанный *еще до* октября 1917» [9],— говорится в ленинском письме.

На чем именно выдержал этот партийный товарищ проверку *еще до* Октября, Владимир Ильич в письме не уточняет. Об этом он пишет в начале следующего, 1922 года, обеспокоенный трудным положением, в котором оказалась Маргарита Васильевна Фофанова. У нее тяжело заболела 15-летняя дочь.

«М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года,— говорится в письме Ленина, адресованном Секретариату Центрального Комитета партии.— Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире.

С революции Октября 1917 года работает все время не покладая рук» [10].

Как же это было?

Сначала о лете 1917 года.

6 июля, когда Выборгский райком партии был занят «переселением» Ленина с Петроградской стороны на рабочую окраину, в райком пришла и Маргарита Васильевна Фофанова.

— Приходи вечером, ты можешь понадобиться,— сказала ей Женя Егорова — руководитель партийной организации.

Когда Фофанова вновь пришла в условленный час, ей ска-

зали, что на ее квартире состоится узкое совещание членов Центрального Комитета партии. Приедет Ленин.

Маргарита Васильевна тут же направилась домой...

И вот за столом хозяйки идет совещание, которым руководит Владимир Ильич. Обсуждаются июльские события, вырабатывается программа действий партии в сложной обстановке.

Чем же объяснить, что именно здесь происходит совещание?

Дом, в котором жила Фофанова, находился на той же рабочей окраине, на Выборгской стороне. Расположен он был рядом с полотном Финляндской железной дороги. Охранка сравнительно редко жаловала своим вниманием эти места. Маргариту Васильевну уже успела узнать по совместной работе в клубе для детей рабочих Выборгской стороны Надежда Константиновна Крупская. Она не раз бывала у своей сослуживицы дома и убедилась, что более надежного укрытия для Ленина трудно и пожелать.

Перейдем теперь к осени 1917 года. Энергичная и преданная большевичка Фофанова, как это следует из ленинского письма, перед Октябрем в самые опасные времена прятала Владимира Ильича у себя на квартире.

Разговор о предстоящем возвращении Ленина из Финляндии в Петроград вела с Фофановой Женя Егорова — секретарь Выборгского райкома партии. Предложение укрыть Владимира Ильича в своей квартире Маргарита Васильевна приняла охотно, отдавая себе полный отчет в том, какую большую ответственность она этим берет на себя.

Требовалось тщательно все продумать, предусмотреть, взвесить: и на какой из пригородных станций Владимиру Ильичу лучше сойти по возвращении из Финляндии в Петроград, и как незаметнее войти в квартиру Маргариты Васильевны, чтобы не привлечь к себе внимания посторонних, и многое другое. Держали совет по этим и другим вопросам, связанным с поселением Владимира Ильича у Фофановой, Крупская и хозяйка конспиративной квартиры.

Посвятить Ленина в эти планы и получить его одобрение удается Надежде Константиновне во время нелегальных поездок к нему в Финляндию. Для этой цели неплохо послужили ей документы покойной работницы Агафьи Атамановой, с помощью которых удалось перейти границу.

Надежда Константиновна привезла Владимиру Ильичу ключи от квартиры Фофановой. Одобрив выбор конспиративной квартиры, он согласился и с коллективным мнением Фофановой и Крупской о выборе маршрута из пригорода Петро-

града на эту квартиру: безопаснее добраться домой к Маргарите Васильевне со станции Удельная.

Так, осенним вечером семнадцатого года Ленин вновь переступил порог квартиры Фофановой.

...Из Финляндии в Россию Ленин вернулся по паспорту на имя Константина Петровича Иванова — рабочего Сестрорецкого завода, изготовленному для него еще летом, когда он покидал Разлив и переезжал границу. Надежда Константиновна, представлявшая Ленина хозяйке конспиративной квартиры, назвала его настоящим именем. Владимир Ильич тут же сделал поправку: нет, он Константин Петрович. Готов предъявить надлежащий документ...

Надежда Константиновна в связи с этим не преминула заметить, что для конспиративной квартиры у него слишком скверная привычка: когда он думает, то любит ходить, а может даже и запеть.

— Хорошо, хорошо. Буду помнить,— принял к сведению замечание Надежды Константиновны Ленин.

«Как-то после обеда Владимир Ильич предложил мне показать всю квартиру,— вспоминает Маргарита Васильевна.— Вошел в мою комнату, увидел балкон, спросил, закрываю ли я его на зиму. Затем поинтересовался, где проходит водосточная труба, и сказал, чтобы окно, у которого расположена труба, на зиму не закрывать. Он предложил мне вечером, когда стемнеет, пройти во двор и незаметно отколотить в заборе две доски как раз против водосточной трубы — от верхней слеги или от нижней, как будет сподручно. Я спросила Владимира Ильича, зачем это нужно.

— Как вы не понимаете, у вас нет второго выхода из квартиры,— ответил он.

— Неужели вы будете спускаться по трубе?

— Когда надо будет, спущусь и по трубе» [11],— сказал Владимир Ильич.

...Шли конспиративные будни Владимира Ильича в квартире Фофановой. Он и здесь, как обычно, неутомимо работал.

Каждое утро Владимир Ильич получал из рук хозяйки квартиры свежие номера чуть ли не всех газет, выходивших в Петрограде. За иными из них она специально ездила в центр города. Надо было обладать ее настойчивостью, чтобы достать редкую книгу, понадобившуюся Владимиру Ильичу для работы. По его поручениям Маргарита Васильевна часто бывала в Выборгском райкоме, через который осуществлялась связь с Центральным Комитетом партии.

Случилось так, что, проживая в конспиративной квартире Фофановой, Ленин познакомился с ее библиотекой и среди книг заметил тетрадь пропагандиста. В ней содержался составленный Маргаритой Васильевной конспект ленинской работы и разноцветные флажки партий, выступавших на политической арене России перед Октябрем. Называлась эта ленинская работа «Политические партии в России и задачи пролетариата».

— Эта книжечка была у нас, пропагандистов, мы ее переписывали к себе в тетрадки,— рассказывает Маргарита Васильевна.— У нас был такой порядок: выступает молодой пропагандист — обычно присутствует старший товарищ.

Я пригласила на свою беседу Надежду Константиновну. Надо было разъяснить людям, какие политические партии существуют в России. Свой путь я начинала с сельской учительницы. Поэтому у меня был некоторый навык для наглядного проведения рассказа. Я решила иллюстрировать свой рассказ флажками. Большевики — красный флажок. Пеструю коллекцию составляли флажки враждебных народу партий.

Изготовить флажки помогли питомцы клуба для рабочих подростков на Выборгской стороне, в котором Маргарита Васильевна вела работу вместе с Крупской.

Представителей некоторых буржуазных партий, суливших народу молочные реки и кисельные берега, юные художники изобразили в карикатурах.

— А вы знаете, это очень хорошо,— сказал Владимир Ильич, увидевший конспект пропагандиста.— Всегда надо давать диаграммы или что-то другое. Не все хорошо воспринимается на слух. Ваш подход совершенно правильный...

Надо еще сказать о профессиональном поприще, избранном хозяйкой квартиры, прятавшей Ленина. Маргарита Васильевна готовилась стать агрономом. Она заканчивала специальное учебное заведение и работала в издательстве Девриена. Литература студентки-дипломницы вызывала живой интерес у Владимира Ильича.

Владимир Ильич знал, что ради более надежной конспирации хозяйка квартиры перед его приездом отправила своих детей к родителям в Уфимскую губернию. Однажды Маргарита Васильевна решила показать ему фотоснимки своих детей. Владимир Ильич тут же назвал книгу, в которую были вложены фотографии. Это была «Сельскохозяйственная экономия» Скворцова.

Секрет осведомленности Владимира Ильича о том, где хранятся снимки, был очень прост. Развернутая книга лежала на

столе, за которым он работал. Исследование труда ученого входило в его творческие планы.

Не смог Владимир Ильич остаться безучастным и к книге профессора Сукачева, в которой излагались методы использования заболоченных земель: «Какой непочатый край работы!» — говорил он Фофановой, имея в виду российские болота.

Знакомство с состоянием сельскохозяйственного производства в России Ленин обнаружил поразительное. С профессиональной осведомленностью он отзывался и о специальной литературе, стоявшей на книжной полке будущего агронома Фофановой.

Однажды, когда Маргарита Васильевна вернулась с работы домой, она застала Владимира Ильича в радостном настроении.

— Вы посмотрите, какая это прекрасная вещь,— торопя хозяйку квартиры скорей войти в столовую, сказал Владимир Ильич.— Садитесь и читайте вслух.

В руках Фофановой оказался номер «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», который ей с большим трудом удалось накануне отыскать в Петрограде. В нем был напечатан «Примерный наказ», составленный на основании 242 наказов крестьянских обществ, доставленных с мест депутатами на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

— Посмотрите, чего требуют мужички,— продолжал Ленин.— Они требуют национализации всей земли, причем без выкупа живого и мертвого инвентаря!

— Я уговорила Владимира Ильича сначала пообедать, а потом вернуться к начатому разговору,— рассказывает Маргарита Васильевна.— Накрыла на стол, мы пообедали. Обычно после обеда Владимир Ильич отдыхал, но в этот день, как только я собрала со стола, он пришел в столовую с этим номером газеты. Усадил меня против себя и заставил читать...

«Наказ» понадобился Владимиру Ильичу в связи с той шумихой, которую буржуазная печать создавала вокруг проекта закона о земле, представленного министром земледелия эсером Масловым.

Помещиков масловский «декрет» устраивал вполне, подлинных тружеников земли никак не устраивал. Это со всей убедительностью и показал Ленин в статье «Новый обман крестьян партией эсеров», опубликованной 24 октября в «Рабочем пути».

Несколько раз в течение своего последнего подполья Владимир Ильич отлучался из конспиративной квартиры для встреч с членами Центрального Комитета партии. Как волновалась Маргарита Васильевна в ожидании каждого его возвращения!

Она старалась не вступать с Лениным в разговор по поводу

той бешеной кампании, которую вела против него буржуазная печать. Но Владимиру Ильичу и самому это было ясно.

«На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня «ловят»» [12],— писал он Я. М. Свердлову дня за два-три до начала вооруженного восстания.

Наступило 24 октября. Несколько раз в течение вечера посылал Ленин Фофанову в Выборгский райком партии с записками, адресованными Центральному Комитету партии. Ни одной минуты промедления с началом вооруженного восстания, настаивал Владимир Ильич. Когда Маргарита Васильевна вернулась с последним ответом, квартира оказалась пустой.

— Приехала домой без десяти одиннадцать и нашла на столе в чистой тарелке историческую записку,— вспоминает Маргарита Васильевна: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания.

Ильич» [13].

Ленин был уже на пути в Смольный.

Осталось в памяти Маргариты Васильевны еще одно ленинское поручение, которое ей довелось выполнить в эпохальные дни Великого Октября. Это было уже перед началом второго заседания исторического съезда Советов, провозгласившего Советскую власть.

Когда Ленин готовился к своему выступлению, он поручил Марии Ильиничне привезти с квартиры Фофановой тот самый номер «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», в котором был опубликован «Примерный наказ» 242 крестьянских обществ. Маргариты Васильевны дома не оказалось. Мария Ильинична открыла дверь ключами, изготовленными для Ленина,— их Владимир Ильич собственноручно вручил сестре, однако найти нужный номер газеты Марии Ильиничне не удалось. Фофанова вручила Ленину нужный ему материал в тот момент, когда он уже находился на трибуне актового зала Смольного...

Через несколько дней после начала работы Советского правительства Ленин отправил письмо комиссару продовольствия Москвы и Московской губернии старому большевику Александру Григорьевичу Шлихтеру.

«Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда **тотчас**» [14],— писал Владимир Ильич.

Фофановой он в эти дни сказал:

— Приходите завтра. Я вас познакомлю со Шлихтером... А вы знаете, где помещается министерство земледелия?

Да, Фофанова знала, где находится здание министерства, и по

поручению Ленина отправилась туда на внутреннюю «разведку». У входа ее остановил швейцар.

— Что, матушка?

— Где министр? — спросила Маргарита Васильевна.

— Зачем тебе министр? — осведомился швейцар.— Никого нет. Я один. Ключи у меня...

Визит Маргариты Васильевны тем не менее оказался полезным. Ей удалось поговорить со стариком и получить представление о том, где расположены кабинеты министра и других важных чинов.

Приехал Шлихтер. Ленин принял его, попросил сразу же заняться приемом крестьянских делегатов, подчеркнул, насколько важна пропаганда Декрета о земле.

— Затем немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать «Положение о земле»,— сказал Владимир Ильич.— В канцелярии вам передадут все дела и материалы...

— Вот это товарищ Фофанова,— представил Ленин Шлихтеру Маргариту Васильевну.— Агроном. Она знает, где помещается министерство, где министр сидит. Товарищ Фофанова поможет вам ориентироваться.

По дороге в министерство в машине Фофанова познакомила Шлихтера с планом здания, показала, где находится кабинет министра, который ему придется занимать. Одним из первых работников, а затем и членом коллегии Наркомзема стала и сама Маргарита Васильевна...

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 322.
[3] Там же, с. 323.
[4] Пролетарская революция, 1925, № 8 (43), с. 146.
[5] Там же, с. 147.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 444.
[7] О Ленине. Сборник воспоминаний. Л., 1925, т. 1, с. 114.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 370.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 61.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 125.
[11] Правда, 1968, 6 ноября.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 453.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 2.

Хроникерская заметка в несколько строк. Она напечатана в номере «Известий» Советов Москвы и Московской области, вышедшем 12 марта 1918 года.

«Вчера со специальным поездом прибыли из Петрограда в Москву члены Совета Народных Комиссаров, в том числе Вл. Ульянов (Н. Ленин)...»

Той ранней весной свершилось событие огромной исторической важности. Москва, два века тому назад передавшая по Указу Петра I полномочия русской столицы Петербургу, вновь принимала их на себя и становилась центром страны, открывшей новую, социалистическую эпоху в истории человечества.

«ВЫБРАТЬ МЕСТОМ НАХОЖДЕНИЯ МОСКВУ»

Так гласил первый пункт проекта постановления Совнаркома об эвакуации правительства, написанного Лениным 26 февраля.

Управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич рассказывал, что с предложением о переезде правительства в Москву к Ленину обратился именно он. Было это во второй половине февраля. Владимир Ильич нашел предложение вполне резонным. Еще больше он укрепился в целесообразности переезда правительства из Петрограда в Москву, когда выслушал мнение такого крупного военного специалиста, каким был Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич — родный брат управляющего делами Совета Народных Комиссаров, занимавший в то время ответственный пост в Высшем военном совете. Михаил Дмитриевич в своем рапорте обосновал необходимость перенесения столицы подальше от линии фронта.

«Владимир Ильич тут же написал на этом рапорте свою резолюцию о согласии его на переезд правительства в Москву, и это было первым письменным распоряжением Владимира Ильича на этот счет,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич.— В этот же день на закрытом заседании Совнаркома Владимир Ильич секретно сообщил всем собравшимся народным комиссарам о своем решении. Целесообразность его была совершенно ясна для каждого, и, конечно, все согласились с мнением Владимира Ильича» [1].

Пройдут годы, и смелые, мудрые ленинские шаги в сложной внутренней и международной обстановке первых послеоктябрь-

ских месяцев вызовут в памяти Пантелеймона Николаевича Лепешинского образ Ленина-шахматиста.

«Его великолепно устроенная голова напряженно работает и сейчас над своего рода мировой шахматной проблемой. Всмотритесь в эту «игру». Вот он выдвигает вперед пешечную демократию против цитаделей отечественного капитализма. Вот «делает гамбит» — соглашается на брестскую жертву. Вот производит неожиданную рокировку — центр игры переносит из Смольного за Кремлевские стены».

Итак, решение правительства о переезде в Москву принято.

Надо отдать должное В. Д. Бонч-Бруевичу: маг и чародей в конспираторском искусстве, он буквально обвел вокруг пальца диверсантов, следивших за выездом правительства из Петрограда. Мастерски разыграл он в этой связи не один «спектакль», в том числе и отправление «царских» вагонов с «правительством» с шумного Николаевского вокзала. Ушел же поезд № 4001, в котором ехало Советское правительство во главе с Лениным, с тихой окраинной Цветочной площадки, причем на день раньше, чем было официально объявлено в прессе.

Желая, насколько это было возможно, замаскировать от чрезмерно любопытных глаз отправление правительственного поезда, Бонч-Бруевич распорядился не спешить с включением света.

— Что же, мы так и будем сидеть во тьме? — высказал свое недовольство Ленин, которому не терпелось приступить к работе.

— Нам только бы выйти на главные пути,— ответил Бонч-Бруевич.— У нас везде электричество...

— Вот это хорошо! Можно будет читать,— обрадовался Ленин, собиравшийся в пути написать статью «Главная задача наших дней».

Правительственный поезд отправился из Петрограда поздно вечером. Поначалу все шло довольно гладко: он проходил железнодорожные станции минута в минуту по расписанию. Лишь ночью выяснилось, что состав резко теряет набранную скорость. Впереди него медленно и вяло тянулся длиннющий хвост товарных вагонов.

Выяснилось, что «товарняк» везет вооруженных матросов, самовольно покинувших Петроград и разъезжавшихся по домам.

Разнузданная братва ухитрилась проскочить из Петрограда в товарном составе раньше экстренного поезда и теперь не собирается уступить ему дорогу.

Как только В. Д. Бонч-Бруевичу стало об этом известно, он распорядился по телеграфу не пускать «матросский» поезд дальше

Вишеры, приняв его там не на главный, а на один из смежных путей.

Приближалось утро. Наконец-то поезд, в котором ехало правительство, подошел к Вишере.

Едва он остановился, как у вагона, в котором ехали Владимир Ильич и его спутники, появился очень взволнованный человек, потребовавший немедленно вызвать коменданта или кого-либо из ответственных лиц.

— В чем дело? — спросил кто-то из охраны, сопровождавшей состав.

— На ваш поезд совершено покушение,— сообщил чрезвычайный комиссар путей сообщения на станции Малая Вишера Василий Яковлев.

Бонч-Бруевич оказался тут как тут.

— Прошу вас вызвать из вагона Владимира Ильича Ленина, может быть, он успокоит матросов без боя,— обратился к нему Яковлев.

— Владимир Ильич по приходе в вагон сразу же принялся работать и только в Любане уснул,— возразил управляющий делами Совнаркома.— Будить его не буду, может, справимся сами, пойдемте, попробуем.

Тут-то и вступил в дело отборный отряд латышских стрелков, сопровождавший правительственный поезд № 4001. В мгновение ока десяток отважных бойцов революции с пулеметами, наведенными на эшелон матросских беглецов, принял боевой порядок.

Приказ был коротким: оружие немедленно сдать и войти в вагоны. Выбора у этой совершенно распоясавшейся публики не оставалось, и она вынуждена была подчиниться приказу.

«Только некоторая часть матросов держала себя очень агрессивно, явно кем-то руководимая,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях.— Они щелкали замками винтовок и, выглядывая из-под вагонов, грозили сбросить меня под колеса поезда. Я предупредил, что через три минуты открою пулеметный огонь и приказал отряду приготовиться, а пулеметы взять на изготовку...» [2]

О случившемся Ленину стало известно лишь за утренним чаем в салон-вагоне. Вошел с рапортом комендант поезда и доложил о трофеях: отобрано у матросов 117 винтовок, 211 гранат и 327 револьверов.

Вечером 11 марта 1918 года поезд № 4001 остановился у перрона Николаевского вокзала в Москве.

Почти всю предыдущую ночь Ленин работал. И привез с собой в новую столицу одно из самых вдохновенных своих творений —

написанную на одном дыхании статью «Главная задача наших дней».

Пройдет несколько дней. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицирует Брестский мир и утвердит решение правительства о перенесении столицы в Москву. Демьян Бедный скажет об этом историческом событии в «Правде»:

Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
Стяг красный Правды всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы великой и свободной.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Первые часы Ленина в новой столице. Что мы знаем о них?

Встречали Владимира Ильича члены Московского Совета. Приятно было ему увидеть среди них старого партийного товарища, революционера-профессионала А. П. Смирнова.

Московский Совет отвел семье Ленина две комнаты в гостинице «Националь». Туда и направились с Николаевского вокзала Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Их тут же навестили московские партийные работники. Зашел и Бонч-Бруевич.

«Мы очень хорошо провели время в обсуждении самых животрепещущих вопросов московской жизни, которая к тому времени далеко еще не утряслась»,— рассказывал он потом.

Настает утро 12 марта, светлое, лучезарное, каким только и может быть торжественное шествие весны. И первый маршрут Ленина лежит через улицы старинного города. Где-то в маленьком переулочке, затерявшемся в районе Таганки, машина останавливается. Мария Ильинична навещает старую знакомую.

Наступит день еще в том же восемнадцатом году, и приглашение встретиться с Лениным получит известный советский архитектор И. В. Жолтовский, рекомендованный Владимиру Ильичу народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским.

«На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится мною как драгоценная реликвия,— вспоминал Иван Владиславович,— рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный мне для беседы. Ильич указал также номер кабинета, по-видимому, для того, чтобы избавить от необходимости долго разыскивать его».

Председатель Совета Народных Комиссаров интересовался тем, как подвигается незадолго до этого начатая разработка плана

строительства в Москве. Высказывал свои предложения, пожелания.

«Владимир Ильич заботился о создании для жителей Москвы здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки... Слушая Ленина, я отчетливо представлял себе, каким прекрасным городом должна стать будущая Москва» [3].

Работой зодчего заинтересовался репортер буржуазной газеты «Заря России», выходившей в Москве. В одном из номеров этой газеты он писал:

«Это не сон и не утопия, которым трудно поверить, тем более в наши дни всеобщего оскудения, разрухи и ужаса... Создать из Москвы благоустроенный европейский центр; напоить ее воздухом, светом, садами; перерезать и связать железным узлом ее окраины — вот блестящая задача, которую поставила себе сорганизовавшаяся «строительная мастерская» во главе с инициатором ее возникновения художником-архитектором И. В. Жолтовским... Уже сейчас составляется картограмма Москвы, которая должна как бы расшифровать город: определить направления, по которым идет расширение города...

Целые дни в «мастерской» идет деятельная разработка бесчисленной вереницы проектов. Тут и устройство московского порта, и шлюзование Москвы-реки, и соединение ее с Клязьмой посредством Хапиловского пруда, и постройка школ, больниц, поселков и т. д. и т. д.» [4].

Да, не сном и не утопией была ленинская мечта о социалистической Москве.

...В полдень 12 марта Ленин прибывает в Кремль. Обменивается первыми впечатлениями о нем со своими спутниками.

— Здесь должна совершенно укрепиться рабоче-крестьянская власть,— выражая их общие мысли, настроения, говорит он.

Этим днем и помечена телеграмма о переезде Советского правительства в Москву, адресованная «...Всем Совдепам, городским, уездным и губернским и всем, всем, всем»:

«...Всю почту, телеграммы и прочее присылать в Москву Совету Народных Комиссаров,— гласит текст этого документа. Под ним две подписи:

Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ленин-Ульянов

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Бонч-Бруевич» [5]

Гостиница «Националь» (в Москве),
в которой после переезда Советского правительства
из Петрограда в Москву в марте 1918 года
жил В. И. Ленин с семьей.

Цѣна № въ Москвѣ — 20 коп. Въ провинціи и на ст. ж. д. — 25 коп

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРАВДА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
На 1 мѣсяцъ:
въ Москвѣ — 4 руб. — коп.
въ провинціи — 4 руб. 50 коп.
Перемѣна адреса — 75 к. Подписка принимается только съ 1-го по 1-е.
Адресъ конторы:
Москва, Скобелевская площадь, гост. „Дрезденъ", комната 257.

Органъ Моск. Военной Организаціи Рос. Ком. Партіи большевиковъ Моск. Сов. Солд. Деп. и Крестьянской фракціи большевиковъ Обл. Съѣзда Совѣт. Раб., Сол. и Крест. Депутат.

Пятница, 15-го ма... ЕЖЕДНЕВНО. № 46. (102)

ОТКРЫТ...

„ДЕРЕВ...

Въ Москвѣ ...
Въ провинціи ...

Рѣчь Ленина.

(Краткое изложеніе).

Теперь говорятъ о расхожденіи мнѣній въ партіи, но есть увѣренность, что этотъ кризисъ партіи будетъ изжитъ и лучше перейти къ учету соотношенія силъ революціи. Разногласія объясняются различными взглядами тов. на наши реальныя силы. Это справедливое возмущеніе части товарищей подписаніемъ похабнаго мира вытекаетъ не изъ холоднаго разума и правильнаго учета силъ, а есть только слѣдствіе того, что они не учли истиннаго положенія русской революціи. Если бы буржуазія и буржуазная интеллигенція поддержала Совѣтскую власть

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

22 августа 1918 г.
№ 2442

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Податель, товарищъ Иван Алексеевич Попов . . . .
уполномоченъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ дѣйствовать при фронтовой полосѣ для организаціи продовольственныхъ отрядовъ выступать какъ политическій комиссаръ при военноначалькахъ. Поручается принимать отъ него телеграммы въ Москву, Совнарком, ЦИК.

Всѣмъ Совѣтскимъ и Военнымъ властямъ оказывать подателю. Ивану Алексеевичу. Попову
всяческое содѣйствіе безъ замедленія.-

Председатель
Совета народныхъ Комиссаровъ: В. Ульянов (Ленин).

Секретарь
Совета Народныхъ Комиссаровъ: Л. Фотиева

Мандат комиссара продовольственного отряда И. А. Попова,
подписанный В. И. Лениным.

Номер газеты «Деревенская правда»,
в котором была опубликована речь В. И. Ленина
о Брестском мире на заседании коммунистической фракции
IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов.

Трое из первого
продовольственного отряда
Выборгской стороны Петрограда.

...Москва, Кремль... Эти слова впервые прозвучали как адрес Советского правительства на языках народов всего мира тогда же — в марте 1918 года.

Париж, Лондон, София, Берлин, Нью-Йорк, Вена, Рим, Женева, Мадрид и Белград, Амстердам и Токио и многие другие столицы государств узнали этот адрес из специального извещения, в котором сообщалось о прибытии в Москву Совета Народных Комиссаров и высшего органа власти в стране — Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Задержимся ненадолго в Кремле, прежде чем пойдем дальше по следам ленинского маршрута в первый его московский день.

Председатель ВЦИК Свердлов приехал в Москву днем раньше Владимира Ильича. Вопрос о размещении Совнаркома и ВЦИК в Кремле был предрешен еще в Петрограде.

Не теряя времени, Яков Михайлович с группой работников начал осматривать Кремль.

Пришли в Большой Кремлевский дворец. Кто-то из московских товарищей и предложил воспользоваться этими хоромами для размещения Совнаркома.

— Что вы, батенька,— удивился Свердлов этому предложению.— Здесь учреждение? Нет! Великолепный тут музей будет для всего народа. Может, не сейчас, но со временем будет обязательно!

Выбор свой Яков Михайлович остановил на здании Судебных установлений.

«Там же, в непосредственной близости от помещения Совнаркома, он присмотрел квартиру для Ильича, стремясь избавить его от излишних хождений»,— писала потом Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова), принимавшая непосредственное участие в предварительной «рекогносцировке».

Приехал Ленин. Осмотрел Кремль. То, что наметил Свердлов, больше всего устраивало его, отвечало его неприхотливым требованиям.

Машина Председателя Совета Народных Комиссаров выходит из Кремля. Москвичи сердечно приветствуют Владимира Ильича.

Москва трудовая мужественно переносила лишения, вызванные затянувшейся войной. Хлеб поступал сюда с большими перебоями, и его не хватало даже для самого небольшого пайка. Маленьким кусочком хлеба с овсяной шелухой довольствовались и делегаты IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, начавшегося двумя днями позже — 14 марта. «Суп пролетарский»,— значилось в их обеденном меню.

Но в то время существовала еще вторая Москва — купеческая, торгашеская, мещанская, обывательская. Она с грустью вздыхала о былых масленицах, которые пышно праздновались в эту весеннюю пору.

Впрочем, из газет, которые были рупором этой «второй» Москвы, понятно, что в мартовские дни сурового 1918 года кое-кто в новой столице еще не отказался от старых привычек... Иные именитые купцы вовсю гуляли на расписных лихих тройках за московскими заставами.

«У них-то всего вдосталь,— писала одна газета,— и наливочки, и севрюжина, и балычок, и прочие деликатесы».

Московский Совет еще ранее вынес решение: отменить празднование масленицы и производить работы в течение последних трех дней масленичной недели без перерыва. Тем же решением день 12 марта был объявлен в Москве праздником годовщины Февральской революции.

Вечером в помещении Политехнического музея собрался пленум Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Обсуждались жгучие вопросы дня. Речь шла, в частности, о продовольственных делах.

Поделиться с депутатами своими мыслями о годовщине русской революции направился в Политехнический музей Ленин.

Было ли неожиданным для участников пленума появление Владимира Ильича? И да и нет.

Поручиться за то, что в первый же день приезда в Москву ему удастся выкроить время для выступления, не мог никто. Но тем не менее хотелось верить в это.

Аудитория слушала речи ораторов, но в то же время напряженно чего-то ждала, следила за каждым движением в президиуме, на сцене. И в какое-то мгновение чутьем уловила: приехал! Вот-вот появится...

Так и было. Приоткрылась дверь на эстраду, и показался Ленин. Этого было достаточно для того, чтобы огромный зал огласился мощной овацией.

Пока гремели аплодисменты, Ленин тут же на сцене снял с себя пальто, шапку. Затем подошел к столу президиума и, присев, не сводил глаз со стрелки своих часов.

Председатель объявил, что Ленин просит предоставить ему слово вне очереди.

Как ни горька была чаша, которую пришлось испить людям, впервые начинавшим строить новый мир, следовало держаться, крепиться, набирать силы. Прочь отчаяние, уныние!

Вселить веру в нашу конечную победу, вселить ее как раз в

такую неимоверно тяжелую минуту — кто же это мог сделать лучше, убедительней Ленина! Ленинский оптимизм и ленинская решимость идти вперед наперекор бешеному сопротивлению врага нашли самый горячий отклик в сердцах тех избранников московского пролетариата, которым он адресовал свое первое слово в новой столице.

Радушие, оказанное москвичами Ленину. Вдохновляющая сила этого первого ленинского выступления в новой советской столице. Свидетельства тому оказались даже в самых злобных буржуазных газетах.

«Его встретили аплодисментами. Все встали с мест,— сообщало «Раннее утро» о появлении Ленина на пленуме Московского Совета.— Сотни глаз впились в вошедшего... Слушали Ленина с напряженным вниманием» [6].

«Говорит с большим воодушевлением и, по-видимому, умеет увлекать слушателей»,— вынуждена была признать такая далекая от сочувствия Советской власти газета, как «Утро России».

«Речь Ленина покрывается шумными рукоплесканиями. Провожаемый ими, Ленин выходит из аудитории и через несколько минут уезжает»,— заключила свой отчет о той же речи Ленина газета «Новое слово».

Против обыкновения, Ленин, предпочитающий сначала выслушать другие выступления, здесь попросил слова вне очереди. Окончив свою речь, тут же уехал из музея.

Быть может, потому и спешит Владимир Ильич, что завтра ему снова выступать здесь. Его речь о войне и мире будет обращена к коммунистической фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. Надо успеть набросать ее план.

«Подготовка сил. *За* «защиту отечества»,— записано Лениным в последнем пункте этого документа.— Дисциплина и дисциплина (вплоть до драконовских мер)» [7].

Заседание коммунистической фракции съезда завтра. Но есть еще сегодня целый вечер. И какой вечер! По всей Москве проходят митинги, посвященные годовщине русской революции. Центральный — в манеже бывшего Алексеевского военного училища в Лефортове. Так и объявлено в «Социал-демократе». Обещано и участие членов Совета Народных Комиссаров, ЦИК Советов и ЦК Российской Коммунистической партии (большевиков). Как же не побывать там, не повидаться с товарищами?

Устроители центрального митинга украсили Алексеевский манеж елками, красными знаменами. Народу собралось столько, что и яблоку негде было упасть.

Ораторы сменяют друг друга. Особый успех выпадает на долю недавнего пленника английских империалистов Петрова.

«...Стихает оркестр. Где-то проносится слабо, бледно: «Ленин»,— передавал свои впечатления в «Социал-демократе» один из старейших партийных литераторов Леонтий Котомка.— «Да здравствует Ленин!» — раздается чей-то голос. Вихрем проносится восторженный шум, и гремит, растет могучий плеск сотен рук. Толпа сплачивается, смыкается в одну тесную стальную массу и приветствует скромную, маленькую фигуру человека — своего любимого вождя и идеолога. Вот он — Ленин, которого так яростно, злобно, тупо ненавидят буржуа, мещане, холопы и прислужники капитала! — как будто звенит мысль в тысячеголовой массе, устремившей, как один человек, свои взоры на свою гордость и радость, на своего самого яркого и верного выразителя заветных стремлений к конечной цели. Затихающие бурные аккорды аплодисментов вновь увеличиваются, усиливаются и смешиваются со звуками оркестра, который, по-видимому, не смог дольше молчать при таких обстоятельствах.

— Слово предоставляется товарищу Ленину,— заявляет председатель, когда стихли аплодисменты, и вновь собрание бурно приветствует стоящего перед ним властителя дум и чувств трудящихся масс.

Тихо, медленно начинает свою речь Ленин. Но с каждой фразой его голос крепнет, с каждой фразой растет мощь его голоса...»

Десять тысяч человек слушают ленинское выступление в Алексеевском манеже. Немногие из их числа здравствуют ныне.

А как быть тем, кого там не было? Прочесть стенографическую запись речи Ленина! Но велась ли она? В Полном собрании сочинений Владимира Ильича нет этой речи. Нет там и газетного отчета о ней.

Однако проникнуться духом ленинской речи в его главном содержании можно по кратким газетным сообщениям.

«...Ленин говорит о тяжелом, унизительном мире, который вынуждены были подписать мы,— сообщали «Известия».— ...Надо прямо глядеть в лицо действительности, надо учесть все те обстоятельства, что вынудили нас на принятие позорных условий мира. Пролетариат наш оказался недостаточно организованным, недостаточно сплоченным, крестьянство не прониклось в полной мере освободительными стремлениями. Нужна организация, организация и организация...» [8]

В живой записи познакомила своих читателей с речью Ленина на том же митинге в манеже бывшего Алексеевского военного училища газета «Деревенская правда».

Здесь приводятся ленинские слова о том, что неслыханно тяжелый мир подписан русской революцией для того, чтобы «выиграть время и собрать силы для предстоящей решительной борьбы» [9].

Отчет о речи Ленина заключается словами: «...Подписание мира — это поражение, *но поражение временное.* Для борьбы нам необходимо создать армию, нам необходима организация и революционная дисциплина. Все это у нас будет, и русская революция выйдет победительницей из борьбы» [10].

Ощутить атмосферу исключительного воодушевления, царившего в Алексеевском манеже вечером 12 марта 1918 года, нам помогает репортаж Леонтия Котомки, который был опубликован в газете «Социал-демократ», издававшейся тогда московской партийной организацией.

«После речи Ленина под единодушный взрыв аплодисментов Пятницкий приветствует в лице Ленина Совет Народных Комиссаров,— писал автор репортажа.— Митинг заканчивается пением революционных песен.

Столько пробудилось энергии, бодрой радости, что хочется всем петь. Льются вольно и грозно революционные мотивы, переносятся на улицу и долго звенят и чаруют в сумраке мягкой зимней ночи» [11].

Прослеживая первый рабочий день Ленина в Москве, можно в отдельных случаях «засечь» и часы его появления в различных районах города.

«Часов в двенадцать дня мы подъехали с ним вдвоем к Троицким воротам Кремля»,— пишет в своих мемуарах В. Д. Бонч-Бруевич [12].

«...Приехал он около шести часов вечера, когда только что закончились доклады по продовольственному вопросу и начались прения»,— сообщалось в одном из газетных отчетов о прибытии Ленина на пленум Московского Совета в Политехническом музее.

«В 8-м часу на митинг приехал тов. Ленин, встреченный бурными аплодисментами»,— отмечалось появление Владимира Ильича на митинге в Алексеевском манеже в другом газетном отчете.

В один день уже сделано более чем достаточно. Но у Владимира Ильича, видимо, сегодня еще остаются дела, которые никак нельзя отложить на завтра.

Просматривая номера петроградской «Красной газеты» тех дней, я заинтересовался отделом «Из Москвы по телефону». И вот

какое сообщение мне неожиданно встретилось в одном из вечерних выпусков:

«ЗАДЕРЖАНИЕ тов. ЛЕНИНА»

«Наше время» сообщает:

«Поздно ночью, 12 марта патруль красноармейцев под командой комиссара Городского района задержал автомобиль. При задержании патруль для острастки произвел несколько выстрелов в воздух.

Один из седоков заявил, что он — Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин.

Комиссар заявил, что он Ленина лично не знает и предложил задержанному отправиться для выяснения личности в Благородное собрание.

Там недоразумение выяснилось.

Отпуская патруль, Ленин благодарил солдат за революционную службу» [13].

Этот же эпизод запечатлелся и в памяти Марии Ильиничны Ульяновой.

«Был и еще случай, когда автомобиль Владимира Ильича навлек на себя подозрение усердных охранителей московских улиц и был под охраной препровожден в отделение милиции,— вспоминала сестра Ленина.— С вооруженными милиционерами на подножках автомобиля подкатили мы к милиции, нас высадили, провели в отделение, где Владимир Ильич с улыбкой показал свой пропуск и был отпущен. Задержавшие Владимира Ильича товарищи были немало смущены этим случаем, но Владимир Ильич просто и ласково успокоил их» [14].

Происшествие с Председателем Совета Народных Комиссаров случилось поздно ночью 12 марта. Вот когда закончился первый московский рабочий день Ленина.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

...Среда, 13 марта. Второй рабочий день главы Советского правительства в Москве. Канун открытия IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, на котором Ленину предстоит выступить с докладом о ратификации Брестского мира. Какую борьбу за него пришлось выдержать Владимиру Ильичу против «левых коммунистов» и Троцкого еще в Петрограде. Мы позволим себе здесь напомнить о ней одним-двумя эпизодами.

...Во второй половине дня 20 февраля 1918 года Москва вызвала к прямому проводу Ленина. Владимир Ильич, находившийся в Смольном, подошел к аппарату.

Москва просит его ответить на три вопроса, и все они связаны со смертельной опасностью, нависшей над страной.

«Армии нет; немцы наступают по всему фронту от Риги,— отвечает Ленин на первый из вопросов, поставленных ему Москвой по прямому проводу.— Взяты Двинск и Режица, наступают на Луцк и Минск. Кто интересуется делом, а не фразой, тот должен заключить мир и продолжать дело закрепления и углубления революции внутри».

...Два дня идут заседания Центрального Комитета партии, на которых Ленин борется, настаивает на немедленном заключении мира с немцами. Но способны ли внять трезвой, здравой логике «левые коммунисты», опьяненные хмелем собственного фразерства. Они продолжают гнуть свою авантюристическую линию: «Даешь революционную войну».

Республика на волоске от смерти. А им море по колено.

Ленин вне себя от гнева.

— Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! — презрительно бросает он в лицо жалким фразерам, войдя на решающее заседание Центрального Комитета партии.— *Ни еди-ной секунды.*

Ленин ведет битву за мир. От зари до зари. Между тремя и четырьмя часами утра 24 февраля он выступает с докладом на заседании ВЦИК. Говорит о том, что иного выхода, как подписать безмерно угнетательские, хищнические условия мира, предложенные германскими империалистами, нет.

Такое решение и принимается. Ему соответствует и принятое в тот же день постановление правительства.

Продолжим, однако, наш рассказ о втором ленинском рабочем дне в новой советской столице, в среду 13 марта. Можно себе представить, каким страдным он был для Владимира Ильича в канун открытия IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, собиравшегося для ратификации Брестского мира.

Но с выходом в свет Биографической хроники жизни и деятельности Владимира Ильича представление об этом становится вполне конкретным и осязаемым.

В преддверии выдающегося исторического события Ленин принимает у себя в гостинице руководителя американской миссии Красного Креста в России полковника Раймонда Робинса [15].

Чем же вызван интерес, проявляемый главой Советского правительства к визиту этого американца в столь напряженные часы подготовки к открывающемуся завтра IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов?

Здесь надо сказать несколько слов о самом Раймонде Робинсе.

Став свидетелем провозглашения Советской власти в Актовом зале Смольного и первых месяцев ее становления, он пришел к твердому убеждению, что будущее за нашей страной.

Не в пример американскому послу Френсису, изощрявшемуся в клевете и лжи против Советского правительства, Раймонд Робинс правдиво информирует Вашингтон о переменах к лучшему в Республике Советов.

Бывая по своим делам у Председателя Совета Народных Комиссаров в Петрограде, он с каждым разом проникается к нему все большим уважением. Посещает он Ленина и в один из самых критических моментов для страны великого Октября.

— ...Я вошел в кабинет Ленина, где обнаружил, что он находится в центре потока людей, которым отдает приказы, направленные на то, чтобы сдержать наступление немцев и сохранить порядок и дисциплину в Петрограде и во всей России,— свидетельствовал Раймонд Робинс.— Он был, как всегда, спокоен, полностью владел собой и был хозяином положения... [16]

Покоряла Раймонда Робинса в Ленине и так присущая ему деловитость: беседы с посетителями, укладывающиеся в десять, пять минут, а то и в одну-единственную. Спокойный тон без повышения голоса.

Теперь по существу самого визита Раймонда Робинса к Ленину уже в Москве.

Владимир Ильич посвящает его в предстоящую на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов ратификацию Брестского договора. В свою очередь интересуется тем, не пришел ли ответ из Вашингтона на ноту Советского правительства, адресованную главам стран Антанты — Америки, Великобритании и Франции. В ней поднимался вопрос о возможной помощи со стороны союзников Советской России на случай, если Германия нарушит мирный договор и снова даст волю своим хищническим инстинктам.

Нет, никаких признаков беспокойства по этому поводу американский президент В. Вильсон не проявлял. Правда, не отвечая по существу ноты, Вильсон обратится через голову Советского правительства к делегатам съезда, изобразив при этом мину сочувствия русскому народу. Но кого обманет эта сердобольная гримаса?

...Тем же днем, 13 марта, Ленин проводит два совещания руководящих военных работников. Дело идет о неотложных задачах в обороне страны: организации и строительстве Красной Армии, роли в ней коммунистов, использовании старых военных специалистов.

По ходу прений Владимир Ильич уточняет интересующие его

вопросы, обобщает выступления, поручает участникам совещания выработку практических предложений [17].

Коммунистическая фракция съезда собиралась в этот день дважды. Первый раз — утром.

Докладывали о текущем моменте и настроениях на местах представители губерний. Выступавшим давалось по пять минут. Но и этого времени было вполне достаточно, чтобы передать главное настроение в стране: навоевались! Хватит! Войной сыты по горло.

Вот о хлебе давно уже нельзя было сказать этого. Голод и тут и там.

— Быть может, вы думаете кормить новую армию манной небесной, как это было во времена пророка Моисея в Аравийской пустыне,— отвечает «левым коммунистам» словами своих земляков-крестьян делегат из Рязанской губернии.

— Чувствуется усталость и изможденность,— рассказывает воронежский делегат.

— Шаг Совета Народных Комиссаров правилен,— заявляет от имени своих заводских и фабричных товарищей ярославский делегат.— Мы не можем вести войны, когда нет продовольствия, нет денег.

— Общий голос один,— передает свои впечатления корреспондент «Известий Советов Москвы и Московской области».— Мир нужно заключить. Как ни тяжел он, но все же это мир, все же это передышка для дальнейшего собирания и организации революционных сил... [18]

Вечером большевики — делегаты съезда вновь собираются.

Загодя приходит сюда Василий Михайлович Дулин, делегат из Выксы, Нижегородской губернии, устраивается поближе к сцене. С запасом времени появляется за столом президиума и председатель коммунистической фракции съезда Володарский. Сразу же замечает сидящего вблизи делегата-большевика. Они знакомятся.

— Какое настроение у выксунских рабочих? — интересуется Володарский.

— Выксунские рабочие и трудящиеся уезда стоят за Ленина,— отвечает Дулин.

— Так мы и говорили — рабочие, солдаты, беднота будут за мир,— услышал выксунский делегат чей-то голос.

Дулин оглянулся и за спиной Володарского увидел человека среднего роста в пальто и шапке, проходившего через сцену.

— А кто этот товарищ? И за что он стоит? — поинтересовался Дулин у Володарского.

Но товарищ ответил сам:

— Я тоже за мир и притом немедленно!

«Когда я взглянул на В. Володарского, он добродушно засмеялся,— вспоминал позднее Дулин,— и тут же быстро сказал: «Садись, садись! Сейчас увидишь, кто с тобой говорил». Я быстро сел, несколько смущенный...»

Вместительный зал наполнялся членами коммунистической фракции съезда. Заседание открылось. Слово было предоставлено Ленину. И когда Владимир Ильич, встреченный бурными аплодисментами и радостными возгласами собравшихся, направился к трибуне, Дулин из Выксы сразу узнал в нем товарища, стоявшего за немедленный мир...

«После его речи мы сразу почувствовали необыкновенный прилив большевистской энергии, веры и мужества» [19],— пишет Дулин.

О чем же говорил представитель Центрального Комитета партии (так официально был представлен на заседании коммунистической фракции Ленин)?

Трудно поверить, что всего лишь одним-двумя абзацами сообщили о речи Владимира Ильича на другой день газетные отчеты:

«...Вечером состоялось второе собрание фракции, на котором обсуждался по существу вопрос о мирном договоре,— писали «Известия».— Докладчиком от ЦК выступил товарищ Ленин, высказывавшийся за ратификацию договора».

«Речь его, прерываемая несколько раз бурными аплодисментами, обрисовывала должную позицию пролетарской партии большевиков по отношению к предстоящему вопросу о ратификации мирного договора с Германией»,— сообщал своим читателям 14 марта «Социал-демократ».

Неужели это все, что мы можем узнать об исторической речи Ленина? О речи, после которой у бухаринской «революционной войны» осталось в комфракции лишь три с половиной десятка сторонников.

Ни в одном из Собраний сочинений вождя партии этой речи нет — по той простой причине, что ее не стенографировали. Сохранилась секретарская запись, но, увы, столь неполная и несовершенная, что рассматривать ее как полноценный документ невозможно.

Значит, все потеряно?

Нет, не все.

Искать эту ленинскую речь не пришлось бы, будь к тому времени в Москве уже налажен выпуск «Правды», перебравшейся из Петрограда в новую советскую столицу.

К печатному органу московских большевиков — «Социал-демократу» мы уже обращались. Но ведь наряду с ним выходила еще одна партийная газета — «Деревенская правда». Не попытать ли еще счастья в ней? Тем более что она располагала силами таких крупных партийных публицистов, как Александр Аросев, Михаил Ольминский, Емельян Ярославский.

Ознакомление с каталогом Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина показало, что мартовские номера «Деревенской правды» за 1918 год представлены в читальном зале лишь микрофильмом.

И вот уже заказав и получив его, медленно вращаю валик проекционного аппарата. На экране показываются поблекшие от времени, полуслепые литеры заголовков газетного текста.

Просмотрен номер за 14 марта, столбец за столбцом. Упоминания о заседании коммунистической фракции, собравшейся накануне, нет.

Ничего утешительного не приносит первая страница и следующего номера «Деревенской правды», вышедшего 15 марта. Но зато вторая... Она-то и оказывается хранительницей бесценного документа. Кроме информации о заседании коммунистической фракции, на котором выступал Владимир Ильич, здесь помещена и сама речь Ленина (в кратком изложении).

Доверяться, однако, целиком микрофильму, снятому с номера довольно ветхого, было рискованно. Смысл отдельных слов на потрескавшихся сгибах полосы воспринимался лишь по догадке. Надо было найти еще полноценный экземпляр «Деревенской правды» за 15 марта 1918 года в подлиннике. Его обладателем оказался музей редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Теперь-то с ленинской речью может познакомиться и наш читатель...

МИР НЕОБХОДИМ

Перед тем, кто будет читать эту речь даже в кратком изложении, предстанет образ замечательного стратега и тактика, великого теоретика и практика революции, борца и провидца. Вот эта речь.

«Теперь говорят о расхождении мнений в партии, но есть уверенность, что этот кризис партии будет изжит и лучше перейти к учету соотношения сил революции. Разногласия объясняются различными взглядами товарищей на наши реальные силы. Это

справедливое возмущение части товарищей подписанием похабного мира вытекает не из холодного разума и правильного учета сил, а есть только следствие того, что они не учли истинного положения русской революции. Если бы буржуазия и буржуазная интеллигенция поддержала Советскую власть с марта, тогда можно было бы оказать открытое вооруженное сопротивление немецкому империализму. Но это предполагаемая утопия. Соглашательства прежнего правительства окончательно разрушили, истерзали русскую армию. Октябрьская революция — это не победа штыка, а закономерное развитие соотношения сил двух классов, при котором классы господствующие изжили себя, а наши силы росли. Прошла Октябрьская революция успешно, ибо все партии испытали на народной шкуре попытки править и осталась только Советская власть самого народа. Эта легкая победа развила в части наших товарищей гордое сознание, что мы никогда не отступали перед классовым врагом и поэтому побеждали. Теперь пришло время поражений, и мы должны отступить, перед в 20 раз сильнее нас врагом... Позиция противников мира — это неумение сообразовать убеждения социалиста с создавшимися условиями борьбы. Они говорили, что империализм не может наступать успешно. Верно, империализм вообще не может наступать, частичное наступление на Россию Германии возможно. Дипломатия переговоров о мире состояла в оттягивании времени пока можно. Но теперь ставить на карту все наши лучшие силы в уверенности, что Либкнехт победит через несколько дней или недель,— большая ошибка. Мной выражается только соотношение [сил] при одном из поворотов мировой революции. После передышки массы почувствуют, что Советская власть пошла на все, чтобы дать мир... Если отказаться от соотношения чувств личных о похабном мире и встать на точку зрения масс, то ясно, что мир необходим...» [20]

«Заседание фракции затянулось до позднего времени»,— сообщал «Социал-демократ». После ленинской речи были еще дебаты, упорно цеплялись за свою «кочку» зрения «левые коммунисты». Но исход ленинской борьбы за мир был уже ясен.

Что же еще успел сделать во второй день пребывания в новой столице Председатель Совнаркома?

Я решил еще раз перелистать тогдашние газеты: «Известия ВЦИК», московские «Известия», «Социал-демократ» — нигде нет ничего, что могло бы пролить свет на ленинский день 13 марта.

Но вот газета «Московский вечерний час» от 14 марта. На первой странице читаем следующее сообщение:

«Вчера ночью Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин вызвал в помещение Совета рабочих депутатов представителей Центрального рабочего кооператива во главе с председателем его Кочетовым и секретарем Давыдовым для собеседования по вопросу о задачах рабочего кооператива, как такового...»

Далее следует изложение речи Ленина, обращенной к руководителям Центрального рабочего кооператива.

Владимир Ильич говорил о необходимости участия рабочей кооперации в снабжении населения Советской России и высказал свои практические соображения в этом направлении.

Так, лишь ночью закончился второй ленинский рабочий день в Москве.

В ПЕРВОМ «ДОМЕ СОВЕТОВ»

Гостиница «Националь» словно преобразилась за последние дни. Недаром ее уже начинают называть первым Домом Советов.

Исчезли отечественные и зарубежные денежные воротилы и купцы. Пришлось покинуть насиженные места и переменить свои резиденции «Нью-Йорк-Сити банку» и «Британскому клубу».

Поселились совсем иные люди — простые, скромные. Среди первых новоселов можно было встретить здесь председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова, верховного главнокомандующего Николая Васильевича Крыленко, народного комиссара продовольствия Александра Дмитриевича Цюрупу, заместителя председателя ВЧК Мартына Яновича Лациса, народного комиссара призрения Александру Михайловну Коллонтай. Заработало специальное справочное бюро, помогавшее посетителям связаться с членами правительства, поселившимися в гостинице.

Неожиданный сюрприз ждал в один из мартовских дней 1918 года и старую горничную гостиницы Матрену Емельяновну Ефимову, вступившую на дежурство.

Постучавшись в дверь 107-го номера, она вошла и увидела в нем новосела.

— Здравствуйте, барин,— привычно поклонилась она незнакомцу.

— Здравствуйте! Я не барин,— добавил он.— У нас господ теперь нет.

— А кто вы? — поинтересовалась горничная.

— А как вас зовут? — спросил новосел горничную, прежде чем ответить на заданный ему вопрос.

— Матрена...

— А фамилия?

— Ефимова. Матрена Ефимова...

— Нет, товарищ Ефимова, я не барин. Я Ленин. Так и зовите меня: товарищ Ленин.

Владимир Ильич пригласил горничную присесть и стал расспрашивать ее о житье-бытье. Тут же она познакомилась с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной.

Поведала мне этот эпизод горничная (ныне уже покойная), которую я отыскал, чтобы расспросить ее об истории записки, написанной в декабре 1918 года Владимиром Ильичем в Московский Совет.

Оказалось, что Ленин, переехавший примерно через десять-двенадцать дней из «Националя» в Кремль, по-прежнему посещал парикмахерскую в гостинице. Во время своего очередного дежурства в конце декабря 1918 года М. Ефимова заметила посетителя, стоявшего перед закрытой дверью парикмахерской в ожидании мастера. Когда он обернулся к ней, она узнала Владимира Ильича. Матрена Емельяновна посетовала на горькую участь семьи ее сестры Аксиньи: муж на фронте, мизерного хлебного пайка на четырех маленьких детей не хватает. Нельзя ли разрешить ей съездить за хлебом к братьям в Тульскую губернию?

Ленин достал записную книжку и, пристроившись к дверям парикмахерской, записал адрес сестры горничной. На следующий день по этому адресу был доставлен пропуск на право выезда за хлебом и железнодорожный билет. Привезли семье красноармейца и дровишек...

Комиссаром гостиницы «Националь» был назначен беллетрист, автор книги рассказов «На Альме-реке» Алексей Окулов.

Февральская революция застала его в Красноярске, где он был избран председателем местного Совета рабочих и солдатских депутатов. По большевистскому списку Енисейской губернии он прошел в члены Учредительного собрания. К описываемому времени он был членом президиума ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В написанных им позднее мемуарах «Из Смольного в Кремль», опубликованных в 1927 году, он вспоминал:

««Националь» охранялся командой латышских стрелков. При входе стоял часовой, которому был дан строжайший приказ — проверять пропуска, выданные комендатурой «Националя».

Однажды меня вызывают вниз.

В дверях — Владимир Ильич Ленин, перед которым стоит часовой, преграждая ему дорогу.

— Владимир Ильич...

Он смеется.

— Вот никак не могу попасть к вам, пропустите.

Он оборачивается к стрелку и говорит:

— Это хорошо, что вы никого не пускаете.

Когда Владимир Ильич уходит, я спрашиваю стрелка:

— Разве вы Владимира Ильича не знаете?

Он отвечает:

— Знаю, товарищ, но он не предъявил мне пропуска, подписанного как следует.

Владимир Ильич остался жить у нас в «Национале», так как московские власти не успели приготовить ему квартиры в Кремле.

Он жил с Надеждой Константиновной в 107 номере.

С его приездом «Националь» стал центром, к которому тянулись все нити революции» [21].

А вот что пишет в своих мемуарах известный американский писатель и журналист Альберт Рис Вильямс, всей душой любивший первое в мире социалистическое государство. «Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составлявших обед, было сведено к двум. Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получат хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он» [22].

Тщательно собирая и храня все, что связано с именем Ленина, В. Д. Бонч-Бруевич в свое время предложил поделиться своими воспоминаниями бывшему официанту ресторана «Националь» Ф. Г. Флиге. Тот выполнил эту просьбу, описав все перемены, происшедшие в быте гостиницы в связи с приездом членов Советского правительства.

«Обед тогда отпускался по талонам,— пишет Флиге.— Специальные талонные книжки были выданы всем живущим членам правительства, и тов. Ленин тоже имел такую талонную книжку. Он всегда носил ее в жилетном кармане.

Как я помню, когда товарищ Ленин заказывал обед, он вынимал из кармана книжку и сам всегда отрывал талон...

Работал в гостинице и ларек, в котором на долю семьи Ле-

нина, как и на долю других, доставался по талонам весьма скромный паек».

* * *

Главное событие дня в советской столице — открывающийся вечером 14 марта IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов.

«Революционный парламент русских рабочих и крестьян скажет свое слово по вопросу о мире»,— пишет «Правда».

В преддверии этого исторического съезда неистовствуют на своих фракционных собраниях деятели антинародных партий.

«Ожидается буря,— предвещает политическую погоду на завтра — день открытия съезда — «Московский вечерний час».— Особенно нервничают левые эсеры».

Впрочем, газета тут же добавляет: «Дело мира находится всецело в руках Ленина. Его авторитет, обаяние его имени, быть может, воздействуют на психологию участников съезда»[23].

Местом работы съезда выбрано здание бывшего Дворянского собрания. Его называли раньше еще и «Благородным».

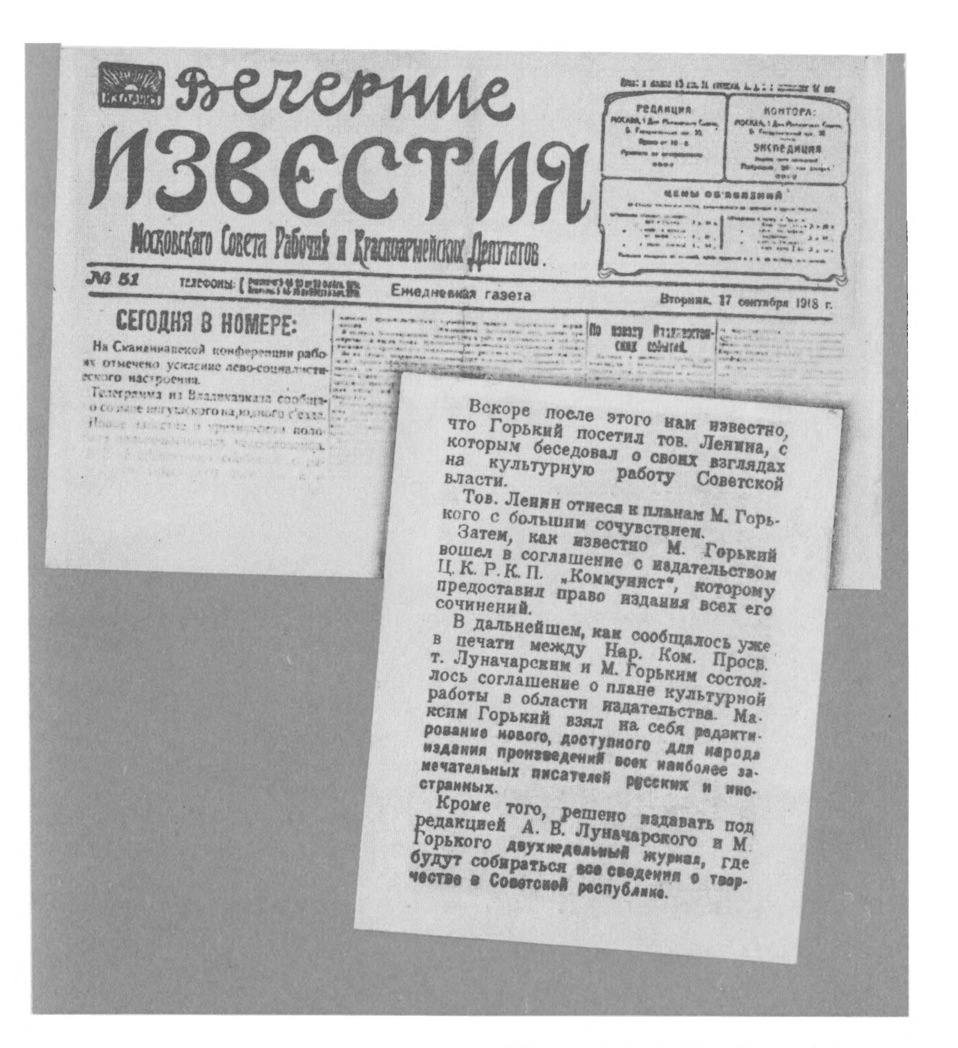
Туда сходились титулярные советники на карточные турниры. Там, за теми же картишками, шла бойкая торговля крепостными. В этом здании состоялась торжественная встреча московского дворянства с последним русским царем — Николаем Кровавым. И здесь же оно бурно восторгалось развязыванием двух войн, в которые царское правительство ввергло Россию: вначале русско-японской, а затем и первой мировой.

Сегодня впервые за всю свою историю «Благородное собрание» вправе называться своим высоким именем. Кто определяет его лицо?

«Тут,— описывали «Известия» открытие съезда,— наряду с серой солдатской шинелью, с матросской курткой и зипуном встречаешь старых борцов, имеющих в своем формуляре годы тюрьмы, каторги и многие долгие годы скитания.— Тут встречаешь многих старых, тех, кто шел «гремя кандалами»»[24].

Ленин уже появился в кулуарах съезда. Один из корреспондентов обратил внимание на усталость в выражении его лица и походки. За третий день пребывания в Москве Владимир Ильич вновь успел проделать массу дел: готовился к докладу на съезде, составил ряд документов, а по словам болгарского товарища Георгия Михайлова Добрева, провел еще совещание социалистов-интернационалистов (из военнопленных).

«Подводя итоги встречи, Ленин произнес перед нами речь, которая длилась более часа»,— пишет Добрев в журнале «Болгария»[25].

Вечерние
ИЗВЕСТИЯ
Московскаго Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.

№ 51 Ежедневная газета Вторник, 17 сентября 1918 г.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

На Скандинавской конференции рабочих отмечено усиление лево-социалистического настроения.

Вскоре после этого нам известно, что Горький посетил тов. Ленина, с которым беседовал о своих взглядах на культурную работу Советской власти.

Тов. Ленин отнеся к планам М. Горького с большим сочувствием.

Затем, как известно М. Горький вошел в соглашение с издательством Ц. К. Р. К. П. „Коммунист“, которому предоставил право издания всех его сочинений.

В дальнейшем, как сообщалось уже в печати между Нар. Ком. Просв. т. Луначарским и М. Горьким состоялось соглашение о плане культурной работы в области издательства. Максим Горький взял на себя редактирование нового, доступного для народа издания произведений всех наиболее замечательных писателей русских и иностранных.

Кроме того, решено издавать под редакцией А. В. Луначарского и М. Горького двухнедельный журнал, где будут собираться все сведения о творчестве в Советской республике.

Номер газеты «Вечерние известия»
от 17 сентября 1918 года,
в котором было помещено сообщение
о посещении В. И. Ленина
Максимом Горьким.

В. И. Ленин выступает с речью
на площади Свердлова
на параде войск,
отправляющихся на польский фронт.
1920 год, 5 мая. Москва.

Медицинский бюллетень
о выздоровлении В. И. Ленина
после ранения
и приписка В. И. Ленина на нем.

Покушение на председателя Совета Народных Комиссаров

Состояние здоровья В. И. Ульянова (Ленина)

224

18 сентября 1918 года 8 часов вечера

Температура нормальная, пульс хороший. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо. Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяет отложить удаление их до ~~более подходящего времени~~. Снятия повязки. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами.

Врачи:
проф. Минц
Д. Мамонов
В. Розанов
Б. Вейсброд
[illegible]

На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами. 18 IX 1918 В. Ульянов (Ленин)

В. И. Ленин на прогулке во дворе Кремля после ранения
(сентябрь 1918 года).

После такого рабочего дня не мудрено почувствовать и усталость. Но вот Владимир Ильич оказывается в многолюдной среде делегатов и сразу ощущает прилив свежих сил. Среди собравшихся немало старых знакомых, как раз тех, кто шел «гремя кандалами». Ленин обменивается приветствиями с товарищами, участвует в оживленных беседах.

...Второй раз против Ленина, предлагающего ратифицировать Брестский мирный договор, оппозиционные силы выдвигают своих содокладчиков. В Петрограде на VII экстренном съезде партии эту миссию взял на себя лидер «левых коммунистов» Н. И. Бухарин. Здесь в такой незавидной роли выступит другой лидер, и тоже «левых», но только эсеров — Б. Д. Камков.

По окончании речи Чичерина слово для доклада от имени ВЦИК предоставляется Ленину.

Под бурю аплодисментов он занимает кафедру.

«Речь тов. Лениным произносится с присущей ему силой и выразительностью,— говорится в газетном отчете, опубликованном московским «Социал-демократом».— Вся построенная на анализе исторических объективных условий, в которых протекает Великая русская революция, эта речь взывала не к настроению съезда, была рассчитана не на то, чтобы вызвать те или иные чувства, а апеллировала к логике...» [26]

«Электрический ток пробегает по залу. Гром аплодисментов. Многие встают, что-то кричат» — так рисует встречу, оказываемую Ленину делегатами съезда,— кто бы вы думали? — буржуазная газета «Раннее утро». Факты — упрямая вещь! Никуда не денешься!

Получив слово для доклада, Ленин занимает кафедру.

«Аудитория устраивает ему бурную овацию,— вновь признает тот же буржуазный орган печати.— Долго-долго аплодируют.

Он не кланяется, не улыбается, но спокойно читает с бумажки, не подымая головы. Этот человек... стоящий на трибуне, держа одну руку в кармане, чувствует себя в этой толпе в своей стихии. В этом его сила».

Разбираются господа! Что из того, что им мил и люб меньшевик Мартов? Для «толпы»-то он чужой. «А Ленин вот теперь даже, на трибуне, весь с ними,— подтверждает «Раннее утро».— И они это чувствуют. Он не просит, не уговаривает: он думает вслух и убеждает. Он уверен, что толпа будет с ним, потому что он заранее с толпою» [27].

Другими словами: Ленин — с народом! Народ — с Лениным!

Всякий раз, когда мне хочется мысленно перенестись в зал съезда и живо себе представить, что в тот момент происходило,

я возвращаюсь к мемуарам Александра Яковлевича Аросева. В них мы читаем:

«Ленин вынул из бокового кармана листочки своих записей, положил на пюпитр... и долго перевертывал их, так как начать ему было невозможно из-за неимоверного гула аплодисментов, рева восторженных голосов, криков радости. Они неслись отовсюду: с галереи, из зала, даже с трибуны, рядом с Лениным.

Чуть стал стихать шум, Ленин попытался начать.

— Товари...

Шум оваций с новой силой потряс весь зал.

И так не раз пытался Ленин начать говорить, но радость людей, наполнявших зал, не давала ему. От великой радости, хлынувшей потоками рукоплесканий, и рева казалось загорится пламенем мраморный зал.

Стихли овации. Ленин заговорил. Он доказывал убедительным языком своим необходимость ратифицировать мир, заключенный с немцами. И мир этот сравнивал с Тильзитским. На мир он смотрел, как на способ получить передышку.

С места меньшевик Мартов крикнул:

— Вы продали Украину!

Ленин чуть приклонился в его сторону и бросил:

— Вы меня не запугаете,— и продолжал.

Не выдержав убийственных ленинских аргументов, другой меньшевик, Абрамович, захлебнувшись возмущением против Ленина, ничего не мог сказать, крикнуть ему, а лишь поднялся на своем месте и делал какие-то жесты тонкими руками, жесты, похожие на те, какие делает велосипедист, когда его самокат застрял в грязи. Заметив это негодующее шевеление, Ленин, продолжая свою речь, как-то непроизвольно помахал рукой на Абрамовича, словно хотел для успокоения овеять его свежим воздухом.

Ленин закончил свою речь так же под овации, как и начал ее...» [28]

Теперь слово получает содокладчик Камков. Этот выступает с докладом, а потом с заключительным словом. И оба раза — на собственное посмеяние.

Меньшевистский лидер Мартов, и тот не мог потом без улыбки вспомнить карикатурную персону содокладчика от партии «левых» эсеров.

«Героический Камков,— писал он,— выходя на трибуну, напоминал того самого тургеневского мальчика, которому приятель кричал: « — Антропка-а, беги домой, тебя тятька сечь хо-

чет!» И действительно, когда Ленин заговорил об отступничестве левых эсеров, стало ясно, что заключительное слово Камкова, только что сказанное, было не чем иным, как приготовлением туалета для обряда сечения.

А сек Ленин мастерски...» [29]

В своем заключительном слове Ленин рассказывал о том, что Камков подходил к нему и задавал вопрос: надолго ли эта передышка? Тот же вопрос левоэсеровский лидер повторил и с трибуны съезда.

В этой связи Владимиру Ильичу пришлось напомнить известную русскую поговорку об одном дураке, который может больше спрашивать, чем десять умных ответить. Он говорил:

«И поэтому, когда с победным видом в серьезном собрании задают такой вопрос: ответьте мне, какая передышка,— я говорю, что таких людей будут гнать с рабочих и крестьянских собраний те, кто понимает, что после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо. (Аплодисменты)» [30].

Когда был объявлен перерыв, Ленин хотел отдохнуть в комнате президиума. Но тут к нему устремился взволнованный высокий, широкоплечий человек.

— Владимир Ильич!.. Я рабочий, беспартийный, я механик,— представился он; — я первый раз в жизни слышал такую прекрасную, такую настоящую речь. Простите меня, что я врываюсь. Но я хотел, неудержимо, непременно хотел пожать вам руку, поблагодарить вас, поблагодарить... [31]

Обмениваются мнениями два делегата съезда — крестьянин и солдат. Оба согласны с Лениным. Резюмирует умудренный жизненным опытом старший из них — представитель деревни: «Мир нужен. Мир необходим. Лучше потерять половину, чем все...»

В числе украинских делегатов, присутствовавших на съезде, была и приехавшая тогда из Екатеринослава одна из старейших большевичек — Серафима Ильинична Гопнер. Она была еще жива, когда я начинал поиски людей, причастных к описываемым событиям. Я побывал в ее квартире на улице Серафимовича в Москве и побеседовал с ней.

Серафима Ильинична рассказывала о своей записке Ленину в президиум съезда. Она просила его уделить ей несколько минут для беседы по важному вопросу. И Владимир Ильич «выкроил» их.

Гопнер сообщила Владимиру Ильичу, что вся делегация из Екатеринослава единодушно проголосовала за подписание Бре-

стского мира. Вместе с тем она просила ленинского совета: как ориентировать екатеринославских рабочих на ближайшие перспективы?

Беседа проходила за сценой, в полумраке, и все же было видно его лицо. Он ответил не сразу. А потом проникновенно, доходящим до сердца голосом сказал:

— Скажите рабочим Екатеринослава, что Брестский мир будет недолговечен. В Германии неизбежна и близка революция, и она сметет Брестский мир...

В связи с этим весьма любопытен и другой эпизод, рассказанный В. Д. Бонч-Бруевичем.

«Мы были уже в Москве, когда германское правительство прислало нам текст мирного трактата, напечатанного по-русски и по-немецки великолепным шрифтом, на великолепной бумаге, в великолепном переплете. Я принял этот экземпляр в Управлении делами Совнаркома и сейчас же понес его Владимиру Ильичу.

Он взял книжку в руки, посмотрел и, смеясь, сказал:

— Хороший переплет, отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа».

Так и вышло. В середине марта IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский договор, а 9 ноября 1918 года в Германии произошла революция, аннулировавшая его.

«ДОБРОЕ УТРО...»

Как только съезд Советов ратифицировал Брестский мир, в крестовый поход против Советской власти поднялись все темные силы.

Оконфузившиеся левоэсеровские вожаки демонстративно покинули посты народных комиссаров. Зачадил кадилом на всю Русь патриарх Тихон, призвав православных «не радоваться и торжествовать по поводу мира, а горько каяться и молиться».

В те же дни яростно загремели трещетки буржуазной и соглашательской печати: правительственный кризис! Пра-ви-тельствен-н-ый кри-зи-с! Кому-то мнилось, что Советское правительство, не исключая Ленина, собралось выйти в отставку.

Однако сенсации эти недолговечны. Они лопаются, как мыльные пузыри, одна за другой.

Вот сообщение буржуазного «Утра России»:

«ОПРОВЕРЖЕНИЕ СЛУХА ОБ ОТСТАВКЕ ЛЕНИНА

В советских кругах категорически опровергают слух об отставке Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. Это не только ложный слух, но и бездарная выдумка. Невозможно предположить, чтобы в такой ответственный момент Ленин мог думать об уходе» [32].

Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным спокойно и деловито работал над укреплением молодой Советской республики. Делалось все необходимое, чтобы защитить ее от внутренних и внешних врагов, поднять пришедшее в полный упадок народное хозяйство. На одном из заседаний правительства рассматривается проект устава Кооперативного банка.

Собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества,— зовет Ленин в статье «Главная задача наших дней», которую он привез в новую советскую столицу. Вот он уже набросал «Заметки об электрификации промышленности Петрограда и Москвы». Владимир Ильич участвует в совместном заседании электротехнического отдела и Комитета хозяйственной политики Высшего совета народного хозяйства, посвященном вопросам электрификации Петроградского и Центрального промышленных районов. Еще только март восемнадцатого года, а при участии Ленина уже рассматривается смета на строительство Волховской гидроэлектростанции.

Сегодня при участии Ленина решаются неотложные дела в Центральном Комитете партии, завтра он председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров. Уезжает в Баку чрезвычайный комиссар правительства в Средней Азии и Бакинской губернии П. А. Кобозев. Принимает и напутствует его, подписывает ему мандат Ленин. И, разумеется, это лишь малая доля того, что успевает в те дни проделать Владимир Ильич.

«Лишь один раз я видел Ленина усталым,— вспоминал о том времени Альберт Рис Вильямс.— После ночного заседания Совнаркома он вместе с женой и сестрой вошел в лифт в гостинице «Националь».

— Добрый вечер,— сказал он довольно устало.— Впрочем, нет,— поправился он,— доброе утро. Я говорил целый день и всю ночь и устал. Даже на второй этаж и то поднимаюсь на лифте» [33].

С газетной хроники мы начали свой документальный рассказ о прибытии мартовским вечером восемнадцатого года Советского правительства во главе с Лениным из Петрограда в новую столицу — Москву. В том же лаконичном, деловом жанре был выдержан и один из первых откликов на это знаменательное событие,

прозвучавший пять дней спустя со страниц петроградской «Красной газеты».

«Из Москвы по телефону
Работа правительства

Организационная работа Советов Народных Комиссаров в Москве постепенно налаживается.

Среди членов Совета и на Чрезвычайном съезде царит доброе деловое настроение.

Рабочие массы в Москве приняли Совет Народных Комиссаров с энтузиазмом. Настроение трудящихся Москвы повышенное.

Рабочие массы всецело одобряют политику Совета Народных Комиссаров о мире» [34].

...Москва — столица Страны Советов! Седьмое десятилетие идет, как она приняла на себя и с честью несет эту великую историческую миссию. Миссию глашатая и знаменосца дела мира. Свободы и демократии. Выразителя нашей братской солидарности с тружениками всего земного шара.

По инициативе В. И. Ленина, по ленинскому вдохновению Москве суждено было стать и первопроходцем в социалистическом градостроительстве.

Стать примером для всей страны призывал Ленин Москву в марте 1920 года.

Горизонт за горизонтом открывала перед ней партия. И ныне ее компасом на пути к образцовому коммунистическому городу стал новый, Генеральный план развития столицы. Широкая программа работ, рассчитанная на двадцать и более лет.

«Москва — для всех столица...— говорит Леонид Ильич Брежнев.— И отрадные перемены, происходящие здесь, интересуют и радуют весь наш народ» [35].

Да, нам есть чем гордиться в городе, полном чудесных преображений. Его современными проспектами и жилыми кварталами. Научными институтами и библиотеками. Концертными залами и картинными галереями. Торговыми центрами и Дворцами культуры. Стадионами и плавательными бассейнами. Лучшим в мире метро. Зеленью парков и садов, водоемами.

Год от года, день ото дня и даже час от часа Москва все ярче и ярче олицетворяет собой столицу нового мира.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М., 1969, с. 217.
[2] Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 369, карт. 21, ед. хр. 26, с. 631.
[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах. М., 1969, т. 3, с. 223, 224.
[4] Заря России, 1918, 18 июня.
[5] Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 578.
[6] Раннее утро, 1918, 14 (1) марта.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 539.
[8] Известия ВЦИК, 1918, 14 марта.
[9] Деревенская правда, 1918, 14 марта.
[10] Там же.
[11] Социал-демократ, 1918, 14 марта.
[12] *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине, с. 228.
[13] Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 16 марта.
[14] *Ульянова М. И.* О Ленине. 4-е изд. М., 1971, с. 92—93.
[15] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974, т. 5, с. 314—315.
[16] Лениниана: поиски и находки. М., 1970, с. 18.
[17] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 315.
[18] Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области, 1918, 14 марта.
[19] Товарищ Ленин. Воспоминания нижегородцев. 2-е изд. Горький, 1969, с. 155, 156, 158.
[20] Деревенская правда, 1918, 15 марта.
[21] Красная нива, 1927, № 1, с. 13.
[22] *Вильямс Альберт Рис.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 41.
[23] Московский вечерний час, 1918, 13 марта.
[24] Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области, 1918, 16 марта.
[25] Болгария. София, 1957, № 10, с. 11.
[26] Социал-демократ, 1918, 15 марта.
[27] Раннее утро, 1918, 16(3) марта.
[28] Прожектор, 1931, № 2, с. 11.
[29] Вперед, 1918, 19 марта.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 117.
[31] Прожектор, 1931, № 2, с. 11.
[32] Утро России, 1918, 19(6) марта.
[33] *Вильямс Альберт Рис.* О Ленине и Октябрьской революции, с. 50.
[34] Красная газета, 1918, 17 марта.
[35] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 86.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ПЕРВОЙ ЛЕГАЛЬНОЙ

Еще горячие следы недавно отгремевших битв первой русской революции несет на себе ленинская переписка с Горьким в начале 1908 года.

«...Почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой Жизни» и начали, по-моему, хорошо?» [1],— спрашивает Владимир Ильич Алексея Максимовича.

Речь идет о приглашении великого пролетарского писателя активно участвовать в «Пролетарии» — фактически центральном органе партии, издание которого снова перенесено из Выборга в Женеву.

Ленин напоминает Горькому о жанре, в котором тот столь удачно дебютировал на страницах «Новой жизни», той первой легальной социал-демократической газеты, в стенах редакции которой на Невском в Петербурге они и встретились впервые.

«Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу,— вспоминала Мария Федоровна Андреева, замечательная представительница русского театрального искусства, вступившая в партию еще в 1904 году.— Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!..» [2]

Что же сделало возможным появление «Новой жизни» на авансцене истории и как воспользовался ее трибуной Ленин в эпоху «генеральной репетиции» Октября?

«Буря разразилась» [3] — так Ленин определял в октябре пятого года стремительное нарастание революционного движения в России, охваченной всеобщей политической стачкой. Она и стала крестницей первенца легальной печати нашей партии.

Представилась новорожденная газета своему читателю-рабочему вместе с первой Программой нашей партии, напечатанной в виде приложения к той же «Новой жизни». Низвержение царского самодержавия и замена его демократической республикой — эта задача была названа в Программе ближайшей.

Стоит ли удивляться паломничеству посланцев рабочих пе-

тербургских заводов и фабрик в контору «Новой жизни», начавшемуся со дня выхода в свет первого номера, потоку заявок на нее, хлынувшему сюда со всех концов России. Тираж газеты поднимался до восьмидесяти тысяч экземпляров.

Достаточно было открыто прозвучать голосу печатной пропаганды партии, как его тут же кинулись душить царские приспешники. Начались погони за газетчиками, набеги на экспедицию и типографию, в которой печаталась «Новая жизнь». Пошли конфискации газеты, перехваты почты, адресованной редакции, допросы и следствия над ее сотрудниками. Вот она — свобода слова, которую в числе других торжественно объявил самодержец 17 октября пятого года. Царский манифест в действии...

— Скорее в Россию!

Ленин, весь устремленный из «проклятого женевского далека» на родину, всячески форсирует создание той ежедневной легальной питерской газеты, которая призвана была стать самой широкой трибуной для воздействия партии на пролетариат, высказывает Центральному Комитету партии свои соображения о персональном составе руководящей семерки и редакции «Новой жизни», помогает ей обзавестись надежными собственными корреспондентами во Франции и в других странах.

Пять номеров «Новой жизни» Ленин успевает прочесть еще за границей, причем последний из них — в Стокгольме, где он останавливается при нелегальном возвращении в Россию. Обнаружив в нем статью, содержащую принципиальные ошибки, Владимир Ильич берется за перо, чтобы высказаться по жгучему вопросу — о значении и роли Советов рабочих депутатов.

Первый ленинский день после «постылой эмигрантской заграницы» — 8 ноября. Встреча Владимира Ильича с членом Центрального Комитета партии Леонидом Борисовичем Красиным и другими ее активными деятелями. Посещение могил жертв «Кровавого воскресенья» на Преображенском кладбище в Петербурге. Выступление с речью об отношении партии к Советам рабочих депутатов на расширенном заседании Петербургского комитета большевиков. А на завтра?

«Несмотря на то что приезд Ленина, по понятным соображениям, некоторое время скрывался от широкой партийной массы, в районах об этом как-то быстро узнали,— вспоминал тогдашний руководитель одного из отрядов питерских коммунистов.— В районе и на заводах, где имелись наши партийные ячейки, рабочие ежедневно спрашивали: «Где можно будет послушать и повидать Ленина?», «Будет ли он выступать публично на каких-либо больших собраниях с докладами, рефератами?» и т. п.

Когда я старался уклончиво отвечать на эти вопросы, говоря, что мне самому еще неизвестно, вернулся ли Ленин из-за границы или нет, мне рабочие отвечали:

— Да брось ты эти разговоры, думаешь, что мы ничего не видим и не слышим. О том, что Ленин приехал, говорят во всех районах. Посмотри-ка на газету «Новая жизнь» и сравни ее первые номера с последними — и сразу увидишь разницу в ней. Когда теперь читаешь «Новую жизнь», сразу чувствуется, что тут, где-то поблизости, имеется тот, кто создавал наши подпольные газеты — «Вперед» и «Пролетарий» — и руководил ими.

Оказалось, что и в районах обратили внимание на резкую перемену, происшедшую в нашей первой легальной ежедневной газете «Новая жизнь». Перемена была настолько разительна, что все почувствовали присутствие в редакции Ленина» [4].

В чем же проявляется это заметное преображение газеты к лучшему и как достигается оно Владимиром Ильичем — главным редактором «Новой жизни» с ее девятого номера?

Сначала маленький эпизод, относящийся к родословной первой легальной.

...Петербургская полночь. Ленин, как и обычно в эти часы,— в типографии. Его рабочее место — в тесной конторке.

Верстается двенадцатый номер «Новой жизни». Завтра ее читатели ознакомятся с классической ленинской статьей «Партийная организация и партийная литература». Найдут продолжение горьковских «Заметок о мещанстве».

Репортер «Новой жизни» Василий Регинин, несущий дежурство в типографии, приносит Ленину груду корректурных гранок.

— На одной из них,— вспоминал старый газетчик,— он задержал свое внимание и вслух прочитал:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть!
На борьбу вы, как на праздник, снаряжайтесь,—
Кто не с нами — тот наш враг, тот должен пасть!..»

— Минский!..— прочел Ильич подпись.— Минский?! «Наша сила, наша воля, наша власть!» Гм... Хороша Маша, да не наша!.. [5]

Какое же отношение имеет к «Новой жизни» поэт, которому принадлежали эти слова? Гость поэтической рубрики? Нет, Минский — официальный редактор «Новой жизни».

Не большевикам разрешало царское правительство издание большой ежедневной политической и литературной газеты, а ему, Минскому, зарекомендовавшему себя в его глазах как литератор вполне благонадежный.

Произошло же это так. Написав и издав книгу «Религия буду-

щего», Минский, по его собственному признанию, испытывал по отношению к своему дитяти такой же долг, как родители взрослой девушки, «воспитание которой завершено, но которую еще нужно вывозить в свет, выдавать замуж».

Стал появляться в свете со своим чадом — «Религия будущего» — и Минский. То заявится «религиозный мыслитель» с лекцией в Екатеринославе, то в Николаеве. Но чем больше в воздухе пахло революционной грозой, тем меньше поддавалась аудитория религиозным бредням лектора.

«...Стоя лицом к лицу с тысячной толпой, я сознавал, что она при всей своей доброй воле думает не о том, о чем я говорю, что между ее доверчивым вниманием и моей правотой стоит какая-то несдвигаемая стена» [6],— сознавался Минский.

Турне провалилось. Тогда заботливый родитель решил выдавать замуж свою дщерь, «Религию будущего», с помощью свахи — своей собственной газеты. Разрешение на издание было получено.

Тем временем изысканиями различных способов для издания своей ежедневной легальной газеты был занят Центральный Комитет партии. Всячески озабочен был этим и Горький.

Алексей Максимович сумел склонить Минского к тому, чтобы его «визой» могли воспользоваться социал-демократы. Правда, Минский долго канителил с заключением договора, претендуя чуть ли не на первую скрипку в общем оркестре и торгуясь за ведущие роли в нем своих дружков-декадентов. Но в конечном счете Горькому удалось «утрясти» все спорные вопросы.

По письмам видно, что Алексей Максимович уделяет много внимания большому партийному делу и живет им.

— Затеваем газету в Петербурге... Дело на мази,— ставит он в известность одного писателя, приглашая его включиться в работу. «Вероятно, с 1-го ноября будет выползать наша газета «Новая жизнь»,— сообщает он другому.— Так что имейте сие в виду...»

— На днях поеду в Питер — выпускать первый номер нашей газеты,— говорится в третьем горьковском письме, отправленном из Москвы 24 октября (6 ноября) пятого года.

В разгар организационной работы Л. Б. Красин телеграфирует из Петербурга в Москву Марии Федоровне Андреевой, чье имя как издательницы будет значиться в газете. Сообщает ей, что с помещением для редакции и типографии дело налаживается. Тираж обеспечен.

Нужно вносить залог рентой в размере пяти тысяч рублей. Так как время не терпит, Леонид Борисович просит эту сумму

перевести по телеграфу. Ждет доверенности издательницы на ее получение [7].

Создать материальную базу для «Новой жизни» помогает партии также Горький. Интересно отметить, что на просьбу Алексея Максимовича оказать финансовую поддержку «Новой жизни» откликается и владелец мебельной фабрики на Красной Пресне Николай Павлович Шмит — будущий активный участник декабрьского вооруженного восстания в Москве. Он передает Горькому пятнадцать тысяч рублей, получив взамен три векселя [8]...

В Москву к Горькому приезжает из Петербурга М. М. Литвинов. Назад он возвращается с надлежащими доверенностями издательницы Андреевой.

И вот уже колесо «Новой жизни» завертелось.

Именинником чувствует себя и Минский, единственный владелец разрешения на ее издание, выданного царскими властями.

— Газета сперва была крайне странно скроена,— вспоминал Анатолий Васильевич Луначарский.— Рядом с нами, большевиками, там работало большое количество непосредственных друзей Минского, поэтов с декадентским вкусом, анархистов из кафе и всякой богемы, считавшей себя «необыкновенно крайне левой» и находившей союз с большевиками делом весьма пикантным.

Большевистская часть редакции, однако, постепенно пришла к совершенно ясному пониманию того, что запрячь «большевистского коня» в одну колесницу с полудекадентской «трепетной ланью» никак «не можно»...

Владимир Ильич ...по отношению к Минскому и даже ко всяким относительно мелким интеллигентским сошкам, попавшим в «Новую жизнь», вел себя с чрезвычайным тактом и предупредительностью. Вместе с тем он весело хохотал над разными выходками отдельных наших сотрудников, столь необычных для нас, и повторял часто:

— Это же действительно исторический курьез!.. [9]

И впрямь! Смог же Минский на полном серьезе в номере третьем «Новой жизни» ставить в один ряд проповедуемую им мистику «с такой же дерзновенной, как она сама, с такой же безбрежной по своим горизонтам доктриной, какой является доктрина социал-демократии» [10].

Итак, перемены начались в «Новой жизни» с момента приезда Ленина в Петербург и сразу обратили на себя внимание рабочих тогдашней столицы России.

Пошли ленинские статьи. Одна за другой прокладывали они «новый курс» партии, вышедшей из подполья и в то же время

вынужденной сохранять конспиративные связи. Закаляли ее идейно и совершенствовали организационно.

Героический пролетариат завоевал лишь половину свободы. Проделана лишь половина революции. И, чтобы вырвать зло с корнем, Ленин в «Новой жизни» из номера в номер призывает рабочий класс, весь революционный народ вооружаться, овладевать оружием, готовиться к решающей схватке с царским самодержавием.

Повод, чтобы лишний раз напомнить о подготовке к вооруженному восстанию, у Владимира Ильича всегда найдется. Это он делает также, рекомендуя местным социал-демократическим организациям создание в числе других опорных пунктов и тиров.

«Я не знаю соответственного русского слова и называю «тиром» помещение для стрельбы в цель, где есть запас всякого оружия, и всякий желающий за маленькую плату приходит и стреляет в цель из револьверов и ружей,— попутно поясняет Ленин в соответствующей сноске.— ...А рабочим учиться стрелять, учиться обращаться с оружием весьма-весьма не лишне» [11].

Непревзойденным образцом мастерства является деятельность Ленина — редактора «Новой жизни». Он считал, что «...редактор всегда должен быть готов написать сам...» [12].

Сколько раз можно было застать Владимира Ильича поздно ночью в той же типографской конторке, пишущим передовую статью в номер о последних политических событиях в ходе всенародной борьбы с царским самодержавием.

Как редактор Ленин питает неизменное традиционное пристрастие к рабочим корреспонденциям.

С началом ленинской перестройки «Новой жизни» совпадает и приезд к Владимиру Ильичу представителей московской организации большевиков. Встреча происходит в редакции, на Невском, ставшей одновременно и средоточием руководства партией. Тут Надежда Константиновна Крупская проводит своеобразную перекличку партийных кадров, вышедших из подполья, налаживает контакты.

Москвичи, беседующие с Лениным, высказывают ему свое недоумение засильем декадентской публики в «Новой жизни», которой Минский к тому же выклянчил и баснословные оклады.

Гости получают ленинское приглашение на заседание расширенной редакции «Новой жизни», где Владимир Ильич и намеревается поставить вопрос о расторжении договора с Минским и изгнании из редакции людей, чуждых духу большевистской печати.

Сначала с кратким отчетом выступает исполнявший обязанно-

сти редактора до приезда Ленина член Центрального Комитета партии Румянцев. Затем слово берет Ленин.

«После того как Ильич внес свои предложения, а мы с Маратом * от имени москвичей вполне присоединились к ним, Румянцев вскочил, как ошпаренный, и начал доказывать, что нельзя нарушать подписанного договора, что это вызовет скандал во всем писательском мире,— вспоминал член МК Мартын Николаевич Лядов.— Ильич его сразу оборвал:

— Пустяки вы говорите, мы хотим свергнуть самодержавие, живем в революционное время и будем бояться нарушить договор с буржуазными писателями, будем бояться общественного мнения буржуазной газетной братии. Пустяки все это. Нам интересы партии дороже. Нам нужно создать газету, где каждый рабочий чувствовал бы себя как дома, куда он мог бы прийти со своей малограмотной корреспонденцией и знал бы, что его здесь выслушают, его статейку исправят, отпечатают» [13].

Дальнейшее укрепление состава редакции «Новой жизни» будет поставлено и в повестку дня совещания Центрального Комитета партии, в котором примет участие и Горький. Мы посвятим еще читателя в содержание этой встречи. Пока же перенесемся мысленно в ночную редакцию «Новой жизни».

До Владимира Ильича на страницы «Новой жизни» иногда просачивались такого рода сенсационные новости, как уход на покой московского митрополита Владимира, придворные слухи о князьях — кандидатах на министерские вакансии или об окладе царского посла в Турции...

— Товарищи! Слышал я ночью, как Ленин в типографии говорил своим ближайшим сотрудникам,— вспоминал уже ранее названный нами репортер «Новой жизни» Василий Регинин: — Плохо у нас поставлен рабочий отдел. Где голоса с фабрик и заводов? Почему в хронике так мало места уделяется интересам массы?! Нужно подтянуть и подстегнуть районных работников. А весь этот хлам,— показал Ильич на кучу гранок с заметками профессиональных репортеров,— только балласт для газеты. Мусор!..

Через несколько дней секретарь газеты заявил информаторам — «профам», что «Новая жизнь» не нуждается далее в их услугах и что на смену им привлечены для работы корреспонденты из рабочих кругов.

— Позвольте, да ведь хроника аполитична,— не понимали «обиженные» газетчики,— заметки наши объективны, при чем же тут партийность?..

* В. Л. Шанцер — в то время секретарь Московского Комитета партии.

— Это — распоряжение Владимира Ильича! — В том-то и дело, что в нашей, в большевистской газете требуется и в хронике именно «субъективный», пролетарский, классовый подход. А этого вы нам дать не сможете!..

На освобожденные в редакции места сели люди со Стеклянного и Обуховского заводов, армячки и куртки от Сан-Галли, от Резиновой мануфактуры, от Путилова, с Нарвской заставы, с Охты и острова Голодая.

«Новая жизнь» сразу приобрела строгий, выдержанный, суровый облик пролетарской газеты...[14]

Да и хроника хронике рознь! Теперь, перестроенная на ленинский лад, она скупыми, но выразительными чертами повседневно рисует картину вздымающейся волны революционного движения в городе и деревне, в армии и на флоте, глумление и издевательства царских сатрапов над свободой.

Вы встретите в ней сообщение о готовящейся в Севастополе судебной расправе над моряками — героями восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Узнаете о запрете, а то и разгоне заводского или фабричного собрания. Так, например, на собрании за Нарвской заставой арестованы и брошены в «кутузку» при охранном отделении еще двое рабочих. Все та же пресловутая царская свобода слова! Хроникеры газеты засекли также момент прибытия в Петербург и разгрузки нового транспорта с пулеметами.

Мелькнуло сообщение, напомнившее и о кровавом побоище, устроенном царскими войсками участникам студенческой демонстрации в Петербурге 18 октября, на другой день после того, как манифест императора о свободах вступил в силу. Зверски избитый тогда профессор Евгений Викторович Тарле наконец-то оправился от тяжелых ран и выписался из лечебницы. На голове заметен небольшой шрам. Так жестоко поплатился за сочувствие революционному студенчеству будущий известный советский историк, академик.

И, наконец, один из многочисленных примеров, которыми в хронике «Новой жизни» иллюстрировалась и царская свобода слова. Речь идет о первом (пробном) номере еженедельника политической сатиры — «Дятле», оказавшемся и последним. ««Дятел» так жестоко клюнул правительство, что его тут же и запретили,— информирует «Хроника» читателей «Новой жизни»,— очевидно, он разнился характером от щедринского дятла, который пил запоем и символизировал академию наук, пища двадцать два года генеалогию Лешего (сказка «Орел Меценат» — русской публике она мало знакома, так как была издана нелегально). Просматривая

«покойного Дятла», мы нашли несколько важных объявлений о потерянных вещах и сбежавших псах и, желая услужить заинтересованным лицам, перепечатываем их: «Сбежал Наместник. Кличка Алексеев. Особые приметы — неприличны. Нашедшего просят доставить в «Народный Суд»»; «Сбежало чучело из синода, кличка «Пергамент», нашедшего просят хранить находку в тайне»» [15].

А какую политическую целеустремленность и боевитость придает главный редактор первой легальной газеты репортажу в «Новой жизни»!

Ведет его газета и с учредительного собрания петербургской группы конституционалистов-демократов, сиречь основателей ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Послушать этих страстных поклонников конституционной монархии — они и есть радетели народной свободы.

«У кадетов в гостях» — так и озаглавлен репортаж, появляющийся на страницах «Новой жизни».

— Не скажу, чтобы меня встретили особенно приветливо,— рассказывает его автор.

— Как, вы социал-демократ и пожаловали к нам? Да разве вам была прислана повестка?

— Как же, повестку я получил,— был скромный ответ:— Надеюсь, вы позволите мне поучиться и послушать?

— О, пожалуйста, конечно...— И я в качестве представителя «крайних» партий приютился у репортерского столика...

«И я был вознагражден. Редко я проводил время с большим удовольствием, как среди этих милых «кадетов», этих прелестных политиков, столь же наивно циничных, сколь искренно не понимающих пагубного и нетерпимого социалистического «догматизма».

...Как мудрые политики, прекрасно знающие цену своим собственным обещаниям, кадеты старшие начали с того, что объявили свою собственную программу для себя же необязательной...» [16]

Привлек мое внимание репортаж, начало из которого здесь процитировано, не только ярким публицистическим содержанием, но и подписью автора: М. Рейснер.

Убедиться в том, что писал тот, кто потом станет одним из творцов первой советской конституции, отец будущей журналистки и писательницы Ларисы Рейснер, большого труда не составило...

Судить о взрывной силе публицистических снарядов, выпускаемых «Новой жизнью» по царскому самодержавию, позволяют

и имена таких ближайших помощников Ленина — членов редакционной коллегии газеты, как Михаил Степанович Ольминский, Анатолий Васильевич Луначарский, Вацлав Вацлавович Воровский. Все трое успели уже к тому времени пройти ленинскую школу публицистики в нелегальных газетах партии, издававшихся за рубежом.

Ольминский приезжает в Петербург из Женевы.

«Пришлось сдавать паспорт в прописку,— вспоминал Михаил Степанович.

— Ваше занятие? — спрашивает дворник.

Что ответить? Сказать, что революционер? Такой профессии в полицейском участке не признавалось или, вернее, таких профессионалов прописывали на жительство по тюрьмам. А иного занятия не было. Набрался смелости и в первый раз в жизни самозванно объявил себя литератором. Так и в паспорте несколько лет значилось, только не «литератор», а «летиратор». Первое время очень стыдился самозванства. Понемногу, однако, привык» [17].

Мастер емкой, бьющей в цель политической формулировки, Ольминский заягляет на страницах «Новой жизни»: «Класс против класса! — вот в чем нерв и смысл переживаемой нами эпохи» [18].

Луначарского Ленин телеграммой вызывает в Петербург из Италии.

«Я, конечно, немедленно выехал и в первый же день после приезда в Петербург явился в редакцию,— вспоминал Анатолий Васильевич.

Первое время мои непосредственные встречи с Лениным происходили почти исключительно на почве интенсивной работы в газете. Владимир Ильич чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении. Но от него, конечно, не ускользала опасность положения, значительная шаткость добытых завоеваний...

...Владимир Ильич придавал «Новой жизни» большое значение...» [19]

Луначарский в «Новой жизни» — редактор отдела обзора печати. И с того часа, как он занимает этот пост вместо одного из отстраненных ставленников — Минского, кончается спокойная и безмятежная жизнь у буржуазной и всякой иной антинародной печати. Анатолий Васильевич беспощадно обличает ее паясничество и трюкачество, пресмыкание и угодничество перед царским правительством.

Эрудит и превосходный знаток искусства, Луначарский выска-

зывается и по поводу одной постановки в петербургском «Новом театре», направленной против разгула черной сотни.

«Задача театра, вообще говоря,— представлять жизнь прямо, т. е. реалистически, или при помощи символов, таким образом, чтобы она являлась более яркой и в то же время более прозрачной, чем жизнь, как она есть в действительности,— пишет Луначарский.

...Художник имеет ключи к человеческим душам и может раскрыть их и нам, и тогда вырастут в глазах наших не только ужасы происходящего, но и его причины. Чего не может договорить наш художник-писатель, то договорит художник-артист» [20].

Между тем черная сотня продолжает свирепствовать вовсю. Под постоянной угрозой разгрома находится и типография, в которой печатается «Новая жизнь». По свидетельству ее бывшего сотрудника, «все, до наборщиков включительно, были вооружены» [21].

И вот в такую-то пору к Воровскому, поселившемуся в гостинице на Караванной в Петербурге, заявляется только что приехавший из Женевы В. Д. Бонч-Бруевич.

«Стучусь, вхожу — ба! Вацлав Вацлавович! Он стоит возле небольшого чемоданчика и что-то прячет,— рассказывал Владимир Дмитриевич.

— Что это вы прячете?

— Орудие самообороны,— и он вынул револьвер,— а когда нужно, идем в атаку,— и он откинул у дула револьвера маленький штык, вроде перочинного ножичка в полвершка длины, и, сделав выпад, как ружьем, в мою сторону, тихонько засмеялся.

...Мы напились с ним чаю с калачами и лимоном и отправились в «Новую жизнь».

Здесь мы встретились с Владимиром Ильичем... Он, как всегда, заботливо встретил меня... Сейчас осведомился, чем думаю заняться по партийной работе, рассказал и показал все в редакции новой нашей газеты, гордо заявив, что это, пожалуй, покрупней, чем в Женеве. Я ему сказал, что и дороже, что масса лишних расходов. Он насторожился и сказал:

— Это мы сейчас прекратим. Ах, эти радикалишки...— бросил он свой упрек по адресу радикальной публики вообще, к нам в то время примыкавшей» [22].

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, каким мы его помним по фотоснимкам и кинокадрам послеоктябрьских лет, как известно, спортивной выправкой не отличался. Некую «тучность» он обнаружил в 1905 году при появлении в редакции «Новой жизни», представ в сопровождении Воровского перед Лениным. Но то была

тучность особого рода. Направляясь из-за границы в Россию, Владимир Дмитриевич захватил в Париже... боеприпасы для нужд революции. С этим грузом он и явился к Владимиру Ильичу.

«Когда он узнал, что я весь начинен взрывчатыми веществами и что мне, как сказал Воровский, следует разоблачиться,— рассказывал Бонч-Бруевич,— он тотчас же заторопился, тихонько, что называется на ушко, сказал Вацлаву Вацлавовичу увести в отдельную удаленную комнату, куда тотчас же пришел секретарь ЦК, еще товарищ рабочий-боевик...

Меня стали расшивать под непрерывные остроты Вацлава Вацлавовича, и когда сняли панцирь, особенно тяжелый на груди, и пояс, я вдруг зашатался, теряя равновесие: так за эту неделю путешествия я привык уже к тяжести, сгибавшей все время меня вперед, и теперь, освободившись от нее, мне было непривычно и неловко ходить...» [23]

«Когда нужно, идем в атаку»,— шутил Воровский по поводу револьвера, служившего ему орудием самообороны. Но револьвер был детской игрушкой в сравнении с тем грозным дальнобойным орудием, которым владел Воровский — публицист «Новой жизни».

«Кого история обрекла на гибель, у того она отнимает разум»,— пишет о царском правительстве Воровский в одной из своих статей, опубликованных в «Новой жизни».

Из рассказов партийных публицистов, работавших бок о бок с Лениным в газете, мы знаем и о том, как трудился главный редактор первой легальной.

«Порядок установился такой,— вспоминал Ольминский,— часов в 11 собирались редакторы и ближайшие сотрудники, чтобы распределить темы для статей, а часов в 7 сносились готовые статьи и прочитывались при участии Ленина».

«...Не было ни одной самой маленькой моей заметки или вырезки, которая не была бы просмотрена Владимиром Ильичем»,— подчеркивал ленинскую требовательность Луначарский.

Анатолий Васильевич также рассказывал, что на редакционных совещаниях вместе с другими авторами Ленин читал и свои статьи, чрезвычайно охотно выслушивая замечания и советы [24].

Первым рукопожатием Ленин и Горький обмениваются, как мы помним, в редакции «Новой жизни». Сюда Алексей Максимович и приехавшая вместе с ним из Москвы Мария Федоровна Андреева направились прямо с вокзала.

Один из основателей газеты, Горький, живя в Москве, тем не менее принимал самое деятельное участие в ее работе — руководил литературно-художественным отделом. Известно, в частности, что он высказал свои критические замечания, относившиеся к языку

материалов первого номера «Новой жизни», возражения против публикации стихотворения К. Д. Бальмонта «Иван да Марья», которые, разумеется, были учтены.

Деятельность Горького в «Новой жизни» вызвала большой интерес французских социалистов. На вопросы, интересовавшие их в этой связи, газета «Юманите» попросила ответить командированного Лениным по делам партии и газеты Мартына Николаевича Лядова.

Интервьюировал его один из основателей французской социалистической партии II Интернационала публицист Жан Лонге (сын Шарля Лонге и Женни Маркс).

— Какова роль Горького в газете «Новая жизнь»? Какова его позиция в отношении идей социализма? — спрашивал интервьюер.— Что он, только «сочувствующий», каких много среди литераторов Франции, Англии, Германии, или же активный боец, убежденный в доктрине современного социализма?

И, вводя в курс дела читателей «Юманите» — центрального органа Французской объединенной социалистической партии, Лядов сообщил, что Горький является одним из редакторов «Новой жизни» наряду с Лениным.

«Великий романист является очень убежденным и образованным социалистом, идеи которого проникнуты учением Маркса...— рассказывал ленинский посланец,— преданность его нашему делу безгранична. Почти весь доход, который он получает от продажи своих романов и от театральных постановок, он великодушно отдает делу социалистической пропаганды. Он доставил большую часть необходимых капиталов для издания «Новой жизни»» [25].

«Юманите» уделила этому интервью центральное место в своем очередном номере. Перепечатали его и многие буржуазные газеты.

Большой политический резонанс получили горьковские «Заметки о мещанстве», печатавшиеся в четырех номерах «Новой жизни» [26]. Восставал в них Горький против всяческого приспособленчества «применительно к подлости», в том числе и литературного.

Как ленинский единомышленник Алексей Максимович выступает за литературу действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом. Горький хочет видеть в ней подлинного народного героя — рабочего, истинного и единственно законного хозяина жизни, ибо строит ее он.

Ноябрьский день пятого года, в который Горький приезжает в Петербург,— воскресный *. И первая легальная радует читателей «Новой жизни» горьковской статьей «По поводу». Это ответ

* 27 ноября (10 декабря).

писателя на адресованные ему разными лицами истерические письма. Ответ тем, в чьих сердцах живут три цербера: жадность, пошлость, ложь.

«Сударыня! Не требуйте от людей того, чего вы им не давали,— отвечает Горький одной из таких истеричек, плачущейся на свою горькую судьбу в революции.— Вы не имеете права па сострадание, ибо вам оно неведомо. Народ мучали и мучают все, кто имел и имеет один золотник власти над ним.

Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда...» [27]

...Встреча Ленина с Горьким, начавшаяся в редакции «Новой жизни», продолжается на совещании Центрального Комитета партии. Происходит она в квартире книгоиздателя К. П. Пятницкого, где две комнаты занимает и Горький.

Самый жгучий вопрос на совещании — подготовка к вооруженному восстанию. Ленин с неослабным интересом и вниманием выслушивает рассказ Горького о боевых приготовлениях московских рабочих, о том, как революционная Москва хоронила павшего от руки черной сотни виднейшего деятеля партии Николая Эрнестовича Баумана.

Обсуждаются и литературные дела, к которым имеет прямое отношение Горький.

«Прежде всего Владимиром Ильичем был резко поставлен вопрос о ликвидации поэта Минского как члена редакции «Новой жизни»,— свидетельствует Василий Алексеевич Десницкий (Строев), состоявший в то время кандидатом в члены ЦК.

— «Новая жизнь» — партийный орган, и в нем не место, тем более в руководящем центре, людям, не имеющим к партии никакого отношения.

Владимир Ильич предлагал идти на всякие жертвы денежного порядка, вытекающие из договорных отношений возникновения газеты как органа легальной печати. «Теперь такое положение нетерпимо...» Горький с полным одобрением отнесся к предложению Ленина. Владимир Ильич с улыбкой предложил меня в исполнители решения.

— Вот Строев человек здесь новый, не связанный никакими деликатными отношениями. Он завтра же и ликвидирует поэта...

Я уклонился от поручения ввиду необходимости отъезда в Москву, да и запутаться боялся в неясных для меня финансовых

отношениях газеты. Выполнение ликвидации поручено было тогда П. П. Румянцеву; он и провел ее вполне успешно»[28].

Ленин и Горький действовали солидарно, согласно. Для Алексея Максимовича совместная работа с Владимиром Ильичем в «Новой жизни» была прекрасным университетом партийности литературы.

«Тряхните стариной — помните 1905 год...»[29],— вызовет Ленин семь лет спустя в памяти у Горького воспоминания о начале их совместной работы в партийной печати.

Век «Новой жизни» оказался коротким. Немногим больше месяца. Последний, уже нелегальный, номер газеты ее издатели ухитрились выпустить, посадив под замок на всю ночь администрацию типографии.

И, взяв в руки этот уже запрещенный номер «Новой жизни», читатель нашел и в нем статью главного редактора газеты — Ленина.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 134.
2 Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968, с. 118—119.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 1.
4 Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 142.
5 Рабоче-крестьянский корреспондент, 1967, № 4, с. 24—25.
6 Двадцатый век, 1906, 4(17) мая.
7 См. Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой, с. 107.
8 Ученые записки Ленинградского университета, № 215, вып. 43, с. 62.
9 Пролетарская революция, 1930, № 2—3, с. 83—84.
10 Новая жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. Л., 1925, вып. 1, с. 59.
11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 90.
12 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 39.
13 *Лядов М.* Из жизни партии в 1903—1907 годах (Воспоминания). М., 1956, с. 115.
14 Рабоче-крестьянский корреспондент, 1967, № 4, с. 22—24.
15 Новая жизнь. Л., 1926, вып. 4, с. 102.
16 Новая жизнь. Л., 1926, вып. 3, с. 98.
17 *Ольминский М.* По литературным вопросам. Сборник статей. М.—Л., 1932, с. 19.
18 Новая жизнь. Л., 1925, вып. 2, с. 148.
19 Пролетарская революция, 1930, № 2—3, с. 83.
20 Новая жизнь, вып. 3, с. 121—122.

[21] *Львов Л. (Клячко Л. М.).* За кулисами старого режима. Л., 1926, с. 122—123.
[22] *Бонч-Бруевич Вл.* На славном посту. М., 1931, с. 27—28.
[23] Там же, с. 28—29.
[24] Пролетарская революция, 1930, № 2—3, с. 84.
[25] Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958, вып. 1, с. 561.
[26] Новая жизнь, вып. 1, с. 7, 80; вып. 2, с. 116; вып. 3, с. 78.
[27] Новая жизнь, вып. 4, с. 28, 27.
[28] *Десницкий В.* А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, с. 192.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 47.

ДЕНЬ КРАСНОГО ОФИЦЕРА

Для защиты Советской республики от белогвардейцев и интервентов создавалась трехмиллионная Красная Армия. Ей нужны были сто тысяч командиров. Их подготовкой и была озабочена наша партия.

«Иди, рабочий и крестьянин, на курсы! — звала она.— Ничего не требуется от тебя, ни знаний общих, ни военных: лишь желание сражаться, лишь желание умереть в первых рядах бойцов за социализм!» [1]

24 ноября 1918 года проходил в стране День красного офицера.

Всеобщее внимание москвичей в тот памятный день привлекли питомцы командирских школ и курсов. Шли они в безупречном строю на Красную площадь.

Шли уже бывалые, обстрелянные воины, приехавшие сюда учиться. Молодцевато подтянутые, шагали на парад и вчерашние производственники.

Над Москвой кружил самолет, разбрасывавший листовки. Их подхватывали на лету. Они приглашали рабочих и крестьян на военные курсы и в школы. Агитационную литературу развозили по городу и грузовые машины. Живой интерес москвичей вызвал специальный номер журнала «Красный офицер».

Символом праздника была красноармейская звездочка. Приобрести ее можно было у военных курсантов, проводивших сбор на подарки фронтовикам. Но не только у них.

— Купите у нас звездочку,— предлагала девушка-сборщица, вызвавшаяся вместе со своими подругами помочь в большом благородном деле.

Но вот наступил час парада на Красной площади. Шли пехотинцы и пулеметчики. Два эскадрона кавалеристов прибыли на парад из Твери. Лихие конники за отсутствием нового образца головных уборов были одеты в кивера с белыми султанами...

Звонко прозвучала в тот памятный день поэтическая лира. Демьян Бедный восславил «красную винтовку» в песне:

...Мироедская рать
Хочет нас покарать,
Руки-ноги связать нам веревкой,
Но то в холод, то в жар
Разъярившихся бар
Перед красной кидает винтовкой.
Эй, винтовочка, ухнем,

Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!.. [2]

Украсили номера газет и стихи, обращенные непосредственно к новому командиру Красной Армии.

...Кузнец надежд — блестящих вер
У врат борьбы — заставы.
Ты из народа офицер!
Ты жди великой славы...
(Василий Каменский)

...Горя всемирною любовью,
Из красных стен родной Москвы
Свободу, купленную кровью,
На знамени несете вы...
(Рюрик Ивнев)

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН НА ПАРАДЕ?

Кто из членов правительства присутствовал на Красной площади? Тогдашние газеты назвали Свердлова, Луначарского, Дзержинского. Принимал парад и приветствовал курсантов Склянский — заместитель народного комиссара по военным и морским делам.

А Ленин? Встретите ли вы в газетных отчетах, запечатлевших знаменательное событие, его имя среди присутствовавших на Красной площади? Нет. Они приведут вас на Советскую площадь. Сюда по окончании парада явятся военные курсанты, чтобы приветствовать Московский Совет. Здесь они построятся в каре. С балкона здания Московского Совета их будут приветствовать Луначарский, за ним Ленин. Лишь речью перед военными курсантами на Советской площади отмечено участие Владимира Ильича в Дне красного офицера.

Ну, а как же с парадом на Красной площади? Выходит, не посетил его Ленин?

Месяца за два до Дня красного офицера в Петрограде окончили курсы командного состава Красной Армии 400 рабочих. Ленин, едва оправившийся от ранения, откликнулся на это событие приветственной телеграммой. Владимир Ильич высоко оценил в ней роль, которую призваны сыграть командиры Красной Армии — выходцы из рабочего класса.

«...Я уверен.., что примеру четырехсот последуют еще тысячи и тысячи рабочих, а с такими администраторами и командирами

победа коммунизма будет обеспечена» [3],— говорилось в ленинской телеграмме.

На Марсовом поле в Петрограде 18 сентября, в день выпуска красных офицеров, состоялся большой парад.

«Выпускные инструкторы заняли в построенных перед красной трибуной шеренгах центральное место,— сообщала «Северная коммуна».— Бодрые и молодые, вооруженные и обмундированные, они производили сильное впечатление.

...Все оркестры разом грянули «Марсельезу», и под звуки ее военный комиссар обошел фронт, приветствуя командиров-пролетариев...

Тут же, на Марсовом поле, был оглашен и приказ, в котором красные офицеры получали назначение в полки».

Репортаж «Северной коммуны» об этом параде содержит еще одну любопытную деталь.

«...Делегат от московской Красной Армии передал подарок тов. Ленина, представляющий эмблему дружбы: значок с изображением серпа и молота» [4],— сообщила в заключение газета.

Так живо, сердечно откликнулся Владимир Ильич на весть о первом выпуске красных офицеров в Петрограде.

Тысячи и тысячи рабочих звал Ленин следовать примеру своих питерских товарищей и штудировать полководческую науку.

Усердно решали эту задачу слушатели Замоскворецкой военной коммунистической школы столицы. Днем трудились на заводах и фабриках — вечерами разыгрывали «бои» на Воробьевых горах. Вручение аттестатов выпускникам школы состоялось накануне годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

«Новое красное офицерство — не прежние буржуазные сыночки, для которых солдат — серая скотина,— писала в этой связи газета «Коммунар», издававшаяся Центральным Комитетом партии.— Наши офицеры те же рабочие...» [5]

Большим народным торжеством ознаменовалась в Москве первая годовщина установления власти Советов. Среди участников парада на Красной площади Ленин увидел и питомцев военных училищ.

— Будущим красным офицерам — ура! — приветствовал он их с трибуны.

Волнующее зрелище можно было наблюдать вечером 9 ноября восемнадцатого года на площади перед Большим театром. На смотр красных офицеров собрались делегаты VI Всероссийского съезда Советов.

— Клянемся защищать всех бедняков,— торжественно звуча-

ли слова клятвы, которую приносили Отчизне новые кадры командного состава Красной Армии.

Со словами горячего приветствия обратился к красным офицерам Председатель ВЦИК Свердлов. Затем они прошли церемониальным маршем по площади.

«Настроение присутствующих делегатов торжественное, приподнятое,— писала газета «Коммунар»,— некоторые из них откровенно и радостно плачут».

Прошло две недели. Значение Дня красного офицера состояло в том, чтобы привлечь могучее пополнение в ряды командного состава нашей армии. И надо ли говорить о том, какой ярко выраженный агитационный и пропагандистский характер приобретало это событие в жизни нашего народа. Так мог ли в тот день не посетить Красной площади тот, кто стоял у колыбели Красной Армии и так заботливо пестовал кадры офицерского корпуса нового типа?

Сколько понадобилось перебрать комплектов газет, в том числе и военных, московских и петроградских, в поисках ответа на этот вопрос! Поди знай, что искать его надо не в ежедневной прессе, а в издании, ставшем теперь уникальным,— «Альбоме «Дня красного офицера»». Оказывается, только здесь с хронологической точностью и зафиксировано:

«...Во время парада прибыл и Председатель Совнаркома т. Ленин...»

Ныне, с изданием многотомной Биографической хроники Владимира Ильича Ленина это сообщение получает и свою научную достоверность [6].

Итак, факт присутствия Ленина на Красной площади установлен. Правда, Владимир Ильич, видимо, не успел туда к началу парада. Где же надо искать тому объяснение?

Дело в том, что воскресный день 24 ноября восемнадцатого года был отмечен в столице еще одним важным событием — состоялась демонстрация железнодорожников Московского узла. Проходила она под лозунгами поднятия производительности труда, укрепления трудовой дисциплины. По своему духу она отвечала задачам момента, вполне гармонировала и перекликалась с военным праздником. Митинг железнодорожников был назначен на Советской площади. С балкона здания Московского Совета перед его участниками выступил Ленин.

— Ваша демонстрация в День красного офицера говорит о том, что наша Красная Армия и рабочий класс пойдут рядом, рука об руку [7],— сказал в этой речи Владимир Ильич.

Попасть на Красную площадь, где происходит парад военных

курсантов, Ленину удается, таким образом, лишь после выступления на митинге железнодорожников Московского узла. Но встреча с будущими командирами Красной Армии у него еще произойдет и на Советской площади, куда они придут в строю по окончании парада. И вот эта минута наступает.

Ленинская речь, произнесенная в День красного офицера... Мы знакомы с ней по газетному отчету, напечатанному через день в «Известиях ВЦИК» и включенному в Полное собрание сочинений Ленина. Владимир Ильич в этой речи говорит о человеке с ружьем, защищающем октябрьские завоевания, солдате революции, снискавшем себе уважение и любовь народа. Он приводит весьма характерный пример уважительного отношения к революционному солдату, пример, свидетелем которого он был в вагоне Финляндской железной дороги.

НОВОЕ В ЛЕНИНСКОЙ РЕЧИ

Как мы уже видели, обращение к «Альбому «Дня красного офицера»» позволило получить утвердительный ответ на вопрос, был ли Ленин на Красной площади 24 ноября 1918 года. Но тут же содержится в изложении и речь Владимира Ильича, произнесенная им с балкона Московского Совета в тот знаменательный день перед военными курсантами.

Я стал читать ее, будучи убежденным в том, что каждая строка в ней хорошо знакома. Ведь в газетном отчете она так сжато изложена, что ее можно повторить на память. И вот читаю и не верю глазам своим — так много нового оказывается в речи Ленина, опубликованной в «Альбоме».

Крылатые ленинские формулировки о задачах Красной Армии, программные установки ее командным кадрам. Вот как они прозвучали в устах Владимира Ильича:

«Старая армия была оружием в руках богатых. Ее офицеры были в большинстве избалованные сынки помещиков, и они вели армию по ложному пути. Мы же создаем своих рабочих красных офицеров, на которых и возлагаем все свои надежды. Армия, предводимая ими, будет самоотверженной защитницей всех трудящихся.

Красные офицеры установят в армии дисциплину труда. Они, соприкасаясь все время с рабочими и крестьянами, будут учить их социализму и будут поняты, так как будут искренни и сумеют вызвать всех на подвиг. Тогда авторитет красного офицера среди масс будет непоколебим и необъятно велик.

Армия, предводимая такими офицерами, будет непобедима. И такой армией является наша Красная Армия...» [8]

Заканчивается опубликованный в «Альбоме» отчет о выступлении В. И. Ленина словами:

«Речь тов. Ленина покрывается громкими кликами «ура», возгласами: «Да здравствует Московский Совет!», «Да здравствует вождь мирового пролетариата!»

Оркестр многократно исполняет «Интернационал». Эти приветствия долго не смолкают на площади...»

Особенность обнаруженной в «Альбоме» записи ленинской речи состоит еще и в том, что в ней как бы уточняется время, к которому относится эпизод в вагоне, упоминаемый Владимиром Ильичем. Поинтересуемся теперь и отдельными разночтениями в двух исследуемых отчетах.

«...Я вспоминаю один случай...» — в такой редакции приведены эти слова из речи В. И. Ленина в газетном отчете.

«...Мне часто вспоминается один случай...», передает ту же вступительную часть речи Владимира Ильича «Альбом».

Здесь уже отчетливо слышится весьма характерная ленинская акцентировка на словах «часто вспоминается». Как много смысла содержат в себе эти слова — в этом мы еще сумеем убедиться.

Когда же имел место случай в вагоне Финляндской железной дороги, о котором вспоминал Ленин в День красного офицера? «Не так давно»,— напечатано в газетном отчете. «Несколько времени тому назад»,— как бы уточняет это обстоятельство запись ленинской речи, опубликованная в «Альбоме».

Изложение самого эпизода, рассказанного Лениным, в основном совпадет в «Альбоме» с газетным отчетом. Главное действующее лицо в нем — старушка, финская крестьянка, ехавшая в одном вагоне с Лениным. Ей есть о чем поведать своим попутчикам.

Познавшая на своем веку беспросветную нужду, она не раз жестоко расплачивалась за попытку вынести вязанку дров из лесу: стражник с ружьем выслуживался перед богачом.

Иное дело сейчас. Революционный солдат — свой человек. Он, встретив в лесу бедняка, не только не обидит его, но еще и придет ему на помощь. «Теперь не надо бояться человека с ружьем»,— заключает старушка свой рассказ, сочувственно встреченный пассажирами.

Вспомнив о случае в вагоне Финляндской железной дороги, Ленин тут же, как свидетельствует запись его речи, напечатанная в «Альбоме», подчеркнул, что «лучшей награды, чем такие речи крестьянки и довольные улыбки слушающих, трудно себе и представить».

Одна из московских газет, поместившая тогда изложение речи

Ленина «за недостатком места» через день, ухитрилась еще и исказить ее. Здесь старушка финка была уже вовсе не пассажиркой, а митинговым оратором:

«...одна финка на митинге сказала...» [9]

В этой связи мы позволим себе здесь небольшое отступление.

Многие ленинские выступления дошли до нас благодаря появившимся о них в свое время газетным отчетам. Владимир Ильич, безукоризненно точно формулировавший свои мысли, тщательно взвешивавший каждое слово, обращенное к народу, требовал того же от тех, кто излагал его выступления в печати. Он отмечал как-то, что ему приходилось видеть в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны [10].

Но бывали, к сожалению, и такие газетные отчеты, в которых содержание его выступлений излагалось неудовлетворительно.

Опасаясь их повторения, Ленин перед одним из своих докладов обратился со специальным письмом к председателю Московского Совета.

Жалуясь на недавнее грубое искажение его речи, Ленин поставил условие, выполнение которого он считал обязательным, для того чтобы состоялось обещанное им очередное выступление: «...и председатель собрания и специально назначенное опытное в журналистике лицо должны мне дать к субботе, к 12 ч. дня, письменное обязательство представить толковое, грамотное изложение, вернее: *отчет* о речи для печати. Отвечают за грамотность они, и я вправе буду опубликовать их имена.

Без этого условия я от речи отказываюсь.

Неряшливые и малограмотные люди берутся записать «всю» речь и дают не запись, а ужас, вздор, стыд и срам, как последние невежды.

А давать надо не запись речи, а толковый, краткий **отчет о речи.**

Без гарантий выполнения этого условия я не имею возможности согласиться на речь.

С ком. приветом *Ленин»* [11]

Получил ли Ленин затребованные им гарантии? Да! О них свидетельствует присланный из Моссовета ответ Владимиру Ильичу:

«...Будет сделано» [12],— говорилось в этом ответе.

На какой же след, однако, наводит запись ленинской речи, содержащаяся в «Альбоме «Дня красного офицера»»?

«...Мне часто вспоминается один случай, свидетелем которого мне пришлось быть в вагоне Финляндской железной дороги не-

сколько времени тому назад»,— гласит начало ленинской речи, воспроизводимой здесь по «Альбому».

Когда же впервые рассказывал об этом эпизоде Владимир Ильич, о какой его поездке в вагоне Финляндской железной дороги идет речь?

...Январь восемнадцатого года. Петроград. Таврический дворец.

После роспуска Учредительного собрания в ночь с 6 на 7 января Ленин выступил на заседании ВЦИК.

Прошло пять дней. И в Таврический дворец съехались со всей России делегаты III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Открыл съезд вступительным словом Яков Михайлович Свердлов. Затем делегатов приветствовали зарубежные друзья. Среди них были Фриц Платтен, Джон Рид, Альберт Рис Вильямс. Выступил также Георгий Чичерин, которого удалось вырвать из английской тюрьмы, куда русский революционер был заточен британской буржуазией.

Потом трибуну съезда предоставили матросу Анатолию Железнякову, выступавшему от имени революционных отрядов Петрограда.

Он доводит до сведения собрания, что у революционной армии и флота, у всех «чернорабочих революции» еще не заржавели винтовки и у них хватит силы для того, чтобы довести революцию до конца и окончательно одержать победу над капиталом. Так сообщали «Известия» о его выступлении [13].

С докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров на съезде выступил Ленин.

Как передать атмосферу, царившую в тот момент в стенах Таврического дворца? Обратимся к одному из первых откликов на ленинский доклад.

«Этот день был еще более ярким и торжественным, чем даже первый день, день открытия исторического съезда Советов,— рассказывала своим читателям газета «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России» 13 (26) января 1918 года.— Русская революция здесь впервые все более и более сознает себя силой, которая уже зажгла грандиозный всеохватывающий пожар мировой революции.

И в стенах Таврического дворца впервые ярко запылал этот революционный факел, который среди тьмы беспросветной бойни запылал, как спасительный маяк, бросающий лучи спасения всем обездоленным, всем угнетенным, всем, кто томится в тисках рабства политического и экономического.

...Здесь нет правительства и депутатов, как то было при цариз-

ме, нет ходульных вождей и загадочно молчащего народа, как то было в позорную эпоху соглашательства, а только один революционный народ, объединенный революционным порывом и вдохновением.

Слова вождей здесь были словами и всех остальных, всех миллионов трудящихся России.

И лучше всего это проявилось в той встрече, в тех бурно пламенных восторгах, приветственных криках, рукоплесканиях, с которыми присутствующие встречали Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Ленина.

Величайший по красоте и смыслу исторический момент, когда представители трудящихся чествовали своего вождя, не изменившего им в лихую годину самых тяжелых для народа испытаний, самых тяжелых не только для народа России, но и для народов всего мира.

Оказывается, нашлись истинные вожди, до конца идущие по пути пролетарской революции, не забывшие об общности интересов трудящихся всего мира. Вот почему с таким восторгом встретили тов. Ленина посланные с мест делегаты Советов».

Ленин говорил в своем докладе о том, что Советская власть во всей своей работе последовательно и решительно опирается на массы, пробуждает к живой жизни, поднимает к социалистическому творчеству самые угнетенные, забитые в прошлом слои общества. Старая армия, с ее казарменной муштровкой и пытками над солдатами, отошла в прошлое.

И тут-то Владимир Ильич впервые рассказал о том самом случае, свидетелем которого он был в вагоне Финляндской железной дороги. О разговоре между несколькими финнами и одной старушкой.

«Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка,— рассказывал Ленин,— но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне»» [14].

Примером этим, в котором ярко проявилось отношение всего народа к своему человеку с ружьем, Ленин показал, чего стоят после этого истерические выкрики продажных газет: «диктаторы», «насильники» и тому подобное.

Совершив вместе с читателями «путешествие» из Москвы в Петроград, мы тем самым приблизились и ко времени поездки Владимира Ильича в вагоне Финляндской железной дороги. Когда же именно она состоялась и чем была вызвана?

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЕДЕТ В ОТПУСК

Восемь листков оставалось на календарях семнадцатого года, когда собралось очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Председательствовал Ленин. Четвертым в повестке дня стоял вопрос о краткосрочных отпусках некоторым членам правительства. Был предоставлен отпуск на три — пять дней и Владимиру Ильичу.

«На отъезд получил специальное разрешение Совета Комиссаров, который вошел в положение своего Председателя, работавшего в последнее время 22 часа в сутки» [15].

Откуда взяты эти строки? Из хроники «В Смольном», опубликованной тогда в газете «День».

Не щадивший себя, Владимир Ильич изрядно устал, потерял сон. Но склонить его даже к небольшому перерыву в работе было не так-то просто. Помог случай.

Приехал в Петроград с Карельского перешейка врач, заведовавший санаторием «Халила», Габрилович. Дела привели его в наркомат, ведавший социальным обеспечением. Во главе Госпризрения, как тогда называлось это ведомство, стояла Александра Михайловна Коллонтай.

Руководитель санатория рассказал наркому о достопримечательностях здравницы. И тут у Александры Михайловны мелькнула мысль: а что, если пристроить туда на несколько дней Владимира Ильича? Ведь, пожалуй, не худо будет!

У Габриловича эта идея вызвала самую активную поддержку. Оказалось, что у него есть и свободный благоустроенный домик. Добро пожаловать...

Попытка настроить Владимира Ильича на отпуск уже предпринималась Надеждой Константиновной. Увы, не очень-то увлекло Ленина заманчивое предложение полюбоваться чарующей зимней природой хорошо знакомой ему Финляндии, побродить с охотничьим ружьем в лесу.

— Охота — вещь хорошая, да вот дел у нас непочатый край, развернуться развернулись, а наладить новое государство в два месяца — это и большевики не могут,— сказал Ленин.— На это потребуется, по крайней мере, десяток лет...

— Что же, ты так и будешь все эти годы безотлучно сидеть за письменным столом? — еще раз попыталась настоять на своем Надежда Константиновна.

— Ну уж там дальше посмотрим,— ответил на это Владимир Ильич.

Но «там» оказалось не за горами. У Владимира Ильича давно зрела мысль написать ряд статей, в которых он намеревался обобщить двухмесячный опыт борьбы за укрепление Советской республики.

Выкроить время для написания задуманных статей в Смольном Ленину все не удавалось. Поездка в «Халила» открывала возможность осуществить этот план.

— Если в наркомате у Коллонтай в самом деле есть отдельный домик в лесу, где мне никто не будет мешать, то я готов ехать,— сказал Владимир Ильич Надежде Константиновне.

И отпуск Председателю Совета Народных Комиссаров был предоставлен.

Напомним читателю, что в ленинском рассказе о случае в вагоне Финляндской железной дороги фигурировал «один финн», переведший Владимиру Ильичу на русский язык слова, сказанные старушкой: «теперь не надо бояться человека с ружьем».

Кто же был тем «переводчиком»? Им был Эйно Рахья, испытанный связной Центрального Комитета партии, неизменный проводник Ленина по самым сложным маршрутам его последнего подполья. Рано ушедший из жизни, он оставил свои воспоминания о встречах с Владимиром Ильичем, в которых есть описание интересующего нас эпизода. Мы еще воспользуемся ими.

Не знает ли что-нибудь об этом эпизоде жена Эйно Рахьи — Лидия Петровна Парвиайнен? Такой вопрос казался мне естественным, и, предпринимая поездку по следам ленинского маршрута из Петрограда в «Халила», я побывал у этой замечательной женщины.

Мы сидели в ее ленинградской квартире, и она вспоминала:

«Это было в декабре семнадцатого года. Эйно возвращается вечером с работы домой и рассказывает:

—Мне звонили по телефону, что, наверное, завтра Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поедут в «Халила» отдыхать.

— А в какое время?

— Часов в десять утра.

Я тогда работала в штабе отряда Красной гвардии Финляндской железной дороги секретарем.

— Как же вы поедете? — спрашиваю Эйно.

— Там будет вагон 2-го класса.

— А какое будет освещение? (Я знала, что горели газовые лампы.)

— Баллон с газом.

Я говорю: приеду к вагону.

Встал Рахья рано утром, аккуратно выбрился, повязал галстук на рубашке. Обычно он носил шинель, а тут надел кожаную черную тужурку и такие же брюки.

Брату моему Эдварду об этой поездке Рахья, видимо, сказал еще раньше.

— Я возьму Эдварда с собой,— сказал он.— Эдвард свой человек. Ильича уже знает...*

Эдвард успел съездить к матери в Ялкала, продолжала свой рассказ Лидия Петровна. Мать вспомнила, как нравились Владимиру Ильичу карельские пирожки, которые она пекла, когда он жил в нашем доме, и с удовольствием изготовила их для него на дорогу и в этот раз.

Я села в трамвай и приехала на вокзал. Смотрю, Рахьи в его служебном кабинете нет**. Встречаю у входа в кабинет брата Эдварда.

— А где Эйно?

— Он там, в вагоне. Владимир Ильич уже прибыл.

Я вошла в вагон. Поздоровалась с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной.

— Вот еду отдыхать,— сказал Ленин.

— Ну отдыхайте как следует. Нужно отдохнуть хорошо, чтобы можно было здоровье восстановить.

— Обязательно, конечно.— Настроение у Ильича было веселое...»

Занятые своими хлопотами, пассажиры вагона и не подозревали, что одним из их соседей является глава правительства молодого Советского государства.

В пути вагон пополнился еще одной пассажиркой, привлекшей к себе внимание всех ехавших в нем. Какой же она дала для этого повод? Тут мы и обратимся к свидетельству «переводчика» Ленина.

«На какой-то станции в наш вагон вошла старушка с вязанкой хвороста,— вспоминал Эйно Рахья.— Войдя в вагон, она бросила хворост на пол и что-то сказала сидевшей в вагоне женщине. Та ее спросила, откуда она взяла дрова, и узнав, что хворост нарублен в лесу, удивилась. Как это так? В лесу ходит стражник с ружьем. Почему он не прогнал ее?

---

* Эдвард Парвиайнен — старший брат Лидии Петровны, в августе 1917 года, когда Владимир Ильич, покинув шалаш, скрывался некоторое время в финской деревушке Ялкала, ежедневно доставлял ему на велосипеде со станции свежие газеты.

** Эйно Рахья тогда был комиссаром Финляндской железной дороги.

Старуха выразительно махнула рукой и промолвила: «Милая моя, теперь уже не надо бояться человека с ружьем».

Владимир Ильич попросил меня перевести разговор женщин, видимо, случай этот навел его на какое-то размышление...» [16]

...Ленин приезжает в «Халила». Как же акклиматизируется он здесь? «Было хорошо»,— отозвался Владимир Ильич по возвращении в Петроград.

«Отдых как-то не выходил,— вспоминала о той же поездке Надежда Константиновна,— Ильич даже говорил иногда вполголоса, как в прежние времена, когда приходилось скрываться, и хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита; думал Ильич о делах и все больше писал» [17].

Довольно продолжительный поиск материалов, связанных с поездкой Владимира Ильича в «Халила» (ныне санаторий «Сосновый бор»), привел меня и в отдел фондов Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Здесь мне показали воспоминания покойного Бруно Яновича Граузита, члена партии с 1910 года. В декабре 1917 года он лечился в тогдашнем санатории «Халила» и исполнял выборную должность председателя хозяйственной комиссии. Он был свидетелем короткого пребывания там Ленина.

Граузит рассказывал, что видел Владимира Ильича гуляющим иногда в парке санатория. Сопровождал его на некотором расстоянии высокий мужчина. Судя по описанию, это и был Эдвард Парвиайнен, старший брат Лидии Петровны.

Описывает Граузит и помещение, в котором находился Владимир Ильич во время своего пребывания в «Халила». К сожалению, оно не сохранилось. Но, побывав там, где провел четыре дня Владимир Ильич, вы испытываете такое чувство, будто он находится где-то совсем близко, только уединился, склонившись над страницами своих новых рукописей.

ПЕРВАЯ СТРОКА В «ДНЕВНИКЕ ПУБЛИЦИСТА»

Пять новых ленинских документов появляются на свет в «Халила». Почин делают строки «Из дневника публициста (Темы для разработки)». И первая же гласит: «Теперь не надо бояться человека с ружьем».

Как знать, быть может, в тот самый час, когда финская старушка добралась домой с вязанкой хвороста и он весело запылал в печи, чтобы обогреть избушку бедной крестьянки, Ленин, слышавший ее проникновенные слова о бойце революции, ими же и начал свою первую рукопись в «Халила».

Ленинские размышления — их мы и находим в этом документе. На передний план здесь выделены темы: «Квартиры бедноты и ее продовольствие»; «Слабые стороны неразвернувшейся Советской власти» и другие.

Пусть здесь Владимир Ильич лишь предварительно намечает темы, над которыми он будет работать. Но глубина и образность его мысли накладывают яркий отпечаток уже на эти наброски.

«...Волны революции набегают одна на другую не гладко, не равномерно, не по-одинаковому».

«...Революции — локомотивы истории.

Разогнать локомотив и удержать его на рельсах».

Пока Ленин находится в «Халила», он успевает написать еще две статьи, а также предварительные тезисы и проект декрета о потребительских коммунах. На том и кончается отпуск. И снова мысли его уже в Петрограде.

Надежда Константиновна запомнила задумчивое лицо Владимира Ильича в то чудесное зимнее утро, когда они финскими сосновыми лесами возвращались из санатория домой.

По возвращении в Петроград Владимир Ильич дал о себе знать в Наркомат государственного призрения.

«Посылаю Вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря Вашего наркомата,— писал он наркому Александре Михайловне Коллонтай.— Они нам очень пригодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо» [18].

Среди первых посетителей Председателя Совета Народных Комиссаров по возвращении его в Петроград был и Жак Садуль. Капитан французской армии, член военной миссии в России, он был свидетелем Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и стал сторонником коммунистических идей. Когда отмечалось первое десятилетие Советской власти, Жак Садуль, «верный друг Октябрьской революции в ее наиболее тяжелые дни», был награжден орденом Красного Знамени.

Вот о чем рассказывает одна из дневниковых записей замечательного интернационалиста, относящаяся к его встрече с Лениным сразу же по возвращении Владимира Ильича из «Халила».

«...29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.)

Сегодня вечером я застал Ленина усталым и подавленным. Я уже видел его вчера по возвращении из Финляндии. Короткий отдых не улучшил ни его физического, ни морального состояния. Лихорадка прошла, усталость остается. Но я знаю, что этот поразительный человек обладает такой энергией и волей, что вскоре, я уверен, он оправится» [19].

Да, верно. Отпуск прошел — отдыха не было. И все же поездка

в «Халила» не прошла для Владимира Ильича бесследно. Случай в вагоне оставил в его памяти неизгладимый след. О нем-то он с удовольствием вспомнил еще раз, выступая 24 ноября 1918 года перед военными курсантами в День красного офицера.

И ленинский рассказ о старушке финке, благословившей человека с ружьем, прозвучал священным наказом Отчизны каждому из тех, кто завтра выступал на фронт в высоком звании красного офицера.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1 Известия ВЦИК, 1918, 24 ноября.
2 Правда, 1918, 24 ноября.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 88.
4 Северная коммуна, 1918, 19 сентября.
5 Коммунар, 1918, 19 ноября.
6 См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 247—248.
7 Правда, 1918, 28 ноября.
8 Альбом «День красного офицера», январь 1919 г.
9 Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов и Областного исполнительного комитета Советов, 1918, 26 ноября.
10 См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 246—247.
11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 312.
12 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 21618.
13 Известия ВЦИК, 1918, 12 января.
14 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 269.
15 День, 1918, 28 декабря.
16 Новый мир, 1934, № 1.
17 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 363.
18 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 3, с. 139.
19 Об Октябрьской революции. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967, с. 234.

СЕРДЦЕ БОРЦА

ЖДАЛИ ЛЕНИНА...

Ленинская пунктуальность — кто из многочисленных посетителей Председателя Совета Народных Комиссаров не был к ней привычен. Она была хорошо знакома народному комиссару и заводскому делегату, ученому и ходоку из деревни.

Пора было начаться и заседанию правительства, назначенному на этот раз в пятницу 30 августа восемнадцатого года, на полчаса позже обычного.

Все члены Совнаркома были уже в сборе. Против обыкновения, запаздывал лишь Ленин.

Что же могло случиться? Не несчастье ли тому причиной? — стали тревожиться собравшиеся.

Неожиданно в зал Совнаркома вбежала очень взволнованная женщина, звавшая на помощь врача. Она принесла ужасную весть: Ленина привезли домой раненым. Он истекает кровью.

Александр Николаевич Винокуров, медик по образованию, занимавший тогда пост народного комиссара социального обеспечения и тоже дожидавшийся начала заседания, ринулся на помощь.

Более шести десятилетий отделяет нас от той трагической осени восемнадцатого года. Многое мы узнали за это время об обстоятельствах, при которых было совершено злодейское покушение на жизнь вождя партии, и о том, как противоборствовал смерти Ленин.

Да, многое! Но всё ли?

ДОКЛАДЧИК МК

Перед нами номер «Правды», вышедший в пятницу 30 августа восемнадцатого года. Бросается в глаза крупное объявление, которым открывается этот номер газеты:

«Московский комитет Российской Коммунистической партии устраивает в пятницу 30 августа большие митинги на тему «Две власти» (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)».

Имя Ленина и на этот раз названо первым в ряду докладчиков. Будут выступать на митингах также Свердлов, Луначарский, Стеклов, Петровский.

Здесь же сообщаются и адреса: ...Для Басманного района — здание Хлебной биржи, Гаврикова площадь. Для Замоскворецкого района — Щипок, завод Михельсона. Оба эти адреса вписаны в путевку Ленина, посланную ему Московским комитетом партии.

...Старожилы-москвичи помнят массовые митинги, проводившиеся с весны восемнадцатого года в столице по пятницам. Перед рабочими, крестьянами, бойцами Красной Армии выступали члены Центрального Комитета партии и правительства, народные комиссары, руководители московской партийной организации, Московского Совета, профсоюзов столицы.

«Кому где выступать, решал обычно Московский комитет партии и агитотдел ВЦИК,— вспоминала Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова).— Участвовал в распределении докладчиков и Секретариат ЦК. Мне неоднократно приходилось звонить Владимиру Ильичу и ставить его в известность, где ему в очередную пятницу предстоит выступить. Владимир Ильич внимательно выслушивал и неизменно говорил: «Хорошо, хорошо, спасибо, что предупредили, обязательно буду».

Не было случая, чтобы Владимир Ильич сослался на занятость, чтобы уклонился от выступления перед рабочими. Ни разу Ленин не пропустил собрания, никогда не опаздывал и не заставлял себя ждать» [1].

Высокое чувство ответственности, присущее Ленину во всем, что он делал, характеризовало и его отношение к любому публичному выступлению. Пусть предстояла даже самая короткая речь на митинге — все равно шлифовалась каждая формулировка.

Интересные наблюдения над Лениным-докладчиком хранил в своей памяти Глеб Максимилианович Кржижановский, часто встречавшийся по работе с Владимиром Ильичем.

«Владимир Ильич буквально покорял любую аудиторию,— вспоминал Кржижановский.— Речей и докладов он никогда не читал, говорил по маленькому конспекту, иногда на четвертушке бумаги. Бывало зайдешь к нему, он говорит:

— Подождите, Глеб Максимилианович, я сейчас готовлюсь к выступлению на проводах красноармейцев.

К выступлению перед рабочими готовился особенно тщательно» *.

...Самые жгучие, самые животрепещущие вопросы дня находят отклик в выступлениях Владимира Ильича на «пятничных» митингах.

«Советская республика в опасности» — тема его речей на митингах в Замоскворецком, Бутырском районах и на митинге красноармейцев на Ходынке в первую из августовских «пятниц» восемнадцатого года. В тот же день он успевает напутствовать московских агитаторов, отправляющихся на Восточный фронт.

* Из записных книжек Л. Н. Подвойского, с которыми он познакомил автора этой книги.

Наступает следующая «пятница». Многолюдно вечером на Сокольническом кругу. Огромное воодушевление трудящихся Сокольнического района, собравшихся на свой митинг, вызывает появление Ленина. Владимир Ильич говорит о том, что у всех наболело на душе.

Тема московских митингов, проведенных в этот день столичной партийной организацией,— «Пятый год мировой бойни».

Плакаты Московского Комитета партии, приуроченные к этому дню и вывешенные на улицах и площадях города, гласят:

«Всем жертвам империалистской войны и империалистской диктатуры. Всем мученикам и предтечам пролетарской революции.

Погибшим, изувеченным на полях сражений, угасшим от тяжелых болезней в тылу, в тюрьме или на каторге.

Расстрелянным и погибшим на виселице и эшафоте.

Храбрым, твердым товарищам, кровью которых буржуазия хотела утучнить свои вотчины, кровью которых захлебнутся международные предатели, посвящаем мы митинги сегодня» [2].

Два выступления приходятся на долю Ленина в пятницу 23 августа 1918 года.

— Товарищи, сегодня наша партия устраивает митинги на тему о том, за что боремся мы — коммунисты,— начинает свою речь Владимир Ильич на митинге в алексеевском Народном доме.

«Вчера митинг прошел так, как давно уже не проходили митинги. Весь зал Политехнического музея был переполнен..,— говорилось в сообщении Городского райкома партии в Московский комитет РКП(б) по поводу выступления Ленина в тот же день на митинге в здании Политехнического музея.— Как будто бы чутьем угадали, что будет выступать Ленин, и нахлынули» [3].

Хорошо была знакома Ленину дорога на завод бывш. Михельсона. Не одну «пятницу» провел он здесь. Каждое выступление Ленина еще больше укрепляло веру в рабочем коллективе в конечную победу Советской власти, пробуждало в нем творческие силы.

Могли послушать выступления Владимира Ильича на этом предприятии и жители соседних улиц. Но вместе с настоящими патриотами Родины среди гостей нет-нет да и оказывался демагог, шкурник. Об одном таком случае вспоминала член КПСС с 1905 года Раиса Андреевна Сковно.

«Когда Ленин начал свою речь, стали раздаваться недружелюбные голоса: Хлеба! Дайте хлеба!

Владимир Ильич очень спокойно посмотрел в сторону кричавших. А там сидело несколько толстых румяных женщин, похожих на замоскворецких купчих.

Владимир Ильич им ответил:

— Да, хлеба у нас сейчас нет. Это правда. Но он у нас будет. Обязательно будет. Мы общими силами этого добьемся. А кто вам обещает немедленно хлеб? Враги, враги Советской власти. Но смотрите в оба: обещают хлеб, а дадут камень.

Рабочие с одобрением встретили слова Ленина. Зашикали на обывательниц и заставили их замолчать» [4].

Большое оживление царило по «пятницам» и в клубе Главных вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги.

Почуяв живой интерес железнодорожников к важнейшим политическим событиям, местные эсеры и меньшевики пытались захватить инициативу на митингах.

Дадут коммунисты бой прихвостням буржуазии, а к тем на выручку спешат более маститые демагоги и крикуны.

— Как бы Ленина в докладчики заполучить? — стали помышлять коммунисты мастерских.— Пусть попробуют тогда заявиться эсеровские вожаки!

Пригласить Ленина на митинг партийная ячейка поручила одному из своих активистов — Иосифу Даниловичу Панферову. С ним отправился и секретарь завкома Иван Михайлович Алешин. Да вот беда: застать Ленина в Кремле им не удалось. Хотели дождаться Владимира Ильича, но, когда он вернется, не было известно. Поручиться за то, что Ленин сумеет выступить на митинге, дежуривший в приемной секретарь не мог. Передать же Владимиру Ильичу просьбу железнодорожников обещал тотчас, как он появится. И еще уверил, что хорошего докладчика найдут и на митинг в мастерские пришлют.

Другого решения ожидать нельзя было. Тем не менее, возвращаясь из Кремля, оба делегата журили друг друга за то, что послушались секретаря и не стали дожидаться Владимира Ильича.

Настал и день митинга. Перед самым его началом Панферов оказался на территории станции Москва-II. Тут-то судьба и свела его с Лениным, искавшим клуб Главных вагонных мастерских.

На машине Владимир Ильич доехал до Рогожской заставы. Дальше пошел пешком. Идти надо было напрямик, по старой Владимирской дороге. Отклонившись, Ленин оказался на станции Москва-II.

День был погожий, и перед тем как войти в клуб, железнодорожники коротали время в своем скверике. Пожалуй, здесь, под открытым небом, и начинался клуб. Люди говорили, спорили о том, что больше всего их волновало. На одну из скамеечек подсел Владимир Ильич.

«Ленин был в кепке, осеннее пальто расстегнуто, под ним вид-

нелся темный костюм,— вспоминает И. М. Алешин.— По своему внешнему виду Владимир Ильич не выделялся из окружающих и походил на опрятно одетого квалифицированного рабочего. Его не узнали» [5].

Между тем молва о том, что Ленин может появиться на митинге, шла по мастерским. Панферов и Алешин беседовали с Владимиром Ильичем, когда к ним подошел один из рабочих.

«Тут слух прошел, что Ленин приедет, и я вот домой из-за этого не ушел...— сказал железнодорожник. При этом он показал на свои видавшие виды башмаки, которые собирался в этот день отдать в починку.— Так как? Будет Ленин или нет?

У Владимира Ильича мелькнули веселые искорки в глазах, но он ничего не сказал,— вспоминает далее Алешин.— Молчал и Панферов. А я в ответ неопределенно пожал плечами...» [6]

Между тем зал клуба оказался до того переполнен, что протиснуться к сцене было невозможно. Владимира Ильича проводили через запасный ход, со двора. Ожидая открытия митинга, он расспрашивал железнодорожников о житье-бытье их и их товарищей. Был очень обрадован тем, что из Самарской губернии прибыл поезд, доставивший для рабочих мастерских пшеницу.

Восторженно встреченный участниками митинга, Ленин начал свою речь.

Тяжелые времена переживала тогда страна. Но каждый, кто слушал выступление Владимира Ильича, думал про себя: «Никогда не повернуть капиталистам вспять колесо истории. Мы за себя постоять сумеем».

Многое зависело и от транспортников. И на эту сторону дела Ленин обратил особое внимание. Он звал рабочих Главных вагонных мастерских крепить трудовую дисциплину. Затронул и одно нездоровое явление, о котором ему стало известно.

«К сожалению, и среди честных рабочих встречаются такие, которые вместо того, чтобы ремонтировать вагоны, делают зажигалки и сковородки, не выходят на работу,— вспоминает слова Владимира Ильича участник митинга Алешин.— Надо разъяснять этим товарищам, что они поступают неправильно, что они рубят сук, на котором сидят. Ведь в кармане никто хлеба не перевезет — нужны тысячи и тысячи вагонов, и следует по-настоящему взяться за их ремонт...»

Великолепное пропагандистское мастерство, умение влить в массы революционную энергию, будить в них новые, свежие силы отличали все выступления Ленина.

Уже позднее, в сентябре двадцатого года, перед получением единого партийного билета, Ленин отвечал на вопросы анкеты,

заполнявшейся при перерегистрации членов Московской организации РКП(б).

«На какие темы Вам приходилось выступать перед рабочими и крестьянами или читать лекции» — гласил один из них.

«большей частью на политические» [7],— ответил Ленин.

Ленинские «пятницы» служат тому ярким примером. «...В списке агитаторов и пропагандистов Московского комитета товарищ Ленин считался самым исправным и, разумеется, наиболее ценным оратором» [8],— рассказывал один из секретарей Московского комитета партии.

Своя примечательная история и у ленинской путевки, выписанной МК РКП(б) 30 августа 1918 года. Однажды, в том же восемнадцатом году, быть может, незадолго до интересующих нас событий, к Ленину обратился за советом по одному важному делу старый партийный работник Александр Яковлевич Аросев, известный в более поздние годы как советский дипломат, председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, писатель. Беседа коснулась и так называемых социалистов-революционеров.

— Да ведь эсеры делаются заговорщиками против Советской власти... Они просто стрелять в нас будут,— сказал Ленин.

События подтвердили ленинские слова. Один за другим раздавались выстрелы из-за угла. У всех еще свежо было в памяти злодейское убийство Володарского. Утром 30 августа в Москву пришла еще одна тяжкая весть: в Петрограде убит Урицкий.

В тот же день состоялось расширенное заседание бюро Московского комитета партии, на котором присутствовали секретари районных комитетов. Проверялась подготовка к митингам.

Проводил совещание секретарь Московского комитета В. М. Загорский. В числе других на заседании присутствовала и Татьяна Федоровна Людвинская, тогда секретарь Сущевско-Марьинского райкома партии, член Московского комитета РКП(б). Я побывал у Татьяны Федоровны, чтобы с ее помощью восстановить некоторые подробности, относящиеся к «пятничным» митингам и выступлениям на них Ленина.

— Давайте начнем,— предложил Загорский, когда все приглашенные на совещание были в сборе,— рассказывает Татьяна Федоровна.

Первым поднял руку представитель Замоскворецкого района.

— У нас выступает Ленин. Он дал согласие.

Загорский возразил:

— Ночью заседало бюро МК. Мы решили просить Владимира Ильича, чтобы он сегодня не выступал. Есть сведения, что в ряде городов были террористические акты.

Сидела Татьяна Федоровна на том совещании вблизи стола, на котором стоял телефон.

— Товарищ Таня, соедините меня с Владимиром Ильичем,— попросил ее Загорский.

— Я взяла трубку,— продолжает свой рассказ Татьяна Федоровна.— Попробовала один раз соединиться — телефон Владимира Ильича занят. Другой раз — никто не отвечает. А Загорский в это время вышел в другую комнату. Через минуту Ленин оказался у телефона.

— Владимир Ильич, я звоню по просьбе товарища Загорского,— обратилась к нему Людвинская.— Он вышел. Чтобы не отнимать у вас лишнего времени, я вам скажу, по какому поводу. У нас сейчас происходит заседание бюро Московского комитета. Мы решили вас просить, чтобы вы сегодня нигде не выступали, хотя и послали вам путевку. Сегодня ситуация изменилась...

И Татьяна Федоровна, знавшая Ленина еще со времени конференции Петербургской организации РСДРП в Териоках в октябре 1907 года, стала всячески отговаривать его от выступлений на митингах.

— Хорошо, хорошо. Все это известно,— возразил Ленин.

Тут подоспел к телефону Загорский. Не помогали и его аргументы.

— Вы член московской организации,— прибег к последнему своему доводу секретарь МК.— Вы считаете, вероятно, что дисциплина для вас обязательна так же, как и для нас...

— Да, да! Для меня, конечно, обязательна дисциплина, как для каждого члена партии,— ответил Ленин.— Но в данном случае каждый из нас обязан быть с массой, с ней советоваться. Это будет не нарушение, а мой долг,— сказал в заключение Владимир Ильич.

Все возможное, чтобы отговорить Ленина от выступлений на митингах в этот день, предпринимала и Мария Ильинична Ульянова.

— Посмотрю, как выйдет,— отвечал он.

Вышло же так, что из рабочего кабинета в квартиру Владимир Ильич пришел уже в пальто и тут же уехал...

Не мог Ленин поступить иначе, когда он использовал малейшую возможность для встречи с рабочими.

Раскроем вновь комплект «Правды». Вот и номер газеты, вышедшей на следующий день, в субботу 31 августа.

На первой странице леденящие душу слова извещения Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: «...Ленин ра-

нен... Предательски, из-за угла, двумя выстрелами... при выходе с митинга на заводе Михельсона...»

Над всей полосой шапка:

«Урицкий убит, Ленин ранен. Руками правых эсеров русские и союзные капиталисты хотят снять голову с рабочей революции».

В ТУ ПЯТНИЦУ...

Из двух адресов для выступлений на митингах в ленинской путевке первым значится Хлебная биржа.

Что же произошло здесь до того, как Владимир Ильич направился на завод Михельсона?

К назначенному времени, в 6 часов 30 минут вечера, он и прибыл туда.

По газетному отчету, появившемуся в «Правде» 31 августа 1918 года, мы имеем возможность ознакомиться с содержанием речи Ленина. Она помещена и в собрании его Сочинений.

Но обращение к номеру «Правды», о котором идет речь, позволяет узнать и некоторые подробности, связанные с выступлением Владимира Ильича на первом митинге.

«В большом зале Хлебной биржи среди других выступил тов. Ленин, встреченный оживленными приветствиями рабочих и крестьян,— говорится во вступительной части газетного отчета.— В краткой сильной речи тов. Ленин провел на ряде ярких примеров параллель между властью буржуазии и властью трудящихся...»

Найти кого-либо из бывших партийных работников Басманного (теперь Бауманского) района мне показалось заманчивым. Какими подробностями сумеют они дополнить газетный отчет о выступлении Ленина на Хлебной бирже?

На одном из вечеров, посвященных памяти Марии Ильиничны Ульяновой, меня познакомили со старой партийной журналисткой Екатериной Михайловной Ямпольской. Она прошла замечательную школу в газете московских большевиков «Социал-демократ», а после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву стала работать в «Правде». Была помощником Марии Ильиничны Ульяновой — в то время секретаря редакции газеты. Выполняя поручения «Правды», Екатерина Михайловна не раз присутствовала на выступлениях Ленина, некоторые из них записывала.

Оказалось, что Е. М. Ямпольская была как раз осенью 1918 года секретарем Басманного райкома партии.

— Какая тяга была у Ленина к массам! — первое, что сказала

она, вспоминая историю выступления Владимира Ильича на Хлебной бирже.— Что значит вождь нового типа! Митинг у меня отпечатался в памяти. Есть события, которые запоминаются на всю жизнь...

И Екатерина Михайловна воспроизводит в своем рассказе волнующие подробности, связанные с событиями того дня, 30 августа восемнадцатого года.

...Выступит Ленин. Надо ли говорить о том, как был обрадован этой вестью партийный актив Басманного района, принимавший участие в подготовке очередного «пятничного» митинга на Хлебной бирже!

Но в самые последние часы перед его началом секретарей райкомов партии уже второй раз в течение этого дня вызвали в Московский комитет партии. Их поставили в известность о последних террористических актах эсеров. Московский комитет предложил Ленину сегодня не выступать. И как ни хотелось товарищам из Басманного района увидеть и услышать у себя Владимира Ильича, они целиком разделяли предосторожность, проявленную Московским комитетом партии.

В назначенный час митинг начался. На трибуну поднялась Александра Михайловна Коллонтай. Ее собирался сменить Емельян Ярославский.

У одного из окон зала Хлебной биржи, выходившего на Гаврикову площадь, примостилась Ямпольская. В какое-то мгновение она заметила на улице необычное оживление. И вот уже народ устремился к зданию....

Что же произошло? Ведь митинг уже начался.

Екатерина Михайловна тут же направилась к выходу, чтобы узнать, в чем дело. И в тот же момент спустился с трибуны и энергичным шагом пошел кому-то навстречу Ярославский. В зал вошел Ленин...

Хорошо помнил и момент появления на этом митинге и самое ленинское выступление Александр Яковлевич Аросев, уже фигурирующий в нашем рассказе. С трудом удалось ему протиснуться к трибуне, чтобы лучше слышать Ленина.

«...На сцене сидел Ем. Ярославский в ожидании слова,— вспоминал Аросев,— а Владимир Ильич, то отступая, то наступая, говорил с народом. При этом он, как всегда, был весел, прост, мятежен и, как всегда, какими-то невидимыми волнами связывался с публикой: казалось, она не слушает, а дышит его словами, и манера у него говорить: не только со всеми, а с каждым. Этим он существенно отличался от многих из наших очень заслуженных ораторов» [9].

Проводить Владимира Ильича в Замоскворечье имел поручение Басманного райкома старый коммунист Федор Шабловский.

— Не беспокойтесь, мы хорошо знаем дорогу,— сказал ему Владимир Ильич, садясь в машину.— Спасибо, ничего не надо.

Вернувшись поздно вечером домой с митинга во введенском Народном доме, Аросев узнал о злодейском покушении на Ленина.

— Огнями задрожали в моем воспоминании Ильичевы слова: «Они просто стрелять в нас будут»,— рассказывал Аросев.

Как известно, эсеровская террористка разрядила свой револьвер в спину Ленина в тот момент, когда, закончив речь в большом гранатном цехе завода Михельсона, он направлялся к машине, продолжая беседовать с провожавшими его рабочими. К девяти часам вечера Владимир Ильич рассчитывал поспеть в зал заседаний Совнаркома...

«Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина» — этими леденящими душу словами начиналось правительственное воззвание, адресованное всем, всем, всем и подписанное Председателем ВЦИК Я. Свердловым 30 августа в 10 часов 40 минут вечера [10].

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет звал рабочий класс ответить на чудовищное преступление контрреволюции еще большим сплочением всех сил, беспощадным массовым террором против всех врагов революции. И обуреваемый неукротимым гневом, поднялся весь народ как один человек, готовый воздать по заслугам наемникам капитала, посягнувшим на жизнь любимого вождя.

...Снова митинг на заводе Михельсона.

— Это место святое, здесь пролил свою кровь за нас Ленин,— заявляют рабочие.

Не названы в газетном отчете имена выступавших ораторов, не передано конкретное содержание их речей. Зато в нем ярко выражено настроение участников митинга.

«Если бы враги рабоче-крестьянской власти были на этом чисто пролетарском митинге, они бы поняли, что дело контрреволюции проиграно и что пролетариат твердо идет к окончательной победе»,— писала газета «Красная Армия».

Против контрреволюции обрушились небывалой силой удары: на Дону, опрокинув противника, красные воины обратили его в трусливое бегство. На линии Царицын — Поворино наши части заняли станцию Калашинскую. Карательный офицерский отряд белых был разбит. Часть перешедших на нашу сторону полков была разоружена, многие из недавних противников тут же влились в ряды Красной Армии и приняли участие в преследовании врага.

Все это явилось прямым ответом на чудовищное преступление контрреволюции.

Дело контрреволюции проиграно. Пролетариат твердо идет к окончательной победе,— этим духом проникнуто и содержание выступлений рабочих на заседании Совета Басманного района Москвы, где слушали Ленина за час до его поездки на завод Михельсона. На этом заседании принимается текст телеграммы любимому вождю с пожеланием ему скорейшего выздоровления.

«Предложение выразить соболезнование т. Ленину было отклонено,— сообщалось в газете,— ибо т. Ленин в таковом не нуждается и ему приятнее дела, чем выражение сочувствия» [11].

...Переполнен до отказа цирк «Модерн» в Петрограде.

Идет митинг. Его тема: «С кем мы воюем и кто убивает наших вождей». Все мысли, все чувства питерцев обращены к тяжело раненному Владимиру Ильичу.

«Мы, трудящиеся, вчерашние рабы и сегодняшние владыки земли русской, шлем свой горячий привет тов. Ленину,— гласит резолюция, принятая на митинге.— Тов. Ленин вдохновляет! Тов. Ленин будет жив! Эти слова звучат в наших сердцах, сердцах пролетариев, как победный звон. Да будет жив товарищ Ленин! Да будет жив на страх и на гибель угнетателям всего мира и на счастье и победу угнетенных всего мира, будет руководить русской и грядущей мировой революцией!» [12]

...Да будет жив товарищ Ленин! Так хотели эти миллионы вчерашних рабов и сегодняшних владык земли русской. Но и для тревоги, для опасений за судьбу Владимира Ильича оснований было более чем достаточно: два слепых огнестрельных поражения. Утром 31 августа его общее состояние оставалось серьезным.

Пронзительно звонили телефоны в Кремле. Вся Москва задавала вопрос: что с Лениным?

Ежечасно напоминал о себе по прямому проводу Петроград.

Охваченный глубоким волнением, ждал каждой новой вести из России старый друг Ленина, швейцарский коммунист Фриц Платтен, спасший уже однажды жизнь Владимира Ильича при первом покушении на него в Петрограде.

На улицах и площадях столицы появились автомобили, развозившие официальные бюллетени о состоянии здоровья Председателя Совета Народных Комиссаров. К ним устремлялись и стар и млад. И все же этих скупых, отрывочных сообщений людям было недостаточно.

Первым из врачей поспел к постели тяжело раненного Владимира Ильича, как мы уже знаем, доктор Винокуров.

Спустя сутки после катастрофы, потрясшей все человечество, он сообщил для печати *:

«Это было около 9 часов вечера, когда с другими товарищами я поджидал открытия заседания Совнаркома,— рассказывал Александр Николаевич.— С криками: «Доктора, доктора»,— вбежала к нам одна из товарищей-служащих. Я нашел тов. Ленина на кровати с окровавленной рукой. Он имел силы сам подняться на третий этаж и шутить: «Подкузьмили мне руку». Нельзя было думать, что наш славный вождь находится в смертельной опасности.

...Ранение оказалось несравненно тяжелее, чем это казалось на первый взгляд» [13].

Здесь мы позволим себе прервать сообщение доктора Винокурова, чтобы вернуться к нему несколько позже.

Разгадать, как далеко зайдут в своей подрывной работе против завоеваний народа люди, называвшие себя социалистами-революционерами,— нужно было ленинское предвидение.

— Да ведь эсеры делаются заговорщиками против Советской власти. Они просто стрелять в нас будут,— предупреждал Владимир Ильич своего собеседника — старого партийца.

...Они просто стрелять в нас будут... События не замедлили подтвердить это. Утром 30 августа в Петрограде от руки эсеровских палачей пал С. М. Урицкий — руководитель тамошней ЧК, беспощадно подавлявшей контрреволюцию.

— Я попрошу сегодня же товарища Дзержинского выехать к вам в Петроград,— опечаленный тяжелой потерей, сказал Ленин. Потом сам вызвал Смольный по прямому проводу. Потребовал решительно оградить партийных и советских работников Питера от новых посягательств на их жизнь.

Обеспокоенный сигналом из Питера, Московский комитет партии употребил все силы на то, чтобы убедить Ленина в нецелесообразности его поездок на вечерние митинги. Однако доводы не подействовали. Отказаться в такой день от выступлений перед рабочими — ни за что!

Как ни старались удержать Владимира Ильича от поездки на митинг домашние — ничего не получилось и у них. Уехал! Сначала на Хлебную биржу, оттуда на завод бывш. Михельсона.

«И наша задача дня: презрев все лицемерные, наглые выкрики и причитания разбойничьей буржуазии, творить свою революци-

* На страницах «Известий», «Красной Армии» и «Бедноты», не выходивших по понедельникам, беседа была опубликована лишь 3 сентября, но зато без купюр и искажений, допущенных одной московской газетой, поместившей ее днем раньше.

онную работу» [14],— заканчивая речь, призывал михельсоновцев Ленин.

...Творить свою революционную работу. Вне ее не было цели в жизни Ленина. Он выступал на митингах перед рабочими, а за ним охотились специально обученные эсеровские «боевики». И вот, улучив момент, Каплан спустила курок револьвера, наведенного из-за кордона самим Савинковым — верховным атаманом всех разбойничьих эсеровских шаек.

«ТОВАРИЩИ, СПОКОЙСТВИЕ!»

Раздались выстрелы. Неожиданные посреди заводского двора, уже окутанного вечерней мглой, они на какое-то мгновение вызвали замешательство среди рабочих. И тут послышалось: «Товарищи, спокойствие! Это неважно! Держитесь организованно...» [15]

То был призыв Ленина, уже раненного...

— Вот она! Она в Ленина стреляла,— кричала рабочая детвора, напрягавшая все мышцы, чтобы догнать обезумевшую от страха эсерку. Это были дети рабочих, дети тех, за кого всегда горой стоял Ленин. Не раз с восторженными возгласами перехватывали они его у заводской проходной на Щипке. Вот эти-то ребята, маленькие Вани и Пети, как их потом собирательно окрестил народ, и помогли задержать террористку.

— Петровна, кажется, твоего Лешку убили,— кричали соседи Ильиной. Они видели, как мальчонка, ее сынишка, раскрыл двери автомобиля, к которому приближался Владимир Ильич. И тут стрельба открылась...

Но нет, остался цел и невредим Лешка, погнавшийся вместе со своими сверстниками за стрелявшей в Ленина.

Бывший тогда учеником ремесленного училища имени Солдатенкова, Лешка с годами стал стереотипером Первой образцовой типографии. В годы Великой Отечественной войны он был на фронте. После победы А. Д. Ильин — старший инспектор по качеству в книжном издательстве «Прогресс». Сюда и привел меня его след. Как же оказались тогда на митинге михельсоновцев Лешка и его юные друзья?

— А мы туда вхожи были. Знали: раз в пятницу открываются ворота завода, значит, будет митинг,— рассказывает Ильин.

— А кто это «мы»?

Сын бывшего модельщика завода Михельсона называет имена других ребят, участвовавших тогда вместе с ним в погоне за террористкой: Петя Заикин, Митя Куракин, Саша Виноградов.

— Стой, тетка, стой! — кричали они наперебой вслед трусливо удиравшей террористке.— Все равно не уйдешь! Догоним!

Догнали ее недалеко от церковных ворот. Она попала в крепкие мозолистые руки старого рабочего, председателя заводского комитета завода Михельсона Николая Яковлевича Иванова.

Фотографию Ильина-подростка можно увидеть в музее завода имени Владимира Ильича. Он снят в той же форменной фуражке учащегося ремесленного училища имени Солдатенкова, которая была на нем в день митинга на заводе Михельсона, 30 августа 1918 года.

Заводской музей располагает уже довольно основательным фондом ленинских произведений, изданных на английском, французском, немецком и многих других языках народов мира. Из года в год дарит их заводу Алексей Дмитриевич Ильин — работник книжного издательства «Прогресс».

...По людской массе, вылившейся из большого гранатного цеха на заводской двор, Степан Казимирович Гиль, привезший Владимира Ильича с Хлебной биржи на завод Михельсона, догадался, что митинг закончен. Сейчас появится Ленин...

Шофер завел машину. Потом, увидев Владимира Ильича, приближавшегося вместе с группой рабочих к машине, он сел за руль.

Владимиру Ильичу оставалось сделать еще три шага до машины, когда две пули, пущенные одна за другой, сбили его с ног. Гиль вместе с членами заводского комитета бросился к нему.

Владимира Ильича, не терявшего сознания, бережно подняли, помогли добраться до машины.

Поместили его на заднем сиденье. Здесь же заняли места два участника митинга: сотрудница Московского комитета партии Гончарова и работник Народного комиссариата по военным и морским делам Полуторный. Машина тронулась.

— Страшно больно,— сказал в пути Владимир Ильич.— Нельзя ли посмотреть, что с рукой?

«Снимаю с Ильича пальто, пиджак...— вспоминал Иван Васильевич Полуторный.— Рукав рубашки весь в крови. Разрываю его, вижу рану, из которой сочится кровь. Как остановить кровь? Едем уже по Большой Полянке... Вот дом Иверской общины, где имеется приемный покой. Не лучше ли, говорю, заехать сюда, в общину? Тут сделают перевязку...

Отвечает:

— Нигде не остановлюсь, еду прямо в Кремль.

Но до Кремля ехать еще минут 10—15, а кровь бьет все сильнее. Случайно в кармане нахожу небольшой кусок бечевки, прошу

сидящего со мной товарища поддержать немного руку и перевязываю этой бечевкой руку выше раны» [16].

Но вот наконец и здание ВЦИК, в котором расположена квартира Ленина.

«Здесь мы все трое помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля,— рассказывал Гиль.— Он вышел тяжело, при нашей поддержке, видимо страдая от боли, но не издал ни одного звука. Мы сказали ему:

— Мы вас внесем...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и умолять его, чтобы он разрешил нам внести его, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал:

— Я пойду сам...

Поднимался он совершенно молча...» [17]

Мария Ильинична, тщетно пытавшаяся в этот тревожный день удержать Ленина от поездки на митинги, нетерпеливо дожидалась его возвращения домой. Наконец она из окна квартиры увидела долгожданную машину, необычно мчавшуюся по Кремлю, а затем и Владимира Ильича, выходившего из нее уже с помощью товарищей. Беда!.. Мария Ильинична побежала по ступенькам лестницы вниз навстречу Владимиру Ильичу.

— Успокойся, ничего особенного, немного ранен в руку,— сказал Владимир Ильич... [18]

Какие только суровые испытания не пришлось пережить Ленину: казнь брата Александра, повешенного царским правительством; заточение его самого — основателя петербургского «Союза борьбы» в одиночную камеру тюрьмы; ссылку на три года в Сибирь; он прыгал на ходу из поезда перед самым носом у выследивших его агентов царской охранки; переходил по хрупкому трескавшемуся льду Финский залив; возвращался в Россию через кайзеровскую Германию в так называемом «запломбированном» вагоне. Вернувшись на родину, пережил чудовищную травлю со стороны лакействующего перед буржуазией Временного правительства. Затем — снова глубокое подполье. Какого громадного напряжения моральных и физических сил стоили эти переживания... И вот истекающий кровью Ленин сам поднимается на третий этаж.

Нам необходимо, однако, вернуться к прерванному свидетельству доктора А. Н. Винокурова.

«...Ночь прошла в тревоге ввиду нарастающего кровоизлияния и упадка сил,— описывал состояние Владимира Ильича через сутки после ранения Александр Николаевич.— Но могучее сердце могучего борца за пролетариат и беднейшее крестьянство устояло в борьбе со смертельной опасностью, и уже к утру можно было

сказать, что непосредственная опасность миновала, а вечером второго дня товарищ Ленин уже шутил с лечащими его врачами».

Могучее сердце могучего борца! Какой поразительный пример величия духа явило оно в те трагические дни!

«...СО ВСЯКИМ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ ЭТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ»

Все было той тревожной ночью, когда Ленин оказался буквально на волоске от смерти: и кислородные подушки, и окровавленные повязки и полотенца, которые едва успевали полоскать в воде, нагреваемой на керосинке.

Томила Владимира Ильича и жажда, просил стакан чаю. Но врачи, опасавшиеся, что у него прострелен и пищевод, не могли разрешить даже этого.

И при всем этом Владимир Ильич находил еще в себе силы подбадривать Надежду Константиновну, Марию Ильиничну и близких партийных товарищей: «Это ничего, это только рука».

У постели Ленина стоит Луначарский. Как ни пытается владеть собой подавленный горем Анатолий Васильевич, его выдает омраченное лицо. В какое-то мгновение Ленин улавливает устремленный на него полный отчаяния взгляд Луначарского и обращается к нему:

— Ну, чего уж тут смотреть... [19]

Наступает утро 31 августа. С тяжело раненным Лениным впервые знакомится известный хирург Владимир Николаевич Розанов.

— Да ничего, они зря беспокоятся,— говорит Владимир Ильич врачу по поводу хлопот родных и близких о нем.

...Зря беспокоятся? Если бы для этого действительно не было повода.

Врач начинает искать у больного пульс и к своему ужасу не находит его. Порой лишь он появляется, едва ощутимый.

Розанов совещается с коллегами в одной из комнат квартиры Ленина, затем опять возвращается к больному.

«Владимир Ильич лежал спокойно, снова наша настойчивая просьба не шевелиться, не разговаривать,— вспоминал Владимир Николаевич.— На это — улыбка и слова: «ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться». А пульса все нет и нет...» [20]

Тем же утром в полной боевой экипировке явились в Кремль три красноармейца. Представились. Они из 1-го московского стрелкового полка. Пришли прямо с митинга в Астраханских казармах. Имеют поручение вручить принятую резолюцию лично Ленину...

Понятно, что их попытались отговорить. Но бойцы уверяли, что своим визитом они нисколько не потревожат покой Владимира Ильича. Их пропустили.

«Владимира Ильича запомнил очень хорошо,— вспоминал позднее Петр Новиков, один из трех красноармейцев.— Он лежал на спине, голова высоко, очень бледный и улыбнулся нам. Он хотел было протянуть руку, но какой-то товарищ у постели осторожно удержал его. У меня осекся голос, я с трудом сказал, что надо было, и положил к ногам кровати резолюцию. Ильич глазами поманил, чтобы я подошел поближе. Мне мешала винтовка, я ее отдал товарищу и подошел совсем близко, наклонившись к постели.

Владимир Ильич очень тихим голосом сказал:

— Передайте товарищам вашего полка привет. Скажите им, что я уверен, что они сумеют удержать в своих руках октябрьские завоевания...

Потом глазами показал на винтовку и ласково усмехнулся. Надо было идти. Очень мне хотелось поцеловать Ильича, но удержался, только сказал: «Выздоравливайте скорей, Владимир Ильич» — и пошел» [21].

Но о чем говорила резолюция, которую полк, сформированный преимущественно из московских рабочих, поручил трем красноармейцам вручить Ленину? О грозном гневе и ненависти к организаторам террористического акта против вождя партии и главы Советского государства. О готовности тотчас же воздать им должное. Буржуазия должна заплатить тысячами жизней за покушение на вождя.

Стоит ли удивляться тому, что, исполненные решимости выполнить свой долг перед революцией, бойцы полка, посетившие Ленина, оказались при винтовках?

...Вторая ночь после ранения. Москву вызывает по прямому проводу Петроград. Кремль отвечает Петроградскому Совету:

«Только что закончился последний консилиум врачей. По ходу болезни решающий момент наступит во вторник или в среду. Сейчас непосредственная опасность миновала. Больной чувствует себя хорошо и очень бодро...» [22]

«СЕГОДНЯ МЫ ВСЕ ОКРЫЛЕНЫ НАДЕЖДОЙ»

Полдень 1 сентября. Петроград беспокоится, Петрограду не терпится получить самую свежую информацию.

В Кремле у прямого провода Свердлов.

— Положение у Владимира Ильича гораздо лучше,— сообщает Яков Михайлович.— Больной шутит, заявляет врачам, что они

ему надоели, не хочет подчиняться дисциплине, шутя подвергая врачей перекрестному допросу, вообще «бушует». Сегодня мы все окрылены надеждой.

Решающие дни по ходу болезни, однако, еще впереди...

Что же не устраивает больного в предписанном ему режиме, в чем он никак не может согласиться с лечащими его врачами?

Тогда же, 1 сентября, Царицын вызывает Кремль. К прямому проводу подходит Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Царицын:

— Говорит Каменский по поручению Сталина. Сообщите о здоровье товарища Ленина.

Москва:

— Состояние здоровья вполне удовлетворительное... Доктора в первый раз после ранения дали ему выпить молока. Спит спокойно. Шутит. Стремится разговаривать, но ему категорически это запрещают. Недоволен, что не дают газет и книг. Спрашивает о положении на фронте [23].

Разговаривать тяжело раненному Ленину запрещено. Газет и книг не дают. И с этим Владимир Ильич должен мириться?

Пройдет всего лишь два дня, и вечером 3 сентября Лидия Александровна Фотиева, отвечая по прямому проводу Петрограду на вопрос о самочувствии Ленина, скажет:

— Врачи убеждены в благополучном исходе.

Сегодня они впервые вычеркнули слово «пока» и говорят смело: осложнений нет.

Владимир Ильич уже заговаривает о том, когда ему наконец вновь удастся выступать на рабочих митингах [24].

То-то Владимир Ильич так тяготится врачебной опекой над ним.

— Что вы сидите около меня, разве у вас нет дела в больнице? [25] — обращается он к одному из лечащих его специалистов.

Вторая половина дня 4 сентября. Питерцы вновь звонят в Москву. На их вопрос о состоянии здоровья Ленина отвечает Бонч-Бруевич.

— Еще один день будет критическим. А там — гора с плеч,— передает по прямому проводу управляющий делами Совнаркома. Самочувствие прекрасное. Сегодня утром Владимир Ильич попросил: «Костюм давайте, хочу вставать» [26].

Просьба Владимира Ильича, как мы увидим дальше, была довольно симптоматична.

Утро 5 сентября. Свердлова вызывает по прямому проводу Петроград.

— Ну, теперь совсем хорошо,— передает Яков Михайлович.

— Самые трудные дни позади. Вопрос решен. Жизнь Ильича спасена.

Силы возвращаются очень быстро. Владимир Ильич все больше настаивает на том, чтобы ему докладывали дела [27].

И это на шестой день после ранения!

Поздно вечером Петроград вновь вызывает по прямому проводу Москву.

— Сегодня Владимир Ильич первый раз поднялся с постели,— сообщают оттуда.— Воспользовавшись отсутствием врачей, он попросил дежурного фельдшера помочь ему встать.

Владимир Ильич встал и прошелся по коридору.

Температура после этого слегка поднялась.

Владимир Ильич чувствует себя победителем [28].

Готовился Владимир Ильич к своей первой «вылазке» после ранения исподволь. У Надежды Константиновны сумел-таки схлопотать свой костюм. По его просьбе рукав у пиджака был разрезан вдоль и сделан на тесемках.

Так одежда оказалась на стуле около кровати. Оставалось только улучить подходящий момент, чтобы подняться с постели. Чем закончилась эта первая проба Владимиром Ильичем своих сил, мы уже знаем.

— Сегодня нормально,— сообщает на следующий день Свердлов по прямому проводу в Петроград.

— Когда ругали фельдшера за то, что он позволил Владимиру Ильичу гулять, тот смущенно ответил: «Да разве можно товарищу Ленину в чем-либо отказать?» [29]

Фельдшер оказался не единственным представителем младшего медицинского персонала, отступившим от строжайшего режима, предписанного тяжелобольному.

На седьмой день после ранения Владимир Ильич стал просить у дежурной медицинской сестры Е. И. Фоминой, чтобы она на ночь открывала окно его комнаты.

Осень в тот год стояла сухая, но ночи были уже прохладными.

Врачи, у которых медицинская сестра спросила разрешения на выполнение просьбы Владимира Ильича, решительно отказывали в этом. Владимир Ильич тем не менее продолжал «дипломатические» переговоры с медицинской сестрой.

— Владимир Ильич, ведь я не могу не слушаться распоряжений врача,— говорила Е. И. Фомина.— Если что-нибудь случится, я отвечать буду, а то еще и повесят меня.

— Ну, я тогда будут ходатайствовать о помиловании,— смеясь, ответил Ленин.— Не бойтесь, я ведь жил в Швейцарии, в горах,

и привык к холодному воздуху, а сейчас мне необходим чистый воздух...[30]

И подобно фельдшеру, пошла на уступку и дежурная медицинская сестра.

Врачи, узнавшие об этом, стали отчитывать Е. И. Фомину, пренебрегшую их строжайшими указаниями.

— Владимир Ильич вмешался в разговор и заявил, что я не виновата и что он обещал ходатайствовать за меня,— вспоминала Е. И. Фомина.

И «помилование» состоялось.

Итак, на седьмой день после ранения Владимир Ильич ставит врачей перед свершившимся фактом: поднялся с постели, совершил первый моцион по квартире. Что же произойдет дальше?

А произойдет то, о чем непрестанно грезил все эти дни Владимир Ильич,— он вновь начнет заниматься делами.

«НАПРАСНО ПОСЛУШАЛИСЬ «ПЕРЕУСЕРДСТВОВАВШИХ» ДОКТОРОВ»

«Вчера, в пятницу, в 1 час 10 мин. дня товарищ Ленин начал опять работать»,— сообщала петроградская «Красная газета» в номере от 7 сентября 1918 года.

Основанием для этого сообщения послужила деловая телеграмма, полученная Петроградским Советом от Ленина. Речь шла в ней о боевой технике для Южного фронта. Известно, что такая просьба содержалась в телеграмме Сталина из Царицына, адресованной Ленину. Обращение по тому же поводу к питерцам уже исходило от имени Ленина. Оно, как сообщала та же «Красная газета», заканчивалось словами: «Привет питерским рабочим».

Было уже за полночь, когда в Петроград пришла новая весточка из Кремля:

— Все хорошо,— передавал по прямому проводу Александр Дмитриевич Цюрупа.— Сегодня Владимир Ильич не только писал телеграмму, но и писал письмо[31].

Этот документ адресуется наркому земледелия Семену Пафнутьевичу Середе. Здесь — тревога Ленина за хлеб для голодающих рабочих центров, застрявший в одном из уездов. «*Нигде* нет данных, чтобы работа *кипела*!»[32].

Письмо наркому земледелия пишет карандашом сам Ленин. Сам подписывает и конверт: *«Т. Середе. (Наркому земледелия) (от Ленина)»*[33].

Неужели же Владимир Ильич настолько окреп, что все это проделывает в полном согласии с врачами? Не будем заблуждаться.

«Тов. Середа! — пишет Ленин в упоминаемом нами письме наркому земледелия.— Очень жалею, что Вы не зашли. Напрасно послушались «переусердствовавших» докторов» [34].

Доктора «переусердствовали»! Можно подумать, что дело идет о легком ушибе или обычной простуде...

Судьба республики в те дни решается на Восточном фронте. Туда и обращены взоры Ленина. Он знает, что удар Красной Армии нацелен на белочехов и белогвардейцев, захвативших Казань, и требует вести это наступление энергичнее, решительнее.

«Выздоровление идет превосходно» [35],— попутно сообщает о себе Владимир Ильич в телеграмме, направленной им 7 сентября в Свияжск, в штаб 5-й армии.

На заводах и фабриках столицы — приподнятая, праздничная атмосфера: Ильич поправляется, набирается свежих сил. Но знают ли лечащие врачи, что к нему уже собираются весьма желанные для него гости?

«Завтра к товарищу Ленину от московских товарищей — рабочих посылается депутация, которая выразит радость рабочих по поводу выздоровления их вождя»,— сообщала «Красная газета» 8 сентября в информации, принятой редакцией по телефону от ее московского корреспондента.

Проходят три дня. Нет еще и семи часов утра, когда Ленин знакомится с только что полученной фронтовой депешей из-под Казани. Прочитывает ее и приходит в негодование. Хорошенькое дело! Казань «будет взята, вероятно, в ближайшие дни!» [36].

Почему же такая проволочка? Ведь известно, что красная артиллерия под Казанью готова сокрушить врага и наши части зажали его в железное кольцо. Да как же вяжется одно с другим?

«Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани...» [37],— пишет тогда же на рассвете 10 сентября в ответной телеграмме Владимир Ильич.

Никаких оттяжек!

Беспощадное истребление противника!

Переход к твердым, решительным действиям увенчался триумфом: в тот же день Казань была освобождена. Над шпилем Большого Кремлевского дворца в Москве взвился штандарт республики. Так красная столица салютовала осенью восемнадцатого года героическим участникам штурма Казани [38].

На следующий день, 11 сентября, телеграф принес в Казань слова пламенного ленинского привета Красной Армии, одержавшей блестящую победу.

Да, слов нет. «Могучее сердце могучего борца за дело проле-

тариата и беднейшего крестьянства», как отозвался о ленинском сердце доктор Винокуров, творило чудеса.

Вот, наконец, пришел и день, когда сама медицина пошла на первое послабление Владимиру Ильичу, рвавшемуся к работе.

Об этом мы можем судить по сообщению, появившемуся в «Красной газете» 12 сентября.

«ТОВ. ЛЕНИН СКОРО ПОПРАВИТСЯ

Здоровье товарища Ленина вполне удовлетворительно.

Товарищу Ленину разрешили сидеть и читать. Больной в курсе всех политических новостей. Настроение у больного вполне удовлетворительно. Он много шутит с окружающими и выражает уверенность, что в ближайшие дни встанет с постели».

Товарищу Ленину разрешили сидеть и читать... Милые, добрые доктора, так много сделавшие для исцеления Владимира Ильича! Среди них, должно быть, не было читателей газеты «Голос трудового крестьянства», которой очень интересовался Владимир Ильич. Иначе они еще в пятницу, 6 сентября, как раз через неделю после тяжелого ранения Ленина, смогли бы прочесть очень любопытное сообщение, попавшееся мне на глаза в наши дни. Вот оно:

«ВРАЧИ РАЗРЕШИЛИ ТОВ. ЛЕНИНУ ЧТЕНИЕ

Спешим поделиться с товарищами радостным известием: редакция получила письмо с просьбой выдать комплект газеты с 30-го августа для тов. Ленина.

Ред. газ. «Гол. труд. крест.»»

Как говорится, комментарии излишни...

В тот же день, 12 сентября, когда «Красная газета» сообщила, что Владимиру Ильичу разрешено сидеть и читать, в Петроград по прямому проводу пришла новая весточка, ставшая достоянием читателей вечернего выпуска газеты «Северная коммуна»: «Здоровье т. Ленина с каждым днем улучшается,— передавали из Кремля.— Сегодня утром на плечо т. Ленина был наложен бинт. Это утомило больного. Но в общем все идет отлично...»

И хотя бинт, наложенный на плечо, утомил больного, тем не менее новое сообщение, принятое по прямому проводу из Москвы, говорит о свежем приливе сил у Владимира Ильича. Откуда черпает он их?

Раскройте страницы газеты «Красная Армия», ежедневно выходившей в Москве. Они о многом расскажут. Мы приведем здесь лишь «шапки», которыми открывался один из номеров «Красной Армии»:

«Револьверные выстрелы в Красной Москве отозвались громом пушек на Красном фронте.

Враг разбит и отступает в беспорядке.

Кама в наших руках.

Волга, Урал и Сибирь тоже должны быть нашими.

Все должно быть нашим!

Такова воля пролетариата» [39].

Той же датой, 12 сентября, когда было принято по прямому проводу в Петрограде сообщение из Москвы об улучшении самочувствия Владимира Ильича, помечена и его телеграмма на Восточный фронт. Ленин приветствует взятие Симбирска. Призывает максимально напрячь силы для победы.

«Я уже завтра начинаю заниматься делами» [40],— сообщает в той же телеграмме Владимир Ильич.

...Звонок в квартиру Ленина. Дверь открывает Владимир Ильич. Перед ним незнакомый человек. Телеграмма... Доставил ее комиссар Центрального телеграфа Иван Федорович Тимаков. Мог ли он упустить случай увидеть Ленина, тем более что отправители депеши просили его вручить телеграмму лично Владимиру Ильичу.

«Протягиваю телеграмму,— вспоминал Тимаков.

— О, совершенно замечательные вести! — восклицает Ильич,— спасибо вам, товарищ...

И я машинально отвечаю:

— Не за что, Владимир Ильич...

— Как так не за что? — смеется он.— Да за такое сообщение можно и расцеловать...» [41]

Это была телеграмма доблестных освободителей Симбирска, родного города Ленина.

Как теперь установил литератор Александр Дунаевский, телеграмма была подписана командиром легендарной Железной дивизии Гаем.

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара» [42],— телеграфировали герои Железной Владимиру Ильичу.

На страницах уже упоминавшейся нами газеты «Красная Армия» можно было найти и подробности освобождения Симбирска.

«Войска оказались на высоте своего призвания,— сообщал фронтовой корреспондент газеты С. Борисов.— Молодая армия блестяще сдала экзамен на боеспособность и обнаружила качества, которым может позавидовать любая вымуштрованная империалистская армия...

При вступлении в город наши войска освободили около 1000 рабочих из тюрем. Часть из них взяла оружие и пошла с Красной Армией.

Рабочее население встретило Красную Армию радостно, работницы патронного завода дарили красноармейцам цветы, целовали солдат.

Буржуазия в панике бежала» [43].

Освобождение Симбирска, своего родного города, Ленин в ответной телеграмме назвал самой лучшей, самой целебной повязкой на его раны.

«Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил,— телеграфировал Ленин Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету I армии 22 сентября 1918 года.— Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы» [44].

Дата ленинской телеграммы совпадает с днем появления в газете «Красная Армия» процитированной нами корреспонденции, в которой описывается воинское мастерство освободителей Симбирска, горячая встреча, оказанная им земляками Владимира Ильича. Можно предположить, что, отправляя свою телеграмму, Ленин уже успел ознакомиться и со свежим номером газеты, в котором описывалось взятие Симбирска.

Мы, однако, несколько опередили события. Если следовать за ними строго хронологически, то необходимо рассказать о том, каким еще событием ознаменовался для Ленина памятный день освобождения Симбирска — 12 сентября 1918 года. Но и тут своя предыстория...

«ДЕЛЕГИРУЮТСЯ В КРЕМЛЬ...»

Москва оделась в багряный убор золотой осени. День выдался ясный и теплый. С гордо поднятым знаменем под звуки оркестра идут от самой Рогожской заставы по улицам столицы красноармейцы.

Сегодня на Красной площади — парад. Парад... одного полка. Его бойцы охвачены стремлением выступить на фронт, они настаивают, чтобы у них приняли экзамен на боевую зрелость.

И вот смотр начинается. Первыми вступают на Красную площадь полковые разведчики и сразу же покоряют сердца самых бывалых, видавших виды воинов. И так — одно подразделение за другим.

Кто бы мог сказать, что эти печатающие шаг красноармейцы

вчера стояли у станков бывшего завода «Гужона», «Амо», «Динамо»? Это они сформировали 38-й Рогожско-Симоновский советский пехотный полк.

После окончания парада с речью к красноармейцам и командирам обращается Э. М. Склянский — заместитель народного комиссара по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета республики. Он сообщает бойцам и командирам полка, что прямо с Красной площади направится к Ленину, который, как известно, несколько дней тому назад был тяжело ранен.

— Что передать от вашего имени Владимиру Ильичу?

— На фронт! На фронт! — дружно ответили бойцы [45].

Здесь надо сказать, что комиссаром полка был Сергей Измайлович Моисеев, которого Владимир Ильич хорошо знал по совместной партийной работе еще в эмиграции. «Это партиец и большевик настоящий. С такими людьми и строим партию, но мало их стало чертовски» [46],— отозвался Ленин о Моисееве в январе 1913 года в письме из Кракова, адресованном Алексею Максимовичу Горькому.

И вот в полку раздается телефонный звонок. Звонит Надежда Константиновна Крупская: завтра Владимир Ильич хочет видеть у себя делегатов Рогожско-Симоновского полка...

Историей этого московского рабочего соединения я впервые заинтересовался еще в дни празднования сорокалетия Советской Армии. Тогда же я познакомился с вдовой покойного комиссара Анной Кузьминичной Моисеевой. Она показала мне рукопись Сергея Измайловича, в которой он ярко запечатлел ратные подвиги московских рабочих, сражавшихся на фронтах гражданской войны под знаменем 38-го Рогожско-Симоновского полка. Нашел я в ней и страницы, связанные с посещением делегацией полка раненого Владимира Ильича. Мой репортаж был опубликован в одной из московских газет. Три года спустя Анна Кузьминична издала часть рукописей своего покойного мужа. Книга С. И. Моисеева «Полк рабочей Москвы» вышла в Воениздате.

В какой же именно день сентября 1918 года произошла встреча делегации полка с Владимиром Ильичем? Сергей Измайлович в своих мемуарах его не называет. Над установлением этой даты кропотливо трудилась научная сотрудница Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Р. З. Юницкая. Настойчивый поиск принес удачу.

Теперь можно с полной уверенностью назвать день встречи делегации 38-го Рогожско-Симоновского полка с Владимиром Ильичем, выздоравливавшим после ранения,— 12 сентября.

Перу комиссара полка Сергея Измайловича Моисеева принад-

лежит любопытнейший документ, хранящийся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве. «Выдано сие удостоверение красноармейцам товарищам Михайлову, Блумфельду, Яковлеву, Кузнецову, Выскребенцеву и Горохову в том, что они делегируются в Кремль для передачи резолюции от 38-го Рогожско-Симоновского советского полка товарищу Ленину,— гласит этот своеобразный мандат.— Срок явки к 9 часам вечера назначен Надеждой Константиновной Лениной мне лично по телефону. Прошу товарищей пропустить в Кремль в помещение Управления делами Совета Комиссаров» [47].

Утром 12 сентября на больное плечо Ленина накладывают бинт. Это его утомляет. И все же вечером он ждет у себя делегацию 38-го Рогожско-Симоновского полка.

И вот уже бойцы с затаенным дыханием слушают рассказы счастливцев, которым довелось выполнить поручение полка и побывать у Ленина.

Не из мастаков-ораторов Гавриил Михайлов, потомственный пролетарий, старый рабочий, коммунист с завода «Амо». Но жадно ловят каждое его слово бойцы.

— Так вот, товарищи,— рассказывает он в одной из рот.— Повидали мы Владимира Ильича, поговорили с ним. Поправляется он, выздоравливает... Теперь хорошо, а то плохо было.

Эпизод за эпизодом воспроизводит Михайлов картину встречи и беседы с Владимиром Ильичем. Рассказывает, что Владимир Ильич с похвалой отозвался о стремлении полка скорее отправиться на фронт и при этом подчеркивал большое значение строжайшей красноармейской дисциплины.

— Вот товарищ Ленин сказал еще и такое,— добавляет Михайлов.— Много, говорит, тягости рабочие вынесут, трудно им неописуемо будет... И голода отведают, и крови своей много прольют, но против всего этого рабочий класс выстоит... Владимир Ильич так и сказал: рабочий класс — крепкий, он выдержит... Слышите, товарищи!

Пауза. Старик, собравшись с мыслями, продолжает свой рассказ:

— Да, а еще вот что товарищ Ленин сказал. Не было, говорит, раньше рабочей власти, которая удержалась бы, но наш российский пролетариат имеет крепкую партию, он создаст свою Красную Армию и отстоит от врагов власть...

Комиссар полка, слышавший рассказ Михайлова, долго хранил в своей памяти и заключительный момент этого выступления.

«Заканчивая, Михайлов обвел всех присутствующих значи-

тельным, почти строгим взглядом и, подняв тяжелую руку, медленно произнес:

— Помните, товарищи, Владимир Ильич нам прямо так и сказал: правильно поступаете, и дальше так действуйте! И мы ему тоже ответили, что будьте, мол, спокойны, Владимир Ильич, все как надо сделаем и свой пролетарский долг выполним» [48].

С этим ленинским напутствием бойцы полка дрались с белогвардейцами. Знамя полка, овеянное пороховым дымом, изрешеченное пулями, стало реликвией Музея революции СССР.

На другой день после беседы Ленина с красноармейской делегацией 38-го Рогожско-Симоновского полка в петроградских газетах появляется новое сообщение из Москвы.

«Тов. Ленин в субботу встанет,— пишет, например, «Красная газета» в номере, вышедшем в пятницу, 13 сентября.— Врачи разрешают.

Сегодня он принял депутацию 35-го полка, приехавшую специально с фронта».

Одна делегация просила Ленина отправить полк на фронт. Другая привезла ему привет с фронта. Найти, однако, какой-либо след посещения Владимира Ильича делегацией от 35-го полка пока не удается.

Из того же сообщения «Красной газеты» мы знаем, что в субботу, 14 сентября, Владимир Ильич встанет, теперь уже на полном законном основании, с ведома врачей.

И верно, встал, хотя и не впервые. В этот день он рассматривает предложение коменданта Кремля П. Д. Малькова — разместить Совет Народных Комиссаров в Большом Кремлевском дворце.

Смысла в этом переселении Владимир Ильич не видит. А почему? Сказывается неизменный деловой ленинский подход к вещам: отопление будет обходиться довольно дорого. Удобно ли там будет с приемной?

«Нельзя ли остаться здесь? т. е. не будет ли *чересчур* холодно? — спрашивает Ленин в записке, адресованной В. Д. Бонч-Бруевичу, и советует привлечь для консультации Лидию Александровну Фотиеву.— Позвать печника и выяснить» [49],— добавляет Владимир Ильич.

Нам уже приходилось называть некоторые имена близких товарищей Ленина, навещавших его изо дня в день после ранения, и тех, кто информировал по прямому проводу другие города о состоянии здоровья Владимира Ильича. Это — Я. М. Свердлов, А. Д. Цюрупа, В. Д. Бонч-Бруевич. Отвечали на петроградские звонки и В. П. Ногин, Д. И. Лещенко и другие. Но круг посетите-

лей Ленина, даже в самые трудные для него дни, был гораздо шире.

Ему хотелось, например, повидаться с незадолго до этого вернувшимся из заграничной поездки старым партийным деятелем Николаем Леонидовичем Мещеряковым. Владимиру Ильичу было о чем порасспросить этого человека, выполнившего важную миссию по ознакомлению рабочих Западной Европы с делами молодой республики Советов.

Мещеряков вспомнил о том, каких трудов стоило Владимиру Ильичу выхлопотать у врачей разрешение на это свидание. Его предупредили: «Только не позволяйте ему говорить». Но когда Мещеряков начал рассказывать, то невольно Владимир Ильич вмешивался в разговор. Посетителю пришлось раза три-четыре его останавливать. Но удержать Ленина было необычайно трудно. «Он лежал, полный энергии, несмотря на то, что это было дней через 10 после его ранения» [50].

Николай Леонидович называет примерную дату встречи с Лениным. А как определить время посещения Ленина Максимом Горьким?

«Сентябрь, конец? Посещает В. И. Ленина в Кремле» [51],— значится в летописи жизни и творчества А. М. Горького.

Сентябрь, конец? А не раньше ли произошло это весьма знаменательное событие?

Откроем номер московской «Вечёрки» того времени (газета выходила под названием «Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов») от 17 сентября 1918 года.

Здесь в отделе «Москва» мы найдем заметку. Она озаглавлена: «М. Горький и Советская власть».

Из нее можно узнать, что «...Горький посетил тов. Ленина, с которым беседовал о своих взглядах на культурную работу Советской власти. Тов. Ленин отнесся к планам М. Горького с большим сочувствием». Это происходит почти на две недели раньше, чем предполагают наши уважаемые исследователи — горьковеды.

Итак, до 17 сентября Горький посещает Ленина, знакомит его со своими взглядами и планами на культурную работу Советской власти. Более поздние воспоминания самого Алексея Максимовича проливают некоторый свет на значение этой беседы для Горького.

...Июнь 1928 года. Москва. Белый зал Московского комитета партии. Здесь происходит встреча московских рабкорок, начинающих писательниц с Горьким.

— Товарищ Алексей Максимович, я только на днях узнала, что вы — не большевик. А почему это? — зачитывает писатель одну из адресованных ему записок.

Алексей Максимович обстоятельно отвечает на заданный ему вопрос. Рассказывает, что до событий Великой Октябрьской социалистической революции он разделял позиции большевиков, а в дни Октября зародились сомнения.

«Поворот в моих суждениях наступил, когда рабоче-крестьянская масса, как один человек, встала на защиту Ильича после покушения на него...— говорит Алексей Максимович.— Понял, что ошибся, пошел к Ильичу и откровенно сознался в своей ошибке...» [52]

Из великолепного горьковского очерка «В. И. Ленин», остающегося непревзойденным образцом литературного портрета Ленина, мы узнаем еще некоторые подробности, позволяющие уточнить время посещения Ленина Алексеем Максимовичем и содержание их беседы.

«До 18 года, до пошлейшей и гнусной попытки убить Ленина, я не встречался с ним в России и даже издали не видал его,— вспоминал Горький.— Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей. В ответ на мое возмущение он сказал неохотно, как говорят о том, что надоело: «Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет». Мы встретились очень дружески, но, разумеется, пронзительные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением.

Через несколько минут Ленин азартно говорил: «Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории,— фантазия... Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения...»» [53]

Сопутствовал Горькому при его посещении Ленина литератор В. Десницкий. Его мемуары содержат также ряд интересных деталей, относящихся к этой встрече.

«Владимир Ильич был оживлен, радостно потирая руки, улыбался Горькому, торопил его,— вспоминает мемуарист.— Ну, ну! Рассказывайте, говорите, что вас огорчает...

...Горький сумрачно расспрашивал Владимира Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ощупывал шею, мус-

кулы руки. Владимир Ильич стоял прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича.

Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился...»

Принимал участие в этой встрече и Яков Михайлович Свердлов. Владимир Ильич пригласил гостей к столу.

«Угощение было весьма скромное,— вспоминает далее Десницкий.— Гостеприимный хозяин не знал, что у него не было чаю, и я потихоньку сходил в канцелярию, где у одной из служащих, старой моей приятельницы, нижегородки, добыл чаю на заварку для Председателя Совета Народных Комиссаров» [54].

«ТЕРПЕТЬ НЕ МОГ ПРИВЕТСТВЕННЫХ РЕЧЕЙ»

Официального бюллетеня, подтверждающего полное выздоровление Ленина, все еще нет. Но Владимир Ильич и не ждет его. Он уже сам «выписал» себя на работу. 16 сентября впервые принял участие в очередном заседании Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков).

«Члены Центрального Комитета, для которых появление Ильича было неожиданным, приятным сюрпризом, горячо приветствовали своего вождя и учителя, возвращающегося к любимой работе после вынужденного перерыва» [55],— сообщала газета «Голос трудового крестьянства».

Это было в понедельник. А во вторник, 17 сентября, собрался на очередное заседание Совет Народных Комиссаров. И тут наступили долгожданные волнующие минуты. Собственный корреспондент «Петроградской правды» передавал из Москвы: «Вчера вечером Владимир Ильич впервые появился и провел все заседание Совета Народных Комиссаров. Заседание оказало теплую товарищескую встречу. Все участвовавшие в совещании, по случаю большой радости, имели красные цветы» [56].

...Протокол заседания Совнаркома от 17 сентября, на котором впервые после ранения председательствовал Ленин. Он содержит имена участников этого памятного заседания. На нем присутствовали такие известные в истории нашей партии и Советского государства деятели, как Свердлов, Цюрупа, Красиков, Ногин, Се-

машко, Курский, Покровский, Подбельский, Склянский, Брюханов, Петровский, Карахан, Елизаров и другие. Представлены своими руководителями или их заместителями наркоматы просвещения и иностранных дел, юстиции и внутренних дел, продовольствия, почт и телеграфов.

В числе участников заседания упоминаются Анна Ильинична Елизарова — старшая сестра Ленина и А. И. Свидерский, занимавший тогда пост члена коллегии Наркомпрода.

Об этой памятной встрече с Владимиром Ильичем и еще одной, более поздней, когда Ленин также после тяжелой болезни вернулся к работе, он рассказывал в своих малоизвестных воспоминаниях.

«Всякий раз зал заседания подвергался чистке и мытью,— писал А. И. Свидерский.— Все приводилось в образцовый порядок.

В зале заседания появлялись цветы. Все наличные члены Совнаркома и люди, имеющие право присутствовать на заседании, бывали налицо.

На всем и на всех лежала печать праздничного настроения. Некоторые члены Совнаркома, беззаботные по части костюмов, в этих случаях приводили свои туалеты в порядок...

Два таких заседания Совнаркома сфотографированы...

Ленин терпеть не мог приветственных речей, относившихся к нему. Поэтому речей не было ни в 1918 г., ни в 1922-м.

Заседания носили обычный характер. Радость светилась на лицах присутствовавших, и этим, главным образом, оба исторических заседания Совнаркома отличались от обычных заседаний.

Сам Ленин при появлении на этих заседаниях в первые минуты чувствовал себя как бы неловко...

Казалось, что он конфузится: не то от того внимания, которое оказывается ему, не то от того, что вот он так долго болел и не работал...» [57]

...Ленин терпеть не мог приветственных речей, относившихся к нему. Но как раз на первом после ранения заседании Совнаркома, проходившем под его председательством, ему едва не пришлось перенести столь тягостное испытание. Кто же помешал тому?

5 сентября 1918 года открылось заседание Петроградского Совета. В первый день была оглашена уже упоминавшаяся нами телеграмма Ленина, заканчивавшаяся словами: «Привет питерским рабочим».

«Чествование тов. Ленина» — так была озаглавлена заметка в «Красной газете», в которой рассказывалось, с каким восторгом

избранники питерских рабочих восприняли первую весточку, исходившую непосредственно от Владимира Ильича.

На другой день, в пятницу 6 сентября, поздно вечером участники заседания приняли решение увековечить память замечательного революционера С. М. Урицкого, злодейски убитого эсерами. Его именем назвали площадь Зимнего дворца и Таврический дворец. Было решено также ознаменовать выздоровление Ленина памятным подарком ему. Это был большой портрет Карла Маркса. Как сообщала «Красная газета», портрет «будет покрыт подписями членов Совета» [58].

Портрет Карла Маркса принадлежал кисти Лоторева — художника-самоучки, рабочего петроградского завода «Старый Лесснер» на Выборгской стороне.

С выборжцами у Ленина была старая дружба, выдержавшая не одно суровое испытание. Делегатом питерцев к Ленину стал тоже выборжец В. П. Шуняков, которого Владимир Ильич, кстати сказать, знал как одного из старых партийных работников Питера.

Елена Дмитриевна Стасова, уехавшая в те дни из Петрограда в Москву, захватила с собой этот портрет Карла Маркса для Ленина. А Шуняков, которому предстояло вручить его Владимиру Ильичу, поехал вслед за ней.

«...Меня пугала мысль, что придется выступать с приветствием и передавать подарки на заседании Совнаркома в официальной торжественной обстановке...— вспоминал он.— Всю дорогу я думал и «сочинял» — о чем и как мне надо будет говорить...» [59]

Приехав в Москву, Шуняков позвонил по телефону Свердлову. Яков Михайлович сообщил ему, что подарки питерских рабочих Ленину — портрет Карла Маркса и фотоснимок торжественного заседания Петроградского Совета — Елена Дмитриевна Стасова оставила у него в кабинете, и пригласил гостя из Питера зайти к нему. Тот охотно принял приглашение и сразу отправился в Кремль. Встретились. Обменялись приветствиями. Заговорили непосредственно о цели приезда делегата питерцев в Москву.

Свердлов высказал предположение, что заседание Совнаркома 17 сентября будет проходить уже с участием Ленина.

— О том, что вы приехали к нему из Петрограда посланцем от петроградских рабочих, он ничего не знает и будет рад увидеться с вами,— сказал Яков Михайлович.— На Совнаркоме мы вам предоставим возможность выступить в более торжественной обстановке и поднести подарки петроградцев...

— Как и о чем мне говорить? — спросил Шуняков Свердлова и поделился с ним сомнениями, которые взяли его еще в поезде на пути из Петрограда в Москву.— Я провалюсь со своим выступ-

лением. Посоветуйте мне, как себя вести,— ведь мне впервые приходится выступать на таком ответственном заседании.

— Ничего! — рассмеялся Яков Михайлович.— Все будет хорошо, петроградцы знали, кого послать... Ведь мне-то вы сделали прекрасное сообщение о делах петроградцев, вот с этого и начните!..

И тут случилось неожиданное. Открылась дверь кабинета Свердлова и вошел Ленин (квартира Владимира Ильича была расположена рядом с кабинетом Председателя ВЦИК). Шуняков запомнил, что левая рука Владимира Ильича была согнута в локте и подвязана на широкой ленте из черного шелкового полотна.

Не исключено, что, открывая дверь кабинета Свердлова, Ленин успел схватить суть переговоров Якова Михайловича со знакомым выборжцем. Поздоровавшись, Владимир Ильич сразу же обратил внимание на прекрасно исполненный портрет Карла Маркса, фотоснимок заседания Петроградского Совета и высказал свою догадку о том, с чем связан приезд в Москву Шунякова.

Отпираться было бесполезно: «Да»,— подтвердил питерский делегат.

— Ну и что же, порешили с Яковом Михайловичем поднести мне эти дорогие для меня подарки петроградцев в более торжественной обстановке с выступлением на заседании Совнаркома? — обратился к смущенному гостю Ленин.— Так я вас понимаю?!

Пришлось сознаться. Теперь очередь дошла до Свердлова...

— И конечно, все это предположено сделать по совету и с благословения Якова Михайловича? — продолжал Ленин.— Яков, я очень признателен за ваше ко мне сердечное отношение, но убедительно прошу вас не создавать мне такого рода шумных почестей, не заслуженных мной, кстати, и несвоевременных торжественных встреч и приемов... А вас, дорогой товарищ Шуняков, я буду просить передать петроградцам мою искреннюю товарищескую признательность и благодарность за проявленную дружескую и товарищескую память обо мне...[60]

Неожиданной встречей Владимир Ильич воспользовался, чтобы лишний раз поинтересоваться житьем-бытьем питерских рабочих, общими знакомыми по Петроградскому комитету партии и Выборгскому району города. Высказал пожелание, чтобы питерцы послали новые пополнения в продовольственные отряды и в ряды политработников на фронт.

Никакой речи на заседании Совнаркома Шунякову о подарках, посланных петроградскими рабочими, говорить не пришлось. Лишь в нескольких строчках газета «Беднота» сообщала читателям о пе-

редаче Ленину портрета Карла Маркса, подаренного ему Петроградским Советом.

«...Тов. Ленин был очень рад оказанному ему вниманию»,— сообщала «Беднота» в номере, вышедшем 19 сентября 1918 года. Питерских рабочих оповестила об этом газета «Северная коммуна». В ее сообщении говорилось: «Товарищ Ленин... был чрезвычайно растроган вниманием, оказанным ему Петроградом, и просил передать Петроградскому Совдепу его горячую благодарность» [61].

...Напомним читателю, что заседание Совета Народных Комиссаров, на котором председательствует Ленин, оправившийся от ранения, происходит 17 сентября. Только на следующий день врачи скрепляют своими подписями последний официальный бюллетень о состоянии здоровья Председателя Совета Народных Комиссаров. «Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами»,— пишут они.

Вот за эту «визу» и боролся Ленин. Владимир Ильич берет только что составленный в его присутствии документ и добавляет к нему: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами» [62].

И снова Ленин с головой уходит в работу.

Как грезил Ленин все это время о возможности вновь повседневно общаться с рабочими, с тружениками деревни! Жить их интересами, нуждами, настроениями — что могло быть дороже для него!

Звонит по телефону Свердлов. Яков Михайлович при этом нисколько не сомневается в успехе своего предложения Ленину, лишь вчера возобновившему свою работу на посту Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Владимир Ильич? Приехал товарищ из самой гущи деревенской работы. Рассказывает очень много важного. Можете принять?

...Товарищ из самой гущи деревенской работы. Первая ласточка! Какие могут быть сомнения? Добро пожаловать!

И вот уже Михаил Иванович Сапаев, председатель Сергачского уездного комитета РКП(б) Нижегородской губернии и член исполкома уездного Совета, в сопровождении Свердлова входит в рабочий кабинет Ленина.

«...Рукопожатие Владимира Ильича — крепкое, спокойное, рука — мягко-упругая, теплая,— вспоминал Сапаев.— Левая рука забинтована, согнута в повязке.

Владимир Ильич пригласил нас сесть. Я сел. Яков Михайлович ушел, пригласив меня потом зайти к нему...

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? — начал я.

— Теперь ничего. Скоро повязку с руки снимут. Только вот пуля внутри сидит, но врачи говорят, что со временем вынут.

Дальше я хотел сказать, какое впечатление на нас произвело покушение, но он осторожно отвел меня от этой темы, начав прямо расспрашивать, что делается в деревне.

Я понял, что Владимир Ильич не хочет выслушивать излияния чувств к нему. Приступил к деловому докладу. Владимир Ильич, ходя по кабинету, задавал мне вопросы: «Как организуется деревенская беднота? Как борется с кулачеством? Не проникают ли кулаки в комбеды? На основании чего мы устанавливаем разделение крестьян на кулаков, середняков и бедняков?»

Рассказ Санаева, видимо, был выслушан Лениным с большим удовлетворением. Об этом свидетельствует записка Владимира Ильича в редакцию «Правды».

Рекомендуя газете воспользоваться очень интересным материалом о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты, Ленин пишет:

«...Крайне важно, чтобы именно такой *фактический* материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать».

Пошли обычные ленинские рабочие будни. День-деньской Владимир Ильич в трудах. Проводит заседания Совета Народных Комиссаров, принимает посетителей, пишет знаменитую статью «О характере наших газет», обращается с письмами к советским дипломатам за рубежом, железнодорожникам, красноармейцам-фронтовикам.

«Через неделю Совнарком заработал по-старому,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— и Владимир Ильич, похаживая у председательского стола, после того, как рука была совершенно снята с перевязи, делал ею незначительную гимнастику, стремясь достать левой рукой за спиной правую лопатку...» [63]

О делах, которыми был занят Ленин в сентябре 1918 года, мы знаем из биографической хроники жизни и деятельности Владимира Ильича, содержащейся в Полном собрании сочинений. Но в ней не упоминается, например, что в том же сентябре Ленин редактирует популярную брошюру с отчетом о деятельности народных комиссаров за истекший год. Выпуск ее подготавливало издательство ВЦИК. Об этом свидетельствует сообщение, появившееся в московских «Вечерних известиях» 26 сентября 1918 года.

Народный комиссариат земледелия объявил тогда конкурс на составление популярной брошюры о сельскохозяйственных коммунах. Печать сообщила, что в жюри по рассмотрению присланных

работ «примет участие Председатель Совета Народных Комиссаров тов. В. И. Ульянов (Ленин)» [64].

Так проходили рабочие будни Ленина после его выздоровления.

«КОГДА С ВИЛЬСОНОМ СПРАВИМСЯ»

Конец сентября 1918 года. Ленин, оправившийся после ранения, показывается врачам.

Хирург Владимир Николаевич Розанов спрашивает Владимира Ильича, не беспокоят ли его пули — одна из них, на шее, прощупывалась очень ясно и отчетливо. Нет, Владимир Ильич не жалуется и, смеясь, говорит:

— А вынимать их мы с вами будем в 1920 году, когда с Вильсоном * справимся.

Едва обозначились первые признаки выздоровления Ленина после ранения, как он поделился с близкими товарищами своим желанием вновь выступать на массовых митингах.

Не терпелось скорее увидеть и услышать Владимира Ильича всему народу.

Долгожданная встреча москвичей с Лениным произошла 22 октября 1918 года. В этот день состоялось Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, представителей профсоюзов столицы. С докладом выступал Ленин.

Как ни обширна мемуарная лениниана, редко найдешь в ней рассказ об этой волнующей встрече. Но, может быть, кто-то из участников соединенного заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Московского Совета и рабочих организаций поделился своими впечатлениями о первом выступлении Владимира Ильича после выздоровления тогда же в столичной прессе? Да, такой репортаж появился два дня спустя, 24 октября 1918 года, на страницах «Вечерних известий Московского Совета».

«В большом зале Дома союзов (бывшего Благородного собрания) полным-полно,— писал автор репортажа.— На хорах, на эстраде, в проходах — везде представители рабочих организаций. Несколько отрывистых звонков председателя ВЦИК тов. Свердлова — и в зале абсолютная тишина. Слово предоставляется Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Ленину.

По залу точно пробегает электрическая искра. Все объединяется в одной общей радости. Все встают с мест, раздаются бурные,

---

* Вудро Вильсон — президент США (1913—1921 гг.), был одним из организаторов военной интервенции США против Советской России.

продолжительные аплодисменты. Ленин среди нас, он вновь со своими, он вновь в ответственный момент имеет возможность сказать свое вещее слово!

Буря восторгов улеглась. Все заняли свои места.

Откуда-то с хоров раздается радостный голос — да здравствует Ильич. Опять пробежала искра, опять радость на лицах и опять овации.

Спокойно стоит за столиком Владимир Ильич... Нет в нем свойственных мелким душонкам самовлюбленности, рисовки и чего-либо от Керенского. Он чувствует себя в товарищеской среде...

Предательский выстрел не прошел бесследно. Ленин сильно осунулся, голос его ослаб, хотя слышен на весь колоссальный зал Дома профессиональных союзов... Левая рука действует плохо... Больно смотреть, когда тов. Ленин говорит.

Затаив дыхание, слушают собравшиеся в зале...

— Часто я раньше задавал себе вопрос: почему тов. Ленин пользуется таким уважением рабочего класса? — пишет автор.— И только на этом собрании, глядя на аудиторию, следя за выражением собравшихся, понял, вернее почувствовал эту тайну. Ленин — это сознательное выражение желаний и стремлений масс. Он живет нуждами бедноты, и то, что в массах бродит бессознательно, что чувствует масса инстинктом, Ленин передает массе в осознанном, в доведенном до логического конца, законченном виде. Ленин — это выражение коллективной воли и коллективного разума рабочего класса.

Подобно великому художнику, из мира стихии выбирающему характерные краски и создающему характеризующее эпоху творение, тов. Ленин умеет отбрасывать случайное, второстепенное, преходящее, выделять существенное, жизнеспособное и на этом строить тактическую линию.

Буржуазные социологи противопоставляли героя толпе... Пролетарская наука смеялась над таким... объяснением истории. И мы на выступлениях тов. Ленина видим правильность нашей точки зрения. Нет героев, нет толпы.

Есть коллективная воля и коллективный разум, которые постигло то или иное лицо, по природной одаренности обладающее способностью разъяснить массам желание и настроение движущих сил революции.

Нет героев, нет толпы, а есть первый среди равных, который не вещает, не пророчествует, а только разъясняет массам их смутное, осознанное желание и настроение. И поэтому-то речь Ленина лишена дешевого пафоса, носит подчас характер беседы, отличается холодной страстностью и вместе с тем глубоко содержатель-

на. Это новый вид практического искусства, это чисто пролетарское красноречие.

Ленин говорит о близкой революции на Западе и одновременно о грозящих опасностях со стороны организующейся международной реакции, руководимой англо-французской и американской буржуазией, об опасности, грозящей нам с Южного фронта...»

Триста москвичей с оружием в руках отправлялись на защиту родной Советской власти от белогвардейцев и интервентов. Их напутствовали здесь же, в Колонном зале Дома Союзов, после выступления Ленина.

И, заключая свой репортаж об этом памятном дне, его автор писал:

«...От имени отъезжающих говорил тов. Александров. Весь в кожаном, высокий, точно литой из чугуна, бодрой речью он производил впечатление молота, разбивающего все препятствия на своем пути. Да, таким товарищам, думалось мне, место на фронте, там, где кровью пишутся блестящие страницы мировой революции. Идет второй акт великой гражданской войны,— звучал в зале металлический голос тов. Свердлова,— готовьте смены, создавайте армию, отступать нельзя и некуда.

Но жуткая перспектива не страшит присутствующих. Бодро приветствуют они ораторов, смело смотрят в красную даль.

Через несколько минут, по принятии резолюции, дружно раздается «Интернационал»».

...Республика Советов вступала во второй год со дня своего рождения. В один из этих знаменательных дней (6 или 7 ноября), когда рабочие завода Михельсона собрались на свой праздничный митинг, к ним неожиданно приехал Ленин, оправившийся от ранения.

Проходя заводским двором, он обратил внимание на группу рабочих, хлопотавшую вокруг какого-то возводимого ими сооружения.

— Что это вы делаете, товарищи? — спросил Владимир Ильич.

— Это место для нас святое. Здесь ваша кровь пролилась, Владимир Ильич,— откликнулся один из михельсоновцев.— Вот мы и поставили на этом месте памятник.

— Ненужное затеяли вы дело, сейчас не время заниматься памятниками, надо побольше делать снарядов для фронта,— упрекнул Владимир Ильич и, не задерживаясь лишней минуты, направился на митинг[65].

И вот Ленин снова в гранатном корпусе завода Михельсона.

Из поколения в поколение переходят воспоминания счастливцев, видевших Владимира Ильича у себя в тот день, слышавших ленинскую речь.

«Как ваше здоровье? — спрашивали Ленина в одной из записок.

— Я здоров и чувствую себя очень хорошо,— ответил Владимир Ильич.— Рука моя еще плохо работает, но чувствую, что она скоро поправится» [66].

«ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРИАТА ДОЛЖЕН ЖИТЬ»

...Наступает весна 1922 года. Владимир Ильич, успевший к тому времени переделать целые горы сложнейшей работы, переутомился и занемог.

Снова встревожились труженики России. И опять воспрянули духом белогвардейцы и их союзники, ставшие плести в зарубежной прессе всякие небылицы о состоянии здоровья Владимира Ильича.

По просьбе своих читателей «Беднота» берет у народного комиссара здравоохранения Николая Александровича Семашко интервью, из которого выясняются новые факты, имеющие отношение к событиям осени 1918 года.

«Вы, конечно, сами понимаете те условия, которые вызвали это переутомление,— говорит Семашко о состоянии здоровья Ленина,— скоро стукнет 30 лет, как Владимир Ильич был впервые арестован,— 30 лет беспрерывной революционной работы. А в последнее время, в годы существования Советской власти, ему приходилось вести нечеловеческую работу. Естественно, что даже его организм, чрезвычайно крепкий, все же надорвался в последнее время.

Тем не менее никаких опасений за здоровье Владимира Ильича нет и не может быть по той простой причине, что его организм уже выдержал один экзамен, который, я думаю, едва ли другой выдержал бы. Я говорю об известном его поранении.

Мы только теперь узнали из показаний эсеров, что эти мерзавцы позволили себе стрелять не простыми пулями, а *отравленными ядом кураре.* Теперь только понятна картина того состояния, в котором мы застали Владимира Ильича после покушения, когда он корчился в судорогах, скрежетал зубами от боли. Оказывается, что это было от отравления ядом пуль. Три пули * изрешетили его тело в наиболее опасном месте, и они были отравлены ядом кураре,

---

* Как сообщалось в официальном бюллетене о состоянии здоровья тов. Ленина, подписанном в 11 часов вечера 30 августа 1918 года, врачи констатировали два слепых огнестрельных поранения. Стреляла же эсерка в Ленина тремя пулями.

которым индейцы мажут свои стрелы, чтобы бить слонов... Если Владимир Ильич перенес это отравление, то за такой организм мы тревожиться не должны.

Теперь состояние здоровья Владимира Ильича лучше. Он выступал с большой и чрезвычайно важной речью на съезде металлистов и на партийном съезде.

Я помню, как после покушения одна профессиональная организация швей каракульным почерком написала неразборчивое письмо, которое заканчивалось так: «Вождь пролетариата должен жить — так гласит воля пролетариата!»

И мы вместе со швеями скажем:

«Наш вождь должен не только жить, но и быть здоровым: такова воля трудящихся»» [67].

Сердце борца и преступление, совершенное против него эсеровскими мерзавцами.

По совокупности своих террористических актов они предстают перед советским судом весной двадцать второго года. Этот процесс и имеет в виду народный комиссар здравоохранения Семашко в своем интервью газете «Беднота».

Перед его началом Верховный трибунал ВЦИКа обратился с запросом к Ленину, в котором просил его ответить на вопрос, выступал ли он 30 августа восемнадцатого года на Хлебной бирже до поездки на завод Михельсона.

«Я не помню,— отвечал Ленин по истечении почти четырех лет.— Может быть, проверка возможна 1) через тогдашние газеты, 2) через комитет того района или того завода, про который Вы спрашиваете, 3) через агитаторов и пропагандистов, которые тогда выступали в Москве, ибо я с кем-либо из них почти всегда сталкивался»[68].

На свидетельство одного из таких агитаторов и пропагандистов, с которыми Ленин — докладчик МК — почти всегда сталкивался,— Александра Яковлевича Аросева мы уже ссылались, излагая подробности ленинского выступления на Хлебной бирже. Вопрос только в том: чтó важно было для Верховного трибунала ВЦИКа установить в связи с первым адресом, названным Московским Комитетом партии в путевке Владимира Ильича, выписанной на 30 августа 1918 года?

Выслеживая Ленина, убийцы, именовавшие себя социалистами-революционерами, не раз подстерегали его одновременно на нескольких митингах, где он мог появиться. Так было и в день 30 августа восемнадцатого года.

Эсерам удалось завербовать нескольких «боевиков» из рабочих, которым и было поручено произвести предательский выстрел.

Еще до 30 августа один из них явился на большой митинг, где выступал Ленин.

«...Ленина встретили восторженными криками и громом аплодисментов,— давал позже показания на суде «боевик»...— Я выслушал речь и ушел. Стрелять я не мог и не стал».

Бесилась верхушка эсеровской банды. Но от ставки на обманутых рабочих-«боевиков» не отказалась. Заслали «боевика» 30 августа и на Хлебную биржу.

Передо мной номер «Правды», вышедший 22 июля 1922 года. Здесь и можно найти эпизод, имеющий прямое отношение к митингу на Хлебной бирже 30 августа 1918 года. Оказывается, в этот день «боевика» вызвали на явочную квартиру эсеровских убийц в Сыромятники. У него был при себе испанский браунинг. «Шеф» террористов надрезал пули для браунинга перочинным ножом и посыпал их каким-то порошком.

Когда митинг на Хлебной бирже окончился и «боевик» возвращался домой, его встретил другой сообщник.

— Не могу стрелять,— сказал «боевик».

— Правильно делаешь,— ответил тот. Сам он дежурил на митинге железнодорожников.

Рабочая рука не поднималась на Ленина. Нажать курок смогла лишь активная деятельница партии правых эсеров террористка Каплан.

Стреляя в Ленина, контрреволюция целилась в мозг партии и народа.

— На террор буржуазии ответим красным террором трудящихся масс,— таким было решение актива московской партийной организации, принятое на другой день после злодейского покушения на Владимира Ильича.

Эсеровские террористы неоднократно совершали тягчайшие преступления перед пролетарской революцией. Центральный комитет партии социалистов-революционеров и ряд ее активных деятелей, направлявших эти преступления, было решено предать суду Верховного революционного трибунала.

По делу велось следствие [69].

Потому и запрашивает Верховный трибунал ВЦИК Ленина, состоялось ли тогда его выступление на Хлебной бирже.

Защищать профессиональных убийц на процессе членов Центрального Комитета и активных деятелей партии социалистов-революционеров вызвался достаточно скомпрометировавший себя в глазах международного пролетариата бесконечными предательствами бывший председатель бюро II Интернационала Эмиль Вандервельде. Для этого он приехал в Москву.

Какое своеобразное гостеприимство было оказано ему и его зарубежным партнерам московскими рабочими, собравшимися к приходу поезда у Виндавского вокзала *, можно судить по одной из заметок, опубликованных тогда в «Рабочей Москве».

«...В сквере, у вокзала, собралось до 5000 человек,— рассказывалось в ней.— В толпе мелькают знамена и плакаты с яркими лозунгами: «Позор адвокатам и убийцам рабочих вождей!», «Долой защиту тех, чьи руки обагрены рабочей кровью!» Кроме плакатов, для приезжих заготовлены и букеты — из крапивы и желтых лютиков.

...Наконец, в пятом часу дня подошел поезд. Толпа оживилась. Пролетарии начали тесниться ближе к подъезду, чтобы получше разглядеть Вандервельде.

Вот вышли четыре «почтенные» фигуры, в числе их сам Вандервельде.

Как море, взволновалась толпа. Началась «встреча и приветствия», вылившиеся в громовой протест, кошачий концерт, свист и крики: «Долой предателей».

Видя такую встречу, Вандервельде торопливо нырнул в автомобиль и скрылся под негодующие крики толпы, потрясавшей кулаками...» [70]

Появились в той же газете и стихи рабочего поэта, адресованные «Главному адвокату»:

Под твоей защитою
Банда именитая,
Гордая разбоями,
Мнит себя героями.
Знай же ты и прочие:
Люди мы рабочие,
Любы мы иль не любы,
Тайну знать хотели бы:
Ты скажи нам, гадина,
Сколько тебе дадено?

Был уже поздний вечер, когда на одном из заседаний Верховного трибунала председательствующий огласил: поступило заявление от делегации московских рабочих, выделенной участниками многолюдной демонстрации. Ей поручено выступить на суде.

Подсудимые растерялись, отдельные адвокаты пробовали помешать выступлению посланцев демонстрантов. Тщетно! Получив согласие трибунала, делегация поднимается на трибуну.

«...Потрясающее впечатление производит речь рабочего завода

---

* Ныне Рижский вокзал.

бывш. Михельсона тов. Иванова,— писала газета.— Тов. Иванов пожилой рабочий, в засаленной блузе, с мозолистыми руками. На его глазах произошло покушение на товарища Ленина. Он задержал Каплан.

— Вот,— говорит тов. Иванов,— вы с негодованием и возмущением смотрите на меня. Вы послали Каплан убить товарища Ленина, а я ее задержал. Вы — подстрекатели на убийство товарищей Урицкого и Володарского. Вы — враги рабочего класса,— заявляю вам: я готов умереть за революцию, готов отдать жизнь за рабоче-крестьянскую власть. И не я один, а все рабочие завода Михельсона, пославшие меня.

Тов. Иванов рассказывает, что, когда он задержал Каплан, рабочие хотели тут же вырвать ее у него из рук и растерзать.

— После задержания Каплан,— продолжает тов. Иванов,— я спросил ее, за что и почему она стреляла в нашего великого вождя.

— Я сделала это как социалистка-революционерка,— ответила мне Каплан...» [71]

А Ленин, опасно раненный, превозмогая боль, только и думал о том, чтобы скорей вернуться в строй. И как жаждал он новых встреч с рабочими! Об этом тогда же поведала близким знакомым Надежда Константиновна Крупская.

«Помню, как она рассказывала, что Ильич страшно тоскует без работы, рвется к работе, раздражается,— вспоминала Евгения Аполлоновна Шухт, рекомендованная Лениным несколько месяцев позже в партию.— Врач, под нажимом Владимира Ильича, разрешил принять ему одного человека, но не больше, чем на 15 минут. Тогда Владимир Ильич сказал:

— 15 минут? Что так много? Уж лучше троих по пять минут» [72].

Менее чем через два месяца после ранения Ленин снова на трибуне. Его доклад в Колонном зале Дома Союзов слушают участники Объединенного заседания ВЦИК, Московского Совета и столичных профсоюзов. Непосредственное общение с массами, говоря словами самого Владимира Ильича, продолжается...

...Могучее сердце могучего борца. Таким было ленинское сердце. Оно билось, переполненное горячей любовью к людям труда нашей отчизны и всей планеты. Оно неустанно работало на коммунизм, на светлое будущее всего человечества.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, с. 408.
[2] Известия ВЦИК, 1918, 10 августа.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 569, примечание 31.
[4] Наш Ильич. Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. М., 1960, с. 23—24.
[5] Наш Ильич. Москвичи о Ленине. Воспоминания, письма, приветствия. М., 1969, с. 200.
[6] Там же.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 468.
[8] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957, ч. 2, с. 151.
[9] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. М., 1963, с. 418.
[10] Известия ВЦИК, 1918, 31 августа.
[11] Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918, 4 сентября.
[12] Северная коммуна, 1918, 10 сентября.
[13] Известия ВЦИК, 1918, 3 сентября.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 85.
[15] Беднота, 1918, 1 сентября.
[16] Правда, 1926, 21 января.
[17] См. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1969, с. 357.
[18] Правда, 1926, 21 января.
[19] См. *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 408.
[20] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 337.
[21] Прожектор, 1925, № 1, с. 25—26.
[22] Северная коммуна. Вечернее прибавление к № 94, 1918, 2 сентября.
[23] Документы о героической обороне Царицына в 1918 году. М., 1942, с. 144—145.
[24] Красная газета, 1918, 4 сентября.
[25] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 402.
[26] Красная газета, 1918, 5 сентября.
[27] Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 5 сентября.
[28] Красная газета, 1918, 6 сентября.
[29] Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 6 сентября.
[30] Прожектор, 1925, № 1, с. 5.
[31] Красная газета, 1918, 7 сентября.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 177.
[33] Ленинский сборник XVIII, с. 182.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 177.
[35] Там же, с. 178.
[36] *Юницкая Р. З.* В кольце фронтов.— Вопросы истории КПСС, 1968, № 4, с. 92.
[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 178.
[38] Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918, 14 сентября.
[39] Красная Армия, 1918, 14 сентября.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 179.
[41] Вечерняя Москва, 1960, 19 марта.
[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 573.
[43] Красная Армия, 1918, 22 сентября.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 95.

[45] *Моисеев С. И.* Полк рабочей Москвы. М., 1960, с. 54.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 141.
[47] Вопросы истории КПСС, 1968, № 4, с. 92.
[48] *Моисеев С. И.* Полк рабочей Москвы, с. 57—58.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 179.
[50] Вопросы истории КПСС, 1968, № 4, с. 91.
[51] Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1959, вып. 3, 1917—1929, с. 91.
[52] Известия, 1928, 16 июня.
[53] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1952, т. 17, с. 30, 31.
[54] *Десницкий В.* А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, с. 216—217.
[55] Голос трудового крестьянства, 1918, 17 сентября.
[56] Петроградская правда, 1918, 18 сентября.
[57] Правда, 1926, 22 апреля.
[58] Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 7 сентября.
[59] Исторический архив, 1960, № 5, с. 143.
[60] Там же, с. 144—145.
[61] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 135.
[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 698.
[63] Ленинградская правда, 1928, 30 августа.
[64] Голос трудового крестьянства, 1918, 18 сентября.
[65] См. Имени Владимира Ильича. М., 1962, с. 134.
[66] Рабочая Москва, 1924, 24 января.
[67] Беднота, 1922, 22 апреля.
[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 257—258.
[69] См. *Голинков Д. Л.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.). М., 1971, с. 307—329.
[70] Рабочая Москва, 1922, 27 мая.
[71] Рабочая Москва, 1922, 22 июня.
[72] Огонек, 1940, № 10, с. 4.

ХЛЕБА, ХЛЕБА И ХЛЕБА!

22 АВГУСТА ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Удивительное чувство испытываешь каждый раз, когда переступаешь порог этого дома на одной из центральных площадей Москвы. Знаешь, что и здания-то современного при Ленине не было, а входишь и ощущение присутствия Владимира Ильича здесь и сегодня овладевает тобою с первых же мгновений.

Поистине, как живой с живыми, ведет тут Ленин разговор со страниц рукописей своих произведений, которым суждено было стать величайшей преобразующей силой в строительстве нового социалистического мира. Мечтает. Борется. Радуется. Гневается.

И все также неиссякаем и могуч революционный накал, что наполняет письма и записки, телеграммы и правительственные декреты, принадлежащие перу главы Советского государства.

Тридцать три тысячи ленинских документов собраны под сводами здания, в котором разместился Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Тут пойдет речь лишь об одном из них — удостоверении под номером 2442. Подписал его Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) 22 августа восемнадцатого года.

Но прежде чем поведать об истории этого документа и о том, как он достался его владельцу — Ивану Алексеевичу Попову, скажем несколько слов о том, чем занят был Владимир Ильич в тот день. Он беседовал с немецким интернационалистом Якобом Эккертом, председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров, написал проект постановления о ценах на картофель.

Обеспокоенный перебоями в поставке обмундирования и боеприпасов частям Красной Армии, дислоцированным в Саратове, Ленин связывается по телефону с Араловым — начальником оперативного отдела Народного комиссариата по военным и морским делам. В этой связи он шлет две телеграммы в Саратов; во второй сообщает, что погрузка снарядов начнется сегодня.

Тогда же он телеграфирует в Пензу, где распри между местными работниками тормозили подавление восстания кулаков и конфискацию у них хлеба:

«...Настаиваю, чтобы в военное критическое время все дружно работали с наибольшей решительностью, подчиняясь большинству, а конфликты передавали в Цека, не останавливая работы» [1].

Этим-то горячим, напряженным днем помечено удостоверение со знакомым уже нам четырехзначным номером.

Какую же миссию возлагал он на обладателя подписанного им мандата?

«Податель, товарищ Иван Алексеевич Попов уполномочен Советом Народных Комиссаров действовать при фронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать как политический комиссар при военачальниках. Поручается принимать от него телеграммы в Москву, Совнарком, ЦИК.

Всем советским и военным властям оказывать подателю Ивану Алексеевичу Попову всяческое содействие без замедления» [2].

Тут, как не трудно догадаться, речь идет прежде всего о хлебе. Без него не могло быть и снарядов.

Отлично отдававшая себе в этом отчет, деревенская буржуазия делала все для того, чтобы задушить костлявой рукой голода пролетарские центры. Прятала хлеб, гнала из него сивуху. Из-под полы могла и продать. Но почем? 150 рублей за пудик — пожалте! И то считай, что тебя облагодетельствовали — купил по дешевке. А в Бирском уезде Уфимской губернии кулаки вовсе распоясались. Эти торговали хлебом, упрятанным в скирдах еще до войны, по четыреста рублей за пуд.

— Продать государству по установленным ценам излишки хлеба? — держи карман шире,— глумились мироеды.— Да мы лучше сгноим его.

И гноили.

Тактику кулака в ту пору разоблачил на страницах «Советской газеты», выходившей в городе Ельце, местный поэт Илья Прокофьев.

Ой, полным полна утробушка.
Есть ветчинка, есть пирог...
Не горюй, жена-зазнобушка,
Есть мучица, есть творог.
Что ни пудик, то ведь денежки
За мучицу я беру,
И какие хочешь ценушки
С покупателя сдеру.
Подожду я... в ночку темную
Ямку вырою пойду.
И мучицы бочку полную
Закопаю там в саду... [3]

Козни богатеев, старавшихся обречь на голодную смерть рабочих, питерцы мучительно ощущали с первых дней восемнадцатого года. И Ленин делал все для того, чтобы облегчить положение рабочих.

15 января он шлет телеграмму в Харьков Антонову-Овсеенко и Орджоникидзе. Первый из них в то время командовал совет-

скими войсками, боровшимися против калединцев и Центральной рады. Второй — чрезвычайный комиссар Украины.

«Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба* и *хлеба!!!* — обращается к ним Владимир Ильич.— Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно.

Ради бога!» [4]

Через день Харьков принимает новую ленинскую телеграмму. Владимир Ильич откликается на победу советских войск, занявших город Черкассы, станцию Бахмач и успешно наступавших на Киев. И вслед за приветствием добавляет: «Направьте все усилия для подвоза в Питер хлеба и хлеба» [5].

В свою очередь Орджоникидзе информирует по телеграфу Ленина об энергичных мерах, принятых по его заданию. Владимир Ильич радуется им, благодарит за них.

«Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие, организовывать спешно сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен» [6].

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ ГОЛОДА

Известно, что первые посланцы московских и петроградских рабочих появились в хлебных губерниях страны вскоре же после установления Советской власти. Но сопротивление кулачества становилось все более яростным и зверским. Весна восемнадцатого года принесла героическим рабочим новые тяжкие испытания. Вот какое сообщение из столицы опубликовала «Петроградская правда».

«Москва без хлеба.

Наличность хлеба и зерна в Москве с каждым днем уменьшается, подвоз сокращается. По полученным сведениям, после пасхи паек в Москве уменьшат до $^1/_8$ фунта» [7].

Питерцам не всегда доставалась и осьмушка хлеба в день. Четверть фунта крупы для детей до трехлетнего возраста — это было в рабочей семье уже радостью.

9 мая Ленин председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров. Он пишет проект постановления о мобилизации рабочих для помощи деревенской бедноте в борьбе за хлеб с кулаком, вносит дополнения и поправки в него. На заседании обсуждается проект декрета о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию. А на другой день Вла-

димира Ильича посещает приехавший из Петрограда рабочий Путиловского завода Андрей Васильевич Иванов.

Разметчик в котельном цехе, он был избран председателем общезаводской закупочной комиссии. Для доклада Ленину о продовольственном положении в Петрограде он был делегирован путиловцами в Москву. Беседуя с Владимиром Ильичем, он обрисовал подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Ленин ознакомил делегата с мерами правительства, принятыми как раз накануне его приезда в столицу.

«Я ему рассказал о вчерашнем декрете и о постановлении насчет того, чтоб Комиссариат труда экстренно мобилизовал рабочих,— писал Владимир Ильич наркому по продовольствию о своей беседе с путиловцем.— Я сказал ему свое мнение:

если *лучшие* питерские рабочие не создадут *по отбору* надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного *военного* похода на деревенскую буржуазию и на взяточников, то голод и гибель революции неизбежны» [8].

Через двенадцать дней после встречи с Ивановым Ленин обратился с письмом «О голоде» к питерским рабочим. Дважды сославшись на своего собеседника, Владимир Ильич приводил его слова, в которых была выражена гордость рабочего человека за те пятнадцать тысяч коренных, испытанных и закаленных в борьбе путиловцев, которые не поддались отчаянию, не согнулись под бременем суровых лишений и испытаний. Пусть же этот авангард даст вдесятеро больше *железных отрядов*, способных сломить сопротивление деревенской буржуазии и спасти страну от голода. Ни минуты промедления! Пробил час массового «крестового похода» передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, подвоза и распределения их.

И клич, брошенный Лениным, был подхвачен тысячами надежных борцов. Опять, как в исторические дни Октября семнадцатого года, ульем загудел Смольный. Здесь формировались отряды. Они выступали под лозунгом: *«В деревню за хлебом для голодного Петрограда»*.

Центральная комиссия, на которую была возложена работа по формированию этих отрядов, отвечала в печати на полученные ею вопросы:

— Все ли предприятия могут посылать отряды? — спрашивали ее.

— Нет, только пролетарские, потому что лишь они способны к массовой дисциплине и стоят за справедливый учет хлеба.

— Будут ли снабжаться отряды особым обмундированием?

— Нет, не будут, так как Советское правительство не имеет

излишков одежды и должно прежде всего одеть Красную Армию.

— Кто снабдит отряды литературой?

— Петроградский комитет партии коммунистов и Комиссариат агитации в Смольном выдадут брошюры агитационного характера и наставления по сельскому хозяйству.

— Обязательно ли брать оружие?

— Без оружия отряды будут наполовину бессильны, но винтовки должны брать только владеющие ими и лишь по своему желанию [9].

Практическим наставлением каждому участнику продотрядов служила специальная «памятка», выработанная питерцами. При содействии Народного комиссариата просвещения и деятельном участии Анатолия Васильевича Луначарского готовились специальные кинематографические ленты для деревни.

«Крестьянин увидит на экране рабочую жизнь, борьбу за свободу, заготовку на заводах плугов и серпов и поймет значение товарообмена, роль города для деревни и то, почему они должны дать рабочим хлеб...— сообщала «Красная газета».— Опыт прежней работы показал, что последнее объяснение имеет огромное значение и что крестьяне после лекций и объяснений начинают охотно свозить хлеб» [10].

Так, из великого города на Неве выступала в массовый «крестовый поход» против голода надежная рабочая армия, которую питерцы создали по ленинскому призыву.

Победить голод — об этом неизменно напоминает Владимир Ильич в телеграммах, письмах, выступлениях.

«...Не забудьте, что вопрос о хлебе главный и коренной».

«...Продовольственная работа всего важнее теперь».

Особое значение Ленин придает направлению в деревню рабочих, призванных нести в массы трудового крестьянства политику партии и Советского государства.

«Надо *все* усилия приложить, чтобы двинуть из Питера тотчас *сотни* агитаторов в деревни,— телеграфирует Владимир Ильич в Смольный.— Перед съездом Советов это сугубо важно, а *вся* военная и продовольственная ситуация требует этого еще настоятельнее».

Имя Ивана Алексеевича Попова связано прежде всего с первым продовольственным отрядом, созданным рабочими Выборгского района Петрограда.

Рождению этого отряда предшествовала встреча Ленина еще с одним питерским рабочим. Это был Каюров с той же Выборгской стороны. Он побывал почти во всех уездах Симбирской губернии. На обратном пути в Петроград остановился в Москве.

Его принял Ленин. Владимир Ильич особенно интересовался ходом борьбы за хлеб в симбирской деревне. Беседа побудила его снова обратиться к питерским рабочим. Он призывал их *тотчас же* напрячь все силы, «чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы *разбить наголову* кулаков прежде, чем они успели объединиться... Революция в опасности. Спасти ее может только *массовый* поход питерских рабочих».

Доставленное в Петроград собеседником Владимира Ильича, письмо к питерским рабочим стало в первую очередь достоянием Выборгской стороны. Тут же, как по боевой тревоге, собрались в районном комитете партии активнейшие коммунисты Выборгской стороны. Ленинское письмо было зачитано вслух. И только один вопрос был задан в ответ на него: кто записывает в первый Выборгский продовольственный отряд?

В отряде были представлены мастеровые люди самого широкого профиля, и все — бывалые, знающие толк в деревенском хозяйстве. Вместе с коммунистами в него вошли хорошо зарекомендовавшие себя беспартийные рабочие. Среди продармейцев-коммунистов был и профессиональный революционер, член партии с 1916 года И. А. Попов, которому принадлежал мандат, подписанный Лениным 22 августа. Найти его в Москве помогли земляки-питерцы с той же Выборгской стороны. И вот мы ведем с ним беседу.

Спрашиваю Ивана Алексеевича, как выступал первый Выборгский продотряд в путь?

— Сапоги на ногах, куртка на плечах, какой-нибудь головной убор, и в дорогу,— рассказывает он.— Сборы были два дня — на третий выехали. Проводов особых не было. Несколько человек пришли на вокзал, когда поезд уходил. Начальниками отряда были Чугурин и Гордиенко...

В Москве выборжцев ждала радостная встреча с Лениным и Свердловым в Центральном Комитете партии. Владимир Ильич произнес речь.

«Смотрю на Ильича,— вспоминал позднее Илья Митрофанович Гордиенко, один из названных Поповым руководителей продовольственного отряда.— В его прищуренных глазах и в уголках рта чуть заметная улыбка. Он проводит ладонью по широкому выпуклому, покрытому мелкими морщинами лбу и, подавшись всем корпусом вперед, как бы желая быть ближе к нам, начинает свою речь. В. И. Ленин говорит о тяжелом положении, которое переживает наша страна, об огромной опасности, нависшей над нашей Родиной, о необходимости нашей поездки в деревню.

— Наша цель,— говорил В. И. Ленин,— вырвать бедноту из цепких рук кулака, пробудить ее классовое самосознание, привлечь на сторону бедноты середняцкую массу крестьянства, иначе нас захлестнет мелкобуржуазная стихия.

Владимир Ильич раскрывает перед нами картину ожесточенной классовой борьбы в деревне и четко определяет задачи, стоящие перед нами...» [11]

Дружный порыв передовых рабочих в массовый «крестовый поход» против кулаков, грозивших свержением Советской власти, вызвал растерянность кое у кого из руководящих работников Питера, считавших, что Петроград — это фронт и оголить его нельзя отправкой в деревню цвета пролетариата.

Узнав об этом из уст секретаря Петроградского комитета партии Петра Заславского, Ленин спросил:

— А кто возражает?

— Зиновьев, Лашевич...

«Владимир Ильич заговорил горячо:

— А чего они хотят? Заставить «цвет пролетариата» стеречь бездействующие заводы и фабрики? Спокойно глядеть на голодных жен и детей? От кого же питерские рабочие могут ждать помощи, на кого надеяться? Возмутительно такое противодействие!.. Это трусость и глупость — не отпускать людей в такое время на такую работу...

Энергично содействуйте созданию продотрядов — это кровное, первоочередное дело. А к руководству поднимайте из масс, из низов новых людей!» [12]

Вернемся, однако, к встрече выборжского продотряда в ЦК партии.

Иван Алексеевич вспоминает один из эпизодов этой встречи.

После выступления Владимира Ильича слово взял один из питерских рабочих В. Н. Каюров. Хорошо знакомый с положением в деревне, он поставил вопрос о товарах, необходимых для организации встречной торговли. Товары эти — соль, спички и керосин.

— Правильно,— поддержал его Ленин.— А для того, чтобы товары были отгружены без задержки, вы кого-нибудь выделите из своей среды.

— Вот мы Попова и оставим,— обменявшись мнениями, заявили руководители отряда.

— С этого и началась моя активная роль в этих делах,— рассказывает Иван Алексеевич.— Ленин меня подзывает к себе, дает записку и говорит: «Вот мой телефон. Если нужно, немедленно мне звоните».

Теперь дело было за Наркомпродом, получившим исчерпывающее распоряжение правительства об отправке продовольственного отряда к месту назначения. Но чего греха таить, далеко не все работники этого ведомства так горели на работе, как их нарком.

По их «милости» питерцы, которые должны были уже быть на пути в Казань, продолжали еще обивать пороги канцелярий Наркомпрода.

Ленин, узнав об этом от Якова Михайловича Свердлова, звонит в Наркомпрод, вызывает к телефону Каюрова и Чугурина:

— Почему вы не уехали?

— Да вот, Владимир Ильич, уже два дня ходим в Наркомпрод за документами, получаем только обещания.

— В каком отделе находится ваше дело?

— В общей канцелярии.

— Позовите начальника канцелярии.

Ленин вступает в разговор с этим начальником:

— Сколько времени надо вашему отделу на регистрацию и выдачу мандатов отряду?

Тот отвечает.

— В каком отделе следующая операция с их документами,— спрашивает Владимир Ильич и продолжает дальше добиваться, чтобы продотрядникам скорее были выданы надлежащие документы.

«...Вся «сложная» работа по выдаче мандатов и авансов была исполнена в назначенный тов. Лениным срок,— вспоминал позднее Каюров.— Дело оставалось за вагоном. Как его доставка, так и прицепка тоже не обошлись без личного вмешательства Владимира Ильича. В этот день мы выехали на место» [13].

Отряд был уже в пути, когда Попову, задержавшемуся в Москве до отгрузки Наркомпродом товаров для встречной торговли в деревне, предстояло еще пройти через те же тернии.

— Иду в Наркомпрод, которому было поручено отгрузить товары в Казань,— продолжает свой рассказ Иван Алексеевич.— Прихожу к члену коллегии наркомата Малютину Дмитрию Петровичу.

— Вам звонил Ленин?

— Звонил.

— Распоряжение есть?

— Заходите завтра.

Зашел назавтра.

— Ничего не сделано.

Я не стал ничего предпринимать. Захожу еще раз, в следую-

щий день,— опять ничего не сделано. И тут у меня возникла мысль: надо позвонить Ленину. Так и сделал.

— Товарищ Ленин, говорит Попов из питерской группы. Мне нужно вам рассказать о положении.

— Вы где находитесь?

— Да вот тут, в Наркомпроде.

— Можете сейчас зайти?

— Сейчас приду.

Прихожу. Открывает мне дверь в кабинет Ленина Лидия Александровна Фотиева.

Владимир Ильич встает, идет мне навстречу, здоровается. Потом усаживает меня. Рассказываю ему, как было все, по порядку.

— Ваше распоряжение есть, а отгрузки никак не могу дождаться.

Владимир Ильич все выслушивает, поручает секретарю соединить его по телефону с Малютиным. Его соединяют. Он и говорит:

— Вы распоряжение правительства об отгрузке товаров в Казанскую губернию имеете? А почему же не выполняете?

Малютин, по-видимому, в чем-то оправдывается. Тогда Ленин сказал ему:

— А мне это говорит питерский рабочий, и я ему верю...

Закончив разговор, Владимир Ильич обратился ко мне:

— Вы мне завтра позвоните.

От Владимира Ильича я пошел в Наркомпрод, к Малютину.

— Ну что, нажаловались? — спросил он меня.

— Нет, не жаловался. Рассказал все, как есть...

— Заходите завтра.

Назавтра я зашел. Малютин вручает мне железнодорожные документы на отгруженные в Казань товары. Я тут же позвонил Ленину.

— Я нахожусь у товарища Малютина. Товары в Казань отгружены. Я завтра уезжаю...

— Передайте привет товарищам,— сказал на прощанье Ленин.

«ПО ЧИСТОЙ СОВЕСТИ»

В массовый «крестовый поход» против голода вслед за питерцами включаются рабочие многих других пролетарских центров. Принимают решение создать продовольственные отряды и выксунские рабочие. Об этом они дают знать телеграммой Ленину.

«Я очень надеюсь, что выксунские товарищи рабочие свой превосходный план массового движения с пулеметами за хле-

бом осуществят как истинные революционеры, то есть дав в отряд отборных людей, надежных, неграбителей и для действия по нарядам в полном согласии с Цюрупой, для общего дела спасения от голода всех голодных, а не только для себя» [14],— телеграфирует в ответ выксунцам Владимир Ильич.

Отборные люди, надежные, неграбители — им, и только им место в продовольственных отрядах. Ленин не упускает ни одной возможности еще и еще раз подчеркнуть, что именно в этом успех борьбы с голодом.

«Выбор членов в продовольственную армию должен производиться с тем расчетом, чтобы ни одного пятнышка не оказалось потом на имени тех, кто пойдет в деревню бороться с кучкой хищников-кулаков во имя спасения многомиллионных трудящихся масс от голода» [15],— телеграфирует Ленин II губернскому съезду Советов в Пензу.

Теперь вновь вернемся в Петроград. Что там нового?

Продовольственный отряд Петроградского комитета РКП(б) доставил голодным рабочим семнадцать вагонов хлебных грузов. Это равнялось восьмидневному голодному пайку, на котором сидел в то время весь Петроград.

То тут, то там продовольственные отряды добирались до кулацких тайников. Пятьдесят тысяч пудов хлеба было добыто таким образом в одном лишь Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. Целые клады открывались в ямах, лесах, оврагах.

Добрались питерцы и до того самого Бирского уезда Уфимской губернии, где кулаки, прятавшие в скирдах урожай еще прошлых лет, заламывали баснословные цены на хлеб.

Более тысячи крестьян явилось на сход, созванный продовольственным отрядом. Пошел открытый и прямой разговор о том, кому на руку голод в стране. И труженики деревни ответили посланцам питерских рабочих горячим сочувствием. Отсюда и решение схода: продать хлеб рабоче-крестьянскому правительству *«по чистой совести»*.

Нельзя без волнения и ныне читать письма участников великого «крестового похода», приходившие в те дни в Петроград. Документы эти во многом напоминают боевые донесения с поля брани.

— Продовольственные отряды, повсеместно опирающиеся на деревенскую бедноту, теснят врага, стремящегося задушить страну голодом. Есть «трофеи». Не обходится и без тяжелых потерь.

Вот две весточки из Тамбовской губернии.

Первая исходит от путиловца Василия Варламевича. Он спе-

шит разоблачить гнусную клевету врагов Советской власти, распространяющих слухи, будто продовольственные отряды обижают бедняков.

«Всякого рода предатели вам рисуют очень мрачные картины о деревне, но сами они не знают ни шиша,— пишет он своим товарищам.— Мне пришлось побывать в некоторых из уездов с продовольственным отрядом.

В самой гуще деревенской при появлении нашем в деревне крестьяне, как только узнают, что мы из голодного Петрограда, принимают нас, как братьев, в полном смысле этого слова, и оказывают нам всякие услуги.

С нормой, которую им оставляют, соглашаются, только просят дать им городского товару, так как в последнем очень нуждаются.

На вопрос о защите социалистического отечества смотрят как на самый насущный вопрос и говорят: как только уберем хлеб, то все, «как один, пойдем на защиту завоеванных прав...»»[16].

Штаб продовольственных отрядов, направленных в Тамбовскую губернию, находился на станции Токаревка. Оттуда пришло и второе письмо в Петроград. Это было уже в пору уборки нового урожая. Писал К. Муран, входивший в первый Сводный петроградский продовольственный отряд.

«Отсюда исходят распоряжения во все продотряды по волостям,— сообщал он.— Отсюда же развозится литература по отрядам, которые в свою очередь распространяют ее среди беднейшего крестьянства. Надо отметить, что крестьянство охотно читает все привозимое отрядами.

Здесь доставка зерна на элеватор происходит планомерно. Крестьяне все излишки хлеба отдают по твердым ценам. Но среди богатого крестьянства чувствуется враждебность к действиям Советской власти. Ими распространяются ложные слухи то о разгроме Советов, то об избиении крестьянами продовольственного отряда и т. д., поэтому участникам продовольственных отрядов приходится работать в очень трудных условиях.

Но товарищи петроградцы работают во имя победы социализма, во имя счастья всех трудящихся. Иногда отряд человек в пятьдесят попадает в глухую деревню; рядом с деревней стоит разграбленное крестьянами имение, владелец которого сбежал после Октябрьской революции. Хлеба ненамолоченного стоят громадные скирды.

Тут уж продовольственный отряд собственными силами приступает к молотьбе; с помощью комитета бедноты отыскивает

молотилки, лошадей и людей, причем людей назначают на работы представители комитета бедноты, и если кто-либо откажется от работы, то комитет с помощью отряда взыскивает с отказавшегося «контрибуцию».

После обмолота зерно отправляется через ссыпной пункт в Петроград» [17].

Аналогичными примерами изобилуют письма, приходившие от питерцев из Тульской, Воронежской, Саратовской, Симбирской и других губерний. Всюду продовольственные отряды неизменно встречают братскую поддержку бедноты, везде их встречает в штыки кулачье.

...Глубокая ночь. Продовольственный отряд питерских коммунистов, работающий в Воронежской губернии, отдыхает.

Немало он уже успел сделать для того, чтобы обезвредить недругов тружеников города и деревни: отобрал у них порядочное количество оружия, арестовал самогонщиков. Всем державшим под спудом излишки хлеба было предложено вывезти его на ссыпной пункт.

— Товарищи, вставайте, на нас напали,— раздается той глубокой ночью голос дневального Иванова в помещении училища, в котором разместился продовольственный отряд. И тут же первая вражья пуля смертельно поражает его.

Отряд бросается к оружию. Завязывается бой.

«Большую роль при защите сыграл тов. Бельский, который, несмотря на то что уже был ранен, подполз в темноте к пулемету и открыл стрельбу,— сообщалось в письме, присланном из отряда в Петроград.— В то время, когда часть из банды производила нападение на училище, остальные рассыпались по селу, производили стрельбу, бросали гранаты и ударили в набат. Проснувшиеся солдаты отряда выскочили кто в чем был на защиту. В 6 часов утра все было ликвидировано, часть из принимавших участие в нападении арестована. Ведется расследование...»

Остается добавить, что главарем банды, напавшей на продовольственный отряд, был сын попа.

Хлеб у диверсантов был конфискован. На кулаков и самогонщиков наложили контрибуцию для обеспечения семейства убитого и помощи раненым. Непосредственных организаторов нападения на питерских рабочих ждала заслуженная кара.

«Дух отряда еще более окреп» [18] — так заканчивалось это письмо из Воронежской губернии.

«ЗАЧЕМ МЫ ЕДЕМ В ВЯТСКУЮ ГУБЕРНИЮ?»

Шквальный огонь против продовольственных отрядов сразу же открыла продажная печать, содержавшаяся контрреволюцией. Подвергла она ожесточенному обстрелу и народного комиссара просвещения Луначарского. Чем же он привел ее в такую ярость? Предоставим ему самому рассказать об этом.

«Буржуазные газеты уже начинают с вожделением скандала говорить о «карательной экспедиции», во главе которой я отправляюсь «против» вятских крестьян»,— писал Анатолий Васильевич в статье «Зачем мы едем в Вятскую губернию?», опубликованной в «Красной газете» [19].

«Насколько эти клеветнические россказни, порождаемые страстным желанием поссорить рабочих и крестьян между собою, распространяются, видно из того, что даже на Путиловском заводе, рабочие с тревогой прислушивались к речам вольных и невольных агентов буржуазии о том же самом, ибо рабочие-то прекрасно сознают себя братьями крестьян и отдают себе ясный отчет, что крушение этого братства было бы крушением революции.

Но, конечно, не трудно было разъяснить товарищам путиловцам всю истину. Я повторю здесь слова, сказанные мною им:

— Я скорее отрубил бы себе обе руки, чем обидел бы сельского бедняка, и только такие рабочие, которые смотрят на вещи, как я, могут со мною ехать.

По нашим сведениям, Вятская губерния могла бы дать еще довольно значительное количество хлеба, которое для Петрограда, а отчасти и для Москвы явилось бы подлинным спасением...».

Поездка за хлебом строилась на принципах товарообмена. Анатолий Васильевич рассказал в упоминаемой статье, что при этом учитывается спрос на те товары, в которых особенно нуждается Вятская губерния. Никакой выгоды для себя государство при продаже их не преследует.

«Отряд, который я беру с собой,— писал Луначарский,— служит исключительно для охраны грузов от хищения, а входящие в него рабочие войдут вместе с тем в живое общение с крестьянами, в ту связь, которая единственно может послужить прочным основанием дальнейших успехов социализма в России».

Так была всенародно пригвождена к позорному столбу буржуазная пресса, пытавшаяся вбить клин между рабочими и деревенской беднотой.

«Крестовый поход» за хлебом ширился, набирал силу.

«...Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем победить голод...» [20],— напоминал Ленин.

И сбор этот продолжался с утроенной, с удесятеренной энергией.

Борьба с голодом и контрреволюцией — такова тема ленинского выступления на митинге рабочих Сокольнического района Москвы. В этой речи он сказал:

«Когда я читаю сообщение, что в Усманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!» [21].

Бурными аплодисментами ответил многолюдный митинг на эти ленинские слова.

Эпизод, упоминаемый Владимиром Ильичем, имел место в селе Куликово.

Под крепкими замками кулацких амбаров здесь хранилось огромное количество хлеба. Вдобавок кулаки имели револьверы, винтовки, бомбы, при помощи которых они держали в страхе погибавшую от голода бедноту.

Когда Усманский продовольственный отряд прибыл в село Куликово, бедняки воспрянули духом. Чтобы упредить кулаков, они и посоветовали отряду прежде всего отрезать кулакам доступ к колокольне *.

Дельный совет. Бить в набат, подымать панику мироедам не пришлось. Они поспешили скрыться в лесу.

Следующей операцией была очистка кулацких домов от оружия.

Теперь можно было уже снимать и замки с кулацких амбаров. Хлебных излишков в них оказалось на шесть вагонов.

Затем отряд собрал бедняков, чтобы узнать, в каком количестве хлеба они нуждаются до нового урожая. Подсчитали. Добрую половину хлеба и фуража, отобранных у кулаков, отряд и передал сельской бедноте. По-братски.

Другая половина кулацкого хлеба была отправлена в Усмань — голодным городским труженикам.

---

* Летом 1918 года Советское правительство издало специальный декрет, в котором говорилось: «Виновные в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами с контрреволюционными целями предаются революционному трибуналу» [22]. Декрет был подписан Лениным.

Добрым словом вспоминал Ленин постановку продовольственного дела в Елецком уезде. Об этом свидетельствует его просьба к редакции «Известий ВЦИК» поместить на страницах газеты интервью с представителями Елецкого Совдепа.

«...Образцовый уезд по порядку, учету *культурных имений* и хозяйству в них, по *подавлению* буржуазии»[23],— уточняет Владимир Ильич значение елецкого опыта.

Время было военное, и ельчане делали все для того, чтобы не дать немцам и гайдамакам застичь свой город врасплох. В свои руки рабочие взяли оружие. Богачей заставили рыть окопы...

Недоставало боеприпасов для артиллерии и горючего для броневиков. За помощью было решено командировать в Москву к Ленину двух делегатов. Оба входили в состав правительства... Елецкого уезда.

Знакомство с елецкими делегатами доставило Владимиру Ильичу несколько веселых минут.

« — Ну, рассказывайте, товарищи, в чем дело,— обратился он к гостям.

«Я рассказал о цели приезда в Москву, о том, что мы командированы елецким Совнаркомом»,— вспоминал руководитель делегации А. Бровкин.

Ленин с удивлением спросил:

— Как вы сказали? Совнаркомом?

— Мы в Ельце по образцу центральных органов власть создавали...

— Понимаю,— улыбнулся Ильич.— А кто у вас председатель Совнаркома?

— Иван Никитич Горшков, крестьянин Сергиевской волости.

— А вы какой пост занимаете?

— Наркома здравоохранения.

— А вы, товарищ Зайцев?

— Я заместитель наркома земледелия».

Ленин от души рассмеялся, разъяснил, как следует организовать органы Советской власти на местах.

Дальше разговор пошел о политической обстановке в Елецком уезде.

Обращаясь к Зайцеву, Владимир Ильич спросил, как в уезде отбирали землю у помещиков и кулаков, как ее поделили, взяты ли на учет культурные имения. Тот подробно рассказал обо всем. Затем Бровкин рассказал о подавлении контрреволюционных восстаний в Аргамачской слободе и Краснополянской волости, о том, как создавали отряды для реквизиции хлебных излиш-

ков у кулаков, взяли у елецких купцов и торговцев единовременный налог в сумме двух миллионов рублей[24].

«Им удалось то, что они собрали громадные излишки хлеба,— что не осталось ни одного дома в торговом Ельце, где бы буржуазия могла пользоваться выгодой от спекуляции»[25],— говорил Ленин в своем докладе о текущем моменте на IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы 27 июня 1918 года.

Пройдет еще три месяца, и один из бедняков Елецкого уезда со страниц уже знакомой нам местной «Советской газеты» расскажет следующее:

«А когда царя-батюшку с божьей помощью спихнули, то тут появилась партия социалистов-революционеров. Наши «союзники русского народа» с приглаженными головками начали целыми партиями записываться. Но мы, беднота, ожидали такую партию, которая открыто бы высказалась за наделение нас землей. Такой партии очень долго не было: обещали царство на земле все, но только на словах, а на деле землю сеяли помещики. И вот в начале ноября прошлого года получаем декрет, в котором говорится, что отныне собственности на землю нет, от помещиков земля отбирается и передается трудовому народу. Мы, крестьяне, с радости не знали, что и делать, наконец-то труд восторжествовал над капиталом, трудящиеся — над дармоедами. Мы трудяги-крестьяне «дивушке дались». Кто же это за такой добрый человек, который так умно все сделал? Прочитали подпись под декретом — «Ленин». Думаем, что же это за Ленин?

Кум Митяка сходил к батюшке, к отцу Василию, спросить, что это за Ленин: царь, что ли, или наиумнейший земский начальник?

А он говорит: «Не радуйся, мол, Митяка, ведь помещиками земля тоже трудом нажита, и если вы ее засеете, то бог вам счастья не даст, не будет дождей, а Ленин — это антихрист».

Посудили, порядили и нашли, что батюшка тоже думает в царство небесное прямо с рясой пролезть, но это ему не мешает иметь 5 лошадей, 4 коровы и 50 десятин пахотной земли, а потом еще церковные доходы: родился — акциз, крестился — акциз, женился — акциз, а помер — за погребение 10 руб. контрибуции, и молитва у нас была обложена акцизом, как китайский чай фирмы «Высоцкого и К°», и вот, принимая все это в расчет, мы решили антихриста не очень-то бояться и на весну пахать помещичью землю.

Доверие к попу пропало, а интерес и любовь к Ленину возросли.

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Советская Республика!

Да здравствует товарищ Ленин!»[26]

Вспахав помещичью землю, елецкая голытьба взялась за кулаков.

Помните того елецкого «коробейника», что исповедовался перед женой-зазнобушкой? Он готовился под покровом ночи зарыть в саду «мучицы бочку полную». Что же произойдет затем?

Вот дождался. Ночка темная.
Ямку роет кулачок
И уж тащит... Бочка полная.
Да ошибся простачок...
Бедняки свой праздник справили,
Бочку в садике нашли,
Кулака суду представили:
    Не скрывайся, не глупи!
    — Ах! Ты ночка, ночка темная,
    Подманула, не спасла.
    Знать, судьба моя тяжелая,
    Коль до горя довела[27].

Вот как добывали кулацкий хлеб елецкие продовольственные отряды.

КРАСНЫЕ ВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

С первым продовольственным отрядом рабочих Выборгской стороны Петрограда мы расстались после того, как, получив в Москве ленинское напутствие, он выехал в Казанскую губернию.

Туда же направился и Иван Алексеевич Попов, задержавшийся в Москве для контроля за отгрузкой товаров, в которых нуждалась деревня.

— Передайте привет товарищам,— просил Владимир Ильич Попова. Не без помощи Ленина Ивану Алексеевичу удалось пробить брешь в бюрократической толще канцелярий и выполнить возложенные на него интендантские обязанности.

Своих товарищей Попов еще застал в Казани. Между тем в город уже рвались белочехи, поднявшие антисоветский мятеж. Казань пала.

Покинул город и первый Выборгский, принимавший участие в его обороне. Группами продотрядники пробиваются через вражеское кольцо.

...Жалкая лачуга бедняка в одной из татарских деревень набита людьми до отказа. Крестьян интересует, что расскажут путники, зашедшие сюда отдохнуть.

Илья Митрофанович Гордиенко — один из руководителей продотряда — при затаенном дыхании собравшихся зачитывает письмо Ленина к питерским рабочим о борьбе с голодом. Кто-то из крестьян тянется к письму, как бы желая убедиться в подлинности документа, и, взяв его в собственные руки, не отрывает глаз от послания Владимира Ильича.

Потом завязывается беседа. Выясняется, что враги Советской власти убили председателя комитета бедноты. Полной ясности в том, кого считать кулаком, в деревне нет.

Дельные советы гостей пришлись собравшимся как нельзя больше ко времени и к месту. Восстановить комитет бедноты было решено завтра же.

Потом крестьяне высказали просьбу: хотят побольше узнать о Владимире Ильиче.

«Мы начали рассказывать про Ленина,— вспоминал Гордиенко.— Все сбились вокруг нас в тесный кружок и с таким вниманием и интересом слушали, что казалось, будто они впитывают в себя каждое слово.

— Спасибо, большое вам спасибо,— говорили крестьяне, провожая нас» [28].

И снова в путь...

Идти приходилось глядя смерти в глаза. Кулачье жаждет крови.

Пробираются к своим двое из первого Выборгского — отец и сын-подросток. Парень явно оробел, смалодушничал.

— Пап, а пап! Пропадаем! Податься некуда. Брось документ-то ленинский, поймают с ним, не помилуют. Брось — лучше будет!

Ленинский документ — это подлинное письмо Владимира Ильича, на которое рабочие Выборгской стороны Петрограда ответили созданием своего первого продовольственного отряда.

Пристыдив отрока, отец прячет письмо в более надежное место. Идут дальше.

Дождливая холодная ночь застает их за копной сена. Отец наказывает сыну:

— Смотри...— убьют или в плен возьмут меня, следи за сапогами. Что бы ни случилось, а без сапог в Питер не возвращайся... [29]

Чем так дороги были те истоптанные сапоги их хозяину? Оказывается, под стелькой одного из них и хранилось письмо Ленина. Так бесценная реликвия и проделала свой обратный путь в Питер.

Не раз на стотридцативерстном пути от Казани до штаба на-

шей 5-й армии, стоявшего в Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола), продотрядники подвергались свирепейшей кулацкой мести. Добирались сюда в лохмотьях, на босу ногу, изувеченные. Кровоточила рана и у Ивана Алексеевича Попова.

Как могло случиться, что Казань пала? Было решено рассказать Ленину о том, кто был повинен в этом. С таким поручением и были командированы в Москву Иван Дмитриевич Чугурин и Иван Алексеевич Попов. Приехали в столицу.

«Вышли из поезда,— продолжает свой рассказ И. А. Попов.— Я говорю Чугурину: сейчас надо позвонить товарищу Ленину. Я помню телефон. И мы сейчас поедем к нему докладывать. Чугурин говорит:

— Давай, звони.

Прихожу к дежурному по Казанскому вокзалу.

— Мне нужно позвонить товарищу Ленину. Разрешите позвонить...

— Ленину?

— Да, Ленину.

— Ну, позвоните.

Звоню.

— Товарищ Ленин! Попов говорит, из питерской группы.

— А вы откуда звоните?

— От дежурного по вокзалу Казанской дороги.

— Так вы приехали?

— Приехали... Я хочу к вам приехать. Как это, можно?

— Приезжайте сейчас же.

— Я не один. Мы приехали вдвоем с Чугуриным доложить вам о положении...

Прямо с вокзала едем в Кремль. Я в полушубке немыслимом — грязном и истрепанном. Чугурин во френче.

— Нам надо к Ленину.

— Да, есть указание вас пропустить.

В приемной встречает нас Фотиева:

— Товарищ Ленин вас ждет...

Я рассказываю Владимиру Ильичу о том, как это было. Он говорит:

— Вы теперь уже знаете, как относятся кулаки к представителям Советской власти. Урок вы уже получили...

В кабинете Ленина диванчик есть. Владимир Ильич посадил нас на этот диванчик, сел рядом, и часа два мы рассказывали ему, почему и что получилось. Он задавал очень много вопросов.

— А вот когда кулаки на вас нападали, неужели вам никто не помогал? — спросил Ленин.

— Помогали, Владимир Ильич. В деревне Большие Битоманы был такой случай. Крестьянин копал у себя в палисаднике. Он увидел, что нам угрожает опасность, и посоветовал:

— Бегите вот сюда, до самой речки. Там есть кустарниковый лес, и вы спасетесь...

Мы побежали, и действительно это нас спасло...

— Вот видите, и в Больших Битоманах нашлись сторонники Советской власти, помогли вам спастись,— сказал Владимир Ильич.— А кулаками вам надо там как следует заняться. Их надо примерно наказать...

Беседуя с Поповым, я интересуюсь, нет ли в его личном архиве фотоснимков, запечатлевших эпизоды истории первого Выборгского? Увы, их не оказалось.

Иван Алексеевич подходит к телефону, снимает трубку и набирает номер телефона своего товарища по продовольственному отряду — Кривоносова.

— Кузьма Михайлович! Тут у меня товарищ есть, интересуется нашими походами. У тебя снимков отряда нет?

Получив ответ, Попов переспрашивает:

— Есть Гордиенко, Прохоров и ты?

Иван Алексеевич передает трубку телефона мне. Кривоносов охотно согласился переслать снимок мне по почте. Мы условились и о том, что Кузьма Михайлович ответит на мои вопросы.

Письмо не заставило себя долго ждать. Вот оно:

«По вашей просьбе посылаю фотоснимок трех участников первого рабочего продовольственного отряда Выборгского района Петрограда: Гордиенко Ильи Митрофановича с завода «Людвиг Нобель», Кривоносова Кузьмы Михайловича с завода «Старый Парвиайнен» и Прохорова Александра Тимофеевича с Металлического завода. Одновременно отвечаю на ваши вопросы:

1. Расскажите историю фотоснимка, когда и в связи с чем он сделан? Отвечаю:

Это было в конце августа 1918 года. Когда мы вернулись в Москву, у нас появилась мысль сфотографироваться на память о том, как и в каком виде путешествовали мы почти месяц пешком по Казанской и Вятской губерниям. Наши костюмы на фотоснимке отнюдь не маскировочные или бутафорские, ими поделились с нами бедняки беженцы, проживавшие на бывшем пивоваренном или винокуренном заводе. К ним мы зашли уже под вечер в одном нижнем белье после кулацкой расправы в селе Большие Битоманы под Казанью.

2. О чем напоминает мне этот снимок? Отвечаю:

Этот фотоснимок напоминает мне прежде всего о напут-

ственной речи В. И. Ленина в Москве перед отправкой нас в Поволжье, в которой он поставил перед нами четкую и определенную задачу — организовать бедноту, вырвать ее из цепких кулацких рук, привлечь на сторону бедноты середняцкую массу крестьянства, в противном случае нас захлестнет мелкобуржуазная стихия в деревне.

Напоминает мне этот фотоснимок и о товарищах, снятых на нем, которых, к сожалению, уже нет в живых; о нелегких условиях обороны Казани от белочехов и горечи отступления из Казани; наконец, о весьма трудном и не всегда безопасном нашем путешествии в таком непривлекательном обмундировании и без настоящих документов.

Вот все, что я смог вам сказать.

Кривоносов»

Иван Алексеевич Попов вновь собирался в дорогу. И опять туда же, откуда был командирован в Москву к Ленину,— в штаб 5-й армии. Задача?

Сформулировал ее не кто иной, как Ленин, сам продиктовавший мандат Лидии Александровне Фотиевой. Как мы уже знаем, Попов уполномочивался Советом Народных Комиссаров действовать в прифронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать как политический комиссар при военачальниках. Из рук Ленина получил Иван Алексеевич мандат. Тепло напутствуемый Владимиром Ильичем, он в тот же день, 22 августа восемнадцатого года, двинулся в Свияжск, под Казань.

...Илью Митрофановича Гордиенко, также приехавшего из-под Казани в Москву, ждала здесь неожиданная и радостная встреча. Иван Дмитриевич Чугурин, получивший назначение на фронт, еще не успел туда выехать. Будущий начальник политотдела 5-й армии охотно согласился взять с собой и Гордиенко.

Илья Митрофанович воспользовался гостеприимством Чугурина и поселился в его номере гостиницы в 3-м Доме Советов. Заснуть долго не смогли, все обсуждая казанские события, делясь пережитым.

Затянувшийся разговор прервал телефонный звонок. Оказалось, звонит Крупская. Она приглашала к телефону Гордиенко. Как и Владимир Ильич, Надежда Константиновна знала Илью Митрофановича еще по дореволюционному Питеру.

Справившись о самочувствии Гордиенко и его товарищей из продовольственного отряда, Надежда Константиновна сказала

Илье Митрофановичу, что передает трубку Владимиру Ильичу.

«Меня как жаром обдало,— вспоминал Гордиенко.— Владимир Ильич подробно и долго расспрашивал меня о настроении крестьян и особенно о настроении середняков. Когда я ему говорил о своих впечатлениях, он коротко подбадривал меня.

— Так, так, дальше.

Особенно внимательно он отнесся к моему рассказу о том, как беднота вместе с середняками освобождала запертых в амбаре активистов. Он вдавался во все детали. Переспрашивал отдельные факты. Я чувствовал, как радует его активность крестьянской бедноты, ее выступления против кулачества...»

Узнал Ленин о приезде Гордиенко в Москву от Свердлова. Со слов Якова Михайловича ему было известно и то, что выглядит один из руководителей первого Выборгского отряда весьма скверно: на нем лица нет, он весь почернел...

Владимир Ильич настаивал на том, чтобы Гордиенко поехал отдыхать.

Илья Митрофанович, рвавшийся на фронт, стал доказывать, что теперь, после короткого отдыха в Москве, Яков Михайлович не узнал бы его: после бани, в свежем обмундировании он выглядит-де уже совсем молодцом... И не может же он отстать от своих товарищей.

«Ну, что ж с тобой поделаешь. Поезжай на фронт,— согласился Владимир Ильич.— Я позвоню товарищу Свердлову» [30].

Дело было за мандатом. И доставили его Гордиенко в пакете прямо в гостиницу.

Форма мандата была та же, что и у Попова. Те же полномочия Совета Народных Комиссаров: *хлеба, хлеба и хлеба...*

...Красными вестниками революции называл Максим Горький участников «крестового похода» за хлебом. Он знал о тяжелых жертвах, которые несли продовольственные отряды в борьбе с кулачеством.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вспоминает об одном из посещений Ленина Алексеем Максимовичем, приехавшим из Петрограда.

«Я сопроводил его в кабинет к Владимиру Ильичу,— рассказывает Бонч-Бруевич.— Владимир Ильич сосредоточенно сидел за своим столом, что-то соображая и тщательно проглядывая многие документы, лежавшие у него на столе, когда Алексей Максимович был введен мною в кабинет Владимира Ильича.

— Что это вы делаете? — сказал он, обращаясь к Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич быстро встал, дружески пожал через стол руку Алексея Максимовича и, посмотрев ему в упор в глаза, ответил:

— Думаю над тем, как бы получше перерезать кулаков, не дающих хлеба народу.

— Вот это оригинальное занятие,— ответил ему Алексей Максимович, садясь в кресло.

— Да, мы подходим вплотную к борьбе за хлеб, за самое простое человеческое существование,— ответил ему Владимир Ильич,— и мы должны все, всеми мерами заставить тех, кто на голоде и смерти людей хочет умножить свои капиталы, и заставить их отдать накопленное богатство, отдать накопленный хлеб для голодающих. Кулаки поднимают восстания, кулаки не хотят добровольно сделать и шагу в сторону народа, мы заставим их силой, отберем у них решительно все и уничтожим их, физически уничтожим, если они будут продолжать противиться распоряжениям правительства и желаниям рабочего класса.

Владимир Ильич говорил это отрывисто, энергично, с величайшей решимостью и чувствовалось, что да, действительно наступает момент борьбы не на живот, а на смерть, за самое первое — существование человека.

— Кто — кого,— говорил Владимир Ильич,— делая энергичный жест руками, словно руки его, сжатые в кулаки, должны бороться друг с другом,— или мы победим, или они нас, здесь другого выхода нет» [31].

Ленину были известны многочисленные факты кулацкого террора против участников продовольственных отрядов. Он знал и о том, что, упиваясь кровью своих жертв, головорезы приговаривают: «Вот вам и хлеб! Так получат и все остальные, кто к нам явится!»

Об этом Владимир Ильич и рассказывал Алексею Максимовичу при их встрече.

...Мандат, подписанный Лениным Попову в августе восемнадцатого, продолжал служить революции и позже.

— Прочитайте,— покажет, бывало, Иван Алексеевич ленинский документ иному нераспорядительному начальнику станции, задерживающему отправку вагонов с хлебом в Петроград.

Тот прочтет, взглянет на подпись под мандатом:

— Хорошо. Сейчас сделаем...

И паровоз, нужный для отправки состава, вдруг отыскивался.

...Тридцать три тысячи ленинских документов хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве.

Как живой с живыми, ведет Владимир Ильич с нами разговор со страниц своих рукописей, писем, телеграмм... Об одном из самых трудных, напряженных и героических периодов нашей революции поведало нам удостоверение под номером 2442, под которым стоит подпись Ленина.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 166.
2 См. Вечерняя Москва, 1963, 15 апреля. Факсимиле.
3 Советская газета, 1918, 22 октября.
4 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 30.
5 Там же, с. 33.
6 Там же, с. 35.
7 Петроградская правда, 1918, 4 мая.
8 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 72.
9 Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 21 августа.
10 Красная газета, 1918, 6 сентября.
11 *Гордиенко И.* Из боевого прошлого (1914—1918 гг.). М., 1957, с. 159.
12 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 3, с. 196.
13 Пролетарская революция, 1924, № 3 (26), с. 45—46.
14 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 86.
15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 431.
16 Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 9 сентября.
17 Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 15 ноября.
18 Красная газета. Вечерний выпуск, 1918, 5 августа.
19 Красная газета, 1918, 12 июня.
20 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 408.
21 Там же, с. 428—429.
22 Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, с. 117.
23 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 84.
24 Вслед за ленинской строкой. Воронеж, 1967, с. 191—192.
25 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 451.
26 Петроградская правда, 1918, 21 сентября.
27 Советская газета, 1918, 22 октября.
28 *Гордиенко И.* Из боевого прошлого (1914—1918 гг.), с. 177—178.
29 Рабочая газета, 1927, 22 января.
30 *Гордиенко И.* Из боевого прошлого (1914—1918 гг.), с. 207—208.
31 Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964, с. 227—228.

ЛЕНИН ГОТОВИТСЯ К ДОКЛАДУ...

ГОД БЕЗ ВОЕННЫХ НАШЕСТВИЙ

Студеным декабрьским вечером 1921 года фронтон Большого театра в Москве осветился яркими огнями электрифицированного транспаранта — IX Всероссийский съезд Советов.

Любопытный диалог, в котором живо отразился политический облик съезда, можно было услышать накануне в мандатной комиссии. Кто-то из приехавших поинтересовался у сотрудницы комиссии составом съезда.

— Всего уже приехало полторы тысячи,— ответила она.— Беспартийных больше сотни.

— А других партий?

— Ни одного.

— Что так негостеприимны? Не любите?

— Значит, на местах их не любят, не выбирают...[1]

К моменту открытия съезда делегатов уже насчитывалось около двух тысяч. Это был один из самых широких и представительных форумов Советской власти.

«Зал залит огнями, повсюду возбужденные лица. Почти у всех делегатов, да и у публики тоже, в руках листки для заметок — так описывала эти торжественные минуты газета «Известия».— Вскоре становится известно, что сегодня выступит сам «Ильич», и это сразу поднимает настроение, глаза загораются нетерпением...» [2]

Большого труда и немалых хлопот стоило иным делегатам в тот холодный и голодный год добраться до Москвы. Даже питерцам, чтобы обогреть делегатские вагоны, пришлось уже в пути отправляться на заготовки дров. Свои оказались сырыми, не загорались.

...Первый год мирного строительства, ознаменовавшийся началом новой экономической политики, принес и радости и печали. Стали оживать заводы и фабрики после стольких лет разрухи, из города в деревню пошли товары, нужные крестьянину, а оттуда в города — хлеб. Но страну постигло тогда небывалое стихийное бедствие. Зной спалил в Поволжье все до последней травинки.

Обеденное меню делегатов съезда состояло из рисового супа и куска мяса с чечевицей. На десерт — стакан жидкого кофе без молока. По решению съезда весьма скромный однодневный паек делегатов был отчислен в пользу голодающих.

Что же волновало людей, собравшихся в тот декабрьский вечер на открытие съезда?

Незадолго до его начала в общежитие, где разместились делегаты, заглянул корреспондент «Бедноты». Вот что он писал:

«Свободное время делегатов проходит, главным образом, в обмене мнениями и спорах по поводу новой экономической политики, по вопросам землеустройства и поднятия русской промышленности, по поводу открытия русских банков и торговли с заграницей и т. д. Настроение делегатов бодрое и деловое» [3].

Жгучих, животрепещущих вопросов много. Кто же ответит на них, разрешит сомнения, не только оценит день минувший, но скажет, каким должен стать для республики Советов день грядущий? Конечно, Ленин!

И вот долгожданная минута пришла. Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин объявляет, что слово для доклада о международном и внутреннем положении Советской России принадлежит Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину.

Докладчик, восторженно встреченный съездом, не раз поглядывает на часы, прежде чем начать доклад.

Это был первый год мирного развития Советской республики. Его удалось прожить без военных нашествий русских и иностранных контрреволюционных армий. Теперь главной задачей страны стало восстановление хозяйства, разоренного двумя войнами. Надо было залечить нанесенные врагами раны, заложить фундамент социалистического общества. К этому и звал партию и народ Ленин. Он трезво взвешивал первые положительные результаты новой экономической политики, сурово осуждая неповоротливость и нераспорядительность тех, кто продолжал жить вчерашним днем.

Всячески крепить на новой экономической основе союз рабочих и крестьян, учиться торговать, хозяйствовать — таковы были главные положения ленинского доклада.

«Бодростью и силой веет от слов товарища Ленина,— писал специальный корреспондент петроградской массовой газеты профсоюзов «Маховик».— Все полнее и рельефнее обрисовываются перед слушателями контуры современного положения, и казалось, гигант-зодчий кладет с волшебной быстротой и смелостью камень за камнем» [4].

Как хорошо, как верно сказано, особенно если иметь в виду, что и говорил-то Ленин о закладке фундамента социалистического строительства.

Двухтысячная аудитория делегатов съезда была многоликой

по своему трудовому профилю, жизненному опыту, политическому и культурному кругозору. И многоязычной. Но Ленина понимали все.

Понял его и беспартийный подмосковный крестьянин Головкин, переживший, как он рассказывал, трех царей — Александра II — «освободителя», Александра III — «миротворца» и Николая II — виноторговца. На своем собственном опыте он подтвердил мудрость большевистской партии, провозгласившей новую экономическую политику. По-своему ярко и образно этот старик, которому шел уже седьмой десяток, подтвердил с трибуны съезда жизненную необходимость смычки города с деревней.

С непривычки растерялся на трибуне другой беспартийный деревенский делегат — Сикорский. Он очень волновался, трудно давались ему иные слова, и произносил он их в своей крестьянской редакции. Но важно было то, что он уже понял суть дела.

«Это та самая экономика главнее всего»,— заявил он [5].

Здесь впервые увидел и слушал доклад Ленина старейший японский коммунист Сен-Катаяма. Русского языка он еще тогда не знал. Однако внимательно наблюдал за докладчиком и аудиторией. Что же заметил Сен-Катаяма?

«Речь текла тихо и спокойно, и казалось, товарищ Ленин говорит в кругу нескольких близких друзей,— писал он позднее.— Так он говорил в продолжение трех часов, на сухую экономическую тему (как мне было известно), и в продолжение трех часов я видел серьезные, внимательные лица, все время обращенные к оратору, и не слышал ни шороха, ни кашля, и лишь незадолго до конца в ответ на шутку Ленина все слушатели залились веселым смехом и бурно зааплодировали, но через минуту стали снова слушать с напряженным вниманием...» [6]

У авторов газетных репортажей из зала съезда, в мемуарах его делегатов можно встретить и некоторые детали, помогающие нам понять творческую лабораторию Ленина-докладчика. Порой эти наблюдения противоречат друг другу. Один сообщил:

«Является Ленин, чтобы произнести большую ответственную речь с мировым резонансом, а в руках у него ни папок, ни документов, все в голове, все «на память». И это красиво» [7].

Другой, наоборот, пишет: «В руке у него материалы для доклада. Он подносит их несколько раз к лицу, словно защищаясь от грохота аплодисментов» [8].

Как же обстояло дело в действительности?

САМОЕ НУЖНОЕ, САМОЕ ГЛАВНОЕ

Широкий диапазон теоретической мысли, разносторонняя эрудиция, энциклопедическая образованность, богатейший опыт и мастерство публичной речи — все эти качества Ленина-оратора, вырабатывавшиеся десятилетиями, не нуждаются в рекомендации. Мы знаем по свидетельству самого близкого друга Владимира Ильича — Надежды Константиновны, сколько времени и сил отдавал он подготовке к любому выступлению.

«Сохранилось множество конспектов ленинских выступлений, докладов,— писала она.— Видно, как заботливо обдумывал Ленин каждое свое пропагандистское выступление. По этим конспектам мы видим, как содержательны были выступления Ленина, как умел он выпятить самое нужное, самое главное, иллюстрировать каждую мысль яркими примерами» [9].

Один из таких поучительных примеров приводит Демьян Бедный в речи при открытии в январе 1925 года Всесоюзного совещания пролетарских писателей.

— Однажды Ильичу предстояло выступить на двух московских площадях с маленькими речами в связи с постановкой на этих площадях революционных памятников,— рассказывал известный советский поэт.— Темой одной речи были Маркс и Энгельс, другой речи — Парижская Коммуна. Что вы думаете? Владимир Ильич не знал, что сказать о Марксе и Энгельсе или о Парижской Коммуне? И однако же, перед тем как выступить на площадях перед массами, с какой добросовестнейшей тщательностью он составляет конспекты этих двух речей! Вот что значит любить и уважать своих слушателей. Оба конспекта уже были опубликованы в «Правде» [10].

Колоссальная нагрузка, которую нес Ленин, ко времени подготовки к IX Всероссийскому съезду Советов давала уже о себе знать. Самочувствие его было настолько скверным, что поневоле пришлось уйти в отпуск по болезни.

«Уезжаю сегодня,— писал Владимир Ильич в одной из своих записок 6 декабря 1921 года.— Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов...» [11]

Прошло десять дней, и Ленин все же вернулся к мысли о своем докладе на IX съезде Советов. Неужели этого короткого срока было достаточно Владимиру Ильичу, чтобы восстановить свои силы? Нет, конечно. Недаром врачи настаивали на продлении его отдыха и лечения на срок до двух недель. Такую просьбу Влади-

мир Ильич и высказал в своем письме, адресованном Политбюро. При этом он добавил, что посетит пленум Центрального Комитета партии, а на съезде Советов сделает краткий доклад, согласно решению Политбюро.

А решение Политбюро, принятое 8 декабря 1921 года, гласило:

«Признать необходимым соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина и запретить его секретариату посылку ему каких бы то ни было бумаг, с тем чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы с получасовой) речью на съезде Советов» [12].

Как же пользуется своим «больничным листом» Ленин?

Для той картины внешнего и внутреннего положения Советской республики, которую он собирается нарисовать, понадобятся различные сведения. И вот Владимир Ильич просит соответствующие наркоматы и ведомства сообщить ему всего две-три цифры. Но зато проверенные, надежные, «чтобы *стоило* мне вставить в речь на съезде Советов...» [13]. Ленин знает, что делегатов съезда будет интересовать самый широкий круг вопросов, связанных с началом мирного строительства, хозяйственного возрождения страны. Надо осветить в докладе первый опыт, первые уроки проведения нэпа.

Чем же располагают наркоматы, к каким выводам приходят их руководители? Ленинские записки содержат просьбы ответить и на отдельные конкретные вопросы. И здесь опять-таки непременное условие — кратко, сжато, ближе к делу. Объем текста для каждого ответа — в зависимости от адресата — полстраницы, страница, максимум — две.

Вот запрос на имя председателя ВСНХ П. А. Богданова: «Прошу сообщить мне для моего доклада на съезде Советов самые краткие (не более $^1/_2$—1 страницы по каждому пункту) сведения...» [14]

Тут же и примерная схема отраслей промышленности, которыми особенно интересуется Ленин: металлургия, угольная, текстильная.

Большое внимание он собирается уделить состоянию транспорта в стране. Он задался целью сравнить показатели, достигнутые в 1921 году, с предыдущим годом. Об этом Владимир Ильич пишет заместителю народного комиссара путей сообщения В. В. Фомину: «...Самое существенное (одну страничку)».

Одна из тех ленинских просьб адресована Н. П. Горбунову — управляющему делами Совнаркома РСФСР. Дело в том, что незадолго до этого на страницах «Экономической жизни» выступил с общим обзором электроснабжения России крупный специалист В. Л. Леви. Владимир Ильич предполагал, что продолжением это-

го материала явится специальная таблица, и просил достать окончание обзора Леви.

Автор, узнав от редактора «Экономической жизни» Г. И. Крумина, что Владимиру Ильичу потребуется для доклада таблица, направил ее в Кремль для передачи Ленину.

Тщательное собирание материала, глубокое и всестороннее изучение его — лишь одна сторона ленинской подготовки к докладу. Другая — проверка своих наблюдений, обобщений, выводов. Владимир Ильич не только запрашивает у народных комиссаров необходимые ему сведения, но и консультируется с ними, спрашивает их мнения, совета по поводу постановки тех или иных вопросов на съезде. Об этом свидетельствует, в частности, его обращение к народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину и его заместителю М. М. Литвинову. Посвящая их в содержание раздела доклада о международном положении, Владимир Ильич тут же спрашивает: «Не добавить ли к этому что-либо?.. На какой источник сослаться? Насколько это счесть достоверным или вероятным?» [15] Народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханова Ленин запрашивает: «Какие итоговые сведения считали бы Вы полезными, чтобы я привел в докладе на съезде Советов? Об итогах продналога? Об утайке пашни? Или о самых насущных, очередных задачах в этой области?

Хорошо бы, если бы можно было, кратко и наглядно показать облегчение для крестьян от продналога, сравнительно с разверсткой» [16].

Во всем этом сказывается стремление Ленина к коллективности в разработке актуальных проблем социалистического строительства, готовность учесть опыт, мнение знатоков своего дела.

Так кропотливо идет у Ленина процесс накопления материала для его будущего выступления на съезде Советов. С высоким чувством ответственности за каждую формулировку, цифру или факт готовился он к докладу.

Во всем обширном наследии Ленина очень редко встречаются заранее написанные им устные выступления.

Не писал он и своего доклада на IX Всероссийском съезде Советов. Значит ли это, что Владимир Ильич все держал в голове, во всем полагался на свою память? Было бы величайшим заблуждением полагать так.

Рамки доклада Владимир Ильич ввиду своего недомогания собирался ограничить тридцатью минутами. Считал ли он при этих обстоятельствах целесообразным подготовить полный письменный текст своего выступления — сказать трудно. Но зато можно поручиться совершенно определенно: все исходные положения доклада

он заранее разработал самым тщательным образом, равно как и обосновал их обстоятельными выкладками, таблицами, документальными справками.

Проанализировав и обобщив собранный материал, Ленин составил предельно четкий, ясный план доклада с отточенными, чеканными формулировками. Здесь для каждого раздела отведена своя «полочка» — с примерами, иллюстрациями, сравнениями, а в отдельных случаях и пословицами.

О чем же может рассказать ленинский план доклада на IX Всероссийском съезде Советов? С какими «секретами» творческой лаборатории Ленина-докладчика мы можем в этом плане познакомиться?

Перед нами весьма поучительный документ. Он занимает в 44-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина почти 10 страниц. Прежде всего Ленин четко определяет тему доклада: «Внешнее и внутреннее положение РСФСР, итоги за отчетный год и задачи на ближайший год». Тут же и характеристика исторической особенности этого периода: «Первый отчетный год *без нашествия, без войны»*.

В плане доклада 26 пунктов-тезисов. И каждый из них получает свое развитие, свою аргументацию, содержит необходимые предпосылки для определенных экономических и политических итогов, выводов. В этом читатель может наглядно убедиться, ознакомившись, например, с той частью плана, которая посвящена внутреннему положению Советской республики. Эту часть Ленин формулирует: «Переход к **так называемой** «новой экономической политике».

Воспользовался ли Ленин информацией, которую запрашивал в наркоматах? Да, она представлена во всех разделах его доклада. Приводя цифры и факты, Владимир Ильич придал им сильное политическое звучание.

Возьмем, например, вопрос о состоянии торгового оборота России с заграницей в тот период.

— Мы чрезвычайно шагнули вперед,— заявил Ленин и тут же огласил самые краткие, но весьма выразительные цифры. Рассказал он и о том, что начали поступать паровозы и цистерны, купленные за границей. Правда, обошлись они нам чрезвычайно дорого. А что нам оставалось делать? Ведь иностранные капиталисты отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы Советская Россия быстро преодолела хозяйственную разруху. Но вместе с тем им была выгодна торговля с нами. Они возлагали большую надежду на голод, который задушит Страну Советов. Просчитались и в этом. Помогать голодному Поволжью они соглашались

лишь на самых дьявольских условиях. И все же нам удалось получить хлеб и у них.

Владимир Ильич охарактеризовал некоторыми примерами и цифрами начало экономического развития страны. «Мы все-таки шагаем...» — говорил он.

Большое внимание в докладе уделил он вопросам электрификации России. При этом он воспользовался только что вышедшим в свет отчетом VIII Всероссийского электротехнического съезда под редакцией Г. М. Кржижановского.

Первоначальная ссылка на эту брошюру и появляется в плане ленинского доклада.

Добрым словом помянет эту книгу Ленин, когда он будет говорить о топливном балансе страны.

Мы уже знаем, что при подготовке к докладу в поле зрения Ленина попала статья, опубликованная в «Экономической жизни». Он сослался и на нее в своем докладе.

Он воспользовался также статистикой распространения мелких электростанций в деревне. «...Они хотя и ничтожны,— говорил он,— но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу...» [17].

Привлекла внимание Ленина и книга, написанная видным буржуазным экономистом Джоном Кейнсом.

Ленин сказал в своем докладе и о том, что все попытки более могущественных в экономическом и военном отношении держав удушить Советскую Россию потерпели крах. Создалось известное, хотя и неустойчивое, но все же несомненное равновесие в международных отношениях. Заметно отрезвились представители самой умеренной буржуазии, которых никак нельзя было заподозрить в сочувствии социализму.

Другим языком заговорили и иные, наиболее рьяные проповедники капитализма. Ссылаясь на книжку Кейнса «Экономические последствия мира», Ленин отметил:

«...Он не говорит и не хочет даже подумать о большевизме,— он говорит капиталистическому миру: «То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному», и даже предлагает им нечто вроде того, чтобы аннулировать все долги.

Очень хорошо, господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру» [18].

Использовал Ленин в своем докладе и материалы годового отчета Народного комиссариата иностранных дел, подготовленного

им для делегатов съезда. Отчет получился довольно объемным и мог кое-кого отпугнуть. Но Ленин, который несомненно был одним из его первых читателей, великолепно воспользовался им для иллюстрирования отдельных положений своего доклада.

«...Может быть, это моя личная слабость,— говорил в докладе Ленин,— и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него взглянуть и перелистать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительств, договоров и т. д.» [19]

Хорошо известно, как внимательно следил Ленин за прессой — нашей и зарубежной, как живо откликался он на все ее наиболее злободневные выступления.

Свежими газетными сообщениями воспользуется он и в своем докладе на IX Всероссийском съезде Советов. В одном случае он показал, как Ллойд Джорджу — одному из самых опытных, искусных и умелых вождей капиталистического мира — приходится считаться с Советской Россией и идти ей на уступки; в другом случае он охарактеризовал сущность Вашингтонской конференции, созванной в ноябре 1921 года по инициативе США.

Незадолго до съезда Советов в Москве происходит судебный процесс над группой частных предпринимателей, заставлявших работать на себя малолетних подростков и людей преклонного возраста.

Пресса широко освещала этот судебный процесс. Откликнулся Ленин на него в своем докладе, заявив, что мы будем строго карать попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями.

О многом могли поведать Владимиру Ильичу документы, страницы книг, отчеты ведомств, газетные полосы. А все же самое характерное в ленинском докладе — это материалы, почерпнутые им из жизни, из встреч и бесед с трудящимися Советской республики, из практического опыта социалистического строительства.

Сельское хозяйство Ленин назвал в своем докладе «главным нашим промыслом».

За месяц до выступления на съезде он неоднократно встречался с представителями трудового крестьянства. Он принял крестьян села Бекетово, Булгаковской волости, Уфимской губернии, и записал содержание беседы с ними. Был взят курс на новую экономическую политику, и Владимиру Ильичу эта беседа могла дать многое.

В ноябре его посетила делегация I Московского губернского сельскохозяйственного съезда, и, приняв ее приглашение, он через час выступил перед крестьянами и земельными работниками с трибуны Колонного зала Дома Союзов.

За шесть дней до вынужденного ухода в отпуск по болезни Ленин еще успел принять и побеседовать с И. А. Петрушкиным — членом ВЦИК, беспартийным крестьянином, вернувшимся из командировки во Владимирскую, Череповецкую, Рыбинскую и другие губернии. То, что Ленин узнал из беседы с этим замечательным крестьянским деятелем, он тоже использовал в своем докладе.

«ОБ ЭТОМ ТОЖЕ НАДО ГОВОРИТЬ...»

...Давно меня тянуло побывать у Ивана Андреевича Петрушкина, познакомиться с ним. Живет он в тех краях, откуда вышел автор широко известной книги «Год — с винтовкой и плугом», ныне покойный Александр Тодорский. Село Егна находится вблизи Весьегонска, где в 1918—1919 годах редактировал местные газеты автор упомянутой книги, сразу обратившей на себя внимание Ленина.

И вот мы сидим и беседуем. Вспоминая события, отдаленные десятилетиями, Иван Андреевич рассказывает:

«К Ленину попал я очень просто. Однажды Михаил Иванович Калинин вызвал меня для беседы в Кремль, в свой кабинет.

— ВЦИК дает вам ответственную командировку,— сказал он,— выехать в ряд губерний и ознакомиться там с работой земельных органов.

И я выехал то́тчас же. Много приходилось беседовать с крестьянами.

— Ленина-то обязательно увидите? — спрашивали они меня.— Так вот передайте, пожалуйста, от нас не только земной поклон за землю, за замену продразверстки продналогом, вообще за заботу о крестьянстве. Но одновременно попросите его выслушать наши просьбы и принять по ним меры, какие Советское правительство найдет нужными.

Одна из этих просьб была такая: ввести твердое землепользование. Дело в том, что ежегодно происходили переделы земли. А ведь тогда полоски были.

Я сказал: вашу просьбу выполню, а удастся ли мне быть у Ленина — твердой гарантии дать не могу. Так как Ленин принимал ходоков, то меня, как избранника народа, тоже может принять.

Я был уверен, что Ленин примет, но, попросту говоря, боялся и стеснялся.

Вернулся в Москву. Прихожу к Михаилу Ивановичу Калинину.

— Поручение выполнили? — спрашивает председатель ВЦИК.

— Выполнил! Старался выполнить как можно лучше. А насколько вышло хорошо — судить вам после моего сообщения.

— Докладывайте!..

Я доложил об всем.

— Михаил Иванович! — сказал я по окончании беседы.— У меня имеется просьба бедняков и середняков к Ленину по вопросу о земле. Крестьяне просили передать их просьбу лично Владимиру Ильичу. Поэтому я, Михаил Иванович, изложу ее вам, а вы передайте ее, пожалуйста, товарищу Ленину.

— Подождите, вы избранник народа,— сказал Калинин.— Вам крестьяне поручили передать их просьбу Ленину — вы и передавайте.

Я на это ответил:

— Как же я буду Владимира Ильича, весьма занятого, отрывать от его повседневных больших государственных дел.

— Просьбы крестьян на имя Ленина очень важны,— возразил на это Калинин.— Тем более что готовится проект постановления IX съезда Советов о земле. И кроме того, Владимиру Ильичу не менее важно знать все то, что вы доложили мне. Поэтому я рекомендую немедленно написать просьбу на имя Владимира Ильича Ленина о приеме. Как члена ВЦИК от беспартийных крестьян он вас примет.

Прямо от Калинина я пошел к себе в I Дом Советов. Там я написал просьбу Владимиру Ильичу».

Здесь мы позволим себе прервать рассказ Ивана Андреевича, чтобы привести текст письма, направленного им В. И. Ленину:

«Для того чтоб поделиться с Вами впечатлениями, полученными во время командировок во Владимирскую, Череповецкую, Рыбинскую губ. и др., а также чтоб передать те просьбы, кои были переданы мне крестьянами-хлеборобами на Ваше имя,— прошу уделить несколько минут для представления Вашему вниманию краткого доклада, ибо мне, как крестьянину и представителю крестьян, весьма и весьма желательно Вас видеть.

Я прекрасно знаю, что Вы страшно заняты, но все же осмеливаюсь просить Вас уделить мне несколько минут времени и назначить часы для посещения.

Мой адрес: 1 Дом Советов. Комната 312. Телефон 2-06-82, добавочный 312.

С товарищеским приветом
Член ВЦИК *Ив. Петрушкин*

22/XI—21 г.» [20]

Теперь вернемся к рассказу Петрушкина.

«Написал я эту просьбу. Снес ее в канцелярию Совнаркома. На второй день мое письмо было у Ленина, и Владимиром Ильичем была написана резолюция о приеме меня.

Я прихожу из Наркомзема домой вечером (в то время я уже там работал), на столе лежит пакет из Совнаркома на мое имя. Раз Совнарком — значит, на мою просьбу ответ. Вскрываю конверт, читаю: прием назначен на пятницу, 25 ноября, в 12 часов дня.

Точно не помню, за день или за два до назначенного дня приема прихожу с работы — вижу на столе опять лежит свежий пакет из Совнаркома. Вскрываю. Оказывается, меня ставят в известность, что время приема у В. И. Ленина переносится на другой день, на 30 ноября, тоже в дневные часы.

Наступил день 30 ноября. В Кремль пошел из дому. Надо сказать, что мне сопутствовали и радость и волнение. Смешанное чувство.

Пришел в комнату ожидания за пять минут до времени, которое мне было назначено.

Погрузился опять в свои думы. Ушел в себя, ничего не замечаю. Вдруг слышу — моя фамилия.

— Можете пройти к Владимиру Ильичу.

Открывается дверь, и я вхожу в кабинет Ленина. Как я стоял, так и остался стоять как вкопанный.

Внимательно смотрю на Владимира Ильича. Лицо у него приветливое, радушное. Ну, как вам выразить? Лицо настолько добродушное, что оно сразу заставляет думать о человеке очень хорошо.

— Здравствуйте, Владимир Ильич.

Волнение сразу улеглось. Все стало на свое место. Вдруг Владимир Ильич говорит:

— Прошу, товарищ Петрушкин, садиться. Вы не беспокойтесь. Не торопитесь. Время у меня есть... Давайте рассказывайте, и рассказывайте все подробно...

Я прежде всего передал Владимиру Ильичу земной поклон от крестьян-бедняков и середняков и их заверения, что сделают все от них зависящее, чтобы снабдить страну хлебом. После этого я стал рассказывать о работе сельских комитетов, земельных органов, о жизни деревни вообще. Изложил и просьбы крестьян.

Владимир Ильич внимательно выслушал меня и сказал:

— Передайте крестьянам, что их просьбы будут правительством рассмотрены и удовлетворены в интересах крестьян и государства. А вам, товарищ Петрушкин, поручаю принять активнос

участие в разработке проекта постановления IX Всероссийского съезда Советов по земельному вопросу. Если подготовка проекта будет тормозиться, напишите мне об этом маленькую записку и подробное письмо о причинах задержки.

Пока мы беседовали, на письменном столе загорелась сигнальная лампочка. Владимир Ильич снял телефонную трубку.

— Передайте товарищу Шмидту *, что я еще занят,— сказал он.— Пусть подождет.

— Владимир Ильич, я все рассказал, что хотел.

А он сразу улыбнулся.

— Пожалуйста, рассказывайте о том, что не хотели рассказывать.

Смотрю внимательно на Владимира Ильича. Он на меня смотрит тоже сосредоточенно. Я молчу.

Владимир Ильич встает и говорит мне:

— А ведь я знаю, что вы мне не все сказали...

Я опять в недоумении.

— Вы не сказали,— продолжает Владимир Ильич,— что у крестьян нет соли. И суп, и кашу они едят без соли.

— Владимир Ильич, по отношению к беднякам и середнякам — это сущая правда.

— Ну вот видите. И это не все. Вы не сказали и о том, что крестьяне, как в глубокой древности, светцы сняли с чердаков и освещают избу лучиной. Керосина-то нет.

— Владимир Ильич, по отношению к беднякам и середнякам — это совершенно справедливо.

Он смотрит на меня и говорит:

— И это еще не все. Вы хотели сказать, что у крестьян нет дегтя. И мажут телеги маслятами. И потому их телеги курлыкают, как журавли в небе,— и Владимир Ильич пальцем показал на потолок.

— Ну что же, Владимир Ильич, и это справедливо,— развел я руками.

Он утверждает:

— Об этом тоже надо говорить.

Сижу и думаю, как же Ленин хорошо знает жизнь и быт деревни, ту нужду, которую испытывает беднейшее крестьянство. Какую заботу проявляет о хлеборобах.

Владимир Ильич продолжает:

— Да, архиплохо пока дела обстоят в деревне. Но Советская

* Шмидт Василий Владимирович — в те годы секретарь ВЦСПС, нарком труда.

власть с разрухой справится. И придет время, непременно придет, когда наша страна будет одной из передовых в хозяйственном отношении. Но для этого вначале надо дать хлеб и другие продукты питания рабочему классу. А рабочий класс даст деревне технику для ведения сельского хозяйства.

Потом Владимир Ильич задает мне вопрос:

— Как крестьяне смотрят на «коммунию»?

Я ему отвечаю:

— Владимир Ильич, я вам скажу, что говорят по этому поводу некоторые товарищи в Наркомземе. Крестьянин Гороховецкого уезда Владимирской губернии, член коллегии Наркомзема Чекунов Иван Афанасьевич считает, что крестьяне охотно пойдут в коммуну. А конкретных доводов не приводит. Я не могу сказать, что бедняки и середняки желают немедленно вступить в коммуну, потому что нет к этому у них условий. Среди бедняцких хозяйств много безлошадных, сельскохозяйственной техники нет — есть соха, косуля, деревянная борона с железными, а то и деревянными зубьями, железный плуг и, кроме того, многовековой уклад единоличной жизни.

Выслушав это, Владимир Ильич сказал:

— Да, Иван Афанасьевич поторопился в своих выводах. Крестьянин — большой практик. И пока не поймет выгодности коммуны, он в нее не пойдет. Да и условий для этого пока что нет.

— Есть примазавшиеся. Проходимцы есть,— рассказывал я дальше Владимиру Ильичу.— Они устои Советской власти не укрепляют, а, наоборот, подрывают. Среди этих людей встречаются и коммунисты.

А Ленин на все это вот что ответил:

— Положение у нас тяжелое. И мы знаем, что есть проходимцы и примазавшиеся к партии. Но все это будет изжито. Наша Советская власть избавится от проходимцев, а партия — от примазавшихся. И наша партия будет чиста, как янтарь».

Ленин не назвал в докладе на съезде имени своего собеседника Петрушкина. Не говорил он об острой нехватке в деревне таких предметов, как соль, керосин, деготь. Но зато он подчеркивал, что «торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством...» [21].

Ленинские встречи и беседы с тружениками села в ноябре 1921 года можно рассматривать как важнейшую и неотъемлемую часть подготовки к докладу о внешнем и внутреннем положении Советской республики.

Владимир Ильич, как никто другой, умел говорить живо, просто, доходчиво.

«О самых мудреных вещах он говорит самыми простыми словами, и, кроме того, действует самая манера его произносить речи,— писал журналист-известинец под свежим впечатлением от доклада Ленина на IX Всероссийском съезде Советов.— Он, собственно говоря, не произносит речь, а просто разговаривает, рассказывает, будто передает о каком-либо событии, очевидцем которого он только что был. И весь он прост во время речи, нет «выигрышных» поз, заученных красивых жестов, страшных глаз и голосовых педалей, нет набирания, наматывания темы. То он рассказывает, то разъясняет, то вразумляет, а в целом всегда убеждает, в целом неотразим, сам входит в мозг слушателя и хозяйничает там «как хочет»» [22].

Приведем еще несколько примеров.

Вот Ленин вспоминает в докладе о приезде в Советскую Россию одного из представителей американского правительства, Буллита, и содержание переговоров, которые велись с ним в тяжелых условиях гражданской войны и военной интервенции. Советское правительство в ходе переговоров выразило готовность заключить мир. Прожженные дипломаты капиталистического мира, мерившие всех на свой аршин, сразу же заподозрили какой-то подвох со стороны Советской власти.

«И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину,— рассказывал Ленин,— его встретили с заушением, заставили выйти в отставку,— и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам» [23].

Мастерский ленинский рассказ вызвал дружный смех всего огромного зала. Делегаты горячо аплодировали докладчику.

Ленин резко критикует тех партийных и профсоюзных работников, которые в условиях новой экономической политики предаются воспоминаниям о былом героизме, кичатся своими подвигами в годы гражданской войны вместо того, чтобы вести черновую, тяжелую хозяйственную работу, требующую выдержки, аккуратности и настойчивости.

«...Вы мне напоминаете басню про гусей,— говорит Владимир Ильич, обращаясь к таким работникам,— которые кичились, что «Рим спасли», но которым на это крестьянин ответил хворостиной: «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?»» [24].

...Пламенный трибун революции Ленин накопил колоссальный опыт публичных выступлений, в совершенстве владел самыми раз-

нообразными средствами и приемами ораторского искусства. Редкий ленинский доклад обходился без наглядных, поучительных примеров. Владимир Ильич умел и им придавать особую выразительность, доходчивость, выпуклость.

Бичуя, скажем, пороки, уродливые явления в управлении нашим хозяйством в условиях новой экономической политики, Владимир Ильич мог по ассоциации вспомнить и о далеком прошлом. Прием аналогии, сопоставления, сравнения оказывался в таких случаях как нельзя более уместным.

Так произошло на XI съезде партии, в 1922 году. Ленин с возмущением рассказывал о том, что, в то время как Москва голодает, не видит мяса, два ведомства никак не могут найти общего языка между собой, чтобы купить мясные консервы у французского гражданина. Вместо оформления простой торговой сделки завязали склоку.

«Из следствия, которое у меня имеется,— рассказывал делегатам XI съезда партии Ленин,— я вижу, что один ответственный коммунист послал другого ответственного коммуниста к черту. Из этого же следствия я вижу, что один ответственный коммунист сказал другому ответственному коммунисту: «Не буду с вами разговаривать впредь без нотариуса». Прочитавши эту историю, я вспомнил, как 25 лет тому назад, когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным, потому что я был административно-ссыльным и это запрещалось, но так как других не было, то ко мне народ шел и рассказывал о некоторых делах. Но самое трудное было понять, в чем дело. Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и неимоверно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «Принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «Принеси копию», тогда она уходит и говорит: «Не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой копией. Но маленький прогресс мне удалось осуществить: приходя ко мне, тащили копию, и можно было разобраться, в чем дело, почему жалуются и что болит. Это было 25 лет тому назад в Сибири (таком месте, откуда было много сот верст до первой железнодорожной станции)» [25].

Культурного подхода к делу не хватало и тем работникам двух торговых организаций, которые оказались беспомощными в покупке консервов у французского гражданина. За это их и критиковал в своем докладе на съезде партии Ленин.

А как часто высмеивал Владимир Ильич в своих докладах политически недальновидных руководителей буржуазного мира, питавших иллюзии насчет краха Советского государства. Он не

отказывал себе в удовольствии поиронизировать и над нашими собственными чинушами, бюрократами, рутинерами.

Верен был своей манере главный докладчик и на IX Всероссийском съезде Советов.

Пословицей, поговоркой, басней, шуткой, импровизированной сатирической сценкой достигал Ленин многого. Он умел доходить до сердца каждого рабочего, красноармейца, крестьянина.

Неизменный успех выпадал и на долю последователей живого ленинского стиля публичных выступлений. Но вообразите самочувствие Владимира Ильича, ставшего однажды «жертвой» проповеди бесстрастной, монотонной, клонящей ко сну.

«Кто этот ученый, который усыпляет нас своим столь интересным докладом?» — спрашивает Ленин в записке, адресуемой им старому партийному товарищу Петру Ананьевичу Красикову [26].

...Резонанс ленинского доклада на IX Всероссийском съезде Советов.

Попался мне номер газеты «Красный воин», вышедший в те дни с раешником. Вот какой отклик встретил ленинский доклад у красноармейцев Московского военного округа:

«Снова бросил наш Ильич по республике свой клич: «Говорить все мастера, да работать нам пора. Всей республики сыны враз хозяйничать должны, чтобы транспорт приподнять, чтоб разрухи бремя снять, чтоб с деревней города подружились навсегда... С полномочиями с мест утвердил все это съезд беспрепятственно...» [27].

Мне приятно было узнать из уст бывшего редактора этой газеты, старейшего советского литератора-сатирика Л. Митницкого, что автором раешника — Митричем был не кто иной, как он сам.

Рассказанное здесь — лишь маленькая частица того огромного труда, который вложил Ленин в подготовку своего доклада на IX Всероссийском съезде Советов. Его перу принадлежит и «Наказ по вопросам хозяйственной работы», принятый съездом, и ряд документов, которые легли в основу решений съезда.

* * *

В заключение — маленький эпизод, запечатлевшийся в памяти одного из членов редакционной комиссии IX съезда Советов.

Окончив доклад на съезде, Ленин зашел в одно из помещений театра отдохнуть, никем не предупрежденный, что там работает редакционная комиссия.

Владимир Ильич, усталый и немножко возбужденный большой речью, оглушительной овацией и ярким светом, усиленно вытирал платком лысину и щурил глаза.

До прихода Ленина в это помещение кто-то из ретивых администраторов предложил членам редакционной комиссии немедленно покинуть его.

— Очистить комнату! Здесь будет совещаться Ленин.

Растерявшиеся члены редакционной комиссии, занятые как раз подготовкой к печати стенограммы доклада Ленина, не знали, что делать.

Ситуация оказалась для Владимира Ильича полной неожиданностью. Он сперва тоже, видимо, удивился, потом как-то сразу понял, в чем дело, одобрительно улыбнулся и сказал:

— Ну, ну, работайте. Не будем вам мешать...

Маленький штрих — «не будем вам мешать». Но и в нем узнается такой близкий миллионам и миллионам людей ленинский образ.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] Беднота, 1921, 23 декабря.
[2] Известия, 1921, 24 декабря.
[3] Беднота, 1921, 20 декабря.
[4] Маховик, 1921, 25 декабря.
[5] Известия, 1921, 27 декабря.
[6] Рабочая Москва, 1926, 21 января.
[7] Известия, 1925, 25 декабря.
[8] Маховик, 1921, 25 декабря.
[9] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, с. 155.
[10] Правда, 1925, 15 января.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 65.
[12] Там же, с. 580—581.
[13] Там же, с. 76.
[14] Там же, с. 79.
[15] Там же, с. 77.
[16] Там же, с. 80.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 321.
[18] Там же, с. 295.
[19] Там же, с. 301—302.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 345.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 322.
[22] Известия, 1921, 25 декабря.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 299.
[24] Там же, с. 324—325.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 102.
[26] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 383.
[27] Красный воин, 1921, 29 декабря.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

С исторической речью Ленина на Третьем съезде комсомола связан и небольшой эпизод, в котором, однако, живо отразился подход Владимира Ильича к его публичным выступлениям — большое уважение к аудитории, стремление всесторонне удовлетворить ее запросы, интересы, использовать каждую встречу с народом для разъяснения политики партии, текущего момента.

Ленин начал речь, и через некоторое время ему стали подавать записки. Они шли по залу из рук в руки эстафетой. Кто-то из первого ряда вставал и вручал записки Ленину.

Владимир Ильич разворачивал записки, прочитывал и складывал их в карман. Через несколько минут он уже брал их, не разворачивая. И тогда аудитория, не желая прерывать ни на секунду ленинского доклада, стала посылать записки для Владимира Ильича в президиум. Их накопилась большая пачка.

Когда Ленин закончил выступление, спели «Интернационал».

Владимир Ильич подошел к столу, сел на кончик стула и стал вынимать записки из кармана. А председательствующий на заседании передал ему дополнительный ворох записок. Владимир Ильич приступил к просмотру всей этой массы документов, разложил их кучками. Видимо, по темам. Потом взял лист бумаги и наметил план ответов.

Объявили перерыв, но Владимир Ильич остался в зале заседания. Тут-то и произошел эпизод, непосредственным свидетелем которого в числе других оказался делегат из Казани, Александр Безыменский. На эту тему полвека спустя у нас и идет беседа с ныне широко известным советским поэтом.

Делегаты, находившиеся поблизости от Ленина, заметили, что Владимир Ильич нетерпеливо начал шарить по столу, что-то искать в карманах.

— Владимир Ильич, что случилось? — спросил Безыменский, наблюдавший вместе с группой товарищей эту сцену.

— Записку потерял... Хорошая была записка! Хороший товарищ писал... Ответить надо!..

— Мы стали помогать Владимиру Ильичу, и, к его большой радости, запропастившийся листочек цветной бумаги был обнаружен где-то у одной из ножек стола,— рассказывает Александр Ильич.— Помню, что с этой записки и начал Ленин отвечать на заданные ему вопросы. Речь шла о союзе рабочего класса и крестьянства...

«Ответить надо» — таким был неизменный, незыблемый принцип обращения Ленина с записками, которые он обычно получал при выступлениях с докладами, речами, лекциями. И делал это Владимир Ильич всегда охотно, отвечая на заданные ему вопросы, замечания, высказанные в записках, с исчерпывающей полнотой и ясностью. Разъяснял и уточнял, информировал и приводил новые доводы, полемизировал и убеждал...

Времена на заре нашего социалистического общества были тяжелые. И не приходится удивляться той жажде, которую испытывали люди к ответам на самые животрепещущие вопросы дня: положение на фронтах гражданской войны, борьба с голодом и разрухой, переход на рельсы мирного строительства. Об источниках же массовой информации, способных одновременно удовлетворить запросы десятков и сотен миллионов людей, тогда можно было еще только мечтать.

Поэтому каждой встречей с Лениным рабочие и крестьяне, солдаты и матросы пользовались для того, чтобы получить ответы на волновавшие их вопросы, услышать большевистскую правду из уст вождя. Владимир Ильич всегда шел навстречу этим желаниям.

Ленин подчеркивал: «...Не надо отделываться от вопроса агитационными восклицаниями...» [1] Сам он первым давал пример предметности и конкретности, обстоятельности и деловитости в ответах на вопросы, заданные ему в устной или письменной форме. Каждый из нас, кто обращается к испытанному арсеналу ленинского пропагандистского мастерства, может извлечь для себя много ценного в этих ответах. Мы найдем в них высказывания Владимира Ильича по ряду важных вопросов теории и политики нашей партии: становление Советской власти и борьба за ее укрепление; ломка старого чиновничьего аппарата и привлечение широких рабочих масс к управлению государством; республика Советов и задачи всемерного повышения производительности труда...

Записки Ленину-докладчику... Где не получал их Владимир Ильич! На митингах и собраниях, совещаниях и съездах. Так было на Третьем съезде комсомола. Это же имело место и на заседании коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов, где Владимир Ильич выступал с докладом о концессиях.

«...Во время прений тов. Ленин получил огромное количество записок, вызванных его докладом, на которые в заключительном слове он дал подробные ответы» [2],— сообщалось в этой связи в одном из газетных отчетов.

Вникнуть всякий раз в суть вопросов, поступивших в адрес докладчика, было делом не простым и не легким. Ленин, однако, не скупился для этого ни на время, ни на силы.

«...Неутомимо отвечает на кипу обращенных к нему записок» [3],— явствует, например, из репортажа о выступлении Ленина на VII Московской губернской партийной конференции, состоявшейся в конце октября 1921 года.

Зримое представление о «почте», которую Ленин получил в ходе доклада о замене разверстки натуральным налогом на X съезде партии, может дать его высказывание по этому поводу.

«...Вопросов по запискам, которые мною были получены, такая масса, записки представляют такую гору...» [4]

Каковы же приемы, к которым обычно прибегает Владимир Ильич в своих ответах на записки?

Брать из огромного количества записок первую же попавшуюся наугад и на нее отвечать — не в характере Ленина. Ему нужно хотя бы бегло пробежать всю «корреспонденцию», разобраться в ее содержании и духе, привести в определенную систему.

Иная записка представляет для Ленина прямо-таки находку: столь много говорит она ему о думах, чаяниях, заботах, тревогах людей. Владимир Ильич не раз в таких случаях возвращается к ней. Вот, к примеру, документ, впервые процитированный Лениным в заключительном слове по докладу о концессиях на заседании коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов. Это была записка, в которой приводилось выступление одного беспартийного крестьянина на Арзамасском уездном съезде Советов Нижегородской губернии.

«...Мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте» [5],— обратился он к землякам, избранным делегатами на VIII Всероссийский съезд Советов и собиравшимся в Москву.

Ленин с похвалой отозвался об этой записке, увидев в ней кровную заинтересованность беспартийного крестьянина в укреплении Советской власти, глубокие патриотические чувства человека, готового лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранным капиталистам. Владимир Ильич тут же ответил и по существу затронутых в ней вопросов Говорил о том, что за опасностью, о которой напоминает беспартийный крестьянин, надо смотреть в оба; что Совет Народных Комиссаров вносит на рассмотрение съезда законопроекты о помощи крестьянскому хозяйству, подчеркивал важность умения убедить беспартийных крестьян, привлечь их на свою сторону.

И вновь обратился Ленин к содержанию этой записки уже в докладе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике на самом съезде Советов.

«Я чрезвычайно рад приветствовать такого рода настроения, которые распространены очень и очень широко,— заявил он.— ...Несомненно, к такого рода заявлениям мы прислушиваемся со всем вниманием, но мы должны сказать, что о продаже России капиталистам нет и речи...» [6]

Владимир Ильич разъяснил, что применяемые в конкретных условиях временные договоры на концессии представляют собой известную экономическую уступку капиталистам. Но зато можно будет скорее приобрести те машины, паровозы, без которых восстановление нашего хозяйства мы не смогли бы осуществить.

...Петроград. Январь 1918 года. Ленин выступает с докладом Совета Народных Комиссаров на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде. Тем временем в адрес докладчика идут «послания» из аудитории. Когда он заканчивает свое выступление, президиум съезда передает ему вопросы, интересующие делегатов. Владимир Ильич возвращается на трибуну, кладет пачку записок перед собой и приступает к ответам.

«Товарищи, записки, которые лежат передо мною,— говорит он,— делятся на две группы: одна ставит вопрос об Учредительном собрании — это одна группа. Другая группа — о голоде и о хозяйственной разрухе. Я отвечу по этим двум группам, соединяя записки постольку, поскольку они относятся более или менее к одинаковой теме» [7].

Соответствующей группировки требовали и многочисленные записки, полученные Лениным после доклада о замене разверстки натуральным налогом на X съезде партии. Невозможно было досконально разобрать их Владимиру Ильичу, совмещавшему огромную работу на партийном съезде со всеми неотложными делами главы Советского правительства. И все же, поставив перед собой более локальную задачу, он следует выработанному им методу.

«Я могу выделить сейчас же только два основных русла и сказать несколько слов о двух основных возражениях или замечаниях, о двух основных типах или группах вопросов, которые в этих записках подняты» [8],— говорит Ленин.

Одно русло — технические трудности проведения в жизнь мероприятий, связанных с переходом от продразверстки к натуральному налогу. Другое — основы новой экономической политики. Им и соответствуют ленинские ответы.

Не остаются без ленинского внимания и другие общественно значимые проблемы, которыми озабочены делегаты съезда и которые стали темой записок. Владимир Ильич заявляет с трибуны съезда, что записки сохранит «как материал для дальнейшего обсуждения вопроса» [9]. И вскоре же после окончания работы X съез-

да партии секретарь Ленина получает его письменное распоряжение:

«(X съезд) Записки собрать все.
Разделить по темам.
Составить *опись*.
Показать ее мне» [10].

«Разделить по темам...» Все тот же четкий порядок работы с записками, полученными Лениным, лежит и в основе его поручения секретарю.

Строит свои ответы на записки Ленин чаще всего как беседу: живую, непринужденную, проникновенную, рассчитанную на тесный контакт с аудиторией. Это, по сути дела, откровенный разговор по душам, в котором самые сложные вопросы развития Советского государства, социалистического строительства становятся более доступными пониманию широкой массы.

На уже упоминавшемся нами Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде Ленина спрашивают в записках о справедливости роспуска Учредительного собрания, не следовало ли по этому поводу провести народный референдум или собрать новое Учредительное собрание.

— Нет, товарищи, ни референдумом, ни новым Учредительным собранием помочь делу нельзя,— отвечает Ленин и убедительно показывает, что только Советская власть, созданная революционным опытом рабочего класса, миллионов людей труда, учредившая новую республику, олицетворяет собой собрание трудовых представителей.

«Учредительное собрание старого образца и референдумы старого образца ставили своей задачей объединить волю всей нации и создать возможность дружно жить волкам и овцам, эксплуататорам и эксплуатируемым,— продолжает Ленин.— Нет, мы не хотим этого. Все это мы пережили и перепробовали. С нас всего этого довольно. И мы убеждены в том, что большинству рабочих, крестьян и солдат этого довольно» [11].

Волки и овцы — вот она идиллия буржуазного парламентаризма.

Ленин отвечает и на другую группу вопросов — о голоде и хозяйственной разрухе. И то и другое досталось молодой Советской республике в наследие от прежних правителей. На эти трудности и рассчитывали наши враги. Пряча хлеб, они обрекали народ на голодную смерть. Чиновники, щедро субсидируемые Рябушинским, другими капиталистами, иностранными империалистами, бойкотировали Советскую власть. И Ленин, отвечая на записки, вскрывает главную причину голода — саботаж.

«Саботаж, это — стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся,— говорит он.— Но для того, чтобы им эта цель не удалась, нам надо сломить их сопротивление» [12].

Старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся — так образно Ленин характеризует вожделения саботажников. Надо сломить их сопротивление — решительно и непреклонно формулирует он задачу борьбы с ними.

Ленинские ответы на записки способствовали росту политической сознательности людей, пробуждали новую творческую энергию, вселяли веру в свои силы. Владимир Ильич убеждает в том, что устранение недостатков — дело самих трудящихся.

— Была и такая записка,— рассказывал мне Александр Безыменский об ответах Ленина на вопросы, заданные делегатами Третьего съезда комсомола.

— Вот вы говорите, что надо учиться. А у нас школа развалилась...

Владимир Ильич моментально ответил:

— А вы возьмите и почините ее...

Этим ответом Ленин дает понять, что решение любых задач строительства новой жизни, нового общества требует инициативы и активности народа, всех трудящихся.

Ленинские ответы на записки устраняют те или иные кривотолки о Советской власти, вызванные ошибками или просчетами отдельных ведомств, их руководителей. Достигает этого Владимир Ильич тем, что знакомит аудиторию с позицией, занимаемой партией и правительством по данному конкретному вопросу, с принятыми мерами.

Так, скажем, поступает он на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде в Петрограде. Правительство отменило ошибочное распоряжение народного комиссара путей сообщения, согласно которому высококвалифицированные рабочие и инженеры почти приравнивались в оплате труда к неквалифицированным рабочим. Записки же, полученные Лениным, показывали, что люди, не знающие об этом, не только сами делают поспешные выводы, но и к тому же вводят еще в заблуждение других. Сплошное недоразумение! И Ленин убеждает в этом делегатов съезда ссылкой на указание СНК. Нарком сразу же принял его к исполнению и тем самым исправил допущенную ошибку.

«...Говорить о том, что это входило в намерение Советской власти — это значит не знать дела» [13],— добавляет к своему разъяснению Владимир Ильич.

Содержатся в ленинских ответах на записки мотивированные

разъяснения по многим жгучим вопросам дня в тяжелых условиях гражданской войны. К их числу относится и порядок продовольственного снабжения отдельных категорий трудящихся в те голодные годы. Об этом вспоминал, например, один из делегатов конференции фабрично-заводских комитетов московских предприятий полиграфического производства, на которой 25 ноября 1920 года Ленин выступил с большим докладом о международном и внутреннем положении Советской республики и очередных задачах рабочего класса. Слушали это выступление Владимира Ильича в Колонном зале Дома Союзов свыше двух тысяч полиграфистов столицы.

«Мне особенно, да, я думаю, и всем, врезались в память его ответы на поданные записки,— рассказывал В. Чибисов.— В первой говорилось:

«Печатники живут хуже других рабочих, между тем продукты их труда сейчас так же ценны для победы над врагами Советской власти, как и снаряды».

Тов. Ленин согласился с тем, что печатное производство очень важное и нужное, и предсказал в будущем большое развитие печатного производства, но вместе с тем заявил, что из числа важнейших и нужных производств необходимо все-таки выделять еще более важные. Такими важными и необходимыми в настоящее время являются заводы, изготовляющие орудия и снаряды, и они должны быть снабжены в первую очередь» [14].

Ответы на записки Ленин иллюстрирует самыми свежими примерами и фактами, почерпнутыми из жизни. Характерная черта таких бесед — ознакомление аудитории с последними решениями, принятыми Центральным Комитетом партии и Советом Народных Комиссаров по самым актуальным вопросам дня. Политическая информация пронизывает содержание ленинских ответов.

Возьмем вопрос о необходимости подавления саботажа. Владимир Ильич рассказывает в этой связи делегатам Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда:

«Когда сторонники «Новой Жизни» и другие якобы социалистические органы говорят о том, что за два с половиной месяца саботаж не прекратился, то я говорю: отчего же вы не помогаете нам, чтобы этот саботаж прекратить. Сейчас уже банки перешли в ведение Советов. Вчера имел место такой случай: ко мне явился писатель по должности, Финн-Енотаевский, и от имени 50 тысяч человек заявил, что банки готовы работать в полном подчинении Советской власти. (Шумные аплодисменты.) Я отвечаю делегату банковских служащих: «Давно бы так»» [15].

В своих ответах на полученные записки на заседании Петро-

градского Совета в марте 1919 года Ленин обращает внимание на задачу борьбы со спекуляцией. Красочный пример фигурирует и здесь в выступлении Владимира Ильича.

«...Маленький железнодорожный служащий пожаловался, что его несправедливо обложил домовый комитет,— рассказывал Ленин.— Он об этом сообщил Советской власти. Тогда сказали: обыщите его, он спекулирует. У него нашли несколько мешков с миллионом керенок. Пока мы не нашли способа заменить все старые бумажки новыми, это будет. Когда мы заменим эти бумажки новыми, тогда будет выведен на чистую воду всякий спекулянт. Все должны будут обменять старые бумажки на новые. (Бурные аплодисменты)» [16].

Одновременно Ленин сообщил депутатам Петроградского Совета, что Совнарком занят этим вопросом. Спекулянтам будет нанесен удар.

Из ответов Ленина на записки, полученные им на заседании Петроградского Совета, аудитория узнает много нового о принимаемых правительством мерах по борьбе с голодом и разрухой.

На вопрос, как обстоит дело с посевом, Владимир Ильич сообщил об учреждении Комитета посевной площади; рассказал о задачах Рабочего комитета содействия организации социалистического сельскохозяйственного производства, который учрежден при Народном комиссариате земледелия; проинформировал о постановлении СНК, определившем меры для вывоза миллионов пудов хлеба, застрявшего на Волго-Бугульминской дороге и в других местах.

Выступает Ленин на заседании Петроградского Совета незадолго до открытия VIII съезда партии. И в его ответах на записки подготовка к этому важнейшему историческому событию также находит свое отражение. Он говорит о том, что коммунисты должны уметь толково разговаривать со средним крестьянином. Тогда они докажут ему, что Советская власть лучше всякой другой власти, ибо другая власть угнетает трудящегося крестьянина.

«И в программе, которую мы будем принимать через несколько дней, мы против всякого насилия по отношению к среднему крестьянину» [17],— говорит Ленин, имея в виду новую программу партии, которую предстояло принять на VIII съезде РКП(б).

Политика Коммунистической партии по отношению к среднему крестьянству, состоявшая в постепенном вовлечении его в социалистическое строительство, и получила свое надлежащее определение в принятой на съезде программе.

Поднимался вопрос в одной из записок, полученных Лениным на том же заседании Петроградского Совета, о чуждых партии людях, прикрывающихся партийным билетом для своих шкурных,

карьеристских целей. Отвечая на записку, Ленин говорит о том, что с этим злом ведется и будет вестись борьба, говорит о той большой требовательности, с которой надо подходить к каждому человеку, претендующему на высокое звание коммуниста:

«...Не давать партийного билета, пока человек не выдержит искуса, не пройдет школу и т. д.» [18]

Попадались ли Ленину записки, на которые сразу ответить трудно было? Такие записки были. В этих случаях Владимир Ильич откровенно говорил: вопроса этого не разбирал и ответить сейчас на него невозможно или для ответа надо иметь справку соответствующего учреждения, которой он в данный момент не располагает.

Записка записке рознь! Нет-нет да и попадется Ленину анонимка злопыхателя, человека из враждебного лагеря, питающего иллюзию о близком крахе Советской власти. Владимир Ильич сразу же определял политическую физиономию такого злопыхателя и гневно разоблачал его перед аудиторией.

30 августа 1918 года Ленин, как известно, выступал на двух митингах. Второй — в Замоскворецком районе Москвы — состоялся на заводе бывш. Михельсона. Тема речи Владимира Ильича: «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)».

«...На столе уже появилась большая груда записок и заявлений о желании идти на фронт,— вспоминал Николай Яковлевич Иванов, председатель завкома.— Обычно Владимир Ильич отвечал на вопросы. В этот раз он очень торопился, поэтому я не хотел давать ему записки. Но Владимир Ильич взял несколько, и ему попалась одна с контрреволюционным содержанием. Кто-то писал, что скоро, мол, большевикам конец придет.

— Хотя я и тороплюсь, но на эту записку должен ответить,— сказал Ленин.— Я уверен, что ее писала не рабочая рука. Если кто из рабочих не согласен с нашей политикой, он может выступить здесь открыто. Это писали те, у кого не хватает мужества открыто с трибуны заявить о своих взглядах, те, кто защищает капиталистов» [19].

Однажды, выступая с докладом на профсоюзной конференции московских полиграфистов, Ленин получил в письменной форме вопрос от человека, либо тосковавшего по закрытым у нас антисоветским листкам, либо повторявшего понаслышке басню о демократичности буржуазной прессы за рубежом: «Что такое свобода печати и почему ее у нас нет?»,— спрашивал он.

Владимир Ильич сначала кратко охарактеризовал пресловутую «свободу печати» в буржуазном мире. Это не что иное, как свобода покупки печати капиталом, общественное мнение богатых.

«Это еще означает, что группа капиталистов может спорить о том, как лучше эксплуатировать и расстреливать рабочих»,— говорил он.

Затем Владимир Ильич сказал об одном из величайших завоеваний нашего народа.

«Настоящая же свобода печати — это свобода всем трудящимся, рабочим и крестьянам высказывать свободно свои мысли и мнения и защищать свои интересы» [20].

Записки из аудитории не всегда вопросы и только вопросы. Понятие это более расширительное. Они могут содержать размышления и мнения их авторов по существу затронутых докладчиком или лектором тем, замечания. Ленин в своих ответах выделяет такого рода высказывания, останавливается на них: где соглашается с авторами записок, где поправляет их, а где и вступает в полемику.

Огромное впечатление на делегатов VII Московской губернской партийной конференции произвел ответ Ленина на вопрос старого партийца Семкова.

«Что вы говорите о государственной торговле! — сказал тот.— В тюрьмах нас торговать не учили».

«А воевать нас в тюрьмах учили? — отвечал Ленин.— А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность — такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили» [21].

Что можно было возразить против ленинской аргументации. Воспользовавшись вопросом, заданным Семковым, Владимир Ильич подчеркнул, что речь идет об ошибке, связанной с перенесением приемов, подходящих к «штурму», на период «осады».

Даже сейчас, много десятилетий спустя после того как прозвучали ленинские ответы на записки в той или иной аудитории, они никого не могут оставить равнодушными. Какие глубокие мысли заложены в них, какое богатство литературных образов, языка. Отсюда и доступность ленинских бесед в форме вопросов и ответов. Вот Ленин отвечает на записку о природе кулацких восстаний. Может быть кто-нибудь ждет, что богатые поднесут на тарелочке признание в любви и обещание мирно отдать все излишки? Такого человека всерьез мы не возьмем.

Великий мастер революционной пропаганды, Ленин нередко прибегает для разъяснения тех или иных вопросов к ярким, доходчивым примерам, позаимствованным из произведений художественной литературы, мемуаров.

Вот Владимир Ильич говорит о необходимости просвещения

несознательных, отсталых рабочих, поддающихся влиянию эсеров. Некоторые еще довольно долго будут тянуться к старому. Он рассказал о том, что лет 30—40 назад в деревне находились старики, которые говорили: «А при крепостном праве было лучше, порядку было больше, была строгость, баб роскошно не одевали».

Ленин при этом ссылается на произведения Глеба Успенского, в которых об этом рассказывается.

Другой пример. Меньшевики ратовали за «здоровый капитализм». Ленин, отвечая на записки, воспроизводит по памяти рассказ об американском парикмахере, восторгавшемся миллиардером за то, что он платил ему по доллару в день за бритье.

«И этот парикмахер написал целую книжку, в которой восхвалял миллиардера и его замечательную жизнь,— рассказывал Ленин.— За часовой визит утром к его финансовому величеству он получал по доллару в день, был доволен и ничего кроме капитализма не хотел. Против такого довода надо быть начеку» [22].

Таковы некоторые характерные черты ленинских ответов на записки. Какие глубокие мысли заложены в них, забота о том, чтобы слово партии, слово правды стало достоянием широких масс, просвещало и убеждало их, будило творческие силы!

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 220.
[2] Коммунистический труд, 1920, 22 декабря.
[3] Коммунистический труд, 1921, 1 ноября.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 77.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 118.
[6] Там же, с. 135—136.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 306.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 78.
[9] Там же, с. 77.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 103.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 307.
[12] Там же, с. 308.
[13] Там же.
[14] Московский печатник, 1924, № 17, с. 4.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 308—309.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 17.
[17] Там же, с. 14—15.
[18] Там же, с. 16.
[19] Наш Ильич. Москвичи о Ленине. Воспоминания, письма, приветствия, М., 1969, с. 115.
[20] Печатник, 1924, № 3, с. 5.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 216.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 12.

